

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

LXX

1940
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

18. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Цетлякъ. — София Прегель: Полдень.	281
С. Савельевъ. — Николай Оцунъ: Беатриче въ аду.	282
В. Сиринъ. — Литературный смотръ.	283
М. Горлинъ. — Ruszkin 1837-1937.	285
Л. Сабангевъ. — С. Лифаръ: Дягилевъ и съ Дягилевымъ.	286
П. Бицилли. — Д. И. Чижевскій: Гегель въ Россіи.	289
В. Вейдле. — Н. Бердяевъ: О рабствѣ и свободѣ чловѣка.	291
Т. Чернавина. — В. Pares: The Fall of the Russian Monarchy.	292
Н. Авксентьевъ. — Еврейскій міръ.	293
В. Рудневъ. — А. Barmine: Vingt ans au service de l'U.R.S.S.	295
В. Рудневъ. — Н. Rauschnig: La Révolution du Nihilisme.	297
В. Р. — S. Osusky: La Tchecoslovaquie renaît.	302
Списокъ книгъ, поступившихъ для отзыва.	303

SOLUS REX

Романъ.

Какъ случилось всегда, короля разбудила встрѣча предутренней стражи съ дополуденной (morndammer wagh и erldag wagh): первая, черезчуръ аккуратная, покидала свой постъ въ точную минуту смѣны; вторая же запаздывала на постоянное число секундъ, завистливее не отъ нерадивости, а вѣроятно отъ того, что привычно отъ ставали чьи-то подагрическіе часы. Поэтому уходившіе съ прибывавшими встрѣчались всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, — на тѣсной тропинкѣ подъ самымъ окномъ короля, между задней стѣной дворца и зарослю густой, но скудно цвѣтущей жимолости, подъ которой валялся всякій соръ, — куриныя перья, битые горшки и большія, краснощекія банки изъ-подъ національных консервовъ «Помона»; при этомъ неизмѣнно слышался приглушенный звукъ короткой добродушной потасовки (онъ-то и будилъ короля), ибо кто-то изъ часовыхъ предутреннихъ, будучи озорного нрава, притворялся, что не хочетъ отдать грифельную дощечку съ паролемъ одному изъ дополуденныхъ, раздражительному и глупому старику, ветерану свирхульмсаго похода. Потомъ все смолкло опять, и доносился только дѣловитый, иногда ускорявшійся, шелестъ дождя, систематически шедшаго по чистому подсчету триста шесть сутокъ изъ трехсотъ шестидесяти пяти или шести, такъ что перинетіи погоды давно никого не трогали (тутъ вѣтеръ обратился къ жимолости).

Король повернулъ изъ сна вправо и подперъ большимъ бѣдымъ кулакомъ щеку, на которой вышитый гербъ по-

душки оставилъ шашечный слѣдъ. Между внутренними краями коричневыхъ, неплотно заведенныхъ шторъ, въ единственномъ, зато широкомъ окнѣ тянулся мысленный мыльный свѣтъ, и королю сразу вспомнилась предстоящая обязанность (присутствіе при открытіи новаго моста черезъ Эгель), неприятный образъ которой быть, казалось, съ геометрической неизбежностью вписанъ въ этотъ блѣдный треугольникъ дня. Его не интересовали ни мосты, ни каналы, ни кораблестроительство, и хотя собственно говоря онъ долженъ былъ бы привыкнуть за пять лѣтъ, — да, ровно пять лѣтъ (тысяча пятьсотъ тридцать сутокъ), — пасмурнаго царствованія къ тому, чтобы усердно заниматься множествомъ вещей, возбуждавшихъ въ немъ отвращеніе изъ-за ихъ органической недоконченности въ его сознаніи (гдѣ безконечно и неутолимо совершенными оставались совсѣмъ другія вещи, никакъ не связанныя съ его королевскимъ хозяйствомъ), онъ испытывалъ изнурительное раздраженіе всякій разъ, какъ приходилось соприкоснуться не только съ тѣмъ, что требовало отъ его свободнаго невѣжества лживой улыбки, но и съ тѣмъ, что было не болѣе, чѣмъ глянецъ условности на бессмысленномъ и можетъ быть даже отсутствующемъ предметѣ. Открытіе моста, проекта котораго онъ даже не помнилъ, хотя должно быть одобрилъ его, казалось ему лишь пошлымъ фестивалемъ еще и потому, что никто конечно не спрашивалъ, интересенъ ему или нѣтъ повисшій въ воздухѣ сложный плодъ техники, — а придется тихо проѣхать въ блестящемъ оскаленномъ автомобилѣ, а это му-чительно, а вотъ былъ другой инженеръ, о которомъ упорно докладывали ему послѣ того, какъ онъ однажды замѣтилъ (просто такъ — чтобы отъ кого-то или чего-то отдѣлаться), что охотно занимался бы альпинизмомъ, будь на островѣ хоть одна приличная гора (старый, давно негодный береговой вулканъ былъ не въ счетъ да тамъ, кромѣ того, построили маякъ, тоже впрочемъ нефѣйствующій). Этотъ инженеръ, сомнительная слава котораго об-

жила въ гостиныхъ придворныхъ и полупридворныхъ дамъ, привлеченныхъ его медовой смуглотой и вкрадчивой рѣчью, предлагалъ поднять центральную часть островной равнины, обративъ ее въ горный массивъ, путемъ подземнаго накачиванья. Населенію выбранной мѣстности было бы разрѣшено не покидать своихъ жилищъ во время опуханья почвы: трусы, которые предпочли бы отойти подальше отъ опытнаго участка, гдѣ жались ихъ кирпичные домишки, и мычали, чуя элевацию, изумленные красныя коровы, были бы наказаны тѣмъ, что возвращеніе во свосяи по новосозданнымъ крутизнамъ заняло бы гораздо больше времени, чѣмъ недавнее отступленіе по обреченной равнинѣ. Медленно и округло надувались логовины, валуны поводили плечами, летаргическая рѣчка, упавъ съ постели, неожиданно для себя превращалась въ альпійскій водопадъ, деревья цугомъ уѣзжали въ облака, причѣмъ многимъ это нравилось, напримѣръ, елямъ; опираясь о бортъ того, другого крыльца, жители махали платками и любовались воздушнымъ развитіемъ окрестностей, — а гора все росла, росла, пока инженеръ не отдавалъ приказа остановить работу чудовищныхъ насосовъ. Но король приказа не дождался, снова задремалъ, едва успѣвъ пожалѣть, что постоянно сопротивляясь готовности Совѣтниковъ помочь осуществленію любой вздорной мечты (между тѣмъ, какъ самая естественная, самая человѣчскія его права стѣснялись глухими законами), онъ не разрѣшилъ приступить къ опыту, теперь же было поздно, изобрѣтатель покончилъ съ собой, предварительно запатентовавъ комнатную висьлицу (такъ по крайней мѣрѣ сонное пересказало сонному).

Король проспалъ до половины восьмого и въ привычную минуту, тронувшись въ путь, его мысль уже шла навстрѣчу Фрею, когда Фрей вошелъ въ спальню. Страдая астмой, дряхлый конвахеръ издавалъ на ходу странный добавочный звукъ, точно очень спѣшилъ, хотя повидимому спѣшка была не въ его духѣ, разъ онъ до сихъ поръ

не умерь. На табуретъ съ вырваннымъ сердцемъ онъ опустил серебряный тазъ, какъ дѣлалъ уже полвѣка при двухъ короляхъ, нынѣ онъ будилъ третьяго, предшественникамъ котораго эта пахнущая ванилью и какъ бы колдовская водица служила вѣроятно для умыванія, но теперь была совершенно излишней, а все-таки каждое утро появлялся тазъ, табуретъ, пять лѣтъ тому назадъ сложенное полотеще. Все издавая свой особенный звукъ, Фрей впустилъ день цѣликомъ, и король всегда удивлялся, отчего это онъ раньше всего не раздвигалъ шторъ, вмѣсто того, чтобы въ полутьмѣ, почти наугадъ, подвигать къ постели табуретъ съ ненужной посудой. Но говорить съ Фреємъ было немислимо изъ-за его бѣлой какъ лунь глухоты, — отъ міра онъ былъ отдѣленъ ватой старости, и когда онъ уходилъ поклонившись постели, въ спальнѣ отчетливѣе тикали стѣнные часы, словно получивъ новый зарядъ времени.

Теперь эта спальня была ясна: съ трещиной поперекъ потолка, похожей на дракона; съ громаднымъ столбомъ-вѣшалкой стоящимъ какъ дубъ въ углу; съ прекрасной гладильной доской прислоненной къ стѣнѣ; съ устарѣлымъ приспособленіемъ для сдиранія сапога за каблукъ, въ видѣ большого чугунаго жука-рогача, таящагося у подола кресла, облаченного въ бѣлый чехоль. Дубовый платяной шкафъ, толстый, слѣпой, одурманенный нафталиномъ, сосѣдствовалъ съ яйцеобразной корзиной для грязнаго бѣлья, поставленной тутъ неизвѣстнымъ колумбомъ. Тамъ и сямъ на голубоватыхъ стѣнахъ кое-что было повѣшено: уже проговорившіеся часы, аптечка, старый барометръ, указывающій по воспоминаніямъ недѣйствительную погоду, карандашный эскизъ озера съ камышами и улетающей уткой, близорукая фотограція господина въ крагахъ верхомъ на лошади со смазаннымъ хвостомъ, которую держалъ подъ уздцы серьезный конюхъ передъ крыльцомъ, то же крыльцо съ собравшейся на ступеняхъ напряженной прислугой, какіе-то прессованные пушистые

цвѣты подъ пыльнымъ стекломъ въ круглой рамкѣ... Немногочисленность предметовъ и совершенная ихъ чуждость нуждамъ и нѣжности того, кто пользовался этой просторной спальней (гдѣ когда-то, кажется, жила Экономка, какъ называли жену предшествовавшаго короля), придавали ей таинственно необитаемый видъ, и если бы не принесенный тазъ да желѣзная кровать, на которой сидѣлъ, свѣсивъ мускулистые ноги, человекъ въ долгой рубахѣ съ вышитымъ воротомъ, нельзя было бы себѣ представить, что тутъ кто-либо проводить ночь. Ноги наширали пару сафьяновыхъ туфель, и, надѣвъ сѣрый какъ утро халатъ, король прошелъ по скрипучимъ половицамъ къ обитой войлокомъ двери. Когда онъ вспоминалъ впоследствии это утро, ему казалось, что при вставаніи онъ испытывалъ и въ мысляхъ и въ мышцахъ непривычную тяжесть, роковое бремя грядущаго дня, такъ что несомое этимъ днемъ страшнѣйшее несчастье (уже, подъ маской ничтожной скуки, сторожившее мостъ черезъ Эгель), при всей своей нелѣпости и непредвидѣнности, ощутилось имъ затѣмъ, какъ нѣкое разрѣшеніе. Мы склонны придавать ближайшему прошлому (вотъ я только-что держалъ, вотъ положилъ сюда, а теперь нѣту) черты, роднящія его съ неожиданнымъ настоящимъ, которое на самомъ дѣлѣ лишь выскочка, кичащійся купленными гербами. Рабы связности, мы тщимся призрачнымъ звеномъ прикрыть перерывъ. Оглядываясь, мы видимъ дорогу и увѣрены, что именно эта дорога насъ привела къ могилѣ или къ ключу, близъ которыхъ мы очутились. Дикіе скачки и провалы жизни переносимы мыслью только тогда, когда можно найти въ предшествующемъ признаки упругости или зыбучести. Такъ, между прочимъ, думалось несвободному художнику, Дмитрію Николаевичу Синеусову, и былъ вечеръ, и вертикально расположенными рубиновыми буквами горѣло слово «GARAGE».

Король отправился на поиски утренняго завтрака. Дѣло въ томъ, что никогда ему не удавалось установить на-

передъ, въ какомъ изъ пяти возможныхъ покоевъ, расположенныхъ вдоль холодной каменной галлерей съ паутинами на косыхъ стеклахъ, будетъ его ожидать кофе. Поочередно отворяя двери, онъ выглядывалъ накрытый столикъ и наконецъ отыскалъ его тамъ, гдѣ это явленіе случилось всего рѣже, — подъ большимъ, роскошно-темнымъ портретомъ его предшественника. Король Гафонъ былъ изображенъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ помнилъ его, но чертамъ, осанкѣ и тѣлосложенію было сообщено великолѣпіе, никогда не бывшее свойственнымъ этому сутулому, вертлявому и неряшливому старику, съ безвольнымъ, кривоватымъ, по-бабьи сморщеннымъ надгубьемъ. Слова родового герба «видѣть и владѣть» (*sassed ud hal-sep*) остряки въ примѣненіи къ нему передѣляли въ «кресло и орѣховая водка» (*sasse ud hazel*). Онъ процарствовалъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ, не возбуждая ни въ комъ ни особой любви, ни особой ненависти, одинаково вѣря въ силу добра и въ силу денегъ, ласково соглашаясь съ парламентскимъ большинствомъ, пустая челоуѣколюбивыя стремленія коего нравились его чувствительной душѣ, и широко вознаграждая изъ тайной казны дѣятельность тѣхъ депутатовъ, чья преданность престолу служила залогомъ его прочности. Царствованіе давно стало для него маховымъ колесомъ механической привычки, и такимъ же ровнымъ верченіемъ было темное повиновеніе страны, гдѣ какъ тусклый и трескучій ночникъ едва свѣтился *replerhus* (парламентъ). И если самые послѣдніе годы его царствованія были все же отравлены ѣдкой крамолой, явившейся какъ отрывка послѣ долгаго и безпечнаго объѣда, то не самъ онъ былъ тому виною, а личность и поведеніе наслѣдника; да и то сказать, — въ пылу раздраженія добрые люди находили, что не такъ ужъ завирался тогдашній бичъ научнаго міра, забытый нынѣ профессоръ фень Скункъ, утверждавшій, что дѣторожденіе ничто иное какъ болѣзнь, и что всякое чадо есть ставшая

самостоятельной («овиѣщенной») опухоль родительскаго организма, часто злокачественная.

Нынѣшній король (въ прошедшемъ обозначимъ его по шахматному) приходился старику племянникомъ, и въ началѣ никому не мерещилось, что племяннику достанется то, что закономъ сулилось сыну короля Гафона, принцу Адульффу, народное, совершенно непристойное, прозвище котораго (основанное на счастливомъ созвучіи) придается скромно перевести такъ: принцъ Дуля. Кр. ростъ въ отдаленномъ замкѣ подъ надзоромъ хмураго и тщеславнаго вельможи и его мужеподобной жены, страстной любительницы охоты, — такъ что онъ едва зналъ двоюроднаго брата и только въ двадцать лѣтъ нѣсколько чаще сталъ встрѣчаться съ нимъ, когда тому уже было подъ сорокъ.

Передъ нами дородный, добродушный человѣкъ, съ толстой шеей и широкимъ тазомъ, со щекастымъ, равномерно розовымъ лицомъ и красивыми глазами на выкатѣ; маленькіе гадкіе усы, похожіе на два изсиня-черныхъ перышка, какъ-то не шли къ его крупнымъ губамъ, всегда лоснящимся, словно онъ только-что обсасывалъ цыплячью косточку, а темные, густые, непріятно пахнущіе и тоже слегка маслянистые волосы придавали его большой, плотной посаженной головѣ какой-то не по островному франтовской видъ. Онъ любилъ шегольское платье и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ какъ *rough* (семинаристъ) нечистоплотенъ; онъ зналъ толкъ въ музыкѣ, въ ваяніи, въ графикѣ, но могъ проводить часы въ обществѣ тупыхъ, вульгарныхъ людей; онъ обливался слезами, слушая тающую скрипку гениальнаго Перельмона и точно также рыдалъ, подбирая осколки любимой чашки; онъ готовъ былъ чѣмъ угодно помочь всякому, если въ эту минуту другое не занимало его, — и блаженно сопя, теребя и пощипывая жизнь, онъ постоянно шелъ на то, чтобы причинить какимъ-то третьимъ душамъ, о существованіи которыхъ не

помышлялъ, какое-то далеко превышающее размѣръ его личности постороннее, почти потустороннее горе.

Поступивъ на двенадцатомъ году въ университетъ, расположенный въ пятистахъ лиловыхъ верстахъ отъ столицы, на берегу сѣраго моря, Кр. кое-что тамъ услыхалъ о нравахъ наслѣднаго принца, и услыхалъ бы гораздо больше, если бы не избѣгалъ всѣхъ рѣчей и разсужденій, которыя могли бы слишкомъ обременить его и такъ не легкое инкогнито. Графъ-опекунъ, навѣщавшій его разъ въ недѣлю (причемъ иногда прїѣзжалъ въ кареткѣ мотоциклета, которымъ управляла его энергичная жена), постоянно подчеркивалъ, какъ было бы скверно, скандально, опасно, кабы кто-нибудь изъ студентовъ или профессоровъ узналъ, что долговязый, сумрачный юноша, столь же отлично учащійся, какъ играющій въ *canbol* на двухсотлѣтней площадкѣ за зданіемъ библіотеки, вовсе не сынъ нотаріуса, а племянникъ короля. Было ли это принужденіе однимъ изъ тѣхъ несмѣтныхъ и загадочныхъ по своей глупости капризовъ, которыми, казалось, кто-то невѣдомый, обладающій большей властью, чѣмъ король и пеплехусъ вмѣстѣ взятые, зачѣмъ-то бередить вѣрную полузабытымъ завѣтамъ, бѣдную, ровную, сѣверную жизнь этого «грустнаго и далекаго» острова, или же у обиженнаго вельможи былъ свой частный замыселъ, свой зоркій расчетъ (воспитаніе королей почиталось тайной), гадать объ этомъ не приходилось, да и другимъ былъ занятъ необыкновенный студентъ. Книги, мячъ, лыжи (въ тѣ годы зимы бывали снѣжныя), но главное — ночныя, особенныя размышленія у камина, а немного позже близость съ Белиндой, достаточно заполняли его существованіе, чтобы его не заботили шаши метаполитики. Мало того, трудолюбиво занимаясь отчественной исторіей, онъ никогда не думалъ о томъ, что въ немъ спитъ та же самая кровь, что бѣжала по жиламъ прежнихъ королей, или что жизнь, идущая мимо него, есть та же исторія, вышедшая изъ тунеля вѣковъ на блѣдное солнце.

Оттого ли, что программа его предмета кончалась за цѣлое столѣтіе до царствованія Гафона, оттого ли, что невольное волшебство трезвѣйшихъ лѣтописцевъ было ему дороже собственнаго свидѣтельства, но книгочій въ немъ побѣдиль очевидца, и впослѣдствіи стараясь возстановить утраченную связь съ дѣйствительностью, онъ принужденъ былъ удовлетвориться наскоро сколоченными переходами, лишь изуродовавшими привычную даль легенды (мостъ черезъ Эгель, кровавый мостъ черезъ Эгель...).

И вотъ тогда-то, передъ началомъ второго университетскаго года, пріѣхавъ на краткіе каникулы въ столицу, гдѣ онъ скромно поселился въ такъ называемыхъ «министерскихъ номерахъ», Кр. на первомъ же дворцовомъ пріемѣ встрѣтился съ шумнымъ, толстымъ, неприлично молодымъ, вызывающе симпатичнымъ наслѣднымъ принцемъ. Встрѣча произошла въ присутствіи стараго короля, сидѣвшаго въ креслѣ съ высокой спинкой у расписнаго окна и быстро-быстро пожиравшаго тѣ маленькія, почти черныя сливы, которыя служили ему болѣе лакомствомъ, чѣмъ лекарствомъ. Сначала какъ бы не замѣчая молодого родственника и продолжая обращаться къ двумъ подставнымъ придворнымъ, принцъ однако повелъ разговоръ, какъ разъ рассчитанный на то, чтобы обольстить новичка. къ которому онъ стоялъ въ полоборота, глубоко запустивъ руки въ карманы мятыхъ, клѣтчатыхъ панталонъ, выпятивъ животъ и покачиваясь съ каблучковъ на носки. «Возьмите, — говорилъ онъ своимъ публичнымъ, ликующимъ голосомъ, — возьмите всю нашу исторію, и вы увидите, господа, что корень власти всегда воспринимался у насъ, какъ начало магическое, и что покорность была только тогда возможна, когда она въ сознаніи покоряющагося отождествлялась съ неизбежнымъ дѣйствіемъ чаръ. Другими словами, король былъ либо колдунъ, либо самъ былъ околдованъ, — иногда народомъ, иногда совѣтниками, иногда сулостатомъ, снимающимъ съ него корону, какъ шапку съ вѣшалки. Вспомните самыя дремучія вре-

мена, власть mossmon'овъ (жрецовъ, «болотныхъ людей»), поклоненіе свѣтящемуся мху и прочее, а потомъ... первые языческіе короли, — какъ ихъ, Гильдрасъ, Офодрасъ и третій... я ужъ не помню, — словомъ тотъ, который бросилъ кубокъ въ море, послѣ чего трое сутокъ рыбаки черпали морскую воду, превратившуюся въ вино... Solg ud digh vor je sage vel, ud jem gotelm quolm osje musikel (сладка и густа была морская волна, и дѣвочки пили изъ раковинъ, — принцъ цитировалъ балладу Уперхульма). А первые монахи, приплывшіе на лодочкѣ, уснащенной крестомъ вмѣсто паруса, и вся эта исторія съ «купель-скалой», — вѣдь только потому, что они угадали, чѣмъ взять нашихъ, удалось имъ ввести римскія бредни. Я больше скажу, — продолжалъ принцъ, вдругъ умѣривъ раскаты голоса, такъ какъ неподалеку стоялъ сановникъ клерикальнаго толка, — если такъ называемая церковь никогда у насъ не вѣлася по-настоящему въ тѣло государства, а за послѣднія два столѣтія и вовсе утратила политическое значеніе, такъ это именно потому, что тѣ элементарныя и довольно однообразныя чудеса, которыя она могла предъявить, очень скоро наскучили (клерикаль отошелъ, и голось принца вновь вышелъ на волю) и не могли тягаться съ природнымъ колдовствомъ, avec la magie innée et naturelle нашей родины. Возьмемъ далѣе безусловно историческихъ королей и начало нашей династіи. Когда Рогфридъ I вступилъ или вѣрнѣе вскарабкался на шаткій тронъ, который онъ самъ называлъ бочкой въ морѣ, и въ странѣ стоялъ такой мятежъ и неразбериха, что его попытка воцариться казалась дѣтской мечтой, — помните, первое, что онъ дѣлаетъ по вступленіи на престолъ, — онъ немедленно чеканитъ круны и полкруны и гроши съ изображеніемъ шестипалой руки, — почему рука? почему шесть пальцевъ? — ни одинъ историкъ не можетъ выяснитъ, да и самъ Рогфридъ врядъ ли зналъ, но фактъ тотъ, что эта магическая мѣра сразу умиротворила страну. Далѣе, когда при его звуцѣ датчане попробовали

навязать намъ своего ставленника, и тотъ высадился съ огромными силами, — вдругъ, совершенно просто, партія — я забылъ какъ ее звали, — словомъ измѣнники, безъ помощи которыхъ не случилось бы всей затѣи, — отправили къ нему гонца съ вѣжливымъ извѣщеніемъ о невозможности для нихъ впредь поддерживать завоевателя, ибо, видите-ли «верескъ» (т. е. вересковая равнина, по которой продавшея войско должно было пройти, чтобы слиться съ силами иноземца) опуталь измѣнѣ стремена и ноги и не пускаетъ далѣе», что повидимому слѣдуетъ понимать буквально, а не толковать въ духъ тѣхъ плоскихъ иносказаній, которыми питають школьниковъ. Затѣмъ... да, вотъ чудный примѣръ, — королева Ильда, — не будемъ бѣлогрудой и любвеобильной королевы Ильды, которая всѣ государственныя трудности разрѣшала путемъ заклинаній, да такъ успѣшно, что всякій неугодный ей человѣкъ терялъ рассудокъ — вы сами знаете, что до сихъ поръ въ народѣ убѣжища для сумасшедшихъ зовутся *ildeham*. Когда же онъ, этотъ народъ, начинаетъ участвовать въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ, — до смѣшного ясно, что магія на его сторонѣ, и, увѣряю васъ, что если бѣдный король Эдарикъ никакъ не могъ усѣсться во время пріема выборныхъ виной тому быть вовсе не геморрой. И такъ далѣе, и такъ далѣе (принцу уже начинала надоѣдать имъ выбранная тема)... жизнь страны, какъ нѣкая амфибія, держитъ голову въ простой сѣверной дѣйствительности, а брюхо погружаетъ въ сказку, въ густое, живительное волшебство, — недаромъ у насъ каждый мшистый камень, каждое старое дерево участвовало хоть разъ въ томъ или другомъ волшебномъ происшествіи. Вотъ тутъ находится молодой студентъ, онъ изучилъ предметъ, и, думаю, подтвердить мое мнѣніе».

Серьезно и довѣрчиво слушая разсужденія принца, Кр. поражался тѣмъ, до чего они совпадаютъ съ его собственными мыслями. Правда, ему казалось, что хрестоматійный

подборъ примѣровъ, производимый рѣчистымъ наслѣдникомъ, нѣсколько грубоватъ; что все дѣло не столько въ разительныхъ проявленіяхъ чудснаго, сколько въ оттѣнкахъ его, глубоко и вмѣстѣ туманно окрашивающихъ исторію Острова. Но съ основнымъ положеніемъ онъ былъ безусловно согласенъ, — такъ онъ и отвѣтилъ, опустивъ голову и кивая самому себѣ. Только гораздо позже онъ понялъ, что совпаденіе мыслей, такъ удивившее его, было слѣдствіемъ почти бессознательной хитрости со стороны ихъ прокатчика, у котораго несомнѣнно было особаго рода чутье, позволявшее ему угадывать лучшую приманку для всякаго свѣжаго слушателя.

Король, покончивъ со своими сливами, подозвалъ племянника и, совершенно не зная, о чемъ съ нимъ говорить, спросилъ его, сколько студентовъ въ университетѣ. Тотъ смѣшался, — не зналъ, сколько, — былъ слишкомъ не находчивъ, чтобъ назвать любую цифру. «Пятьсотъ? Тысяча?» — попытывался король съ какой-то ребяческой надеждой въ тонѣ. «Навѣрное больше», — примирительно добавилъ онъ, не добившись вразумительнаго отвѣта и, немного подумавъ, еще спросилъ, любитъ ли племянникъ верховую ѣзду. Тутъ вмѣшался наслѣдникъ съ присущей ему сочной непринужденностью предложивъ двоюродному брату совмѣстную прогулку въ ближайшій четвергъ. «Удивительно, до чего онъ сталъ похожъ на мою бѣдную сестрицу, проговорилъ король съ машинальнымъ вздохомъ, снимая очки и суя ихъ обратно въ грудной карманчикъ коричневой, съ бранденбургами, куртки. — Я слишкомъ бѣденъ, — продолжалъ онъ, чтобы подарить тебѣ коня, но у меня есть чудный хлыстикъ, — Готсенъ (обратился онъ къ министру двора), гдѣ чудный хлыстикъ съ собачьей головкой? Разыщите потомъ и дайте ему, — интересная вещица, историческая вещица, — ну такъ вотъ, очень радъ, а коня не могу, пара клячь есть, да берегу для катафалка, не взыщи—бѣденъ...» («Il ment», — сказалъ принцъ вполголоса и отошелъ, напѣвая).

Въ день прогулки погода стояла холодная и безпокойная. летѣло перламутровое небо, склонялся лозиякъ по оврагамъ, конята вышлепывали брызги изъ жирныхъ лапъ въ шоколадныхъ колеяхъ, каркали вороны, а потомъ, за мостомъ, всадники свернули въ сторону и поѣхали рысью по темному вереску, надъ которымъ тамъ и сямъ высилась тонкая, уже желтѣющая береза. Наслѣдный принцъ оказался отличнымъ наѣзникомъ, хотя видимо въ манежѣ не учился: посадка была никакая, и его тяжелый, широкій, вельветиномъ и замшей обтянутый задъ, ухающий вверхъ и внизъ на сѣдлѣ, да округлыя, склоненныя плечи возбуждали въ его спутникѣ какую-то странную, смутную жалость, которая совершенно разсѣивалась, когда Кр. смотрѣлъ на толстошее, розовое, разящее здоровьемъ и самодовольствомъ лицо принца и слушалъ его напористую рѣчь.

Присланный наканунѣ хлыстикъ взять не былъ: принцъ (кстати сказать, введенный въ моду дурной французскій языкъ при дворѣ), высмѣялъ «ce machin ridicule», который, по его словамъ, сынокъ конюха забылъ у королевскаго подѣзда, — «et mon bonhomme de père, tu sais, a une vraie passion pour les objets trouvés».

«Я все думалъ, какъ это вѣрно, то, что вы говорили, — въ книгахъ этого вѣдь не сказано...»

«О чемъ это?» — спросилъ принцъ, съ трудомъ и неохотой стараясь вспомнить, какую случайную мысль онъ тогда развивалъ передъ двоюроднымъ братомъ.

«Помните, — о магическомъ началѣ власти, — о томъ, что — —»

«А, помню, помню, — поспѣшно перебилъ принцъ и тутъ же нашелъ лучший способъ раздѣлаться съ выдохшейся темой: — Только знаешь, — сказалъ онъ, — я тогда не докончилъ, — слишкомъ было ушасто. Видишь ли, — все наше теперешнее несчастье, эта странная тоска государства, инертность страны, вялая ругань въ пендерхусѣ, — все это такъ потому, что самая сила черъ, и народъ

ныхъ и королевскихъ, какъ-то сдала, улетучилась, и наше отечественное волхвованіе превратилось въ пустое фокусничаніе. Но не будемъ сейчасъ говорить объ этихъ грустныхъ предметахъ, а обратимся къ веселымъ. Скажи, ты въ университетѣ вѣрно немало обо мнѣ наслышался... Воображаю! Скажи, о чемъ говорилось? Что-жъ ты молчишь? Говорилось, что я развратенъ, не такъ ли?»

«Я сплетень не слушалъ, но кое-что въ этомъ родѣ болтали».

«Что-жъ, молва — поэзія правды. Ты еще мальчикъ — и довольно красивый мальчикъ въ придачу — такъ что многого ты сейчасъ не поймешь. Я тебѣ только одно замѣчу: всѣ люди въ сущности развратны, но когда это дѣлается подъ шумокъ, когда второпяхъ, скажемъ, обжираться вареньемъ въ темномъ углу, или Богъ знаетъ что поручаешь собственному воображенію, — о, это не въ счетъ, это преступленіемъ не зовется; когда же человѣкъ откровенно и трудолюбиво удовлетворяетъ желанія, навязанныя ему требовательнымъ тѣломъ, — тогда люди начинаютъ тубить о безпутствѣ! И еще: если бы въ моемъ случаѣ это законное удовлетвореніе просто сводилось все къ одному и тому же однообразному приему, общественное мнѣніе съ этимъ бы примирилось, — развѣ что пожурило бы меня за слишкомъ частую смѣну любовницъ... но Боже мой, какой поднимается шумъ оттого, что я не придерживаюсь канонвъ распутства, а собираю медь повсюду, люблю все — и тюльпанъ и простую травку, — потому что, видишь ли, — докончилъ принцъ, улыбаясь и шуясь, — я собственно ищу только дробь прекраснаго, цѣлое предоставляю добрымъ бюргерамъ, а эта дробь можетъ найтись въ балеринѣ и въ грузчикѣ, въ пожилой красавицѣ и въ молодомъ всадникѣ».

«Да, — сказалъ Кр., — я понимаю. Вы — художникъ, скульпторъ, вы ищите форму...»

Принцъ придержалъ коня и захохоталъ.

«Ну, знаешь, дѣло тутъ не въ скульптурѣ, — à moins

que tu ne confonde la galanterie avec la Galatée, — что, впрочемъ, въ твоёмъ возрастѣ простительно [Нѣтъ], все это гораздо проще. Только ты меня, пожалуйста не дичись, я тебя не съѣмъ, я ужасно не люблю юношей, qui se tiennent toujours sur leurs gardes. Если у тебя ничего нѣтъ лучше въ виду, мы можемъ вернуться черезъ Grenlog и пообѣдать надъ озеромъ, а потомъ что-нибудь придумаемъ».

«Нѣтъ, — боюсь, что у меня... словомъ, одно дѣло... я какъ разъ сегодня...»

«Что-жъ, я тебя не неволю», — добродушно сказала принцъ, и немножко дальше, у мельницы, они разстались.

Какъ очень застѣнчивый человекъ, Кр. не безъ труда принудилъ себя къ этой верховой прогулкѣ, казавшейся особо тяжелымъ испытаніемъ именно потому, что принцъ слылъ веселымъ собесѣдникомъ: съ минорнымъ тихоней было бы легче заранѣе опредѣлить тонъ прогулки; готовясь къ ней, Кр. старался вообразить всѣ тѣ неловкости, которыя произтекутъ оттого, что придется искусственно приподнять свое обычное настроеніе до искристаго уровня Адальфа. При этомъ онъ себя чувствовалъ связаннымъ первой встрѣчей съ нимъ, — тѣмъ что неосторожно призналъ своими мысли человека, который теперь впрямъ ожидать, что и дальнѣйшее общеніе будетъ обоимъ столь же приятно; и составляя напередъ подробную опись своихъ возможныхъ промаховъ, а главное, съ предѣльной ясностью представляя себѣ напряженіе, свинецъ въ челюстяхъ, безпомощную скуку, которую онъ будетъ испытывать изъ-за врожденной способности всегда видѣть со стороны себя, свои бесплодныя усилія слиться съ самимъ собой и найти интересное въ томъ, чему полагается быть интереснымъ. — составляя эту опись, Кр. еще преслѣдовалъ маленькую практическую цѣль: обезвредить будущее, чье единственное орудіе — неожиданность; ему это почти удалось; ограниченная въ своемъ дурномъ выборѣ судьба, казалось, удовлетворилась тѣмъ нестрашнымъ, которое онъ

оставилъ внѣ поля воображенія; блѣдное небо, вересковый вѣтеръ, скрипъ сѣдла, нетерпѣливо отзвучивая лошадь, неизякаемый монологъ довольнаго собою спутника, — все это слилось въ ощущеніе сносное, тѣмъ болѣе, что прогулкѣ Кр. мысленно поставилъ извѣстный предѣлъ во времени. Надо было только дотерпѣть. Но когда новымъ своимъ предложеніемъ принцъ погрозился отодвинуть этотъ предѣлъ въ неизвѣстность, всѣ возможности коей надо было опять мучительно учесть, — причемъ снова навязывалось «интересное», напередъ заказывающее веселое выраженіе лица, — такъ съ бремя (лишнее! непредвидѣнное!) выдержать было нельзя, и потому, рискуя показаться неучтивымъ, онъ сослался на несуществующую помѣху. Правда, какъ только онъ повернулъ лошадь, онъ объ этой неучтивости пожалѣлъ столь же остро, какъ за минуту до того пожалѣлъ своей свободы. Такимъ образомъ, все непріятное, ожидавшееся отъ будущаго, выродилось въ сомнительный отзвукъ прошедшаго. Онъ подумалъ, не догнать ли принца и не закрѣпить ли первую основу дружбы посредствомъ поздняго, но тѣмъ болѣе драгоцѣннаго согласія на новое испытаніе. Но ценитильная боязнь обидѣть добраго, веселаго человѣка не пересѣла страха передъ явной невозможностью оказаться на высотѣ этого веселья и этой доброты. И поэтому получилось такъ, что судьба все-таки перехитрила его и на послѣдокъ, уколомъ исподтишка, обезцѣпила то, что онъ готовъ былъ считать за побѣду.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ еще одно приглашеніе отъ принца. Тотъ его просилъ «заглянуть» въ любой вечеръ на будущей недѣлѣ. Отказаться Кр. не могъ... Впрочемъ, чувство облегченія (значить, тотъ не обидѣлся) обманчиво сглаживало путь. Его ввели въ большую, желтую, оранжерейно теплую комнату, гдѣ на отоманкахъ, на пуфахъ, на пухломъ коврѣ, сидѣло человѣкъ двадцать съ приблизительно равнымъ числомъ женщинъ и мужчинъ. На одну долю секунды хозяинъ былъ какъ бы

озадаченъ появленіемъ двоюроднаго брата, точно забылъ, что звалъ его, или думать, что звалъ въ другой день. Но это мгновенное выраженіе тотчасъ смѣнилось улыбкой и шлѣта, постъ чего принцъ уже пересталъ обращать какое-либо вниманіе на Кр., какъ впрочемъ ни малѣйшаго вниманія не обратили на него другіе гости, — видимо навсегда, близкіе пріатели и пріятельницы принца, — молодыя женщины необыкновенной худобы, съ гладкими волосами, человѣкъ пять пожилыхъ мужчинъ съ бритыми, бронзовыми лицами, да нѣсколько юношей въ модныхъ тогда шелковыхъ воротникахъ нараспашку. Среди нихъ Кр. вдругъ узналъ знаменитаго молодого акробата, хмураго блондинчика съ какой-то странной тихостью въ движеніяхъ и поступѣ, точно выразительность его тѣла, столь удивительная на аренѣ, была одеждой придушена. Этотъ акробатъ послужилъ для Кр. ключомъ ко всему составу общества, — и хотя наблюдатель былъ до смѣшнаго неопытный и цѣломудренный, онъ сразу почувствовалъ, что эти дымчатые, сладостно длинныя женщины, съ разнообразной небрежностью складывающія ноги и руки и занимающіяся не разговоромъ, а какой-то тѣнью разговора, состоящей изъ медленныхъ полуулыбокъ, да воспросительныхъ или отвѣтныхъ хмыканій сквозь дымъ папиросъ, вправленныхъ въ драгоценныя мундштуки, принадлежать къ тому въ сущности глухонѣмому міру, который въ старину звался полусвѣтомъ (зававѣски опущены, читать невозможно). То, что между ними находились и дамы, попадавшіяся на придворныхъ балахъ, нисколько не мѣняло дѣла, точно такъ же, какъ мужской составъ былъ чѣмъ-то однороденъ, несмотря на то, что тутъ были и представители знати, и художники съ грязными ногтями, и какіе-то мальчишки портового пошиба. Но именно потому, что наблюдатель былъ неопытный и цѣломудренный, онъ тотчасъ усомнился въ первомъ невольномъ впечатлѣніи и обвинилъ себя въ банальной предвзятости, въ рабскомъ довѣріи пошлой молвѣ. Онъ рѣшилъ, что все въ порядкѣ,

т. е что его міръ нисколько не нарушенъ включеніемъ этой новой области, и что все въ ней просто и понятно: жизнерадостный, независимый человекъ свободно выбралъ себѣ друзей. Тихо безпечный и даже чѣмъ то дѣтскій ритмъ этого общества особенно успокоилъ его. Куреніе машинальныхъ папирсъ, мелкая, сладкая снѣдь на тарелочкахъ съ золотыми жилками, товарищескіе циклы движеній (кто-то для кого-то нашель ноты, кто-то примѣрилъ на себѣ ожерелье сосѣдки), простота, тишина, все это по-своему говорило о той добротѣ, которую Кр, самъ ею не обладая, мучительно узнавалъ во всѣхъ явленіяхъ жизни, — будь это улыбка конфеты въ ся гофрированномъ чепчикѣ, или угаданный въ чужой бесѣдѣ звукъ давней дружбы. Сосредоточенно хмурясь и изрѣдка разрѣшаясь серіей взволнованныхъ стоновъ, оканчивающихся крикомъ досады, принцъ занимался тѣмъ, что старался загнать всѣ шесть шариковъ въ центръ круглаго лабиринта изъ стекла. Рыжеволосая, въ зеленомъ платьѣ и сандаліяхъ на босу ногу, повторяла со смѣшнымъ уныніемъ, что это ему не удастся никогда, но онъ долго уаорствовалъ, трясъ рстивый предметъ, слегка топалъ ногой и начиналъ сызнова. Наконецъ онъ его швырнулъ на диванъ, гдѣ имъ тотчасъ занялись другіе. Затѣмъ мужчина съ красивой, но искаженной тикомъ внѣшностью сѣлъ за рояль, беспорядочно ударилъ по клавишамъ, пародируя чью-то игру, тотчасъ всталъ опять и между нимъ и принцемъ завязался споръ о талантѣ какого-то третьяго лица, — вѣроятно автора оборванной мелодіи, а рыжая, почесывая сквзь платье длинное бедро, стала объяснять причину чьей-то сложной музыкальной обиды. Вдругъ принцъ посмотрѣлъ на часы и обратился къ молодому человекъ, пившему въ углу оранжадъ: «Ондрикъ, — проговорилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, — кажется, пора». Тотъ угрюмо облизнулся, поставилъ стаканъ и подошелъ къ принцу.

«Сначала мнѣ показалось, — рассказывалъ Кр., — что я сонеть съ ума, что у меня галлюцинація.» — больше всего его потрясла естественность процедуры. Онъ почувствовалъ подступъ физической тошноты и вышелъ. Выбравшись на улицу, онъ нѣкоторое время даже бѣжалъ.

Единственное лицо, съ которымъ онъ призналъ возможнымъ подѣлиться своимъ возмущеніемъ, былъ его опекунъ: не испытывая никакой любви къ мало привлекательному графу, онъ все же рѣшилъ, что обратиться къ нему необходимо, — другихъ близкихъ у него не было. Онъ съ отчаяніемъ спросилъ графа, какъ это можетъ быть, чтобы человѣкъ такихъ нравовъ, къ тому же уже пожилой, т. е. не подверженный перемѣнѣ, сталъ бы правителемъ страны; при томъ свѣтъ, въ которомъ онъ неожиданно увидѣлъ наслѣдника, онъ увидѣлъ и то, что помимо отаратительнаго распутства, и несмотря на склонность къ искусствамъ, принцъ въ сущности дикарь, грубый самоучка, лишенный настоящей культуры, присвоившій горсть ея бисера, умѣло щеголявшій блескомъ перемчивой мысли и ужъ конечно вовсе не озабоченный вопросами будущаго царствованія. Кр. спрашивалъ, не бредъ ли, не сонная ли чепуха, вообразить такого человѣка на тронѣ, однако, такъ спрашивая, онъ не ожидалъ практическаго отвѣта: это была реторика молодого разочарованія. Но какъ никакъ, въ отрывистыхъ, ломкихъ словахъ (онъ былъ не краснорѣчивъ по природѣ) выражая свое недоумѣніе, Кр. впервые обогналъ дѣйствительность и заглянулъ ей въ лицо. Пускай онъ сразу же отсталъ снова; видѣнное все же отпечаталось у него въ душѣ, и впервые ему открылось гибельное положеніе государства, осужденнаго стать игрищемъ похотливаго хахала.

Графъ выслушалъ его со вниманіемъ, изрѣдка обращая на него взглядъ голыхъ стервятничьихъ глазъ. — въ нихъ сквозило странное удовлетвореніе. Расчетливый и нето-

ропливый, онъ отвѣчалъ своему питомцу весьма осторожно, какъ бы несовѣмъ соглашаясь съ нимъ, успокаивая его тѣмъ, что случайно подсмотрѣнное сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, повліяло на его сужденіе, и что у принца есть качества, которыя могутъ сказаться при вступленіи его на престолъ. Напослѣдокъ графъ небрежно предложилъ познакомиться Кр. съ однимъ умнымъ человѣкомъ, извѣстнымъ экономистомъ по фамиль Гуммъ. Тутъ графъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ, онъ снималъ съ себя отвѣтственность за дальнѣйшее и оставался въ сторонѣ, что оказалось бы весьма удобнымъ, случись бѣда; во-вторыхъ, онъ передавалъ Кр. старому заговорщику, и такимъ образомъ начато было осуществленіе плана, который вредный лукавецъ лелѣялъ повидимому давно.

Вотъ — экономистъ Гуммъ, круглобрюхій старичекъ въ шерстяномъ жилетѣ, въ синихъ очкахъ на розовомъ лбу, подвижной чистенькій и смѣшливый. Кр. сталъ видаться съ нимъ часто, а въ концѣ второго университетскаго года даже прогостилъ у него около недѣли. Къ этому времени Кр. узналъ досаточно о поведеніи настѣднаго принца, чтобы не жалѣть о своемъ первомъ возмущеніи. Не столько отъ самого Гумма, который всегда куда-то катился, сколько отъ его родственниковъ и окруженія, онъ узналъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя въ разное время употреблялись для воздѣйствія на принца. Сначала это были попытки освѣдомить стараго короля о забавахъ сына и добиться отцовскаго удержа. Дѣйствительно, когда то или другое, съ трудомъ дорвавшееся до королевскаго кабинета, лицо въ откровенныхъ краскахъ расписывало королю эти забавы, старикъ, побагровѣвъ и нервно записываясь въ халатъ, выражалъ еще большій гнѣвъ, чѣмъ можно было надѣяться. Онъ кричалъ, что положить конецъ, что чаша терпѣнія (въ которой бурно плескался утренній кофе) переполнена, что онъ счастливъ услышать чистосердечный докладъ, что кобеля онъ сошлетъ на полгода въ *suurhellhus* (корабль-монастырь, пловучій скитъ), что...

А когда аудіенція кончалась, и удовлетворенный докладчик собирался откланяться, старый король, еще пыхтя, но уже успокоившись, съ дѣловитымъ, конфиденціальнымъ видомъ отводилъ его въ сторону (хотя все равно они были одни) и говорилъ. «Да-да, я все это понимаю, все это такъ, но послушайте. — совершенно между нами, скажите, вѣдь если здраво подумать, — вѣдь мой Адульфъ-холостой, озорной, любитъ немножко покудесить, — стоитъ ли такъ горячиться, — вѣдь и мы сами были молоды...» Этотъ послѣдній доводъ звучалъ впрочемъ довольно бессмысленно, такъ какъ далекая молодость короля протекла съ млечной тихостью, а покойная королева, его супруга, до шестидесяти лѣтъ держала его въ строгости необыкновенной. Это была, кстати сказать, удивительно упрямая, глупая и мелочная женщина, постоянно склонная къ невиннымъ, но чрезвычайно неслѣпымъ фантазіямъ, и весьма возможно, что именно изъ-за нея дворцовый и отчасти государственный бунтъ принялъ тѣ особыя, словами трудно опредѣлимая, черты, странно совмѣщающіяся въ себѣ капризность и косность, безхозяйственность и чинность тихаго сумасшествія, которыя такъ мучили нынѣшняго короля.

Второй по времени методъ воздѣйствія былъ значительно глубже: онъ заключался въ созывѣ и укрѣпленіи общественныхъ силъ. На какое-либо сознательное участіе простого народа рассчитывать не приходилось: среди островныхъ пахарей, ткачей, булочниковъ, плотниковъ, ржечниковъ, рыбаковъ и прочихъ превращеніе любого престолонаслѣдника въ любого короля принималось такъ же покорно, какъ перемѣна погоды: простолюдинъ смотрѣлъ на зарю въ кучевыхъ тучахъ, качалъ головой... и все; въ его темномъ и мшистомъ мозгу всегда было отведено привычное мѣсто для привычной напасти, государственной или природной. Мелкота и медленность экономической жизни, оцѣпенѣвшій уровень цѣнъ, давно утратившихъ спасительную чувствительность (ту дѣй-

ственность, коей создается внезапная связь между пустой головой и пустымъ желудкомъ), угрюмое постоянство небольшихъ, но какъ разъ достаточныхъ урожаевъ, тайный договоръ между овощемъ и зерномъ, какъ бы условившихся поподнять другъ друга и тѣмъ поддерживать равновѣсiе, — все это, по мнѣнiю Гумма («Устои хозяйства и его застой»), держало народъ въ вяломъ повиновенiи, — а если тутъ было своего рода колдовство, то тѣмъ хуже для жертвъ его вязкихъ чаръ. Кромѣ того, — и это особенно печалило свѣтлые умы, — принцъ Дуля среди простого народа и мѣщанства (различiе между которыми было такъ зыбко, что постоянно можно былъ наблюдать весьма загадочное возвращенiе обезпеченнаго сына лавочника къ скромному мужицкому промыслу его дѣда) пользовался какой-то пакостной популярностью. Здоровый смѣхъ, неизмѣнно сопровождавшiй разговоры о его проказахъ, препятствовали ихъ осужденiю: маска смѣха прилипала къ устами, и эту мимику одобренiя уже нельзя было отличить отъ одобренiя истиннаго. Чѣмъ гаже развѣскался принцъ, тѣмъ гуще крикали, тѣмъ молодцеватѣе и восторженнѣе хрюкали по основнымъ стволамъ красными кулаками. Характерная подробность: когда однажды проѣздомъ (верхомъ, съ сигарой во рту) черезъ глухое село принцъ, замѣтивъ смазливую дѣвчонку, предложилъ ее покатать и, несмотря на едва сдерживаемый почтенiемъ ужасъ ся родителей, умчался съ ней на конѣ, а старый дѣдъ долго бѣжалъ по дорогѣ, пока не упалъ въ канаву, вся деревня, по донесенiю агентовъ, «восхищенно хохотала, поздравляла семью, наслаждалась предположенiями и не поскупилась на озорные распросы, когда спустя часъ дѣвочка явилась, держа въ одной рукѣ сотенную бумажку, а въ другой выпадыша, подобраннаго на обратномъ пути изъ пустынной роши».

Въ военныхъ кругахъ недовольство противъ принца основано было не столько на соображенiяхъ общей морали и государственнаго престижа, сколько на прямой оби-

дѣ, пронсѣкавшей изъ его отношенія къ пуншу и пуш-камъ. Самъ король Гафонъ, въ отличіе отъ воинственнаго предшественника, ужъ на что былъ глубоко штатскій старикъ, а все же съ этимъ мирились его полное непониманіе военныхъ дѣлъ искушалось пугливымъ къ нимъ уваженіемъ. Сыну же гвардія не могла простить откровенную насмѣшку Маневры, парады, толстоцекая музыка, полковая пирушка съ соблюденіемъ колоритныхъ обычаевъ и другія старательныя развлеченія маленькой островной арміи ничего не возбуждали въ сугубо художественной душѣ принца кромѣ пренебрежительной скуки. Броженіе, однако, не шло дальше безпорядочнаго ропота да быть можетъ полночныхъ клятвъ (въ блескѣ свѣчъ, чарокъ и шлагъ), позабываемыхъ утромъ. Такимъ образомъ начинъ естественно принадлежалъ свѣтлымъмамъ общества, которыхъ, къ сожалѣнію, было немного: зато этими противниками наследнаго принца были нѣкоторые государственные, газетные и судебные мужи — люди почтенные, жилистые, пользовавшіеся большимъ, тайнымъ и явнымъ, вліяніемъ. Иначе говоря, общественное мнѣніе оказалось на высотѣ, и стремленіе къ обузданію принца по мѣрѣ развитія его порочной дѣятельности стало почитаться признакомъ порядочности и ума. Осталось только найти оружіе. Увы, сего-то и не было. Существовать печать, существовалъ парламентъ, но по законамъ конституціи всякій мало-мальски непочтительный выпадъ противъ члена королевскаго дома служилъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы газету прикончить или палату распустить. Единственная попытка расшевелить страну потерпѣла неудачу. Рѣчь идетъ о знаменитомъ процессѣ доктора Онзе.

Этотъ процессъ былъ чѣмъ-то безпримѣрнымъ даже въ безпримѣрныхъ анналахъ островнаго суда. Человѣкъ, слывшій праведникомъ, лекторъ и писатель по гражданскимъ и философскимъ вопросамъ, личность настолько уважаемая, настолько извѣстная строгостью взглядовъ и

правиль, настолько ослѣпительно чистая, что въ сопоставленіи съ ней репутация всякаго казалась пятнистой, была обвиненъ въ разнообразныхъ преступленіяхъ противъ правды, занимался съ неуклюжестью отчаянія и въ концѣ концовъ пришелъ повиную. Въ этомъ еще ничего необычнаго не было. мало ли какими фурункулами могутъ при разсмотрѣніи оказаться сосцы добродѣтели! Необычная и хитрая суть дѣла состояла въ томъ, что обвинительный актъ и показанія свидѣтелей были вѣрной копией всего того, въ чемъ можно было обвинить наследнаго принца. Слѣдуетъ удивляться точности свѣдѣній, добытыхъ для того, чтобы ничего не приукрашивая и ничего не пропуская, вправить въ подготовленную рамку портретъ въ полный ростъ. Многое было такъ ново и такъ уточняло, такъ своеобразило общія мѣста давно огрубѣвшей молвы, что сначала обыватели не признали оригинала. Но очень скоро ежедневные отчеты въ газетахъ стали возбуждать въ кс-что сообразившей странѣ ни съ чѣмъ несравнимый интересъ, и люди, платившіе до двадцати крунъ, чтобы попасть на засѣданіе суда, уже не жалѣли пятидесять и больше.

Первоначальная идея зародилась въ недрахъ прокуратуры; ею увлекся старѣйшій судья столицы; оставалось найти человѣка, достаточно чистаго, чтобы не быть спутаннымъ съ прототипомъ процесса, достаточно умнаго, чтобы на судѣ не разыграть шута или кретина, а главное — достаточно преданнаго правому дѣлу, чтобы отдать ему въ жертву все, вынести чудовищную грязевую ванну и карьеру промѣнять на каторгу. Такихъ кандидатовъ не намѣчалось; заговорщикамъ, въ большинствѣ случаевъ людямъ семейнымъ и зажиточнымъ, нравилась всѣ роли, кромѣ той, безъ которой нельзя было поставить пьесу. Положеніе уже казалось безысходнымъ, когда однажды на собраніе заговорщиковъ явился весь въ черномъ докторъ Ойзе и, не садясь, заявилъ, что отдаетъ себя въ полное ихъ распоряженіе. Естественное нетерпѣніе тотчасъ за

него ухватиться, какъ-то не дало имъ времени подивиться, а вѣдь на первый взглядъ едва ли могло быть понятно, какамъ образомъ разрѣженная жизнь мыслителя совмѣстится съ готовностью быть прикрученнымъ къ позорному столбу ради политической нитрины. Впрочемъ его случалъ не такъ ужъ рѣдокъ. Постоянно занимаясь вопросами духа и къ хрупчайшимъ отвлеченностямъ приспособливая законы твердѣйшихъ принциповъ, докторъ Онзе не нашелъ возможнымъ отказаться отъ личнаго примѣненія того же метода, когда представился случай совершить безкорыстный и вѣроятно бессмысленный (т. е. чистѣйший, а значить, все-таки отвлеченный) подвигъ. При этомъ напомнимъ, что докторъ Онзе жертвовалъ кафедрой, кабинетной нѣгой, продолженіемъ ученыхъ работъ, словомъ всѣмъ, чѣмъ въ правѣ дорожить философъ; отмѣтимъ, что здоровье у него было неважное; подчеркнемъ, что прежде чѣмъ разобраться въ самомъ дѣлѣ, ему пришлось посвятить три ночи изученію специальныхъ трудовъ по вопросамъ, мало знакомымъ аскету; и добавимъ, что незадолго до принятія рѣшенія, онъ какъ разъ обручился со старѣющей дѣвушкой, послѣ пяти лѣтъ нѣмой любви, въ теченіе которыхъ ея давній женихъ боролся съ чахоткой въ далекой Швейцаріи, — покуда не угасть, тѣмъ самымъ освободивъ ее отъ договора съ состраданіемъ.

Дѣло началось съ жалобы этой поистинѣ героической особы на доктора Онзе, будто бы завлекшаго ее на свою тайную квартиру, «притонъ роскоши и разврата». Такая же точно жалоба (съ единственной разницей, что квартира, подъ рукой святая и обставленная заговорщиками, была не той, которая когда-то нанималась принцемъ для особыхъ забавъ, а помѣщалась въ домѣ напротивъ, чѣмъ сразу устанавливался признакъ полной зеркальности, отмѣтившей весь процессъ) была лѣтъ пятнадцать тому назадъ подана одной нерасторопной дѣвицей, случайно не знавшей, что гуляка, посягнувшій на ея честь, есть наследникъ престола, т. е. лицо, ни при какихъ обстоятельствахъ

не могущее быть привлеченным къ судебной отвѣтственности. Далѣе, многочисленные свидѣтели (иные изъ которыхъ были нанвербованы изъ безкорыстныхъ приверженцевъ, а иные изъ платныхъ агентовъ; первымъ несомнѣно хватило) дали свои показанія, весьма талантливо составленныя комиссией экспертовъ, среди которыхъ были извѣстный историкъ, два крупныя литератора и опытные юристы. Въ этихъ показаніяхъ дѣянія наслѣдника развивались постепенно, съ соблюденіемъ истиннаго порядка времени, лишь нѣсколько сокращеннаго противъ того, которое понадобилось принцу, чтобы такъ раздражить общество. Любовь вповалку, ура-ураиизмъ, умыканіе подростковъ и многія другія утѣхи подробно излагались въ видѣ вопросовъ, обращенныхъ къ подсудимому, отвѣчавшему значительно болѣе кратко. Изучивъ все дѣло съ прилежностью и методичностью, присущими его уму, докторъ Онез, вовсе не думавшій о театральномъ искусствѣ (въ театръ вообще не ходилъ), собственнымъ ученымъ путемъ безсознательно дошелъ до прекраснаго воплощенія того типа преступника, длительное заперательство котораго (расчитанное въ данномъ случаѣ на то, чтобы хорошенько дать обвиненію развиться) питается противорѣчiami и поддерживается растеряннымъ упрямствомъ.

Все шло такъ, какъ было задумано; увы! вскорѣ выяснилось, что крамола сама не знала, на что именно надѣялась. На раскрытіе глазъ иродныхъ? Но народъ и такъ отлично зналъ номинальную цѣну принца. На переходъ моральнаго возмущенія въ возмущеніе гражданское? Но ничто не указывало путей къ такому воплощенію. Или можетъ быть вся затѣя должна была быть лишь однимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи все болѣе дѣйственныхъ обличей? Но тогда смѣлость и рѣзкость маневра, придававшія ему неповторимый характеръ исключительности, тѣмъ самымъ обрывали на первомъ же звенѣ цѣпи, требовавшую прежде всего постепенностиковки.

Какъ бы то ни было, но печатаніе всѣхъ подробностей

процесса только содѣйствовало обогащенію газетъ: ихъ тиражъ такъ разрсся, что въ этой живительной тѣни инымъ находчивымъ лицамъ (напримѣръ, Сіену) удалось наладить изданіе новыхъ органовъ, преслѣдующихъ тѣ или иные цѣли, но сбытъ которыхъ былъ заранѣе обезпеченъ воспроизведеніемъ судебныхъ отчетовъ. Число искренне возмущавшихся было ничтожно по сравненію съ толпой смакующихъ и любопытныхъ. Народъ читалъ и смѣялся. Это публичное разбирательство воспринималось имъ, какъ замѣчательная потѣха, устроенная пройдохами. Фигура принца приобрѣла въ его сознаніи черты полишинели, котораго, правда, хватаетъ палкой по лакированной головѣ облѣзлый чортъ, но который все же не перестаетъ быть любимцемъ зѣвакъ, баловнемъ балагановъ. Напротивъ, личность самоотверженнаго доктора не только не была оцѣнена по достоинству, но возбуждала злорадное улюлюканіе (къ сожалѣнію, подхваченное бульварной печатью), ибо его положеніе понималось народомъ, какъ жалкая исполнительность продажнаго умника. Словомъ, та специфическая популярность, которой всегда пользовался принцъ только увеличилась, и самыя насмѣшливыя догадки о томъ, каково ему читать о собственныхъ продѣлкахъ все же носили отпечатокъ того добродушія, которымъ невольно поощряется чужое молодечество.

Знать, совѣтники, дворъ и «дворцовые» члены пеплерхуса были взяты врасплохъ и, выжидательно присмирѣвъ, потеряли безцѣнный политическій темпъ. Правда, за нѣсколько дней до приговора депутатамъ королевскаго крыла удалось путемъ замысловатаго подкола (или подкупа) провести въ пеплерхусѣ законъ о запрещеніи газетамъ помѣщать судебные отчеты «бракоразводныхъ и иныхъ дѣлъ, могущихъ содержать соблазнительныя детали», но такъ какъ по конституціи ни одинъ законъ не могъ вступить въ силу до истеченія сорока дней съ момента его принятія (это называлось «беременность Фемиды»)

ды»), у газетъ было время спокойно писать о процессѣ до самаго его конца.

Самъ принцъ отвесилъ къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, выраженнымъ притомъ столь естественно, что можно было сомнѣваться, понимаетъ ли онъ, о комъ въ дѣйствительности рѣчь. Такъ какъ ни одна черточка дѣла не могла ему быть незнакома, то приходится заключить, что, если ему не отшибло памяти, онъ отменно владѣлъ собой. Только разъ его приближеннымъ показалось, что тѣнь раздраженія мелькнула по его большому лицу. «Какая досада, — воскликнулъ принцъ. — Почему этотъ шалунъ не звалъ меня на свои посидѣлки? Que de plaisirs perdus!». Что до короля, то, хотя и онъ тоже вида не показывалъ, но судя по тому, какъ онъ покашливалъ, складывая газету въ ящикъ и снимая очки, да потому, какъ часто заирался съ тѣмъ или другимъ совѣтникомъ, вызваннымъ въ неурочный часъ, ясно было, что онъ сильно задѣтъ. Рассказывали, что во дни процесса онъ нѣсколько разъ съ притворной непринужденностью предлагалъ сыну яхту, чтобы тотъ на ней совершилъ небольшое кругосвѣтное путешествіе, но принцъ хохоталъ и цѣловалъ отца въ лысею темя. «Право же, голубчикъ, — повторялъ старикъ, — преславно на морѣ. Возьмешь съ собой вицна, музыкантовъ...» «*He las*», — отвѣчалъ принцъ, — качающійся горизонтъ развращаетъ мою діафрагму».

Процессъ подходилъ къ концу. Защита ссылалась на молодость обвиняемаго, на горячую кровь, на соблазны холостой жизни, — все это было грубоватой пародіей на попустительство короля. Прокуроръ произнесъ звѣриной силы рѣчь, переборщивъ и потребовавъ смертной казни. «Послѣднее слово» подсудимаго внесло совсѣмъ неожиданную нотку. Истомленный долгимъ напряженіемъ, измученный вынужденнымъ барактаніемъ въ чужихъ мерзостяхъ и невольна потрясенный громами обвинителя, бѣдный докторъ вдругъ сдалъ, нервы его дрогнули и послѣ нѣсколькихъ непонятныхъ, слипшихся фразъ, онъ какимъ-

то новымъ, истерически яснымъ голосомъ, вдругъ сталъ разсказывать, что однажды въ молодости, выинивъ первый въ жизни стаканъ хазеля, согласился пойти съ товарищемъ въ публичный домъ, и только потому не пошелъ, что упалъ на улицѣ въ обморокъ. Это свѣжее и непредвидѣнное признаніе вызвало въ залѣ долго несмолкавшій смѣхъ, а прокуроръ, потерявъ голову, попытался зажать ротъ подсудимому. Затѣмъ присяжные, молча покуривъ въ отведенной имъ комнатѣ, вернулись, и приговоръ былъ объявленъ. Доктору Онзе предлагалось тринадцать съ половиной лѣтъ каторжныхъ работъ.

Приговоръ былъ многословно одобренъ печатью. При тайныхъ свиданіяхъ друзья жали руки мученику, прощаясь съ нимъ... Но тутъ, впервые въ жизни, неожиданно для всѣхъ и можетъ быть для самого себя, старый Гафонъ поступилъ довольно остроумно: пользуясь своимъ неоспоримымъ правомъ, онъ доктора Онзе помиловалъ.

Итакъ, первый и второй способъ воздѣйствія на принца ни къ чему въ сущности не привели. Оставался третій, — рѣшительнѣйшій и вѣрнѣйшій. Все, что говорилось въ окруженіи Гумма, было исключительно направлено къ тому, чтобы эту послѣднюю мѣру осуществить, хотя настоящее ея имя повидимому не называлось: эвфемизмовъ у смерти достаточно. Кр., попавшій въ сложную конспиративную обстановку, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что происходитъ, и причиной этой слѣпоты была не только неопытность молодости; такъ вышло еще и потому, что неволью (и совершенно ложно) считая себя зачинщикомъ (т. е. вовсе не догадываясь, что онъ въ дѣйствительности только почетный фигурантъ — или почетный заложникъ), Кр. никакъ не могъ допустить мысль, что начатое имъ дѣло окончится кровью, — да дѣла въ настоящемъ смыслѣ и не было, ибо съ отвращеніемъ изучая жизнь принца, Кр. смутно полагалъ, что тѣмъ самымъ онъ уже совершаетъ нѣчто важное и нужное, — и когда, съ теченіемъ времени, ему нѣсколько прискучили это изученіе и

постоянные разговоры все о томъ же, онъ однако принималъ въ нихъ участіе, добросовѣстно держался опустылѣвшей темы, все продолжая считать, что исполняетъ свой долгъ и содѣйствуетъ какой-то не очень ясной ему силѣ, которая въ концѣ концовъ волшебнымъ образомъ превратитъ невозможнаго принца въ пріемлемаго наследника. Если и случалось ему думать, что хорошо бы Адульфа заставить просто отказаться отъ престола (а иносказанія, вѣроятно употреблявшіяся заговорщиками, могли невзначай принять и такую форму), то этой мысли онъ, какъ ни странно, не доводилъ до конца — до себя. Впродолженіе почти двухъ лѣтъ промежъ университетскихъ занятій постоянно общаясь съ круглымъ Гуммомъ и его друзьями, онъ незамѣтно для себя занутился въ очень тонкой и частой сѣти, — и можетъ быть принудительная скука, имъ ощущавшаяся все яснѣе, была не простой неспособностью (впрочемъ свойственной его природѣ) долго заниматься вещами, постепенно обрастающими покровомъ привычки, за которымъ онъ уже не различалъ лучей ихъ страстнаго возрожденія, а была намѣренно измѣненнымъ голосомъ подсознательнаго предупрежденія. Между тѣмъ начатое задолго до его участія дѣло уже приближалось къ своей красной развязкѣ.

Въ холодный лѣтній вечеръ онъ былъ приглашенъ на тайное собраніе, и, такъ какъ въ этомъ приглашеніи ничего необычнаго не было, онъ туда и явился. Правда, ему вспоминалось потомъ, съ какой неохотой, съ какимъ тяжелымъ ощущеніемъ навязанности онъ отправлялся на сходку; но съ такими же чувствами онъ приходилъ и раньше. Въ большой, нетопленной и какъ бы условно обставленной комнатѣ (обои, каминъ, буфетъ съ пыльнымъ пивнымъ рогомъ на полкѣ — все казалось бутафоріей) сидѣло человекъ двадцать мужчинъ, изъ которыхъ онъ не зналъ и половины. Тутъ въ первый разъ онъ увидѣлъ доктора Онза: мраморная лысина съ впадиной посрединѣ, густая свѣтлая рѣсница, мелкія рябины надъ бровями, ры-

жеватый отгѣнокъ skulls, плотно сжатія губы, сюртукъ фанатика и глаза рыбы. Застывшее выраженіе покорности и просвѣтленной печали не украшало его неудачныхъ чертъ. Къ нему обращались съ подчеркнутымъ уваженіемъ. Всѣ знали, что послѣ процесса невѣста съ нимъ разошлась, сославшись на то, что вопреки разсудку она все продолжаетъ видѣть на лицѣ несчастнаго слѣды маркихъ пороковъ, въ которыхъ онъ за другого признался. Она скрылась въ дальнюю деревню, гдѣ всецѣло ушла въ школьное дѣло, а самъ докторъ Онзе вскорѣ послѣ событія, которому это засѣданіе предшествовало, удалился въ небольшой монастырь.

Среди присутствующихъ Кр. еще отмѣтилъ знаменитаго юриста Шлисса, нѣсколькихъ фрадскихъ депутатовъ пеплерхуса, сына министра просвѣщенія... На кожаномъ диванѣ неудобно помѣстились три долговязыхъ и мрачныхъ офицера.

Свободный вѣнскій стулъ нашелся около окна, на подоконникѣ котораго ютился маленькій, особнякомъ державшійся человѣкъ съ простоватымъ лицомъ, вертѣвшій въ рукахъ фуражку почтоваго вѣдомства. Кр., близко къ нему сидѣвшаго, поразили его громадныя, грубо обутыя ноги, совершенно не шедшія къ его мелкой фигурѣ, такъ что получалось нѣчто, вродѣ въ упоръ снятой фотографіи. Только потомъ онъ узналъ, что этотъ человѣкъ былъ Сіень.

Сначала Кр. показалось, что собравшіеся занимаются все тѣми же разговорами, къ которымъ онъ уже привыкъ. Что-то въ немъ (опять — внутренний другъ!) даже захотѣло съ какой-то дѣтской горячностью, чтобы это сборище не отличалось ото всѣхъ предыдущихъ. Но странный, противный жестъ Гумма, вдругъ мимоходомъ положившаго ему руку на плечо и загадочно кивнушаго, сдержанное, какъ бы замедленное звучаніе голосовъ, глаза офицеровъ, сидѣвшихъ поодаль, заставили его настояжиться. Не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ уже по-

нималь, что въ этой бутафорской комнатѣ холодно разрабатывается уже рѣшенное убійство принца.

Онъ почувствовалъ дуновение у висковъ и ту же, почти физическую, тошноту, которую однажды испыталъ на вечерѣ у двоюроднаго брата. По тому какъ молчаливый человѣчекъ на подоконникѣ взглянулъ на него (съ любопытствомъ, съ насмѣшкой), Кр. понялъ, что его замѣшательство замѣтно. Онъ всталъ, и тогда всѣ повернулись въ его сторону, и ежомъ остриженный тяжелый, толстый человѣкъ, осыпанный перхотью и пепломъ, говорившій въ эту минуту (Кр. давно уже не слышалъ словъ), осѣкся. Онъ подошелъ къ Гумму, который выжидательно поднялъ треугольныя брови. «Долженъ уйти, — сказала Кр., — мнѣ нездоровится, — думаю, что мнѣ лучше уйти». Онъ поклонился, кое-кто вѣжливо приподнялся, человѣчекъ на подоконникѣ улыбаясь закурилъ трубку. Приближаясь къ двери, Кр. съ кошмарнымъ чувствомъ думалъ о томъ, что она можетъ быть нарисована, что ручка нарисована тоже, что отворить ее нельзя. Но вдругъ она превратилась въ настоящую дверь, и, сопутствуемый какимъ-то юношей со связкой ключей, тихо вышедшимъ въ ночныхъ туфляхъ изъ другой комнаты, онъ спустился по длинной и темной лѣстницѣ.

В. Сиринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Начало конца *)

XVI.

Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ въ Испанію командармъ Тамаринъ былъ занятъ почти непрерывно; вещи сталъ укладывать лишь часа за два до отхода поѣзда. Онъ терпѣть не могъ спѣшки и волновался: не опоздать бы. Чемоданъ, когда-то превосходный, купленный задолго до войны въ Англійскомъ магазинѣ, все же приготовилъ еще съ утра. Сложилъ обувь, книги, бѣлье, платье, кое-что изъ съѣстныхъ припасовъ, — вышло не очень хорошо, — Константинъ Александровичъ только вздыхалъ, вспоминая о денщикѣ. Но и безъ денщика, если-бъ не спѣшка, сложилъ бы все гораздо лучше. Сапоги, завернутые въ газетную бумагу, лежали рядомъ съ колбасой и чаемъ, книги — поверхъ воротничковъ, а въ новомъ пиджакѣ рукава не были сложены у локтя вдвое. Крышку чемодана удалось придавить лишь съ великимъ трудомъ. Тамаринъ даже присѣлъ на стулъ, чтобы отдышаться — «охъ, состарился»... Когда ремни были затянуты крѣпко-накрѣпко, оказалось, что сбоку высовывается что-то бѣлое: носовой платокъ, что ли? Константинъ Александровичъ сердито подоткнулъ какъ могъ это бѣлое подъ крышку, взглянулъ на часы, ахнулъ, быстро побросалъ въ несесеръ туалетныя вещи и послалъ за автомобилемъ. Пишущая машина уже находилась въ черной коробкѣ; она, на своихъ пуговкахъ, улеглась въ коробку хорошо и ровно. Въ послѣднюю минуту оказалось, что карманный ис-

*) См. «Совр. Зап.» № № 62, 63, 65, 66, 68, 69

панскій словарь лежитъ на почтомъ столѣикѣ (командармъ въ послѣдніе дни, какъ ни былъ занятъ, сѣтливо изучалъ испанскій языкъ). «Оно и лучше: пригодится въ дорогѣ». Сунулъ словарь въ карманъ. «Ну, что еще забыть? Паспортъ есть, бумаги есть, деньги есть, ключъ есть». Тамаринъ простился съ хозяиномъ, — «черезъ мѣсяцъ назадъ къ вамъ, немного отдохну на югѣ», — выслушалъ пожеланія добраго пути и хорошей погоды, протянулъ руку и лакею, почувствовавъ въ этомъ что-то непріятное: точно онъ этимъ рукопожатіемъ награждалъ или что-то кому-то доказывалъ. По счету, съ процентами прислугѣ, было уплачено съ утра. «Дать ему еще или не давать?» Константинъ Александровичъ сунулъ лакею двадцать франковъ, пересчиталъ вещи и вздохнулъ свободно.

Пріѣхалъ онъ на вокзалъ все же чуть не за полчаса до отхода поезда. Тутъ тоже вышла было непріятность: не успѣлъ спросить номеръ носильщика. «Куда-же этотъ болванъ запропастился! Вѣдь какихъ-нибудь десять минутъ осталось, а его все нѣтъ! Сбѣжалъ, что ли, съ вещами!..» Однако носильщикъ появился на перронѣ во время. Константинъ Александровичъ радостно съ нимъ расплатился, освѣдомился и у него, и у кондуктора, вѣрно ли, что никакой пересадки не будетъ, пересчиталъ вещи, — чемоданъ, несесеръ, машинка, — повѣсилъ пальто, — не забыть значить, что теперь уже не три штуки, а четыре, — и, наконецъ, успокоился. Ему самому было совѣстно: стать совершеннымъ провинціаломъ. Однако пассажиры второго класса признали въ немъ человѣка хорошаго общества, высшаго по сравненію съ ними: видъ у него, какъ всегда, былъ осанистый и барскій.

Мѣсто, заказанное за три дня впередъ, было хорошее: въ углу и лицомъ къ локомотиву. Ъхать въ спальномъ вагонѣ Тамаринъ не рѣшился: вдругъ на вокзалѣ слѣдять, еще полагается ли тратиться на спальный вагонъ? Сначала онъ читалъ было газету, — съ утра не успѣлъ прочесть, а вечерней не купилъ. Потомъ, часовъ въ десять, сосѣди

погасили лампочку, — какъ всегда, было легкое сомнѣніе: можно ли гасить? а если кто хочетъ еще читать? — всѣ молчаливо сошлись: пора.

Спать Константинъ Александровичъ плохо: отвыкъ путешествовать, опять грустно думалъ, что и въ мелочахъ сказывается старость. «Прежде не сѣлъ бы въ вагонъ, не надѣвъ дорожной фуражки и перчатокъ. Одеколонтъ тоже забыть»... Устроиться въ углу никакъ не удавалось: то головѣ неудобно, то ноги затекаютъ. Мѣнять положеніе, въ первую минуту казалось: теперь будетъ отлично, — затѣмъ снова оказывалось нехорошо. Особенно мѣшали спать тревожныя мысли все о томъ же, объ этой злополучной командировкѣ въ Испанію.

Собственно въ порученіи начальства не было ничего худого: ему предписывалось на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ на мадридскомъ фронтѣ и представить въ Москву докладъ. «Миссія чисто военная, никакого отношенія къ ГПУ и ко всему такому»... Задача была даже почетная, свидѣтельствовавшая о довѣрїи къ нему военнаго вѣдомства. Кромѣ того она была интересна, давала возможность снова увидѣть войну, — хоть плохенькую, но войну, — и провѣрить положенія его труда о роли моторизованныхъ частей. Тѣмъ не менѣе, Тамаринъ дорого далъ бы за освобожденіе отъ этой командировки: такъ была спокойна и прїятна его жизнь въ Парижѣ. «Послали въ Испанію, могутъ тотчасъ затѣмъ вызвать въ Москву»...

Въ близкомъ къ границѣ французскомъ городкѣ его ждали на вокзалѣ и тотчасъ проводили куда слѣдовало. Былъ приготовленъ утренній завтракъ, плотный и очень хорошій. У подъѣзда стоялъ огромный новенькій Бюикъ. Первое впечатлѣніе Константина Александровича было благоприятное: поѣздка организована хорошо. Выпивъ большую рюмку коньяку, онъ сѣлъ въ автомобиль — чемадонъ, несессеръ, машина — и выѣхалъ изъ городка. Утро было свѣжее, солнечное. Тамаринъ, утомленный ночью въ вагонѣ, задремалъ и проснулся лишь у границы.

Это было какое-то подобіе станціи, хоть какъ будто не желѣзнодорожной. Стояло очень много грузовиковъ и автомобилей разнаго вида. Всюду висѣли флаги, афиши, плакаты. «Точно ярмарка!» — подумалъ Константинъ Александровичъ, испуганно читая надписи на ходу медленно пробиравшагося впередъ Бюика: «Partido Socialista Unificado»... «Confederacion Nacional del Trabajo»... «Federacion Anarquista Iberica»... Автомобиль остановился передъ большимъ строеніемъ. Оттуда доносился сильный рѣзкій голосъ, не такой, какимъ въ жизни говорятъ люди: голосъ митингового оратора. «Что это здѣсь происходитъ? Митингъ?» Къ Бюику подошелъ съдой человекъ въ полувоенномъ костюмѣ, въ черно-красномъ беретѣ, съ черно-краснымъ шарфомъ. Шофферъ что-то сказалъ вполголоса. Человекъ въ беретѣ отдалъ честь сжатымъ кулакомъ. Тамиринъ только изумленно на него взглянулъ. — не зналъ, какъ слѣдуетъ отвѣчать. «Неужели это серьезно?..» Взявъ бумаги командарма, съдой человекъ отрекомендовался по-французски: начальникъ мѣстнаго отдѣла Investigacion (Константинъ Александровичъ догадался, что это полиція), анархистъ. — «Ваши документы будутъ сейчасъ готовы», — сказалъ онъ очень любезно, крѣпко пожимая гостю руку, — «не хотите ли вы закусить?» — «Благодарю васъ... Тутъ, кажется, происходитъ собраніе?» — «Да, республика получила въ даръ нѣсколько амбулаторій отъ англійской рабочей партіи», — холодно сказалъ анархистъ. — «И еще кое-что пришло изъ Москвы... Правда, изъ Москвы не въ даръ, а за деньги, за наличное золото», — неожиданно добавилъ онъ, видимо не удержавшись. — «Мы очень благодарны. Сейчасъ тамъ будетъ выступать вашъ соотечественникъ. Быть можетъ, вы желаете послушать?» — «Этого добра только не хватало! Стоило пріѣзжать въ Испанію», — подумалъ Константинъ Александровичъ. Анархистъ взглянулъ на него и усмѣхнулся, точно понявъ его мысль. — «Съ дороги вамъ

сдѣловало бы подкрѣпитъ. Не взыщите: у насъ угощеніе плохое».

Онъ проводилъ гостя въ буфетъ, сказалъ нѣсколько словъ буфетчику и откланялся. Буфетчикъ приветствовалъ гостя тоже сжатымъ кулакомъ. Угощеніе въ самомъ дѣлѣ было очень скромное; на столѣ стояли двѣ бутылки, сухари, колбаса. — «Я могу приготовить шоколадъ», — сказала нерѣшительно буфетчикъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Тамаринъ поспѣшилъ отказаться. «Вотъ вина я выпью съ удовольствіемъ».

Въ буфетѣ никого больше не было. «Вѣрно, всѣ тамъ?.. Вино недурное, крѣпче французскаго... Къ колбасѣ лучше не прикасаться. Какъ бы только они не обидѣлись»... Константинъ Александровичъ держалъ себя очень осторожно. «Надѣюсь, тутъ принимаютъ французскія деньги». Онъ хотѣлъ подозвать буфетчика, но не зналъ, какъ это сдѣлать -- «стучать по стакану невѣжливо», — и произнесъ что-то неопредѣленное, поднявъ монету. Буфетчикъ подошелъ къ нему и, улыбаясь, отказался отъ платы: «ами», «ами русо», — сказалъ онъ и самъ предложилъ размѣнять франки на пезеты. — «Благодарю васъ, да, пожалуйста», — попросилъ Тамаринъ. «Вотъ гдѣ онъ меня нагрѣетъ!» Къ его удивленію, буфетчикъ назвалъ ту самую цифру, которую Константину Александровичу указали въ Парижѣ. «Официальный курсъ? Значить, и за промѣнъ ничего не возьмѣ? Пріятный народъ!» — «У васъ деньги еще старья?» — спросилъ онъ, увидѣвъ на монетахъ изображеніе Альфонса XIII. Буфетчикъ засмѣялся. Изъ-за стѣны раздались рукоплесканія. Тотъ же голосъ особенно громко и радостно что-то прокричалъ по-испански. Рукоплесканія усилились, затѣмъ установилась тишина, Константинъ Александровичъ услышалъ на необыкновенно высокой нотѣ давно знакомое: «Та-вариши и граждане-е!» «Наши, голубчики!» Онъ вдругъ, неожиданно для самого себя, испыталъ чувство, близкое къ физическому обращенію. «Да, вотъ именно: «Изъ ми-илыхъ»

устъ вдругъ услышалъ я — Р-радной страны р-радную рѣчь!..»

Тамаринъ послушалъ съ минутой: неестественно высокіе выкрики чередовались съ испанскими фразами, тоже на высокой нотѣ, но пониже: очевидно, переводчикъ пытался попасть въ тонъ оратору. «И не попадешь: тотъ дуракъ сразу началъ съ верхняго до», — думалъ командармъ, перебирая на столѣ и изучая незнакомыя ему монеты. Буфетчикъ что-то говорилъ, повидимому, любезное и привѣтливое. Константинъ Александровичъ такъ же привѣтливо кивалъ головой.

Все здѣсь было странно и забавно: то, что люди привѣтствовали другъ друга сжатымъ кулакомъ, то, что говорили «Salud!», то, что валявшаяся на столѣ газета называлась «Solidaridad Obrera», то, что слова кончались на os: «Mineros Asturias», то, что изъ окна видѣлось черно-красное полотно съ надписью «...Miguel Bakunin». «И буфетчикъ не буфетчикъ, а кабалеро, съ какимъ достоинствомъ держится. Да и полицейскій скорѣе пріятный: лицо умное, видѣлъ, должно быть, на своемъ вѣку немало. Это я понимаю: анархисты завѣдуютъ полиціей». Константинъ Александровичъ очень цѣнилъ полицію, какъ важное государственное учрежденіе; но была у него къ ней и родовая дворянская брезгливость.

— Вотъ ваши документы, — сказалъ начальникъ Investigación, — «это хоха де рута». — «Что такое хоха де рута? Рута, вѣрно, дорога? значитъ, подорожная», — сообразилъ Тамаринъ, пріятно кивая головой. — «У васъ могутъ также спросить въ дорогѣ пароль». — «Ахъ, пароль?» Немного къ нему наклонившись, анархистъ произнесъ вполголоса: «Durruti.. Todos para uno». — «Durruti. Todos para uno?» — сконфуженно повторилъ Константинъ Александровичъ, точно ему было совѣстно. Они вышли, буфетчикъ пожелалъ счастливаго пути и крѣпко пожалъ руку Тамарину. «...Фашистскимъ палачамъ испанскаго народа!» — дико прокричалъ голосъ за стѣной. Разда-

лись громоподобныя рукоплесканія, продолжавшіяся минуты три. Затѣмъ что-то было объявлено по-испански, рукоплесканія повторились, на этотъ разъ довольно жидкія, и послышалась совершенно другая рѣчь: какой-то голосъ, не митинговый, а человѣческій, очень просто говорилъ что-то простое, по-англійски. «Точно послѣ балагана попалъ въ порядочное общество»...

Начальникъ полиціи посоветовалъ отдать подорожную шофферу, простился и тоже пожелалъ счастливаго пути. — «Salud», — сказалъ, осмѣлѣвъ, Тamarinъ. «Это грѣхъ сказать, полиція у нихъ любезная. Ну-съ, первый номеръ прошелъ вполне благополучно. Дай Богъ, чтобы такъ шло и дальше»... Мимо нихъ проплыло еще нѣсколько плакатовъ, они проѣхали подъ большимъ красно-желто-фіолетовымъ флагомъ, затѣмъ подъ другимъ желто-краснымъ въ полоскахъ, и понеслись по дорогѣ. Вначалѣ Тamarinъ съ любопытствомъ ко всему приглядывался. «Пока трудно предположить, что въ странѣ идетъ гражданская война. Правда, отсюда далеко, но все-таки... Пароля не забыть: «Durruñi. Todos para uno»... «Durruñi. Todos para uno»...

Дорога была очень хорошая, почти не хуже французскихъ. Вдали виднѣлись снѣговыя горы. Видъ горъ всегда утомлялъ Константина Александровича; ему казалось, что красота ихъ преувеличивается. «Страна какъ будто бѣдная, особенно послѣ Франціи»... Изрѣдка проходили бородатые люди съ мѣшками, съ тяжелой палкой черезъ плечо. Навстрѣчу автомобилю прошла запряженная муломъ страннаго вида телѣжка, сколоченная, вѣрно, лѣтъ сто тому назадъ. Правиль муломъ маленькій мальчикъ, а сзади величественно раскинулся старый красивый человѣкъ съ сѣдой бородой, въ красномъ жилетѣ, въ огромной шляпѣ, съ кинжаломъ. Онъ равнодушно, безъ малѣйшаго любопытства, оглянулъ Бюнкъ, — даже и не оглянулъ: автомобиль прошелъ въ его полѣ зрѣнія, а онъ только не отвелъ глазъ. «Красота! Вѣдь прямо испанскій грандъ,

даромъ, что мужикъ!» — съ восхищеніемъ подумалъ Константинъ Александровичъ, повеселѣвшій отъ холода, отъ вина, отъ бѣлаго солнечнаго дня. Ему все больше нравились испанцы.

Тамаринъ устроился въ автомобиль подобнѣе и сталъ соображать, какъ дальше распределиться его время. Первая остановка была назначена въ городъ, гдѣ онъ долженъ былъ отъ уполномоченнаго лица получить справку, какъ ѣхать дальше. Это свиданіе не очень улыбалось Константину Александровичу. «Нѣтъ, конечно, не чекистъ!..» Командармъ взглянулъ на часы, времени было еще много. Онъ вытянулъ ноги и опять задремалъ, изрѣдка просыпаясь и оглядывая изумленнымъ взглядомъ дорогу, поля, людей.

Въ городъ они пріѣхали не скоро. «Хорошій городъ... И женщины какъ будто славненькія. Но, право, ничего испанистаго. Хотя бы одна была въ шляпѣ. Мантилья-то гдѣ же? «Отъ Севильи до Гренады», — дѣшниво думалъ Тамаринъ по пути къ дому уполномоченнаго лица. Какое это было уполномоченное лицо, онъ въ точности не зналъ. «Посоль не посоль, консуль не консуль, и ужъ конечно не чекистъ. Да мнѣ все равно, хоть бы и чекистъ: получу отъ него справки, какъ ѣхать, гдѣ остановиться, и прощайте, товарищъ», — нерѣшительно сказалъ себѣ командармъ, чувствуя, что въ дѣйствительности это не все равно.

Уполномоченный принялъ его въ хорошемъ помѣщеніи, повидимому прежде бывшемъ конторой. Изъ-за заваленнаго бумагами американскаго стола поднялся еще молодой, пріятнаго вида человекъ, весьма привѣтливо встрѣтившій Тамарина. «Нѣтъ, разумѣется, не чекистъ. И кажется, русскій, великороссъ», — съ облегченіемъ подумалъ Константинъ Александровичъ.

— ...Да, да, меня предупредили изъ Парижа о вашемъ пріѣздѣ. Жаль только, что предупредили всего за день.

Но я страшно радъ, что, наконецъ-то, сюда отправили васъ. Давно пора!

Уполномоченный съ первыхъ словъ наговорилъ Тамарину любезностей. Слова его показывали, что онъ отлично знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, высоко цѣнить себя, сѣдвика и придаетъ его прїѣзду огромное значеніе: теперь все пойдетъ по новому. Хотя Константинъ Александровичъ не былъ тщеславецъ, тонъ уполномоченнаго не могъ не быть ему прїятнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Тамаринъ чувствовалъ и смущеніе: очевидно, съ его поѣздкой связывались какія-то преувеличенныя, ни съ чѣмъ не сообразныя ожиданія. Онъ хотѣлъ было сразу объяснить, что это невѣрно, что у него чисто освѣдомительная командировка, но не объяснилъ: «Кто тамъ у нихъ знаетъ, что можно говорить, чего нельзя? Если ему такъ сообщили, то пусть такъ и будетъ». Константинъ Александровичъ въ Парижѣ нѣсколько отвыкъ отъ совѣтскихъ нравовъ, однако твердо помнилъ, что надо по возможности держать языкъ за зубами. «Конечно, не чекистъ. Вполнѣ культурный человекъ, право, какъ будто и нашъ. Это новая школа: не Кангаровъ!» Уполномоченный говорилъ о гражданской войнѣ, улыбаясь, въ тонѣ веселомъ, какъ будто означавшемъ: «Забавный, забавный народъ, и война у нихъ забавная, и все тотчасъ разсыпалось бы, если-бъ не мы».

— ...Ну, обо всемъ этомъ ужъ коли говорить, такъ надо бы долго, досконально, по сути дѣла, — сказалъ онъ. — Вы когда хотите ѣхать въ Мадридъ, Константинъ Александровичъ?

— Да вы и мое имя-отчество знаете? Удивительно.

— Ничего удивительнаго, какъ не знать? Васъ всѣ знаютъ.

— Благодарю васъ... Когда ѣхать? Хотѣ сейчасъ.

— Помилуйте! Это по-суворовски, я понимаю, но вѣдь и Суворовъ, вѣрно, на ночь останавливался, правда? Да и накормить васъ нужно. Нѣтъ, мы вотъ что сдѣлаемъ. Милости просимъ у меня откушать и переночевать. Ком-

ната есть, постель есть. А завтра вѣжайте на зарѣ, какъ разъ къ вечеру и попадете въ Мадридъ. Идетъ?

— И самъ не знаю, — нерѣшительно сказалъ Константинъ Александровичъ. Ему очень хотѣлось принять приглашеніе, но онъ не зналъ, имѣеть ли право. Хотя въ его задачѣ не было ничего особенно срочнаго, все же онъ получилъ инструкцію вѣхать «съ максимальной скоростью». «Понятіе растяжимое»... — Право, не знаю. — Тамаринъ полусознательно хотѣлъ взвалить отвѣтственность на доводы уполномоченнаго.

— Разумѣется, поступайте какъ признаете необходимымъ, — сказалъ тотъ, будто угадавъ его чувства. — Но вѣдь опять же какъ вы сейчасъ поѣдете? Авто, правда, есть, очень хорошій... Вашъ? Нѣтъ, вашъ долженъ вернуться во Францію, развѣ вамъ не сказали? Такое у нихъ правило, — пояснилъ уполномоченный. «У нихъ» какъ будто ихъ сблизило. Оба однако тотчасъ испугались. — Я вамъ дамъ отличнѣйшій Бюикъ, за этимъ дѣло не станетъ. Но вотъ насчетъ переводчицы будетъ хужье.

— Какой переводчицы?

— Вѣдь вы по-испански не говорите? Значится, вамъ необходима переводчица. У насъ орудуютъ почему-то все переводчицы, а не переводчики. Отлично справляются съ дѣломъ, и не трусятъ, даромъ, что молоденькія. На ять у насъ растутъ молодежь. Но какъ на бѣду обѣ мои переводчицы заняты. Если-бы меня предупредили о вашемъ приѣздѣ дня за четыре, — неодобрительно сказалъ уполномоченный. — Ну такъ вотъ что мы съ вами сдѣлаемъ, Константинъ Александровичъ. Для васъ уже приготовленъ шофферъ (онъ произнесъ это слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ. «Нѣтъ, не нашъ», — подумалъ Тамаринъ). — Это нѣмецъ, интербригадникъ. Онъ былъ раненъ подъ Мадридомъ, и я его посадить на шофферскую работу. Не безпокойтесь, не завезетъ и не опрокинетъ, онъ свое дѣло знаетъ. Но по-испански онъ ни бэ, ни мэ. То-есть, бэ и мэ, пожалуй, знаетъ, да этого вамъ мало.

Зато въ тѣлохранители я вамъ дамъ настоящаго испанца, который говорить по-французски. Вы по-французски говорите? Ну, вотъ и отлично. Славный юноша, партиецъ.

— Зачѣмъ же тѣлохранитель?

— Такъ полагается.

— Развѣ дорога небезопасна?

— Это какъ сказать? Бомбежъ такой бываетъ съ аэроплановъ, что только держись. И бомбятъ, и брсющимъ подстомъ пулеметятъ. Въ городахъ у насъ теперь есть зенитки, хоть мало, а вдоль дорогъ зенитокъ не разставишь.

— Чѣмъ же тутъ можетъ быть полезенъ тѣлохранитель?

— Всякое бывало, — уклончиво отвѣтилъ уполномоченный. — Такъ полагается. Да вотъ онъ будетъ у васъ и переводчикомъ... Вы на сколько времени въ Мадридѣ ѣдете? — быстро спросилъ онъ. — На двѣ-три недѣли? Отлично, тогда онъ можетъ совсѣмъ при васъ остаться, на обратномъ пути мнѣ его сдадите. Идетъ?

— Сердечно васъ благодарю.

— Радъ стараться, ваше превосходительство, — весело сказалъ уполномоченный («Вотъ это онъ сказалъ какъ Кангаровъ»). — Такъ вы меня малость подождите здѣсь, Константинъ Александровичъ, я насчетъ всего распоряжусь, и пойдемъ обѣдать. — Онъ направился было къ двери, но, какъ будто что-то вспомнивъ, остановился, вернулся къ американскому столу, передвинулъ въ разсѣянности пепельницу, столъ же разсѣянно опустилъ крышку стола и вышелъ. «Охъ, нѣтъ, не нашъ, совсѣмъ не нашъ!» — подумалъ Константинъ Александровичъ, безъ обиды, но огорченно, точно поступокъ уполномоченнаго сразу показалъ ему разницу между старой и новой Россіей. «Господи, лишь бы туда не вызвали!»

— Ну, вотъ, все и сдѣлано, — сказала уполномоченный, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ. — Шофферъ заказанъ, — разъ. Тѣлохранитель заказанъ — два. Онъ,

кстати, въ восторгѣ отъ того, что будетъ васъ сопровождать. Комната для васъ готова, — три. И, наконецъ, обѣдъ, ежели еще не готовъ, то скоро будетъ готовъ, — четыре. Пожалуйста къ столу, Константинъ Александровичъ. Никого больше не будетъ, только мы съ вами оба.

Они прошли въ другую комнату (комнату, повидимому, было много). Тамъ, на столѣ, покрытомъ довольно чистой бѣлой скатертью, Тамаринъ съ удовлетвореніемъ увидѣлъ двѣ бутылки и нѣсколько сортовъ закусокъ, среди нихъ наюсную икру.

— Могу, къ счастью, нынче накормить васъ какъ слѣдуетъ. Какъ разъ получилъ изъ Москвы посылочку. И водочки прислали, и даже икорки, баловство, — сказала уполномоченный, точно оправдываясь, но, увидѣвъ, что взгляды гостя ласково остановились на бѣлой бутылкѣ, засмѣялся. — Баловство, да кого же и баловать, какъ не насъ? Жизнь собачья!.. Потребляете, ваше превосходительство? Одобряю. А то что-жь, Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова... Хотя Константину Александровичу теперь было уже вполне ясно, что уполномоченный не нашъ, старая, почтенная, выдержавшая всѣ историческія перемѣны прибаутка и видъ водки вызвали душевное единеніе; оба повеселѣли.

— Еще по одной... Вотъ такъ. Икорки прошу отвѣдать, недѣлю тому назадъ была въ Москвѣ. Ну-съ, теперь, пожалуй, можно вернуться и къ Жомини. Вы хотите знать мое мнѣніе? Извольте.

Онъ изложилъ свой взглядъ на положеніе въ Испаніи. Говорилъ уполномоченный очень гладко, Константинъ Александровичъ даже подивился гладкости его рѣчи «Способный, бестія, и всѣ они, молодые, способные. не такая школа жизни, какъ была у насъ». Онъ внимательно слушалъ то, что говорилъ уполномоченный. Многое казалось Тамарину совершенной ерундой, но говорилъ молодой человѣкъ такъ гладко, такъ увѣренно и, главное, такъ

напористо, что Константинъ Александровичъ не чувствовалъ себя въ силахъ противостоять этому напору, происходившему, повидимому, даже не отъ внутренняго убѣжденія, а отъ темперамента, отъ устройства горла и голосовыхъ связокъ говорившаго. Смысль, если не буквальный, то подразумѣвавшійся, словъ уполномоченнаго заключался въ томъ, что испанцы рѣшительно ничего въ своей гражданской войнѣ не понимаютъ, что ихъ нужно совершенно устранить отъ руководства операциями и что необходимо взять все въ свои руки. — «Въ чьи-жъ это? Въ твои, что ли?» — спросилъ мысленно Тамаринъ, прочемъ довольно благодушно послѣ третьей рюмки водки.

— Ну, а техническая сторона какъ? — осторожно спросилъ онъ, воспользовавшись минутой, когда его собесѣдникъ поднесъ къ губамъ стаканъ. — Каково тутъ отношеніе силъ?

— Самолетовъ у нихъ много больше. Считаемъ у нихъ до семисотъ, изъ которыхъ примѣрно сто дали нѣмцы, а остальное итальяшки. Зато наземныхъ войскъ больше у насъ, и, главное, народъ съ нами. По сути дѣла, это самое важное.

— А танки, артиллерія, командный составъ?

— Танковъ и артиллеріи тоже у нихъ больше. А командный составъ у нихъ блатной. Вы скажете, вѣдь у Франко всѣ кадровые офицеры. Но что такое, позвольте спросить, испанскіе кадровые офицеры? Это не французскіе, не германскіе, не наши, а простые пронунціаментисти, ничего въ войнѣ не смыслящіе. Самъ Франко шляпа-шляпишсима.

— Неужели ни одного дѣльнаго иѣтъ? — усомнился Константинъ Александровичъ (хоть въ душѣ былъ почти согласенъ: ни одного знающаго теорію человекъ). Онъ назвалъ нѣсколько попадавшихся въ газетахъ именъ. Уполномоченный каждый разъ увѣренно говорилъ: «шляпа», «старая шляпа» или произносилъ другія, болѣе сильные, слова.

— Вотъ бы я не сказалъ.. А какъ у насъ? — спросилъ Тамиринъ и пожалѣлъ объ обмолвкѣ, надо было сказать «у насъ»

— У насъ, если хотите знать, тоже ламъ. Среди интэрбригадниковъ есть нѣсколько хорошихъ офицеровъ, французы, нѣмцы. Командовать батальономъ, или, пожалуй, полкомъ они могутъ. Ну, еще Модесто, Листеръ, я не говорю, — весело сказалъ хозяинъ, явно показывая интонаціей, что говоритъ. — Отличнѣйшіе ребята, но сомнѣваюсь штопъ.

— А самъ Міаха?

— ...Извините выражансь, — отвѣтилъ, смѣясь, уполномоченный. — Впрочемъ, беру назадъ, онъ у насъ національный герой. Да вѣдь не въ немъ сила! По сути дѣла все въ томъ, что сдѣлаетъ Европа. Вотъ объ этомъ мнѣ было бы особенно интересно узнать ваше мнѣніе..

Подали жаркое, разговоръ на нѣсколько минутъ прервался. Константину Александровичу однако не пришлось высказать свое мнѣніе и о томъ, что сдѣлаетъ Европа: уполномоченный говорилъ все время, все съ той же необыкновенной, подавлявшей Тамарина, напористостью. Онъ по своему произносилъ имена европейскихъ министровъ: въ имени Даладье произносилъ е какъ въ словѣ «копье» (Константинъ Александровичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности), а въ имени «Хоръ-Белиша» дѣлалъ удареніе на е, причемъ въ московскомъ говоркѣ его тутъ какъ-то чувствовалось давно отмѣненное ять. Судилъ онъ объ европейскихъ министрахъ чрезвычайно увѣренно, читалъ въ ихъ душахъ, какъ въ книгѣ, и каждому изъ нихъ приписывалъ особыя, неизмѣнно коварныя, замыслы. Тамаринъ самъ не очень разбирался въ политикѣ, все же ему было ясно, что этотъ молодой человекъ ничего въ ней не смыслить, — почти какъ въ военномъ дѣлѣ, о которомъ онъ тоже полутно высказывалъ соображенія, употребляя разныя ученые слова. «Эхъ ты, ужъ тутъ-то помолчалъ бы, что ты, болванъ, понимаешь? Политика еше туда-сюда, а

въ нашемъ дѣлѣ только тебя съ твоимъ марксистскимъ анализомъ не хватало!» — думаетъ Константинъ Александровичъ. Онъ слушаетъ вѣжливо и терпѣливо, но, когда дѣло зашло о противорѣчяхъ между интересами крупной и средней англійской буржуазии, почувствовалъ смертельную скуку, не безъ труда подавилъ зѣвокъ и, хоть при этомъ губы сжалъ плотно, испугался: вдругъ тотъ замѣтилъ по подбородку и шеѣ?

— Да, да, политика Паррла и особенно Лондона не ясна, — торопливо сказала Тамаринъ.

— Какъ не ясна? Очень ясна! Эти ставленники Сити ненавидятъ испанскую революцію и во снѣ видятъ, какъ бы ее задушить. Разумѣется, изъ ненависти къ намъ!

— Возможно, конечно. Въ отношеніи Германіи и Италиі это несомнѣнно такъ.

— О тѣхъ гадахъ я не говорю. Съ Германіей у насъ борьба открытая, не на жизнь, а на смерть! Либо мы, либо они! — энергично сказалъ уполномоченный и налилъ себѣ вина.

— А вашъ общій прогнозъ, поскольку дѣло идетъ объ Испаніи?

Уполномоченный поставилъ стаканъ на столъ и подозрительно взглянулъ на гостя:

— Прогнозъ? Разумѣется, мы побѣдимъ! Обязательно побѣдимъ!

— Я тоже надѣюсь. Я только хотѣлъ знать, на чемъ въ частности основываются ваши надежды?

— Это не надежды, а стопроцентная увѣренность. Основывается же она на томъ, что народъ на нашей сторонѣ, — разъ. Наши солдаты дерутся какъ звѣри. Одинъ 5-ый полкъ чего стоитъ! Это, я вамъ скажу, наша комса, на ять люди! Затѣмъ, съ той стороны въ штабахъ тѣ же шляпы, да вдобавокъ еще гнусы, — два. И, главное, мы побѣдимъ потому, что такъ намъ велѣлъ товарищъ Сталинъ, — три!

— Это, конечно, — поспѣшно согласился Константинъ

Александровичъ. — Очень хорошее жаркое. Значить, какъ будто насчетъ продуктовъ тутъ пока жаловаться грѣхъ?

— Нѣтъ, обобщать не надо, — нѣсколько уклончиво пояснилъ уполномоченный. — А вы очень мало взяли. Выпьемъ еще?

— Пожалуй... Вы сами ведете хозяйство? Не женаты?

— Женаты, да жена и ребенокъ въ Москвѣ, — сказала со вздохомъ уполномоченный. «Вѣроятно, оставили заложниками?» — подумалъ Тамиринъ и тоже сочувственно вздохнулъ. Хозяинъ взглянулъ на него искоса. Они выпили.

— Съ вашего разрѣшенія, я прощусь съ вами послѣ обѣда: мнѣ еще до поздней ночи работать. А вамъ советую лечь пораньше: дорога въ Мадридъ долгая. Я велю васъ разбудить въ шесть часовъ.

— Если можно, я просилъ бы даже въ пять, — сказалъ Константинъ Александровичъ, искушая раннимъ часомъ то, что остался ночевать.

— Можно и въ пять. Взжайте раненько, если не въ суворовской кибиточкѣ, то на Бюикѣ. Геніальный человекъ былъ Суворовъ, правда? Такого полководца въ Европѣ никогда не было, правда, ваше превосходительство? Да и гдѣ имъ до насъ! Съ чего это у насъ прежде былъ культъ Запада, а? Вѣдь, если правду сказать, то они намъ въ подметки не годятся... Допьемъ бутылку. Константинъ Александровичъ? Вино у нихъ недурное, но наше крымское лучше.

— Допьемъ. Крымское я не такъ любилъ, а вотъ кавказское, особенно карданахъ, чудесное вино и бьетъ не въ голову, а въ ноги, — замѣтилъ грустно Тамиринъ. — Это тоже хорошее. Большое вамъ спасибо за гостеприимство. Я еще хотѣлъ получить у васъ нѣкоторыя практическія справки...

— Къ вашимъ услугамъ. Бензинъ для авто обезпеченъ, у шофера будетъ бумажонка. И хоха де рута тоже бу-

деть у него. Да, вамъ надо знать новый перелъ. До Мадрида будетъ «Lenin dos dos».

— Ахъ, «Lenin dos dos»? Это легче запомнить. Я прелъный чужь было не забыть: «Durruti. Todos para abajo». Впрочемъ, въ дорогъ ни разу не спросили. Покоритѣйше васъ благодарю за хлопоты. А гдѣ бы мнѣ въ Мадридѣ остановиться?

— Разумѣется, я могу въ два счета устроить васъ въ гостиницѣ. Но мой совѣтъ: остановитесь тамъ, гдѣ останавливуюсь я. Тамъ и спокойнѣе и, правду сказать, лучше. — Онъ называть адресъ. — Нѣтъ, вамъ записывать незначѣмъ; и шофферъ вашъ, и тѣлохранитель знаютъ это мѣсто, они много разъ туда ѣздили, я имъ скажу.

— Очень, очень благодарю. И еще одинъ вопросъ... Это, конечно, мелочь, я все-таки хотѣлъ бы знать ваше мнѣнiе. Я захватилъ съ собой мундиръ, но право, не знаю, какъ быть: мундиръ ли носить или штатское платье? Съ одной стороны, какъ будто ясно, что штатское, а съ другой — къ военнымъ ѣздить и на фронтъ лучше бы въ мундирѣ. Я забылъ въ Парижѣ спросить, такая досада. ♦

Уполномоченный задумался.

— По общему правилу, наши носятъ злѣсь штатское. Но на фронтъ ѣздили и въ мундирѣ, вѣдь дѣло пошло на чистоту. По моему, вы можете надѣть мундиръ.

— Я тоже такъ думаю.

— Почтенiя будетъ больше. Мы здѣсь теперь первые люди. Никогда еще, Константинъ Александровичъ, авторитетъ нашего государства не былъ такъ великъ какъ теперь.

— Это что и говорить, — уныло сказалъ Тамаринъ.

XIX.

Въ день исчезновенія Вислиценуса Кангаровъ вернул-ся въ санаторію въ девятомъ часу: нарочно опоздалъ, что-бы ни въ какомъ случаѣ не встрѣтиться съ гостемъ. На-страсніе у него было очень дурное. Онъ думалъ, что надо выдержать характеръ и не разговаривать съ Надей, по крайней мѣрѣ, два дня. Не то, чтобы совсѣмъ ничего не говорить: отрывисто сказать «Доброе утро» или «Денегъ не нужно?» или «Къ обѣду уже звонили?» это, конечно, всегда можно и ни къ чему не обязываетъ, — но р а з г о в а р и в а т ь не слѣдуетъ. «Пусть знаетъ, что я дѣйстви-тельно сердитъ и что она поступила безобразно, пригласивъ этого хама! Разумѣется, я се не ревную, было бы въ выс-шей степени глупо ревновать ее вообще, а къ этому ста-рику въ особенности. Я отлично знаю, что она его не лю-бить: пригласила по глупости, да еще потому, что хотѣ-ла показать свою независимость, я де свободна, я де мо-гу принимать кого хочу!» (какъ многіе люди еврейскаго происхожденія, Кангаровъ особенно любилъ частицы «де», «моль» и другія слова подобнаго рода). «Теперь я и въ самомъ дѣлѣ еще ничего не могу ни приказывать ей, ни запрещать», — думалъ онъ съ нѣжнымъ замираніемъ сердца, — «но она могла бы понять, что *status quo* про-длится недолго: наши отношенія понемногу выясняются».

По дорогѣ онъ смягчился и, когда автомобиль подѣ-ѣжалъ къ санаторіи, уже былъ готовъ сократить Надѣ срокъ наказанія до одного дня: «вѣдь больше всего на-казываю самого себя». Однако настроеніе у него хоро-шимъ не стало. «Изъ визита проклятаго Вислиценуса мо-жетъ выйти большая неприятность: за мной уже, конечно, слѣдять!» Онъ самъ сначала этому не повѣрилъ, затѣмъ, повѣривъ, ужаснулся, затѣмъ снова не повѣрилъ: «Вздоръ! Что я сдѣлалъ? Кого можетъ интересовать Надя?.. Но во-обще все плохо, все очень, очень плохо!..»

Мысли Кангарова перешли на здоровье. Онъ значительно увеличился въ вѣсѣ, много ѣлъ, объясняя Надѣ, что у него ложныи аппетитъ. Врачъ санаторіи говорилъ, что лучше бы не слишкомъ полнѣть, однако бѣды большой нѣтъ: главное, нервы, нервы. «Посмотрѣлъ бы я на него самого, какіе у него были бы нервы, если-бы онъ оказался въ моей шкурѣ», — съ горькой улыбкой подумалъ Кангаровъ, разумѣя не то политическія огорченія, не то Елену Васильевну, которая навѣрное откажетъ въ разводѣ, не то состояніе своего здоровья. Въ послѣднее время онъ очень опасался рака и все къ себѣ присматривался: не появилось ли гдѣ какое-либо подобіе опухоли? — «Почему же вы думаете, что у васъ ракъ?» — спрашивала Надя. — «Ты, дѣтка, вѣроятно, и вообще не слышала, что 48 лѣтъ это раковый возрастъ? Возрастъ, особенно предрасположенный для рака». — «Дѣйствительно, не слышала, но вѣдь не вамъ одному 48 лѣтъ?» («охъ, больше»). — «Глупышка, съ тобой нельзя серьезно разговаривать. Я тебѣ куплю куклу». — «Да, разумѣется, ревновать было бы недостойно и ея, и меня: она чистый ребенокъ», — подумалъ Кангаровъ, входя въ подъездъ, — «пожалуй, можно заговорить и сегодня».

— «Что, давно, конечно, всѣ пообѣдали?» — спросилъ онъ швейцара. — «Пообѣдали, господинъ посоль, но поваръ ждетъ господина посла». — «Напрасно: оставили бы мнѣ просто что-нибудь холодное», — отрывисто сказала Кангаровъ. Онъ въ душѣ надѣялся на отвѣтъ: «всѣ другіе пообѣдали, но мадмуазель Надинъ ждетъ господина посла». Кассирша спрятала бумаги въ ящикъ, ласково улыбнулась и спросила: «Господинъ посоль не промокъ? Скверная погода, хотя, я увѣрена, еще будутъ превосходные дни, какъ всегда у насъ въ этомъ мѣсяцѣ». — «Нѣтъ, я не промокъ («какія однако бумаги она такъ быстро спрятала, когда меня увидѣла?»). Писемъ не было?» — «Только газеты, господинъ посоль». Кангаровъ вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ; въ послѣднее время очень не

любили получать письма: почти всегда неприятности. — «Мадмуазелья Надинь у себя?» — «Кажется, въ гостинной слушаеть музыку. Прикажете позвать, господинь посоль?» — «Итъ, не надо, я сначала пообедаю. но, пожалуйста, пусть миѣ подадутъ только одно какое-нибудь блюдо и пусть поварь уходитъ» — «Юмилуйте, господинь посоль, онъ ждетъ господина посла. Господинь посоль такъ рѣдко опаздываетъ».

Общая почтительность въ санаторіи всегда смягчала Кангарова. Вначалѣ онъ, какъ обычно совѣтскіе люди въ чужомъ обществѣ, тревожно ждалъ неприятностей. Не только неприятностей не было, — совѣтскій посоль оказался въ санаторіи самымъ почетнымъ гостемъ. Кангаровъ прошелъ въ столовую, съ жадностью съѣлъ все, вынулъ полбутылки вина и еще подобрѣлъ. «Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ ей было меня ждать? Проголодалась, должно быть, бѣдняжка». Послѣ обѣда онъ спустился въ гостиную. Надя слушала радіоаппаратъ, такъ что можно было не разговаривать. Посоль съ легкой улыбкой кивнулъ ей головой. Улыбка предназначалась исключительно для публики, — въ гостинной сидѣло еще нѣсколько человекъ, — Надя должна была понять, что улыбка очень холодная и что онъ сердитъ. Надежда Ивановна хотѣла было ему сказать, что Вислиценушъ не пріѣхалъ и не счелъ нужнымъ извиниться, этакое свинство! Но она тоже выдержала характеръ: ты молчишь, ну и я молчу, кто кого перемолчить?

Перемолчала она. На слѣдующее утро Кангаровъ сначала небрежно уронилъ «какъ живемъ?», затѣмъ добавилъ: «послѣ кофееку поработаемъ». Кофеекъ тоже не подѣйствовалъ на Надю: она приняла тонъ служащей, знающей свои обязанности и исполняющей приказанія начальства. Кангаровъ продиктовалъ ей письмо, едва ли не для того и предназначавшесся, чтобы восстановить отношенія. Отъ дѣловаго разговора они кое-какъ

перешли къ не-дѣловому. Но о Вислиценусѣ не было сказано ни слова.

Вечеромъ кассирша подала послѣ недѣльный счетъ; просматривая дополнительные расходы, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что чай помѣченъ не былъ. — «Вы ничего не забыли? Кажется, вчера у мадмуазелль были къ чаю гости?» — небрежно спросилъ онъ. — «Нѣтъ, господинъ послъ Вчера къ намъ вообще никто не пріѣзжалъ, изъ-за дурной погоды», — отвѣтила кассирша, насторожившись не безъ любопытства: отношенія между господиномъ посломъ и мадмуазелль Надинъ очень ее интересовали. «Значить, этотъ гусь не пріѣхалъ? Можетъ, она позвонила ему, чтобы онъ не пріѣзжалъ? Увидѣла, что я сержусь, и позвонила?..» Сердце Кангарова наполнилось радостью. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ Надю, но сталъ ирѣжеть какъ прежде.

Дня черезъ три послѣ этого Кангаровъ, утромъ, позавтракавъ, устроился на диванѣ въ своей комнатѣ и развернулъ газету. Онъ читалъ въ газетахъ все, больше отъ скуки: дѣла у него въ сущности было очень мало, хоть порою онъ жаловался на переутомленіе. На четвертой страницѣ ему вдругъ попалась небольшая замѣтка: «Исчезновеніе русскаго». Хозяинъ гостиницы (указывался адресъ) сообщилъ полиціи, что изъ своего номера исчезъ (указывалось число), никого не предупредивъ и оставивъ въ комнатѣ вещи, русскій, довольно долго тамъ жившій. Фамилія была переврана, но Кангаровъ зналъ, что въ этой гостиницѣ живетъ Вислиценусъ. Почему-то замѣтка чрезвычайно взволновала посла. У него началось даже сердцебиеніе, не вымышленное, а настоящее. «Да, число то самое, когда онъ долженъ былъ быть у Нади!» (Кангаровъ провѣрилъ это только теперь, а почувствовалъ, что число то самое, сразу, въ первую же секунду). «Но какая связь? Число тутъ абсолютно никакой роли не играетъ... Да и вообще, что такое? Въ чемъ дѣло? Ну, исчезъ, даль-

ше что? Онъ могъ просто уѣхать, не оставивъ адреса. Разумѣется, могъ, это даже на него похоже... При его дѣлншкахъ, всегда могъ понадобиться срочный отъѣздъ на нѣсколько дней. Почему не предупредилъ хозяина? Да мало ли почему? Можетъ быть, просто не успѣлъ. Или не подумалъ, что хозяинъ тотчасъ сообщитъ полици. Мало ли что могло быть!.. Или уѣхалъ не желая платить по счету. Всѣхъ вещей у него, вѣрно, была пара штановъ»...

Доводы эти Кангарова не убѣдили. Онъ спустился внизъ, досталъ еще двѣ газеты и снова поднялся къ себѣ, — почему-то затворилъ дверь на ключъ. Одна изъ газетъ сообщила дословно то же самое, только фамилія была переврана по иному. Въ другой о происшествіи ничего не сообщалось. Почему-то это немного его успокоило. Онъ походилъ по комнатѣ. «Вѣроятно, пустяки. Просто, куда-нибудь уѣхалъ. Да и что же можетъ быть другое? И сенсаціи никакой нѣтъ. Развѣ такъ сообщаютъ о...»

Прихода въ санаторію полуденныхъ газетъ онъ не дождался. Хотѣлъ было послать за ними мальчика на вокзалъ, куда онѣ приходили немного раньше, но почему-то раздумалъ и пошелъ самъ. Развернулъ газету, оглянувшись, еще на дорогѣ. О происшествіи не было ни слова. «Разумѣется, вздоръ!» Кангаровъ вернулся, оглядывая подозрительнымъ взглядомъ немногочисленныхъ встрѣчныхъ прохожихъ. Внимательно вглядѣлся въ кассиршу, — какъ будто она улыбается нѣсколько странно? Поднявшись къ себѣ, онъ спряталъ было въ ящикъ тѣ газеты, въ которыхъ сообщалось о происшествіи, передумалъ, изорвалъ на мелкіе клочки и выбросилъ въ уборную. Надежда Ивановна просматривала первую и третью страницы газетъ лишь подъ вечеръ, да и то не всегда и бѣгло (что повергало его въ изумленіе: какъ можно до вечера прожить, ничего не зная!).

Кангаровъ всегда жаловался Надѣ, что по ночамъ «не смыкаетъ глазъ», — она недовѣрчиво сочувствовала, — на этотъ разъ онъ и въ самомъ дѣлѣ спалъ очень плохо.

Много думалъ о своемъ положеніи, о прошломъ, вспомнилъ съ ужасомъ свою статью «Опомнитесь, безстыдники!» На слѣдующее утро онъ безъ всякой причины отправился въ Парижъ. Ни съ кѣмъ разговаривать по этому дѣлу («да какое же дѣло?») было невозможно, Кангаровъ надеялся, что, быть можетъ, съ нимъ заговорять, т. е. кто-нибудь что-нибудь шепнуть. Никто ничего не сказалъ. Это можно было тоже понимать по разному. Однако онъ какъ будто немного успокоился: успокоительно было главнымъ образомъ то, что никакого шума происшествіе не вызвало. И газеты, и, повидимому, полиція имъ совершенно не интересовались. «Да и чѣмъ же тутъ интересоваться?.. Все-таки надо обдумать положеніе». Собственно и положенія никакого не было, и обдумываніемъ нельзя было назвать неясный ходъ безпорядочно перебѣгавшихъ мыслей Кангарова. Онъ вдругъ рѣшилъ, что пора покинуть Францію. Это зависѣло только отъ него: числился въ отпуску по болѣзни и могъ, конечно, сократить свой отпускъ.

— Дѣтка, — сказалъ вечеромъ Кангаровъ Надѣ, — сообщаю тебѣ важную новость: мы завтра возвращаемся.

Надежда Ивановна удивленно на него взглянула.

— Завтра?

— Такъ точно. Завтра, непременно завтра. А что?

— Ничего. Но почему вдругъ такая спѣшка? Вѣдь вашъ отпускъ кончается только черезъ десять дней. И вы хотѣли еще разъ побывать у профессора Фуко.

— Нѣтъ, я раздумалъ, да и никогда собственно не хотѣлъ. Онъ уже сказалъ все, что знаетъ, и ничѣмъ мнѣ не поможетъ. Къ тому же, оказались разныя дѣла, пора и на работу... А развѣ тебѣ хотѣлось бы еще тутъ со мной по сидѣть? Ты вѣдь и то жаловалась на скуку въ санаторіи.

— Я тутъ ни при чемъ: вы рѣшаете. Но развѣ непременно надо завтра? Мнѣ хотѣлось бы еще побывать въ Парижѣ.

— Это зачѣмъ? Если тебѣ нужны какія-нибудь тряп-

ки, то купишь тамъ, или отложи до слѣдующаго прѣзда.

— Да, кое-что надо бы и купить, и повидать кой-кого.

— Кого это?

— Да хотя бы Вислиценусъ, котораго вы такъ обожаете, — сказалъ Пади, чтобы позлить Кангарова.

— Вислиценуса? Онъ, говорятъ, уѣхалъ, — небрежно сказалъ посоль, очень обрадованный тѣмъ, что сѣ о Вислиценусѣ ничего не извѣстно.

— Куда уѣхалъ?

— Въ командировку, что ли? Не знаю.

— Можетъ быть, онъ тоже ускакалъ въ Испанію?

— Почему «тоже»?

Кангаровъ вдругъ почувствовалъ, что его заливаютъ радостью. «Но какъ же мнѣ это не пришло въ голову? Конечно, онъ ускакалъ въ Испанію, именно ускакалъ! Тогда все болѣе или менѣе объясняется!»

— Потому что въ Испанію, оказывается, уѣхалъ командармъ Тамаринъ. Я неожиданно получила отъ него сегодня открытку изъ Мадрида. Уѣхалъ, ничего не сказавъ, не простился.

— Глупышка! О служебныхъ командировкахъ вообще трубить у насъ не полагается, а о командировкахъ въ Испанію тѣмъ паче. Да, ты угадала, Вислиценусъ, я слышала, уѣхалъ въ Мадридъ Ивановичъ, но, пожалуйста, никому объ этомъ ни звука не говори. Да и тотъ глупый старикъ не имѣлъ никакого права посылать тебѣ изъ Испаніи открытки. Объ этомъ, прошу тебя, тоже молчокъ. Ты еще и его подведешь!

Кангаровъ смутно чувствовалъ, что дѣло все-таки разъясняется далеко не удовлетворительно: даже въ Испанію не было надобности уѣзжать т а к ъ: можно было сказать козяину объ отѣздѣ, не сообщая, разумѣется, куда ѣдешь; можно было увезти вещи и заплатить по счету. Но точно что-то въ немъ переломилось: онъ теперь твердо вѣрилъ, что Вислиценусъ уѣхалъ въ Испанію. Никакихъ слѣдовъ тревоги у него не осталось, она внезапно смѣнилась

приливомъ радости, бодрости, счастья. «Вотъ Наденька тутъ! Какое значеніе имѣеть все остальное!»

— Дѣтка! — сказала онъ сия — Милое дитя мое! Рѣшено и подписано, мы ѣдемъ завтра, значитъ вещи надо уложить еще сегодня. Давай, сейчасъ же этимъ займемся, и все сдѣлаю. Что же касается финтифлюшекъ, то если тебѣ нужны такія, какія можно достать въ Парижѣ сразу, не выходя изъ магазина, изволь. по дорогѣ на вокзалъ мы остановимся гдѣ нужно и все купимъ. Я найду съ тобой, ужасно люблю, какъ ты покупаешь тряпки! Если ты протранжирилась, то авансъ къ твоимъ услугамъ. Ты только составь заранее списочекъ финтифлюшекъ, которыхъ просить твоя душа.

— Никакихъ финтифлюшекъ моя душа не просить, — отвѣтила сердито Надежда Ивановна.

Ей собственно было все равно: санаторія очень надоѣла. Кангаровъ надоѣлъ «хуже горькой рѣдьки», но и тамъ будетъ не лучше. Въ общемъ, все теперь зависѣло отъ отвѣта редакціи: примутъ ли новеллу или нѣтъ? Новелла была отправлена Женкѣ съ препроводительнымъ письмомъ, въ которомъ, несмотря на небрежную форму, было обдуманно каждое слово (черновикъ передѣлывался два раза). Надежда Ивановна с о в е р ш е н н о н е в ѣ р и л а, что рассказъ будетъ принятъ: «Повѣрь, Женька, я не заблуждаюсь, отлично знаю, что это пустячекъ, ерунда, и посылать такъ, отъ фанаберіи, какъ ты говорилъ тогда въ Сокольникахъ. Не сомнѣваюсь, что они не возьмутъ, и будутъ правы. Миѣ совершенно все равно, я несколько огорчена не буду: написала отъ нечего дѣлать». Дальше слѣдовала подробная инструкція, какъ дѣйствовать и что сказать редакторамъ (Надя знала, что она много умнѣ Женьки). Рукопись и письмо она послала заказнымъ письмомъ. На почтѣ сказали, что дешевле послать какъ «*imprié*». Надежда Ивановна поколебалась: денегъ у нея было мало (просто непонятно, куда уходятъ). Все же послала

въ запечатанномъ конвертѣ — вѣрнѣе и какъ-то солиднѣе.

Теперь она ждала отвѣта. Въ самомъ положеніи этомъ, Надя чувствовала, было нѣчто нестерпимо банальное «Кажется, вездѣ описывается: пишущій авторъ ждетъ отвѣта редакціи относительно перваго своего произведенія. Но это для другихъ. Для меня отъ этого зависить теперь судьба». Отвѣта еще быть не могло, даже по телеграфу. Надежда Ивановна не просила о телеграммѣ, это было невозможно въ виду полного равнодушія къ судьбѣ разсказа. Но она понимала, что, если примутъ, то отъ Женки отвѣтъ придетъ по телеграфу: «Онъ все сдѣлаетъ: быть влюбленъ и говорилъ разныя слова» (упоминаніе о Сокольникахъ было сдѣлано не случайно: Надя и это обдумала, хоть ей было немного совѣстно). Въ письмѣ она просила никому не говорить ни слова; однако надежды на исполненіе своей просьбы не имѣла: понимала, что этого и требовать отъ человѣка нельзя, «я сама тоже всѣмъ разболтала бы». «Ну, и пусть! Откажутъ, такъ что же? Нинка будетъ издѣваться», -- Надежда Ивановна представила себѣ все самое обидное, что можетъ сказать Нинка по случаю ея провала, -- «но, во-первыхъ, она все равно издѣвается, не надъ этимъ, такъ надъ другимъ, такой собачій характеръ, ее всѣ знаютъ. Во-вторыхъ, ничего позорнаго нѣтъ, что не приняли перваго разсказа (Надя въ душѣ знала, что будетъ все равно и второй), это случилось съ самыми знаменитыми писателями. Въ-третьихъ, новелла могла не подойти по направленію или по жанру. Въ-четвертыхъ, ну плохой первый разсказъ, что за бѣда? Въ-пятыхъ, сама Нинка не то что новеллы, а письма грамотно написать не умѣетъ. Въ-шестыхъ»... Въ-шестыхъ выходило все-таки непріятно, что будеть смѣяться и злорадствовать. «Что-жъ дѣлать, любимицъ кататься, любви и саночки возить». Но саночки она чувствовала, а какое катарье, было не вполне ясно. Надежда Ивановна предполагала, если примутъ новеллу, бросить службу, вернуться въ Москву и стать настоящей писательницей, —

«профессиональной», — выражение это она читала в газетах, оно было ей и приятно, и немного странно: почему-то вызывало в памяти «профессиональную проституцию».

Надя съела за столъ и написала: «Женька, еще пара словъ въ дополненіе къ прежнему. Мы возвращаемся раньше времени: завтра. Нашъ старый адресъ ты знаешь, повторяю на всякій случай, зная твою дурью голову» (слѣдовалъ адресъ). «Ты, вѣрно, уже скоро будешь имѣть отлѣтъ относительно моей штуковни. Хотя, повторяю, я о семъ беспокоюсь очень мало, все же»... (слѣдало повтореніе инструкции). «Если-бы не ты, то не приняли бы на вѣрнос. Но, зная твои связи и вліяніе, я немного рассчитываю. Чѣмъ чортъ не шутить!» Насчетъ связей и вліянія было придумано тонко. «Пара словъ» превратилась въ четыре страницы, затѣмъ Надя еще довольно долго ходила по своей комнатѣ и вещи стала укладывать не скоро.

Надежда Ивановна догадывалась, что на обратномъ пути Кангаровъ будетъ опять говорить о любви. Это было тяжело, скучно и даже не смѣшно; она чувствовала, что обманываетъ его и нехорошо обманываетъ: «Надо было сразу его оборвать». Но обрывать Надя не умѣла, во всей этой исторіи съ Кангаровымъ запуталась и не знала, какъ изъ нея выйти. Вдобавокъ, Кангаровъ въ послѣднее время немного пугалъ ее: она замѣчала за нимъ странности. «Кажется, выживаетъ изъ ума. И пьетъ больше, чѣмъ нужно бы. Жаль его: онъ все-таки недурной человѣкъ».

Такъ и на этотъ разъ, на вокзалѣ Кангаровъ велъ себя нѣсколько странно: на лѣстницѣ, на перронѣ все нервно оглядывался по сторонамъ, всматривался въ проходившихъ людей, быстро пробѣжалъ по корридору вагона, заглядывая въ другія отдѣленія. «Да что это, онъ въ самомъ дѣлѣ боится слѣжки?» — съ недоумѣніемъ спрашивала себя Надежда Ивановна. Повидимому, ничего подозрительнаго Кангаровъ не нашель. Когда поѣздъ тронул-

ся, онъ сразу очень попеселъ, принялъ хорошо ей извѣстный, ухарскій разбойничій видъ, досталъ плоскую бутылочку коньяку, дорожный стаканчикъ и предложилъ ей выпить. Надя знала, что онъ скажетъ: «теперь узнаю всѣ твои мысли», вынетъ два стаканчика и добавитъ: «Великая вещь — коньячекъ Ивановичъ!» Кангаровъ именно такъ и сдѣлалъ. «Жаль, закусить нечѣмъ. Для тебя впрочемъ, дѣтка, найдутся конфетки»... Досталъ конфеты, отличную большую коробку, вынулъ длинный съ завитками шоколадный цилиндрикъ, разломалъ пополамъ, сунулъ половину ей въ ротъ, другую съѣлъ самъ. Все это было довольно обычно, хоть, какъ всегда, нѣсколько ей противно, но затѣмъ онъ вдругъ, съ неожиданной силой, приподнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни. «Что за безобразіе! Оставьте меня! Слышите, сейчасъ же пустите!», — сказала она и сразу почувствовала, что сказала это, хотя сердито, но тономъ ниже, чѣмъ слѣдовало бы, — «пустите, слышите!» — «Какая злая!» Онъ отпустилъ ее не сразу, пробуя, можно ли не отпускать. Надежда Ивановна вырвалась и сѣла въ уголь. — «Это становится просто невозможнымъ!» — «Дурочка»... — «Вы сами дуракъ!» — сказала она и вдругъ почувствовала, что это слово, неожиданно у нея вырвавшееся, многое мѣняетъ: «открылась новая глава». Кангаровъ постоянно отечески называлъ ее дурочкой, но ей никакъ не приходилось называть дуракомъ полномочнаго представителя великой державы, «хоть это святая истина». Полномочный представитель тоже нѣсколько опѣшилъ, засмѣялся не совсѣмъ естественно, но потрепалъ ее по колѣну. — «Обидѣлась? Экая ты.. Послушай лучше, что я тебѣ скажу». — «Ничего умнаго вы сказать не можете, лучше молчите». Надежда Ивановна шла напроломъ: все равно послѣ дурака оставаться на службѣ невозможно. — «Дерзкая дѣвчонка, какъ ты смѣешь такъ говорить съ своимъ начальникомъ?» — шопотомъ проговорилъ Кангаровъ, — «съ начальникомъ, который тебѣ предлагаетъ»... — «Что предлагаетъ? Что

вы мнѣ предлагаете?» — «Предлагаетъ тебѣ руку и сердце, говоря высокимъ стилемъ». — «Да быть не можетъ», — сказала Надя иронически. — «Значитъ, такъ, если я тебѣ говорю!» — «Но вы собственно какъ будто женаты». — «Ты отлично знаешь, что я развожусь.. Развожусь не изъ-за тебя, а во всякомъ случаѣ. Что же ты скажешь?» — «Я такъ поражена честью, что ничего сказать не могу». — «Ахъ, брось этотъ тонъ! Послушай, Надя, ты умная дѣвочка, ты отлично знаешь, что я въ тебя влюбленъ. Хочешь ты быть моею женой?» — онъ чуть было, по какому-то литературному воспоминанію молодости, не добавилъ: «передъ Богомъ и передъ людьми», — «скажи: да или нѣтъ?» — «Нѣтъ». — «Ты говоришь: нѣтъ, а я чувствую, что ты говоришь: да!» — «Чувствуйте, я не могу запретить вамъ чувствовать». — «Ты меня не любишь?» — «Я васъ очень люблю, но»... Она хотѣла сказать какъ говорилось у нихъ въ школѣ: «но издали». — «Ты хочешь сказать: какъ друга? Да, я буду тебѣ и другомъ. Я знаю, что я вдвое старше тебя» («а не втрое?») — мысленно поправила она), но я не чувствую себя старымъ! («это очень утѣшительно»), я влюбился въ тебя какъ мальчикъ, я все для тебя сдѣлаю, Надя!» Она хотѣла было выдержать ироническій тонъ, но понимала, что это становится невозможнымъ. — «Я очень тронута». — «Съ другой стороны, подумай», — сказалъ онъ убѣдительнымъ шопоткомъ, — ты умница, красавица, все это такъ. Однако до сихъ поръ тебѣ никто предложеній не дѣлалъ»... Надя густо покраснѣла. — «Я хочу сказать, что едва ли ты съ другимъ будешь имѣть столь блестящее положеніе какъ со мной», — послѣдшилъ поправиться онъ, почувствовавъ ошибку. — «Если вы»... — «Нѣтъ, нѣтъ, ты пойми, ты пойми мою мысль. Я объ одномъ тебя прошу: не говори нѣтъ; не лишай меня надежды, скажи: позвольте мнѣ подумать. На счетъ развода не безпокойся. Я его добьюсь». — «Добивайтесь чего вамъ угодно!» — «Надя!» — «А о моей горькой участи, пожалуйста, не тревожьтесь!» — «Нѣтъ, я на-

прасно сказалъ, что ты умна. Ты дурочка: развѣ можно придирагься къ слову? Надя, милая, подумай. Скажи: позвольте мнѣ подумать». — «Позвольте мнѣ подумать», — повторила она насмѣшливо, въ точности воспроизводя его интонацію. — «Но скажи мнѣ да, какъ можно скорѣе». — «Слушаю-съ». — «Ахъ, какая ты! Надо же мнѣ знать!» — «Это для развода? Но вѣдь вы, кажется, разводитесь во всякомъ случаѣ». — «Во всякомъ случаѣ!» — подтвердилъ онъ радостно, — «ну, вотъ и отлично, вотъ мы, наконецъ, поговорили. Больше а ни-ни, ни гу-гу. Хочешь читать газету, читай»... Надежда Ивановна пожала плечами. — «Милая, только не мучь меня долго! Я знаю, что ты врешь, будто ты до сихъ поръ не догадывалась». — «Отстаньте. Вы только что сами сказали: а ни-ни, ни гу-гу». — «Ни гу-гу! Ни гу-гу!» — съ восторгомъ повторилъ онъ, — «вотъ только поцѣлую... Нѣтъ, ручку, ручку!.. И ни гу-гу»...

Закрывшись газетой, Надя съ изумленіемъ думала о случившемся. «Болѣе идиотскаго объясненія въ любви, вѣроятно, никогда въ исторіи не было! Но я дѣйствительно понятія не имѣла, что онъ готовъ и на разводъ: я думала, онъ хочетъ т а к ъ!..» Тотчасъ Надеждѣ Ивановнѣ стало ясно, что въ этомъ-то неловкость и стыдъ: «Значить, пока онъ хотѣлъ т а к ъ, мнѣ было только смѣшно и гадко, а теперь?» Она сама не знала, чтѣ теперь. «Ясно, что онъ понималъ «нѣтъ» какъ «да», и всѣ эти идиотскіе «ни гу-гу» звучали какъ крикъ побѣдителя! Да вѣдь все-таки я сказала «нѣтъ», вольно-жъ ему понимать по своему! Но я-то, я-то сама какъ понимала: совсѣмъ «нѣтъ», на всѣ сто процентовъ «нѣтъ», или только на девяносто процентовъ?»

Надя ужаснулась. «Неужели хоть на минуту могло прійти въ голову, что я за него пойду! Нѣтъ, неправда, э т о не приходило. Онъ, какъ въ старыхъ романахъ писали, «блестящая партія», и влюбленъ въ меня, и онъ мнѣ, какъ ни странно, не отвратенъ, но все-таки объ этомъ и думать глупо. Надо сказать ему, чтобы онъ выбилъ себѣ дурь изъ головы: еще въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ разво-

даться со своей красоткой. А впрочемъ, это его дѣло, я ему сказала: нѣтъ, и кончено. А если ошь все равно съ ней разводится, то могу только его поздравить. Воображаю, какую физиономію она сдѣлаетъ!» Мысль о физиономіи Елены Васильевны была единственнымъ пріятнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ. «А самое неспріятное? Да, ужасно то, что онь правду сказалъ: предложеній никто не дѣлалъ, и не предвидится. Василій Васильевичъ въ мысляхъ меня не имѣетъ. Влюблялись, да и то не очень, только мальчишки: Сашка, Женька. Для меня люди моложе тридцати не существуютъ... И не старше сорока, ну, съ натяжкой, сорока пяти. Я не пушкинская Марія, и онь не Мазепа, да и за Мазепу я тоже не пошла бы. Какія однако глупыя мысли лѣзутъ въ голову», — сама удивилась Надежда Ивановна. — «Но это, правда, ужасно! Если до сихъ поръ не влюблялись, то дальше и тѣмъ болѣе не будутъ. Значить, нѣтъ ничего!..» Надя еще приблизила къ лицу газету. «Если я сейчасъ разревусь, онь подумаетъ, что это отъ счастья... Что-же ему сказать? Надо бы просто уйти и бросить службу. Но какъ жить? Чѣмъ жить? Если-бы хоть скорѣе былъ отвѣтъ отъ редакціи! Господи, какой угодно отвѣтъ бы дала, лишь бы приняли! Уѣхать такъ? Но въѣдъ и на билетъ не хватитъ денегъ, а онь не дастъ и не отпуститъ... Въ Москвѣ Нинка будетъ говорить, что виконта заграницей найти не удалось. Ну и пусть говорить. Сама она тоже еще не вышла, ни за виконта, ни за не-виконта!» — съ неожиданной злобой подумала Надежда Ивановна. Почему-то ей вспомнился молодой человекъ, тотъ красивый «бѣлогвардеецъ», котораго они съ Тамаринымъ видѣли въ кофейнѣ передъ большимъ объемомъ. Надя вздохнула.

Послышался звонокъ, въ дверь ихъ отдѣленія постучали. Человекъ въ синей курткѣ предлагалъ билетики на завтракъ въ вагонъ-ресторанъ. «Да, да, два мѣста. На первую серію», — встрепенувшись, весело сказалъ Кангаровъ. — «Мы и вина съ тобой выпьемъ. Хочешь, спросимъ

шампанскаго? По сегодняшнему случаю. Винавать, винавать, знаю, что никакого случая не было: ты мнѣ отвѣта не дала, слышала, слышала!».

XX.

На вокзалѣ ихъ встрѣчалъ только Эдуардъ Степановичъ, наиболѣе близкій человѣкъ въ полпредствѣ. При видѣ Надежды Ивановны онъ улыбнулся особенно достойно-радостно, и лицо его ясно выразило: «я тутъ ничего, рѣшительно ничего, страннаго не нахожу».

— «..Вы очень пополиѣли, но видъ немного усталый съ дороги». — «Нѣтъ, я вообще усталъ», — сказала отрывисто Кангаровъ, — «ну что? какія непріятности? выкладывайте сразу». Оказалось, что особыхъ непріятностей нѣтъ: есть только пропасть заботъ важнѣйшаго государственнаго и дипломатическаго порядка. На лицѣ Эдуарда Степановича появилось чрезвычайно озабоченное, хоть тоже въ высшей степени достойное, выраженіе. Онъ явно не хотѣлъ говорить въ присутствіи Надежды Ивановны о государственныхъ дѣлахъ. «Господи, какой скучный!» — подумала Надя. Эдуардъ Степановичъ не былъ ей непріятель; она знала, что онъ человѣкъ порядочный, самый порядочный изъ всѣхъ ея сослуживцевъ: не донесетъ, не наслетничаетъ, не сдѣлаетъ никакой гадости. Но отъ самаго его вида, отъ голоса и говора вѣяло скукой. Послѣ двухъ минутъ разговора на вокзалѣ Надеждѣ Ивановнѣ показалось, будто она никуда не уѣзжала, всю жизнь прожила съ Эдуардомъ Степановичемъ, и конца этому не будетъ. — «..Что вы говорите: Елена Васильевна?..» Эдуардъ Степановичъ собственно ничего о Еленѣ Васильевнѣ не говорилъ. Онъ учтиво подождалъ съ полминуты, не будетъ ли конкретнаго вопроса, — не слѣдуетъ перебивать начальника. Убѣдившись, что конкретнаго вопроса не будетъ, не сказалъ, а сдержанно прои-з-

нестъ: «Елена Васильевна вполнѣ здорова. Но мы не знали въ точности, когда именно вы приѣзжаете». Видь сто опять показывалъ, что, со свойственнымъ ему тактомъ, онъ не считаетъ возможнымъ касаться вопросовъ больныхъ, — такъ онъ въ бесѣдахъ съ иностранцами замолкалъ, если случайно рѣчь заходила о пропагандѣ коммутерна. Эдуардъ Степановичъ сообщилъ новости изъ о с в ѣ д о м л е н н ы х ъ к р у г о в ѣ. — «Кромѣ того у короля готовится большой балъ со всѣмъ тра-ля-ла. Давно уже такого при дворѣ не было». — «Съ чего бы это король Ивановичъ такъ развеселился?» Эдуардъ Степановичъ солидно-дипломатически пожалъ плечами. — «Ну, а вы какъ? Все побѣждаете женскія сердца?» — «Спасибо, я уже смѣялся», — сказалъ Эдуардъ Степановичъ.

Когда на слѣдующее утро Надежда Ивановна явилась на службу, Базаровъ въ юмористической формѣ рассказывалъ двумъ другимъ служащимъ о встрѣчѣ амбассадера и амбассадерши. — «...Раскатовъ грома не было. Но Ленуся развода не даетъ». — «Все вы врете: ничего вы слышать не могли». — «Слышать-то онъ понятно ничего не слышалъ, а что у нихъ къ Загсу идетъ, это фактъ». — «Похоже что. Но деньжатъ съ амбассадера Ленуся получить немного, у него у самого не то чтобы густо, алименты будутъ средніе. Въдь и для Надьки нужно прибегать... А, Надежда Ивановна, съ приѣздомъ», — улыбаясь, обратился Базаровъ къ входившей Надѣ. Она догадалась, что говорили о ней нехорошес, и покраснѣла. «Всѣ злые, всѣ хамы! Есть-ли еще добрые люди?»

Елена Васильевна встрѣтила просьбу мужа съ холодной спокойной яростью. Кангаровъ говорилъ не громкимъ в з в о л н о в а н н ы м ъ г о л о с о м ѣ, стараясь вложить въ свои слова возможно больше искренняго уваженія и даже тихой пѣжности. Общій смыслъ его словъ былъ такой: что жъ дѣлать, случилось

несчастье, люди, когда-то горячо любившіе другъ друга, вдругъ почувствовали, что они другъ друга больше не любятъ; при такихъ условіяхъ совмѣстная жизнь становится безмысленной и невозможной; поэтому, полностью сохраняя глубокое уваженіе и тихія дружескія чувства, обѣ стороны должны дать другъ другу свободу.

По лицу Елены Васильевны во время монолога ея мужа трудно было разобрать что бы то ни было: слушала, не перебивая, спокойно, даже съ легкой улыбкой, впрочемъ скорѣе ничего добраго не предвѣщавшей. Неожиданнаго въ словахъ Кангарова было для нея не такъ много: Елена Васильевна не сомнѣвалась, что ея мужъ въ связи съ Надей. «Все-таки какая наглость!» — подумала она, — «разумѣется, ни за что!»

— Какъ прикажете понимать «дать свободу»? Это значить: разводъ? — спросила она, улыбаясь.

— Милая, посуди сама: если два человѣка замѣчаютъ, — началъ Кангаровъ, ободренный было ея спокойствіемъ: онъ ждалъ криковъ и истерики. Елена Васильевна его перебила:

— Если два человѣка замѣчаютъ, что вы живете съ этой горняшкой, то я вамъ развода не дамъ

— Ленуся, какъ тебѣ не стыдно! Я понимаю, что ты взволнована, но пойми же...

— Я нисколько не взволнована. Отчего бы мнѣ волноваться? Я не такъ страстно васъ люблю.

— Я и говорю, что при такихъ условіяхъ выясняется...

— При такихъ условіяхъ выясняется, что вы дуракъ, — сказала ледянымъ тономъ Елена Васильевна. Кангаровъ опять немного опѣшилъ: на протяженіи двухъ дней отъ обѣихъ услышалъ одно и то же. Глаза у него пожелтели отъ злости.

— На грубости я отвѣчать не буду!

— Это не грубость, а святая истина. Вамъ шестой десятокъ, изъ васъ песокъ сыплется, и вы дали этой интриганкѣ съ лицомъ смазливой горняшки свести васъ съ

ума или съ того, что вы считаете умомъ. Какъ же мнѣ называть васъ иначе, какъ дуракомъ?

— На грубости я отвѣчать не буду, — повторилъ Кангаровъ, сдерживаясь: «не надо ее раздражать». Негромкій взволнованный голосъ все-таки теперь уже не совсѣмъ подходилъ. -- Не буду отвѣчать и на намеки, столь же лишеныя основанія, сколь недостойныя тебя, меня, нашего прошлаго, — сказалъ онъ съ силой. — Я просто тебя спрашиваю, какіе логическіе выводы ты дѣлаешь изъ того, что ты же сама говоришь? Можемъ ли мы быть мужемъ и женой при такомъ твоёмъ отношеніи ко мнѣ? Можемъ ли мы...

— Вы совершенно напрасно расточаете краснорѣчіе. Я вамъ развода н-не дамъ!

— Милая, почему же?

— Потому.

-- Это не отвѣтъ. Будемъ разсуждать какъ здраво-мыслящіе люди. Два человѣка...

— Не дамъ и не дамъ. Такъ и зарубите у себя на носу: ни-ког-да!

— Позволь тебѣ однако сказать въ такомъ случаѣ, что я могу обойтись и безъ твоего согласія. Мы живемъ не въ буржуазномъ государствѣ, а социалистическомъ: у насъ человѣка не закабаляютъ и не...

Елена Васильевна расхохоталась самымъ демоническимъ своимъ смѣхомъ.

— Посмотримъ! Думаю и даже убѣждена, что вы въ вашихъ интересахъ на скандалъ не пойдете. Въ Москвѣ этого теперь не любятъ.

— Чего не любятъ? На какой скандалъ? Въ чемъ скандалъ? Подумай о томъ, что ты говоришь! Ленуся, пойми же, что я не хочу ссориться съ тобой. Зачѣмъ ты меня оскорбляешь? Развѣ я виноватъ, что .. Развѣ тутъ есть виноватые?

— Вы очевидно думаете, что если вамъ хочется пробираться по ночамъ къ этой горняшкѣ не крадучись, а

открыто, то это Божья воля? Это не Божья воля! Она, разумеется, плевать хотѣла на васъ какъ на такового. Надо быть идиотомъ, чтобы думать, что вы еще можете нравиться женщинамъ, хотя бы горняшкамъ. Она хочетъ стать женой полпреда, только и всего. Черезъ годъ она васъ броситъ, разумеется, ободравъ васъ какъ липку.

— Безполезно продолжать этотъ разговоръ! — сказала, слс сдерживаясь, Кангаровъ. Глаза его отъ бѣшенства стали шафранными. — Но если ты говоришь о моемъ официальномъ положеніи, то я долженъ сдѣлать тебѣ другое признаніе, которое непосредственно тебя касается. Я не хотѣлъ говорить до сихъ поръ, но теперь больше молчать не могу. Мое положеніе въ Москвѣ очень поколебалось.

— Почему? Вы врете.

— Я самъ не знаю почему. Ты мнѣ не вѣришь въ личныхъ интимныхъ дѣлахъ, пусть! Но я не давалъ тебѣ права сомнѣваться въ моей политической работѣ, — сказала онъ съ еще большей силой: какъ будто клянуло. — Вѣроятно, ему меня оговорили враги. Ты сама знаешь, что творится въ Москвѣ. Кое что я слышалъ теперь въ Парижѣ.

— Что ты слышалъ?

— Не могу сказать, я связанъ. Но положеніе мое, прямо скажу тебѣ, плохое. Теперь сдѣлай выводы. Я могу слетѣть въ любую минуту, да и только ли слетѣть? Ты меня знаешь: если меня вызовутъ въ Москву, я выѣду въ тотъ же день, что бы меня тамъ ни ждало. Я не обману довѣрія партіи и совѣтскаго государства, поставившаго меня на высоту, — сказала Кангаровъ тономъ закаляющагося Катона.

— Что такое ты слышалъ о Москвѣ? Мнѣ ты можешь сказать.

— Не могу даже тебѣ. Но хорошаго мало... Итакъ, предположимъ на мгновенье, что это будетъ такъ. Я не говорю, что это непременно будетъ такъ, — добавилъ

онъ для большаго правдоподобія и тутъ же подумалъ, что, къ несчастью, тутъ далско не все выдумка. — Но предположимъ на мгновенье, что это будетъ такъ: меня вызываютъ въ Москву. При тѣхъ отношеніяхъ, которыя къ сожалѣнію, между нами установились, могу ли я связывать тебя своей участію?

— А ее можете?

— Кого ее? Опомнись, Ленуся!

— Вы не хотите однако меня увѣрить, что вы добиваетесь развода не для женитьбы на ней. Если не для этого, то для чего вамъ разводъ?

— Не будемъ отвлекаться, я не намѣренъ заниматься бреднями. Я только тебя спрашиваю: могу ли я тебя связывать своей участію? Готова ли ты на это?

Тутъ произошло неожиданное. Елена Васильевна встала, въ волненіи прошла по комнатѣ и, остановившись передъ мужемъ, положила ему руку на плечо.

— Ты можешь обо мнѣ думать что тебѣ угодно, но я въ бѣдѣ мужа не покину! — сказала она проникновенно. Это было уже не изъ трагедіи, а изъ Аввакумова житія: «Долго ли муки сія, протопопъ, будетъ?» — «Марковна, до самая смерти». — «Добро, Пестровичъ, ино еще побредемъ». Но Елена Васильевна никакой роли тутъ не вспоминала: развѣ только отрывки изъ «Русскихъ Женщинъ», которыя иногда читала въ Москвѣ на вечерахъ. Она была искренне взволнована. — Я тебѣ была вѣрна въ счастья, буду вѣрна и въ несчастьи.

— Повѣрь... Но въ правѣ ли я, Ленуся, принимать твою жертву?

— Тутъ у тебя нѣтъ ни права, ни не-права. Это мое дѣло, и что бы ты обо мнѣ ни думалъ, я не то, что нѣ-которыя... Бросимъ этотъ разговоръ!

— Ленуся, я страшно тронута, но пойми...

— Бросимъ этотъ разговоръ! — повторила Елена Васильевна и вышла изъ комнаты: королева разстается съ графомъ Лейстеромъ, лучшая сцена Ермоловой.

«Это катастрофа!», — подумалъ съ ужасомъ Кангаровъ, опускаясь на диванъ, — «это катастрофа! Я ждалъ чего угодно, только не этого»... Посидѣвъ неподвижно минуты двѣ, онъ положилъ голову на валикъ дивана, хотѣлъ поднять на диванъ ноги и не поднялъ, зажегъ стѣнную лампочку и снова ее погасилъ. «Что же теперь дѣлать? Да, конечно, можно развестись противъ ея воли. Поѣхать въ Москву? Но отпустить ли оттуда назадъ? А съ Наденькой пока что дѣлать? Взять съ собой, она со мной сюда не вернется. Ей даже сказать нельзя: она тотчасъ уйдетъ! Но если Наденька отъ меня уйдетъ, я погибъ!» Онъ взглянулъ на изогнутый въ видѣ вопросительнаго знака крюкъ стѣнной лампы. — «Вѣдь она и такъ почти отказала мнѣ. Нѣтъ, не отказала, но еще все виситъ на волоскѣ! Я храбрился съ ней, храбрился съ собой, а все виситъ на волоскѣ, точно я этого не понимаю! Эта гадина права, я старъ, жизнь моя на исходѣ, начало конца! Развѣ стариковъ любятъ?» «Изъ васъ песокъ сыплется», — вспомнилъ онъ, — «да, она права! Можетъ быть, это преступленіе связывать со своей кончающейся жизнью молодое существо?» Съ отчаяніемъ Кангаровъ подумалъ, что, хотя бы это было преступленіемъ, онъ отъ Нади отказаться не можетъ: въ этомъ смыслъ жизни, весь смыслъ жизни. — «Но, быть можетъ, она любитъ другого? Вислиценуса? Нѣтъ, этотъ былъ такой же оселъ, какъ и я. Другой, молодой, одинъ изъ ея московскихъ мальчишекъ, какой-нибудь Петька или Ванька? Или тотъ курносый Василій Васильевичъ, фотографія котораго стоитъ у нея на столѣ? Вотъ къ нему она и уйдетъ!» Съ ужасомъ и ненавистью онъ представилъ себѣ ихъ встрѣчу въ Москвѣ, сцену на квартирѣ у этого Василія Васильевича. «Но если такъ, то жизнь мнѣ не нужна! На все наплевать!» Сердце у него стучало. «Припадокъ? Нѣтъ, какіе припадки! Гдѣ-то было лекарство... Какое теперь лекарство!» Передъ кресломъ стоялъ передвижной столикъ съ ликерами. Кангаровъ налилъ чего-

то изъ графина, выпилъ залпомъ, налилъ изъ другого, выпилъ еще, пробѣжалъ по комнатѣ. Курносый тридцатилѣтній человекъ насмѣшливо-побѣдоносно улыбался ему, обнимая въ постели полуодѣтую Надю. «Сейчасъ, сію минуту кончать! Револьвера нѣтъ, пойду куплю, тамъ есть оружейный магазинъ. Нужно разрѣшеніе? Нѣтъ, я покажу свои бумаги. Долго, далеко....» Вдругъ его налитые кровью глаза снова остановились на лампѣ, придѣланный къ стѣнѣ надъ диваномъ. — «Да, это крѣпкое бра, оно выдержитъ пять пудовъ. Надо попробовать... Дыханье пресѣклось у него совершенно. Ему вспомнился товарищъ, повѣсившійся тридцать лѣтъ тому назадъ въ Женевѣ въ той гостинницѣ, гдѣ они жили. «На подтяжкахъ? Нѣтъ, кажется, на веревкѣ. Веревка найдется, вонъ тамъ есть. Скандаль? Все равно, мнѣ теперь все равно! Съ улицы увидятъ? Плевать! Есть портьеры». Дрожащей рукой онъ задернулъ портьеру на одномъ окнѣ, хотѣлъ было задернуть на другомъ, не задернулъ, залпомъ выпилъ еще полный стаканъ ликера и, пошатываясь, не спуская глазъ съ крючка, подошлъ къ стѣнѣ. Онъ сталъ позади изголовья, отодвинулъ диванъ, взялся рукой за крюкъ и сильно потянулъ его книзу. Крюкъ выдержалъ. Кангаровъ схватился за него обѣими руками и повисъ, поджавъ ноги. Неприятно хрустнулъ подъ мышками и нелѣпо растопырился снизу пиджакъ. Крюкъ вырвался изъ стѣны, посыпалась известь, послышался трескъ разбившагося стекла. Кангаровъ споткнулся, упалъ на колѣни, быстро поднялся и безмысленнымъ взглядомъ уставился на полъ.

Въ дверь постучали, вошелъ Эдуардъ Степановичъ и остановился съ недоумѣніемъ. — «Что это случилось? Лампа вывалилась?» — «Лампа вывалилась», — безмысленно повторилъ посоль. — «Я сейчасъ скажу, чтобы убрали». Онъ хотѣлъ было спросить Кангарова о здоровьи, но раздумалъ. — «Здѣсь вообще неважно работаютъ. Я на дняхъ сталъ на стулъ, чтобы достать книгу, момен-

тально ножка треснула... Я вамъ не мѣшаю? Я хотѣлъ вамъ передать: это отъ короля», — сказалъ, подавая большой конвертъ, Эдуардъ Степановичъ такъ почтительно-торжественно, будто король самъ только что это принесъ. — «Разрѣшите вскрыть?» Кангаровъ кивнулъ головой. — «Темновато тутъ. Да, это приглашеніе отъ короля вамъ и Еленѣ Васильевнѣ... Я потому у васъ попрошу для моей коллекціи, если вы не собираете... Говорятъ, балъ по великолѣпію затмитъ все! Они это красиво дѣлаютъ, лучше, чѣмъ у насъ на Спиридоновкѣ». — «Чѣмъ у насъ на Спиридоновкѣ», — повторилъ Кангаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Алдановъ.

Путешествіе Глѣба *)

(Заключительный отрывокъ 2-го тома).

.....

На Масленицѣ Красавца вызвали въ имѣніе подъ Перемышль — захворала богатѣйшая старуха. Мѣсто такое, куда приглашали и профессоровъ изъ Москвы. Для Красавца весьма почетно. Платили какъ слѣдуетъ. Красавцу льстило все это, однако, и не очень хотѣлось ѣхать. На Масленицѣ онъ привыкъ ѣсть блины дома, блины и у безчисленныхъ Терехиныхъ, Барутовъ, Капыриныхъ. По старой памяти можно было съѣздить въ маскарадъ, приволочнуться за нехитрой маской — не до такой, конечно, степени, какъ въ холостое время.

Въ уѣздъ онъ выѣхалъ не въ важномъ настроеніи. Впрочемъ, за послѣднее время чувствовалъ себя вообще безпокойно, невесело. Ему шель пятьдесятъ седьмой годъ. Болѣла нога, сердцебіенія чаще, меньше можно пить. Главное-же: съ Олимпіадой дѣла плохи. Когда онъ самъ съ собой разсуждалъ, выходило какъ будто-бы гладко. «Она должна быть мнѣ благодарна. Ну-те-съ... Положеніе, достатокъ... Развѣ я отказывалъ ей въ чемъ? Платья, наряды... Самъ я тоже не кто-нибудь, меня вся Калуга знаетъ. У насъ бываетъ вице-губернаторша. Гдѣ она видѣла это въ фирсовскомъ домѣ?» Разсужденіе, будто-бы, и безспорное. Но покоя въ душѣ не было. Эта могучая, молодая, синеокая женщина — его жена, и она должна его любить... Тутъ начиналось какое-то н. о. Красавецъ, изъ уваженія къ себѣ, не договаривалъ. Молчаливая-же, не-

*) См. «Совр. Записки» № № 60, 62, 67, 69

гонорбвая часть его души тосковала. Ревнивымъ онъ былъ всегда. Теперь это обращалось въ болѣзнь.

Къ больной съѣздила Красавецъ безрадостно, по уже портившейся дорогѣ, вотъ-вотъ и распутица настанетъ. Старуху лѣчилъ какъ надо, и какъ надо она умерла, не доставивъ особаго горя окружающимъ. Но на все это ушло трое сутокъ. Двѣсти рублей, двѣ Екатерины, приятно шелестѣли въ бумажникѣ. Когда онъ спускался на тройкѣ къ мосту черезъ Оку, по обтаявшему перемышльскому большаку, въ Калугѣ звонили уже къ мсвимонамъ: пропустилъ Масленицу — понедѣльникъ великаго поста! Красавецъ не любилъ постъ: церковь нагоняла на него уныніе. Хотѣлось намакать, нравственно встряхиваться, а тутъ изволь думать о смерти, вѣчности. Успѣется еще.

Когда онъ подъѣзжалъ къ своей квартирѣ на Никитской, Глѣбъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ въ очень смутномъ настроеніи.

Весь вчерашній день онъ испытывалъ раздирательную тоску. Дѣлать рѣшительно ничего не хотѣлось. Олимпиады съ утра дома не было. Къ вечеру Никитская полна была гуляющихъ, по оттепельнымъ ухабамъ неслись лихачи, кучеческія тройки катили степенно. По мокрымъ тротуарамъ сновали приказчики, барышни, офицеры, гимназисты. Глѣбъ, выйдя на улицу, взглянувъ на пронзительно-розовое предвечернее небо, вдругъ чуть не заплакалъ. Толпа равно невыносима. Но все равно. Онъ одинъ, ему нигдѣ нѣтъ мѣста... — да и жизнь — вотъ эти толстые купцы, чиновники, городской на углу? Глѣбъ неожиданно рѣшилъ идти къ Полинь Ксаверьевнѣ. Это ужъ потому хорошо, что сворачиваешь съ Никитской, меньше пошлыхъ праздничныхъ лицъ. Масленица! Онъ погибаетъ, а они обжираются своими блинами.

Подины Ксаверьевны дома не оказалось. Глѣбъ вернулся домой. Тутъ происходило нѣчто необычное. У подъѣзда стояла тройка, кучеръ и дворникъ прилаживали въ саняхъ огромный олимпиадинъ чемоданъ. Глѣбъ сразу его

узналъ. Прошмыгнула горничная Дуня. Наверху, въ передней, онъ столкнулся съ Олимпіадой. Она была нѣсколько блѣдна, глаза сіяли, ротонда охватывала могучее ея тѣло.

— Ахъ, вотъ ты, Глѣбочка.. Я ужасно спѣшу.

— Уѣзжаешь?

Она не назвала его ни «профессоромъ», ни «Байрондичемъ». Она вообще была другая. Обняла,дохнула неистребимой силой свѣжести, духовъ, молодости.

— Да, къ роднымъ. На нѣсколько дней. Такъ и дядюшкѣ можешь сказать... впрочемъ, нѣтъ, не говори. Я ему письмо оставила. Къ роднымъ. Подъ Алексинь. Прощай! Некогда. И не провожай. Иди. Ну, съ Богомъ...

Олимпіада быстро его поцѣловала, отворила дверь на лѣстницу. Съ тѣмъ Глѣбъ и остался. Все было кратко, бурно, ни на что непохоже. Онъ подошелъ въ залѣ къ окну — тройка рѣзво взяла вверхъ по Никитской. Какіе родные подѣ Алексинымъ? Почему у нея такой видъ? Глѣбъ рѣшительно ничего не ловялъ. Чтѣ за таинственность? Настроеніе его не то, чтобы уллучилось, но перебилось: точно-бы онъ повернулъ за уголъ. Но въ новомъ этомъ направленіи было нѣчто тревожное.

Вечеромъ въ понедѣльникъ Красавецъ снялъ съ себя шубу въ передней собственной квартиры. Его удивило что-то въ лицѣ Дуни.

— Барыня дома?

— Никакъ нѣтъ.

Черезъ двѣ минуты онъ постучалъ въ комнату Глѣба.

Вошелъ оживленно, съ обвѣтренными отъ вѣзды на лошадахъ щеками, покраснѣвшимъ носомъ. Лобъ наморщенъ, губы съ важностью выдаются впередъ.

— Здравствуй, душечка.

Онъ поцѣловалъ вставшаго Глѣба въ лобъ.

— Учился? Какъ всегда. Наша порода. А скажи, пожалуйста, гдѣ-же Олимпіадочка?

Глѣбъ за эти сутки много передумалъ. Болѣе или ме-

нѣе представлялъ теперь себѣ, въ чемъ дѣло. Но не зналъ, какъ держаться.

— Она сказала, что поѣхала къ роднымъ... подь Алексинъ.

-- Подь Алексинъ?

Красавецъ сталъ медленно блѣднѣть. Будто хотѣлъ сказать что-то — не сказалъ. Глѣбъ совсѣмъ потерялся. Да не выходитъ-ли такъ, что и онъ соучастникъ? Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе — точно проснулся.

— Впрочемъ... тамъ есть письмо для тебя, въ залѣ, на подзеркальничкѣ.

Съ этого и надо было начинать. Письмо онъ, дѣйствительно, видѣлъ, и вчера вечеромъ и сегодня. Именно вотъ сегодня не безъ жуткости мимо него прошелъ.

Чувство это было правильное. Три минуты спустя въ благоустроенной квартирѣ на Никитской началась новая жизнь, предлагая Глѣбу новыя для него картины, открывая новыя стороны человѣческаго бытія. «Полицію!» кричалъ въ залѣ Красавецъ. «Силой верну! Похищеніе! Подь судъ негодяя!»

Со стѣны въ кабинетъ слетѣлъ портретъ Олимпиады — стеклянные осколки брызнули по паркету, когда шваркнулось объ него лицо калужской красавицы. Потомъ былъ страшный крикъ на Дуню, дворника, кухарку. Мимо Глѣба буря неслась не задѣвая, но онъ былъ сбитъ, пораженъ — все это выходило изъ обычнаго.

Глѣбъ не особенно задумывался надъ тѣмъ, что такое бракъ, но привыкъ считать, что если его отецъ и мать — мужъ и жена — то ужъ такъ тому и быть, разъ навсегда. Представить себѣ, чтобы мать сложила чемоданы, уѣхала и оставила-бы письмо, послѣ котораго отецъ сталъ-бы кричать: «Полицію!» — невозможно. Но здѣсь «такое» именно произошло.

Отгремѣвъ дома, Красавецъ кинулся вонъ съ видомъ вепря, готоваго поднять на клыки и врага, и невѣрную. Неизвѣстно, гдѣ вепрь носился по великолестной Калугѣ.

Можно думать, что полицмейстеръ Буланинъ, грустно разглаживая рукой могучіе подусники, заправляя ихъ въ смущеніи въ ротъ, уговаривалъ пріятели «не волноваться, шадить свое драгоценное здоровье. Здоровьице шадить. Драгоценнѣйшее. Калужская полиція къ его услугамъ — выполнить свой долгъ. Но здоровье важнѣе. И не пропустить-ли по перцовочкѣ? А утро вечера мудренѣе». Красавецъ и кипѣлъ и пропускаялъ, и намокала — домой вернулся поздно. Чтò дѣлалъ остатокъ ночи неизвѣстно. Утромъ-же съ нимъ случился припадокъ сердца. Дуня летала къ доктору Гоштофту.

Старикъ въ крылаткѣ, съ бакенбардами снѣжной бѣлизны, Гоштофтъ всѣхъ излѣчивалъ непобѣдимымъ благодушіемъ, снѣговымъ сіяніемъ бакенбардъ. Красавецъ нисколько не вывелъ его изъ равновѣсія. Онъ ласково гладилъ свои бакенбарды — одну, другую. Одну, другую. Ушла жена — невесело, но случается. Главное, не волноваться. Это «въ нашемъ возрастѣ» вредно. Пульсикъ? Ну да, слегка ускоренъ... Ничего, все давно извѣстно.

Для Гоштофта дѣйствительно было извѣстно. За свою долгую жизнь онъ не разъ сходилъ и расходился. Похоронилъ собственную жену, жилъ съ чужими, вторая собственная отъ него ушла, онъ женился на третьей — и ее пережилъ и опять занялся чужими. Считалъ, что волненія страстей, любви, ревности необходимы, но мало-ли еще чтò необходимо. Относиться-же ко всему надо философски: то-есть благодушно-равнодушно.

Прогладивъ передъ Красавцемъ еще разъ бакенбарды, онъ далъ ему ландышевыхъ капель.

Однако, характеръ Красавца былъ иной чѣмъ у Гоштофта. Ландышевыя капли дѣйствовали, но не все могли сдѣлать. Внутренно Красавецъ кипѣлъ. Хорошо, что Олимпиада и Александръ Иванычъ находились далеко. Вблизи Красавца небезопасно-бъ имъ было. Но ихъ укрывала Россія — необъятностью своею. По той самой «широкой дорогѣ — желѣзной!», которою соблазнялъ Глѣба Але-

ксандръ Ивановичъ, успѣли они укатить далеко. Ищи вѣтра въ полѣ! И еще былъ союзникъ: время. Оно шло и шло. Красавецъ кипѣлъ и варился въ приокской Калугѣ о тридцати шести церквахъ, но нельзя кипѣть вѣчно — начнешь остывать.

Сначала казалось, что со дна моря онъ ихъ достанетъ. Но каждый прожитой день ослаблялъ. И даже въ погоню никуда онъ не вылетѣлъ, хотя полицеймейстеру-другу Буланину и подалъ жалобу съ просьбой «найти похищенную его супругу, возвратитъ по этапу въ городъ Калугу и водворитъ на законное жительство въ квартиру мужа». Буланинъ меланхолически расправилъ подусники, завернулъ ихъ концы въ ротъ и вновь завѣрилъ Красавца, что «калужская полиція всецѣло въ его распоряженіи».

Глѣбу все это казалось страннымъ, но очень грустнымъ. Къ собственному удивленію онъ замѣтилъ, что и ему жаль... — жаль, что не слышно больше изъ залы «Такъ взгляни-жь на меня, хоть одинъ только разъ...» или «Гаснутъ дальней Альпухарры...», что не проходитъ больше Олимпиада каждый день мимо него, легко неся крупное тѣло, синсокая, душистая — иной разъ улыбнется, обниметъ, но родственному поцѣлуетъ. Красавца тоже жаль. Русско-польскій его порохъ прогоралъ, приходилось мириться съ неизбѣжнымъ. Глѣбъ самъ еще не испыталъ страстей, тутъ впервые видѣлъ, какъ грызутъ онѣ, томятъ и мучатъ. На его глазахъ Красавецъ похудѣлъ и ослабѣлъ — ночи безъ сна не украшаютъ.

Разъ, великопостными сумерками, Глѣбъ неожиданно вошелъ въ столовую. Красавецъ сидѣлъ за пустымъ столомъ, на обычномъ своемъ мѣстѣ, подперевъ голову рукой. Противъ него, черезъ столъ, должна-бы находится Олимпиада. Въ комнатѣ было тихо. Увидѣвъ Глѣба, Красавецъ быстро поднялся, вынулъ изъ бокового кармашка ослѣпительный платочекъ. Отъ него пахло духами. «Да, душечка, вотъ и позднѣе смеркаться начинается... Весна».

Какъ ни быстро отвернулся Красавецъ, Глѣбъ замѣ-

тилъ, что все лицо его залито слезами. Онъ быстро обмахнулся платочкомъ, собралъ на лицѣ привычное, не безъ важности, выраженіе, выпятилъ немножко впередъ губы:

«Черезъ мѣсяцъ ужъ распускаютъ? Экзамены? Незамѣтно пройдетъ. Ничего, ничего. Работай. Какъ всегда долженъ быть молодцомъ». Глѣбъ такихъ разговоровъ не любилъ. Но сегодня былъ тихъ, покоренъ. Согласился, что и весна идетъ, и экзамены скоро. «Кончишь, уѣдешь... и поминай какъ звали», вдругъ сказалъ Красавецъ — и вскрипнулъ. Глѣбъ совсѣмъ удивился.

.....

Такъ-же внезапно, какъ появилась въ городѣ, собралась Полина Ксаверьевна и покинуть его. Глѣбъ узналъ объ этомъ за нѣсколько дней до ея отъѣзда. «Я рада», заявила Полина Ксаверьевна, «что вы тоже скоро оставляете эту Калугу. Нечего вамъ тутъ дѣлать. Въ винтъ играть? Нѣтъ, вамъ нужна столица». Глѣбъ мрачно отвѣтилъ, что теперь онъ увѣрился: никакихъ дарованій у него нѣтъ, не все-ли равно, прозябать въ Калугѣ или Москвѣ?

Изъ окна видны были цвѣтушіе сады, спускъ къ Яченкѣ, вѣчнозеленый, равнодушный боръ. Ничто изъ этого не годилось уже для этюда акварелью. Комната, какъ и зима, какъ неудачные уроки и какъ жизнь Полины Ксаверьевны — все это было ужъ прошлое. Май своимъ блескомъ заметалъ все.

— Есть у васъ дарованіе, или его нѣтъ, покажетъ жизнь. А сейчасъ вамъ идетъ восемнадцатый годъ, это дѣтскій возрастъ. Все для васъ впереди. Вы о себѣ ничего еще не можете знать. Я васъ тоже мало знаю, потому что вы скрытны. Но не представляю себѣ васъ черезъ двадцать лѣтъ такимъ, какъ вашъ дядюшка, котораго вы называете Красавцемъ.

— Отецъ хочеть, чтобы я былъ инженеромъ.

— Ничего не знаю. Но не вижу васъ буржуемъ.

Полина Ксаверьевна сидѣла на уложенномъ сундукѣ.

Глубоко затянулась, пустила дымъ изъ обѣихъ ноздрей, внимательно на струи глядя

Глѣбъ былъ отчасти польщенъ, все-же не это могло разсѣять его. Май, юность, здоровье, впереди столица. — но все безпросвѣтно. Почему? А вотъ именно такъ и было. Занимало лишь это. И Глѣбъ въ нѣкоторомъ даже безразличіи распрощался съ Полиной Ксаверьевной. Убѣжать и убѣжается. Изъ живописи его ничего не вышло, остальное неинтересно. Ну, будутъ экзамены, онъ долженъ ихъ хорошо выдержать, въ іюнѣ надѣнетъ штатское, уѣдетъ въ Москву. Если спросить, совсѣмъ-ли это неинтересно, пожалуй что и не скажешь... Все равно, Глѣбъ принялъ опредѣленную позу. Можетъ быть, и сама горечь ея доставляла ему удовольствіе.

Передъ экзаменами ихъ распустили: въ Училище не ходить, надо готовиться, люди седьмого класса наполовину ужъ «штатскіе», «студенты». Разные разны жили. Сережа Костомаровъ ни о чемъ не думалъ кромѣ ученья. Клягинъ былъ увѣренъ, что на устномъ подскажутъ, а письменный онъ «сдеретъ». И продолжалъ жизнь калужскаго Казановы. Глѣбъ, несмотря на меланхолію, все-же готовился.

Красавецъ уѣхалъ на нѣкоторое время въ Москву, въ Москвѣ разбила временный шатеръ свой и Полина Ксаверьевна, высматривая, куда-бы дальше направиться. Заканчивалъ свое земное странствіе въ Калугѣ Александръ Григорычъ. Не считаясь съ экзаменами «вѣтреннаго ему класса», онъ умиралъ именно въ маѣ этого года — въ сіяющемъ, цвѣтушемъ.

Бывшая Катя Крылова со спокойствіемъ вела его до послѣдняго часа. Часъ наступилъ, какъ надлежало ему, погрузили одноэтажный красный домикъ въ особое состояніе, называемое смертью. Ее много описывали и будутъ описывать, никогда не опишутъ, никогда не поймутъ. Катя тоже не понимала. Но чувствовала — началось новое. Одно дѣло, когда Александръ Григорычъ, хоть и

страдать, быть живой, и другое, когда не страдает, по-
лежитъ въ гробу на спинѣ. Катя прожила съ нимъ три го-
да, считала, что онъ живой, а не мертвый. Теперь же все
повернулось такъ странно.

Какъ и Катя, Глѣбъ впервые видѣлъ неживого чело-
вѣка. Онъ много меньше знаетъ Александра Григорыча,
чѣмъ она. Но тоже не могъ понять, что онъ умеръ. А ме-
жду тѣмъ самъ, съ Сереей Костомаровымъ, Клягивымъ
и другими выносили его гробъ изъ церкви Георгія за Лав-
ками. Самъ шелъ за нимъ сначала до Училища, гдѣ о. Пар-
феній служилъ латію. Потомъ, подъ майскимъ солнцемъ,
черезъ всю Килугу провожалъ на кладбище у Лаврентьев-
ской рощи: сколько-бы ни струило тепло и свѣтомъ,
какъ-бы трогательно ни пѣли пѣвчіе, какъ-бы замѣча-
тельно ни заливались рядомъ въ поляхъ жаворонки — все
равно то видѣмос, мертвенно-мраморно-синеватое, что все-
гда было Александромъ Григорьевичемъ, уходило теперь
вглубь. Горсть земли, самимъ Глѣбомъ брошенная, непо-
нятно стукнула о крышку, отдѣлявшую свѣтъ, май, Лав-
рентьевскую рощу, Катю, Глѣба отъ ушедшаго.

Все это довольно быстро кончилось. Директоръ съ-
залъ небольшую рѣчь — назвалъ покойнаго образцомъ
долга и порядка. Постояли, послушали, понемногу стали
разбредаться. Осталась могила, вѣнки, ленты, надъ ними
небо да жаворонки.

Директоръ и кое кто изъ учителей уѣхали на извоз-
чикахъ. О. Парфеній сѣлъ-было въ пролетку съ псалом-
щикомъ, но потомъ почему-то слѣзъ. Глѣбъ оставался
дольше — побродилъ по кладбищу, читалъ надписи, раз-
сматривалъ кресты, плиты.

Шестой часъ, небо прозрачное, стеклянно-златистое.
Глѣбъ подошелъ къ опушкѣ Лаврентьевской рощи — пах-
нуло знакомымъ, съ дѣтства любимымъ запахомъ пригрѣ-
таго сосонника. Но подъ соснами все-же прохладнѣй.
Тутъ есть тропка, черезъ рощу тоже можно пройти, по-
жалуй — и ближе.

Налъво сквозь деревья мелькнули два-три столика подь деревьями. Женщина въ платочкѣ и передникѣ ставила на одинъ изъ нихъ самоваръ съ синимъ дымкомъ. Глѣбъ сразу все вспомнилъ. Еще когда жили они въ домѣ Тарховой, передь отъѣздомъ въ Будаки, были разъ съ матерью, Лизой, Соней-Собачкою въ этой Лаврентьевской рошѣ. Здѣсь обычно бабы выносятъ калужскимъ гостямъ вотъ такіе мѣдные самоварчики, съ угарцемъ изъ трубы, съ цвѣстистыми чашками. На деревянномъ столикѣ скатеретка, тарелка съ душистою земляничкой, табуретки... — наслаждайся природой!

И тогда все такъ именно было. И день такой, и такая-же сухмень; синевато-златистая, плывущая по мху свѣтотѣнь. Они пили чай, а потомъ бѣгаль онъ съ Соней по рошѣ, искали грибовъ, ничего не нашли. «Я былъ тогда маленькій» — Глѣбъ серьезно и не безъ грусти отиѣтилъ это. «Да, вотъ и тропка, оттого я ее и узналъ... Тамъ ложочекъ, мелкій сосонникъ, а потомъ взгорье».

Онъ шель теперь увѣренно въ обволакивающей его солнечной иѣжности, легкой, но пріятной духотѣ бора. Какъ здѣсь славно!

Легкій холодокъ прошелъ подь сердцемъ. «Онъ лежить тамъ.. да, ужъ теперь навсегда».

Подойдя къ мелкому сосновому подсѣду, онъ рукой сталъ задѣвать мягкія вѣтви, иногда срываель шишку, захватываель въ ладонь теплыя иглы, растираель иль: что за запахъ!

«Гдѣ сейчасъ его душа? Чувствуетъ, что Катя тоскуеть, плачеть по немъ?» Глѣбъ вдругъ ясно увидѣль Александра Григорыча въ корридорѣ училища: застегнутый на всѣ пуговицы вицмундиръ, блѣдное лицо съ умными карими глазами... «А я вамъ говорю, что Золя пакостный писатель». Но все это ушедшее. Вечерь такъ необычаель! Въ Калугѣ ударили ко всенощной.

Незамѣтно онъ поднялся на изволокъ. Мелкій подсѣдъ кончился. Опять стало просторнѣе, большія сосны

медленно что-то напѣвали вершинами. Въ нѣсколькихъ шагахъ слѣва, на пнѣ, сидѣлъ спивъ шляпу о. Парфеній. Увидѣвъ Глѣба, слегка улынулся, приподнялъ длинную худую руку. Сѣрые его глаза были задумчивы, но привѣтливы.

— Кажется, я заблудился. Хотѣлъ сократить путь, а не вышло-ли наоборотъ?

Глѣбъ подошелъ къ нему, поклонился.

— Нѣтъ, вы не заблудились. Тутъ теперь недалеко отъ дороги. О. Парфеній внимательно на него смотрѣлъ.

— Вы знаете эти мѣста?

— Да, немного.

Всю эту весну Глѣбъ вполне мирно провелъ съ о. Парфеніемъ. Никакихъ больше трещинъ. Все гладко, какъ всегда — что-то въ о. Парфеніи волнующее, какъ-бы возбуждающее. Какъ всегда что-то удерживаетъ и отдалаетъ. Сейчасъ Глѣбъ стоялъ передъ нимъ и не зналъ, състь-ли, идти-ли дальше, проводить-ли.

— У васъ взволнованное лицо, сказалъ тихо о. Парфеній. — Впрочемъ, это вполне понятно.

Онъ запахнулъ рясу, поправилъ золотой крестъ на груди, поднялся — сразу сталъ какъ всегда высокій, худой, согбенный.

— Если вамъ нетрудно, то проводите меня. Пройдемся. Вѣдь такъ прекрасно сейчасъ тутъ.

— Съ удовольствіемъ.

Глѣбъ сказалъ это не только изъ вѣжливости. Ему, правда, нравилось идти съ о. Парфеніемъ. Его настроенію онъ отвѣчалъ.

Сначала шли молча. Потомъ о. Парфеній замѣтилъ, что скоро для Глѣба начнется другая жизнь — куда именно думаетъ онъ поступать? Глѣбъ довольно вяло принялся объяснять.

— А какъ вы вообще себя чувствуете?

— Въ какомъ смыслѣ, о. Парфеній?

— Въ смыслѣ отношенія къ жизни, своей будущей роли въ ней, дѣятельности...

Глѣбъ былъ настроенъ довольно скромно.

— Мнѣ трудно отвѣтить. Я ужасно мало знаю и понимаю.

О. Парфеній кивнулъ утвердительно.

— Странно было-бы, если-бы все понимали.

Они прошли нѣкоторое время молча

— Я знаю, сказалъ о. Парфеній: что многое внутренно, духовно для васъ трудно. Вамъ хочется все самому рѣшить, добраться собственнымъ умомъ... Такое состояніе душевное очень свойственно юности.

— Хочется, но чрезвычайно мало изъ этого выходить.

На вопросъ о. Парфенія, твердо-ли онъ вообще вѣрить и что именно особенно его смущаетъ, Глѣбъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что иногда ему кажется, что онъ вѣритъ, а иногда, что нѣтъ.

— Во Христа-то, въ Его воскресеніе вѣрите?

— Да-а...

Глѣбъ вертелъ въ рукахъ молодую зеленую шишку.

— А смерти все-таки не могу понять. И многого другого

Онъ бросилъ шишку. Она ударилась о сосну, отскочила вбокъ. О. Парфеній таинственно улыбнулся.

— Ничего, ничего. Живите. Чувствуйте. Все придетъ.

Они подходили къ опушкѣ роши. Въ закатѣ горѣлъ золотой крестъ монастыря подѣ Калугой. Въ невѣсомомъ полетѣ ласточскъ, сіяніи златистаго воздуха, безмолвіи, въ тихомъ млѣніи домовъ и садовъ подѣ уходящимъ солнцемъ было что-то необычайное. О. Парфеній остановился.

— Вотъ онъ, Божій міръ.

Онъ перевелъ свои огромные, сѣрые глаза на Глѣба.

— Да, предъ нами. А надъ нимъ и надъ нами Богъ. Имъ все полно! Развѣ вы не чувствуете?

Холодоловъ нобѣжалъ отъ плечей Глѣба къ локтямъ. Въ бокахъ что-то затрелетало.

— Главное, тихо продолжалъ о. Парфеній: главное, знайте - - надъ нами Богъ И съ нами. И въ насъ. Всегда. Вотъ сейчасъ «Яко съ нами Богъ».

О. Парфеній говорилъ какъ бы заклинательно. Глѣбъ не могъ бы сказать, что онъ чувствуетъ такъ, какъ о. Парфеній, но никакъ не утверждалъ-бы, что и ничего не чувствуетъ.

— Довѣряйтесь, довѣряйтесь Ему. И любите. Все придетъ. Знайте, плохо Онъ устроить не можетъ. Ни міра, ни вашей жизни.

.....

Глѣбъ чувствовалъ себя ровно, крѣпко, въ томъ нечрезмѣрномъ первномъ подъемѣ, который обостряетъ способности, но не настолько владѣть, чтобы лишать управления ими. Начинались экзамены — скачки съ препятствіями. Некогда уже думать есть у него талантъ или нѣтъ, существуетъ-ли Богъ. И объ Аниѣ Сергѣевнѣ некогда тосковать — нынче перескочилъ черезъ изгородь, тамъ канавъ, дальше заборъ и ровъ: скачи, скачи, не оглядывайся, не уставай, работай по десяти часовъ въ день: тренируйся, чтобы завтра перепрыгнуть и черезъ ирландскую банкетку.

Молодость несла его! И здоровье, полнота силъ восемнадцатаго года жизни. Засыпалъ камнемъ, камнемъ спалъ. Въ шесть утра вскакивалъ безъ головной боли, съ однимъ ощущеніемъ, вытянутымъ въ прямую: впередъ, да, впередъ, впереди другихъ.

Александръ Григорьичъ предсказалъ правильно: Клягину было трудно. Онъ старательно списывалъ, гдѣ могъ. Сопѣлъ, сморкался, ерошилъ волосы на головѣ. Бѣлесые глаза его испуганны, щеки пылаютъ. Для устныхъ испещрялъ онъ манжеты іероглифами, прилаживалъ шаргалки на резинкѣ, дѣйствовавшей въ рукавѣ (прикрѣплялось внутри, у плеча). Получалъ и предѣльную мѣру подска-

за. Все-таки единственный въ классѣ онъ и не выдержалъ. «Лѣвище», говорилъ покойный. Это было вполнѣ справедливо, и въ устахъ Александра Григорьича звучало осужденіемъ. Таковъ личный его взглядъ. Онъ необязателенъ, хотя раздѣляется многими. Клягинъ пострадалъ, предпочтя жизнь наукѣ, но при этомъ палъ духомъ.

Въ день, когда пораженіе его выяснилось, онъ пришелъ къ Глѣбу въ подулустую квартиру на Никитской — Красавца ждали изъ Москвы лишь завтра. Глѣбъ только что вернулся домой отъ Костомарова. Въ портновскомъ магазинѣ братъ Сережи помогалъ Глѣбу надѣвать давно заказанный штатскій костюмъ. Еще болѣе ушастый, еще болѣе веснушчатый, чѣмъ Сережа, братъ съ довольнымъ видомъ обдергивалъ на Глѣбѣ произведение свое, уже не измѣрялъ неприятно п-п, а любовался. «Какъ въ Москвѣ сшито. Въ разъ. Въ аккуратъ». Глѣбъ вертѣлся передъ зеркаломъ, старался казаться равнодушнымъ, но, конечно, сіялъ. Сіянія скрыть не могъ, брату оно доставляло тоже удовольствіе: не зря трудился.

Однако, аттестаты еще не выданы. Глѣбъ пока «ученикъ седьмого класса». И костюмчикъ надо снять, по Никитской идти въ формъ, неся пакетъ подмышкой.

Дома можно было-бы показаться Дунѣ и кухаркѣ въ полномъ блескѣ, но при Клягинѣ Глѣбъ не рѣшился даже развязать пакеть.

Видь у Клягина былъ ужасный. Онъ не спалъ ночь, глаза напухли отъ слезъ, щеки багровыя. Такъ знакомые Глѣбу нехитро-бѣлесоватые, но благодушные глаза глядѣли дѣтски-жалобно. «Да можетъ еще переэкзаменовку дадутъ?» говорилъ Глѣбъ. «Почемъ ты знаешь, что ужъ такъ безнадежно?» «Нѣтъ, я ужъ, ужъ я...» Клягинъ опять заплакалъ. «Ты счастливый, ты выдержалъ... а я.. что теперь въ Мещовскѣ папаша скажетъ?»

Глѣбъ чувствовалъ себя смущенно. Собственно, чѣмъ же онъ виноватъ, что выдержалъ? Но съ Клягинимъ годы сидѣлъ на одной скамейкѣ, подсказывалъ, выслушивалъ

разказы о побѣдахъ — никогда они не ссорились, прожили дружно. Жалко! Вотъ послѣзавтра выдаютъ аттестаты, а потомъ, вечеромъ, товарищескій пикникъ въ бору за Яченкой, выпивка — Клягина, разумѣется, не будетъ.

Глѣбъ хоть и не разворачивалъ своего костюма, но Клягинъ замѣтилъ пакетъ — сразу сообразилъ. «Штатскій костюмъ? Шикарно!» Глѣбъ, дѣлая видъ, что заказалъ его лишь по крайней необходимости, признался, что это именно костюмъ. Клягинъ усиленно сморкался и настаивалъ, чтобы Глѣбъ показалъ его.

Пришлось костюмъ распаковывать. Но надѣтъ Глѣбъ рѣшительно отказался. Клягинъ щупалъ матерію, прикидывалъ на Глѣба. «Костюмъ знатный», сказалъ, наконецъ, убитымъ голосомъ. Глѣбъ былъ радъ, когда онъ ушелъ: жалко-жалко, но безъ него лучше.

Красавецъ пріѣхалъ на другой день. Хотя въ Москвѣ онъ усиленно намокалъ, стараясь разсѣяться, все же за это время вообще измѣнился: сталъ тише, менѣе разглагольствовалъ, грудь ужъ не такъ «колесомъ», губы съ трудомъ наморщивались въ важно-гонорѣвую складку.

— Душечка, очень за тебя радъ. Первымъ кончилъ, прекрасно. Иного я и не ожидалъ. Такъ и надо. Отецъ твой въ Горномъ трудился, я въ Военно-Медицинской Академіи. Привѣтствую.

Онъ расцѣловалъ его, подарилъ сто рублей и прекрасный портфель («изъ Москвы, милочка!»). Глѣбъ былъ совсемъ смущенъ. Но еще большее смущеніе — радостное — произошло въ день выдачи аттестатовъ: Красавецъ пригласилъ его обѣдать въ ту разноцвѣтно раскрашенную, пестренькую, со стеклянной верандой на Оку «Кукушку», къ которой вчера еще и приблизиться не могъ «ученикъ VII класса Калужскаго реальнаго училища». А теперь онъ молодой человекъ въ штатскомъ, самъ съ усамъ, попробуй-ка его тронуть!

День былъ прелестный, безоблачно-іюньскій. Столикъ

у самаго края. Внизу Ока. Солнце явно переходило ужъ къ вечеру. За Окой стекла блестяли въ Ромодановскомъ. Перемышльскій большакъ подымался за понтоннымъ мостомъ — уводилъ столбтими березами къ Козельску. Оптиной, Устамъ — сгранамъ для Глѣба уже легендарнымъ.

Красавецъ въ «Кукушкѣ» былъ знаменитъ. Немало оставилъ здѣсь денегъ, всё его знали и кланялись. «Человѣки» увивались. Онъ заказалъ сгерьлядь кольчникомъ, утку, мороженое. Появилась и бутылка шампанскаго.

— Поздравляю еще разъ! Нынче въ твоей жизни важный день. Продолжай, трудись, поддерживай наше доброе имя. Ну-те-съ... и будь счастливей насъ. Да, счастливейе.

Глаза Красавца слегка затуманились. Но онъ сдержался.

— Умнѣе насъ ты просто обязанъ быть, это безъ всякихъ разговоровъ. Но желаю, чтобы именно счастливейе.

Красавецъ вдругъ выпятилъ нижнюю губу, какъ раньше, въ лицѣ его что-то задрожало. «Ну-те-съ... да, разумѣется...» Онъ какъ будто хотѣлъ что-то сказать болѣе глубокомысленное, но не вышло. Можно было подумать, что просто сейчасъ онъ расплачется.

На веранду вошла небольшая компанія, стала разсуживаться за недалекимъ столомъ.

— Батюшки мои, Анна Сергѣевна! Петръ Петровичъ!

Красавецъ шумно поднялся, направился къ сосѣдямъ. Они пришли кстати.

— Ручку! Анна Сергѣевна, пожалуйста ручку! Глѣбово окончаніе празднуемъ. Оч-чень радъ, оч-чень радъ!

Глѣбъ привсталъ, поклонился-было издали, но Красавецъ требовалъ уже его туда. Анна Сергѣевна ласково кивала.

— Глѣбъ, идите, я хочу на васъ посмотрѣть, какой вы въ штатскомъ!

Глѣбъ мучительно смутившись поцѣловалъ тоненькую ея ручку.

— Совсѣмъ взрослый!

— Хоть куда!

— Студентомъ скоро будете? Поздравляю!

Глѣбу пожимали руку, незнакомая дама смѣялась. Сви-сходительно улыбаяся членъ Управы. Анна Сергѣевна про-должала глядѣть на него огромными, сочувственными сво-ими глазами.

— И теперь ужъ въ Москву?

— Да, завтра уѣзжаю...

— Вы счастливѣ насъ. Москва, студенчество... Ну, во всякомъ случаѣ я отъ души, отъ всей души васъ привѣт-ствую. Господа, я хочу тоже выпить шампанскаго, за здо-ровье будущаго студента!

Опять чокались.

— Анна Сергѣевна, ангелъ, говорилъ Красавецъ: вы миѣ Глѣба не спаивайте. У него сегодня еще съ товарища-ми кутежъ.

Но Глѣбъ шампанское пилъ, съ Анной Сергѣевной чо-кался — несмотря на дядюшку.

.....
Все развивалось какъ надо и все ушло. Надо было кон-чить Училище — кончили. Полагалась по окончаніи вы-пивка — выпили, шумно и весело, въ бору за Яченкой. Условились «черезъ двадцать пять лѣтъ» опять съѣхать-ся всѣмъ и вспомнить старину, «не забывать другъ дру-га»... — и забыли, и не встрѣтились.

Нельзя было и съ учителями не проститься (они тоже безслѣдно канули въ дальнѣйшемъ). Кудлатый Михайлъ Михайлычъ слегка даже прослезился. «Ну, вотъ, всѣмъ искренно желаю... надѣюсь, что тѣ основы, заложенные мною въ рисованіи... помогутъ вамъ и въ жизни» — Ми-хайлъ Михайлычъ вполне былъ увѣренъ, что планчики и заборка отъ всего помогаютъ.

Козель проявилъ свое краснорѣчіе. «Какъ это вотъ тамъ... Ну? Гдѣ будете учиться? Ну, въ Москвѣ, вотъ это какъ... въ Москвѣ будете учиться... Да. Въ Москвѣ».

А о. Парфеній былъ прївѣтливъ, прохладенъ, слегка улыбался таинственными своими глазами. Легкая, но трудно-переходимая черта попрежнему отдѣляла его отъ всѣхъ — и отъ Глѣба. Все-таки, онъ благосклонно Глѣбу улыбнулся, подарилъ свою фотографическую карточку. На оборотной сторонѣ ея было написано его рукой: «Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ, какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей» (1 Петра, IV, 10).

— Душечка, ты ужь меня извини, сказала дома Кра-савецъ: провожать на вокзалъ не смогу. Вечеромъ вызванъ къ тяжело-больному.

Можетъ быть, этотъ больной въ просторѣчи назывался винтомъ у Терехиныхъ — Глѣбъ не вдавался въ подробности. И не горевалъ.

Въ десять часовъ нарядный извозчикъ «на резинкахъ» мчалъ его къ вокзалу, мимо Николаевской гимназіи. Июнь, ранняя ночь синѣть. Въ синевѣ этой все, что ушло: домикъ Тарховой, дѣтскія горести, ранцы, уроки. Вѣтеръ навстрѣчу ласковъ. Дуновеніе его — дуновеніе Времени, заносащаго вѣчнымъ прахомъ бывшее — Московскія ворота, влѣво вдали Лаврентьевскую рощу, сзади Никитскую и Никольскую, Училище, тридцать шесть церквей города Калуги.

Бѣгъ рысака вонзалъ юношу съ чемоданомъ, въ канотье, свѣженькомъ костюмчикѣ, въ теплую темень будущаго. Незамѣтно долетѣли до вокзала. Глѣбъ никого провожающихъ не ждалъ и не ошибся. Но и безъ провожающихъ все протекало какъ надо. Поѣздъ пришелъ вовремя. Носильщикъ посадилъ Глѣба и въ назначенный часъ поѣздъ тронулся, пошелъ вдалѣ за Калугу, посылая искрами поля подъ Ферзиковымъ и Алексинымъ. Глѣбъ одинъ сидѣлъ въ купѣ у открытаго окна.

Ночная дорога *)

Но онъ былъ однимъ изъ первыхъ людей въ моей жизни, о существованіи которыхъ я могъ имѣть окончательное сужденіе, потому что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я встрѣчалъ его время отъ времени, видѣлъ измѣненія, происходившія съ нимъ, и особенно удивительныя за послѣдніе два года; и главное, все остановилось въ ту минуту, когда достигло сильнѣйшаго напряженія. Въ немъ было все, что необходимо для счастливой жизни, и прежде всего инстинктивная и полная приспособляемость къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ ему пришлось жить: онъ искренно полагалъ, что существуетъ очень не плохо, что та ничтожная сумма денегъ, которая у него отложена — и которая каждый мѣсяцъ увеличивается въ столь же убогой пропорціи — есть нѣкоторый капиталъ, что два костюма особеннаго, подчеркнута моднаго и тугого покроя, характернаго для плохихъ портныхъ изъ бѣдныхъ кварталовъ Парижа, — это значитъ, что онъ хорошо одѣтъ, что очередная прибавка жалованья, — 15 или 20 сантимовъ въ часъ — увеличиваетъ его экономическій потенциалъ — словомъ, для оцѣнки своего собственнаго положенія онъ пользовался критеріями рабочей среды, въ которой жилъ, а о критеріяхъ общаго порядка не подозрѣвалъ, — я думаю, впрочемъ, что слово критерій не фигурировало въ числѣ тѣхъ, которыя онъ зналъ. Въ самое первое время, въ Парижѣ, разговаривая съ нимъ, еще можно было представить себѣ, что этотъ человѣкъ чему-то учился, но уже года черезъ два отъ этого ничего не осталось; онъ забылъ

*) См. «Совр. Записки» кн. 69.

это такъ, казалось бы, глубоко и непоправимо, точно этого никогда не существовало. Какъ большинство простыхъ людей, попавшихъ въ иностранную среду, онъ избѣгалъ говорить по-русски, и если бы не акцентъ и ошибки въ глаголахъ, временахъ и родахъ, его рѣчь можно было бы принять за рѣчь французскаго крестьянина. Онъ ушелъ съ завода, гдѣ мы работали вмѣстѣ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя я видѣлъ его въ вагонѣ метро: на красноватыхъ его рукахъ, которыя я хорошо зналъ — съ утолщенными къ концамъ пальцевъ и закругляющимися ногтями — были перчатки нѣжно желтаго цвѣта, а на головѣ былъ котелокъ. Фамилія его была Федорченко и это его очень огорчало, такъ какъ, по его словамъ, французамъ было трудно ее произносить и всѣмъ своимъ новымъ знакомымъ онъ представлялся, какъ Fedor. Въ немъ въ сильнѣйшей степени была развита та же черта, какую я неоднократно наблюдалъ у многихъ русскихъ, для которыхъ все, что существовало прежде и что, въ концѣ концовъ, опредѣлило ихъ судьбу, перестало существовать и замѣнилось той убогой иностранной дѣйствительностью, въ которой они — въ силу, чаще всего, плохого знанія французскаго языка и отсутствія критическаго чувства именно по отношенію къ этой средѣ — видѣли теперь чуть ли не идеаль своего существованія. Это было, какъ мнѣ казалось, когда я думалъ обо всѣхъ этихъ людяхъ, — среди нихъ бывали прокуроры, адвокаты, доктора, — проявленіемъ многообразнѣйшаго линстинкта самосохраненія, вызывавшаго постепенную атрофію нѣкоторыхъ способностей, ставшихъ не только ненужными, но даже вредными для той жизни, которую эти люди теперь вели, — и прежде всего, способности критическаго сужденія и той извѣстной интеллектуальной роскоши, къ которой они привыкли въ прежнее время и которая въ теперешнихъ обстоятельствахъ была бы неумѣстна и невозможна. Я разговаривалъ какъ то объ этомъ съ однимъ изъ моихъ товарищей и онъ вдругъ сказалъ, прерывая меня:

— Ты помнишь книгу Уэлса, которую мы читали много лѣтъ тому назадъ, — «Островъ доктора Моро»? Ты помнишь, какъ животныя, обращенныя въ людей, послѣ того, какъ изъ-за какой-то катастрофы, докторъ Моро потерялъ надъ ними контроль, — ты помнишь, съ какой быстротой они забывали человѣческія слова и возвращались къ прежнему состоянію?

— Это унизительное сравненіе, — сказалъ я, — это чудовищное преувеличеніе, я не могу съ тобой согласиться.

Но позже, послѣ того, какъ мнѣ пришлось видѣть множество примѣровъ этого душевнаго и умственнаго обнищанія, я думалъ, что мой товарищъ былъ, можетъ быть, болѣе правъ, чѣмъ мнѣ казалось сначала. Превращенія, которыя происходили съ людьми подъ вліяніемъ перемѣнъ условій, бывали настолько разительны, что вначалѣ я отказывался имъ вѣрить. У меня получалось впечатлѣніе, что я живу въ гигантской лабораторіи, гдѣ происходитъ экспериментированіе формъ человѣческаго существованія, гдѣ судьба насмѣшливо превращаетъ красавицъ въ старухъ, богатыхъ въ нищихъ, почтенныхъ людей въ профессиональных попрошайекъ, — и дѣлаетъ это съ удивительнымъ, невѣроятнымъ совершенствомъ. Я какъ сквозь сонъ вспоминалъ и узнавалъ этихъ людей; въ пьяномъ старикѣ съ сѣдыми усами и мутнымъ взглядомъ, котораго я встрѣтилъ въ маленькомъ кафэ одного изъ парижскихъ пригородовъ, куда случайно попалъ, — онъ хлопалъ своего сосѣда, пожилого французскаго рабочаго, который особымъ, характернымъ для французскаго простонародья, движеніемъ открывалъ вкось ротъ съ прилипшимъ къ нижней губѣ, насквозь промокшимъ, короткимъ окуркомъ, — и говорилъ, съ сильнымъ акцентомъ. он ле-з-а ю! — и потомъ вдругъ выпрямлялся и умолкалъ, и мутный его взглядъ начиналъ внезапно грустить и онъ говорилъ — анкор эн ку блан — и изъ разговора я понялъ наконецъ, что было предметомъ и этого восторга и этой выпивки: ихъ группѣ рабочихъ уда-

лось сдать бракованный материалъ и получить за него деньги; — въ этомъ человѣкѣ я узналъ свирѣпаго уса-таго генерала, котораго помнилъ по Россіи, высокомернаго и жестокаго начальника. Его собутыльщикъ ушелъ, онъ остался одинъ, заказалъ себѣ неувереннымъ голосомъ и размашистымъ жестомъ еще вина и потомъ устался на меня, время отъ времени вздрагивая и дергая головой. — Что вы на меня смотрите? — закричалъ онъ мнѣ съ раздраженіемъ. — Не пожалѣла васъ судьба, однако, — сказалъ я по-русски. Онъ разсердился, заплатилъ и въ пьяномъ и нѣмомъ бѣшенствѣ вышелъ изъ кафэ, не взглянувъ въ мою сторону. Потомъ я узналъ отъ моихъ знакомыхъ, что по ихъ свѣдѣніямъ генералъ этотъ получилъ какое-то прекрасное мѣсто не то въ Аргентинѣ, не то въ Бразиліи, и уѣхалъ туда уже очень давно; кажется, онъ преподаетъ баллистику или еще что-то въ этомъ родѣ въ тамошней военной академіи. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ лѣтъ восемь тому назадъ, что онъ оттуда никому не пишетъ. Этотъ отъѣздъ, однако, онъ обставилъ съ исключительной расточительностью, устроилъ банкетъ, всѣ пили шампанское и поздравляли его съ тѣмъ, что вотъ, наконецъ, онъ получилъ мѣсто по заслугамъ, и что въ будущей Россіи, конечно. — Это онъ себѣ похороны устраивалъ, — сказалъ я, — вотъ почему эта номинальная роскошь. Бразилія, Аргентина! а въ самомъ дѣлѣ, сырая рабочая гостиница въ шести верстахъ отъ Парижа, заводская сирена, красное вино и ежедневное хожденіе на фабрику, и боль въ ревматическихъ суставахъ, перерожденіе печени, — по счастливому медицинскому выраженію, — и никакой Бразиліи, никакой Аргентины, никакой, конечно, будущей Россіи и ни одного утѣшенія съ той самой минуты, когда дымнымъ осеннимъ вечеромъ нагруженный до отказа пароходъ вышелъ въ бурное море, оставляя навсегда берега побѣжденнаго Крыма. И въ силу непонятной для меня ассоціаціи, каждый разъ, когда я думалъ объ этомъ генералѣ, я вспоминалъ застывшую

въ моемъ воображеніи, маленькую нищую старушку, которую я видѣлъ въ Севастополѣ и которая пѣла слабымъ голосомъ невнятную мелодію; она стояла всегда на одномъ и томъ же углу и я хорошо ее зналъ и привыкъ къ ней, до тѣхъ поръ, пока не остановился однажды, чтобы разобрать, наконецъ, что она поетъ. Слабымъ старческимъ голосомъ она тянула нараспѣвъ:

— Мой миленькій дружокъ
Аркадскій пастушокъ...

Это было на Приморскомъ бульварѣ, была прекрасная погода, подъ вечеръ, за моремъ садилось солнце, на рейдѣ стоялъ англійскій крейсеръ Мальборо. Я на секунду закрылъ глаза и быстро пошелъ дальше. Никакая прочитанная книга, никакой результатъ длительного изученія не могли бы обладать такой ужасной убѣдительностью, какъ этотъ жалобный, умирающій въ солнечномъ и юномъ великолѣпнѣи, откликъ давно умолкнувшей и исчезнувшей эпохи. И мое воображеніе рисовало мнѣ картины, относящіяся къ молодости этой женщины, создало вокругъ нея цѣлый міръ, невѣрный, расплывчатый, но бесконечно очаровательный и отъ котораго теперь не осталось ничего, кромѣ этой наивной мелодіи, похожей на тихую музыку изъ могилы на кладбищѣ, въ лѣтній день, въ тишинѣ, прерываемой только звенящимъ жужжаніемъ насекомыхъ. Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, но уже въ тѣ времена я зналъ чувство, которое потомъ неоднократно стѣсняло меня, — какъ если бы мнѣ становилось трудно дышать, — стыда за то, что я молодъ, здоровъ и сытъ, а они стары, больны и голодны, и въ этомъ невольномъ сопоставленіи есть нѣчто бесконечно тягостное. Это же чувство я испытывалъ всегда, когда видѣлъ калѣкъ, горбуновъ, больныхъ и нищихъ. Но я испытывалъ подлинныя страданія, когда они кривлялись или паясничали, чтобы разсмѣшить народъ и заработать еще нѣсколько копѣекъ. И только въ Парижѣ, на ночныхъ его улицахъ.

я увидѣлъ нищихъ, которые не называли сожалѣнiя; и сколько я ни старался себѣ внушить, что нельзя же это такъ оставить и нельзя донести до такой степени очерствѣнiя, что ихъ видъ у тебя не вызываетъ ничего, кромѣ отвращенiя, — я не могъ ничего съ собой подѣлать. Я никогда не могъ забыть, какъ однажды поздно ночью, ко мнѣ подошла женщина, одѣтая въ черныя лохмотья, съ грязно-сѣдыми нечесанными волосами; она приблизилась вплотную ко мнѣ, такъ что я почувствовалъ тотъ сложный и тяжелый запахъ, который исходилъ отъ нея и что то пробормотала, чего я не разобралъ; я вынулъ монету и подалъ ей, но она отказалась и продолжала бормотать — Что же тебѣ нужно? — сказала я. — Ты идешь со мной? — спросила она, собираясь взять меня подъ руку. — Что? — сказала я съ изумленiемъ, — ты съ ума сошла? Она отступила на шагъ и болѣе отчетливо отвѣтила, что найдутся другiе, лучше меня, — и исчезла; быть туманъ въ ту зимнюю ночь, я проходилъ мимо Halles, гдѣ гремѣли грузовики, ржали лошади и гдѣ палъ всѣмъ плылъ запахъ гнiющихъ овощей и особаго оттѣнка нечистотныхъ мiазмовъ, который характеренъ для этого квартала Парижа. Меня неоднократно охватывало отчаянiе, — какъ, въ силу какой социальной несправедливости, было возможно существованiе этихъ людей? Но потому я убѣдился, что это была цѣлая общественная категорiя, такой же законно существующей классъ, какъ классъ коммерсантовъ, какъ сословіе адвокатовъ, какъ корпорація служащихъ. Ихъ принадлежность къ этому міру далеко не всегда опредѣлялась возрастомъ: среди нихъ были молодые люди; и тамъ была своеобразная іерархiя и переходы отъ одной степени бѣдности къ другой; и на моихъ глазахъ, напримѣръ, еще не старая, но очень красивая женщина, бродившая обычно по пустыннымъ улицамъ ночного Пасси, постепенно сдѣлала непредвидѣнную карьеру, объяснявшуюся, однако, однимъ неожиданнымъ случаемъ, который она охотно объясняла: это бы-

за болѣзнь печени, докторъ ей запретилъ пить, и она съ тѣхъ поръ вела дѣйствительно трезвый образъ жизни; и въ трезвомъ состояніи она вдругъ поняла, что вмѣсто нищенства она можетъ заняться проституціей, до тѣхъ поръ эта мысль никогда не приходила ей въ голову. Но это было неожиданное озареніе, громадной, исключительной для нее важности, нѣчто вродѣ того счастливаго стеченія обстоятельствъ и случайности, которому человѣчеству обязано, быть можетъ, возникновеніемъ нѣсколькихъ религій, многихъ философскихъ системъ и изобрѣтеній. И я видѣлъ, какъ она стала все лучше и лучше одѣваться и въ день ея окончательнаго апофеоза, она ѣхала ночью въ такси, тѣсно обнявшись съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, чрезвычайно приличнаго вида; и въ ту часть секунды, когда ихъ автомобиль проѣзжалъ мимо фонаря, и внутренность его освѣтилась, я успѣлъ замѣтить котелокъ молодого человѣка, лежавшій на сидѣньи и лисій мѣхъ вокругъ шеи этой женщины и ея напудренное лицо съ неизмѣнявшимся, повидимому, ни въ какихъ обстоятельствахъ, тѣмъ выраженіемъ холодной тупости, которое я давно зналъ. Я успѣлъ это все увидѣть потому, что долгіе годы шофферскаго ночного ремесла, требующаго постояннаго зрительнаго напряженія и быстроты взгляда, необходимыхъ для того, чтобы не налетѣть на другую машину, или успѣлъ замѣтить автомобиль, неожиданно выѣзжающій изъ-за угла, — развили эту быстроту зрительнаго впечатлѣнія во мнѣ, такъ же, какъ во всѣхъ моихъ товарищахъ по работѣ, до размѣровъ необычныхъ для средняго человѣка и характерныхъ для гонщиковъ, боксеровъ, лыжниковъ, акробатовъ и спортсменовъ. Этотъ зрительный рефлексъ дѣйствовалъ иногда съ механической и бездушной точностью и былъ совершенно безсознательнъ; мнѣ случалось ѣхать довольно быстро задумавшись о чемъ нибудь и не глядя по сторонамъ; потомъ, безъ того, чтобы что либо произошло, я сильно нажималъ на тормазъ, машина останавливалась —

и тогда, перерѣзывая ей путь, быстро проѣзжалъ другой автомобиль, который я, оказывается, видѣлъ, не отдавая себѣ въ этомъ отчетѣ, не думая объ этомъ, и въ сущности, не зная, что я его вижу. Совершенно такъ же, повернувъ голову вправо или влѣво, — если приходилось пересѣкать большую уллицу, — я сбоку видѣлъ, что дѣлаютъ кліенты, и однажды, я помню, ощутилъ неприятный холодъ въ спинѣ, потому что мой пассажиръ, сильно выпившій человѣкъ, типа рабочаго, въ растерзанномъ костюмѣ, сидя сзади меня, все перекладывалъ изъ одной руки въ другую два крупнокалиберныхъ револьвера, которые, однако, какъ это выяснилось позже, предназначались не для меня, такъ какъ онъ нормальнѣйшимъ образомъ расплатился и ушелъ невѣрной походкой. Я былъ совершенно убѣжденъ, что везъ убійцу и на слѣдующій день съ любопытствомъ искалъ въ вечернихъ газетахъ сообщенія о новомъ преступленіи, — но не нашель; повидимому, онъ отложилъ его. Но я почти убѣжденъ, что онъ совершилъ его; есть люди, у которыхъ на лицѣ написана ихъ судьба, и его лицо было именно такимъ. Совершенно такъ же, въ лицѣ Федорченко, на толстой лоснящейся и красноватой фізіономіи, лишенной всякой одухотворенности, было что-то страшное, въ чемъ я никогда не могъ отдать себѣ отчетѣ; но мнѣ всегда бывало неуютно, когда я находился рядомъ съ этимъ человѣкомъ, хотя мнѣ лично съ его стороны ничего не могло грозить ни въ какой степени. И все-таки каждый разъ, когда я его видѣлъ, мнѣ становилось не по себѣ, это было похоже на то чувство, которое я испытывалъ бы, глядя на то, какъ человѣкъ срывается съ крыши и летитъ внизъ или падаетъ въ рѣшетку лифта.

Съ тѣхъ поръ, когда я работалъ вмѣстѣ съ нимъ на заводѣ, я на нѣкоторое время потерялъ его изъ виду. Но однажды, въ морозный февральскій вечеръ, поставивъ автомобиль на стоянкѣ и собираясь слѣзть, чтобы идти въ кафэ, — это происходило на бульварѣ Пастэръ, — я уви-

дѣлъ его; онъ шелъ, оборачиваясь по сторонамъ и неся въ рукѣ маленький черный чемоданчикъ. Онъ былъ одѣтъ по праздничному, на головѣ его былъ котелокъ, но видъ у него былъ растерянный. Увидя меня, онъ почему-то обрадовался, и сказалъ, что у него ко мнѣ дѣло, потому не удержался и спросилъ, какъ я нахожу его костюмъ и пальто.

— Очень хорошо, — сказалъ я, — прекрасно. Только галстукъ не надо завязывать такимъ маленькимъ узелкомъ, это такъ бабушки въ Россіи носовые платки завязываютъ, чтобы не забыть, и потомъ, не слѣдуетъ носить, по-моему, туфли съ лакированными носками. А въ общемъ, конечно, великолѣпно. Въ чемъ дѣло?

Онъ рассказалъ мнѣ, что онъ возвращается съ Монпарнасса и огорченъ своей неудачей. Оказывается, онъ давно уже замѣтилъ тамъ, — въ опредѣленные часы, вечеромъ, — какую-то даму въ мѣхахъ, приходившую въ кафэ съ прекраснымъ ангорскимъ котомъ. Самъ Федорченко былъ къ кошкѣмъ равнодушенъ; но его невѣста, какъ онъ сказалъ, очень любила эту породу и онъ думалъ, что доставитъ ей удовольствіе, если принесетъ въ подарокъ ангорскаго кота. Онъ рѣшилъ его украсть у дамы и отвезти невѣстѣ. Съ этой цѣлью онъ отправился въ кафэ, захватилъ съ собою чемоданчикъ, — который онъ продолжалъ держать въ рукѣ, — воспользовался минутой, когда дама вышла на короткое время, посадилъ кота въ чемоданъ и ушелъ. Онъ потратилъ на подготовку этого плана много дней, все ходилъ въ кафэ, смотрѣлъ на часы, пилъ пиво и выжидалъ случая, когда дама выйдетъ и на террасѣ не будетъ другихъ посѣтителей. Дама, къ счастью, всегда предпочитала террасу; и хотя за стеклянными ширмами стояла печка и было тепло, большинство посѣтителей сидѣло обычно внутри; однако нѣсколько человѣкъ всегда оставалось и на террасѣ. Сегодняшній вечеръ былъ особенно удачнымъ, такъ какъ тамъ, кромѣ дамы и Федорченко, сидѣла только одна пара влюблен-

ныхъ; влюбленные цѣловались и не обращали вниманія на то, что происходило вокругъ. Такимъ образомъ выполненіе плана прошло очень хорошо. Къ несчастью, по дорогѣ чемоданчикъ разстеллся, — какъ онъ сказалъ, — и котъ, который до этого все дергался внутри, выскочилъ и бросился бѣжать съ совершенно необыкновенной, по словамъ Федорченко, быстротой. Федорченко долго ловилъ его, но не могъ поймать. — Удраль-таки, сукинъ сынъ, — сказалъ онъ съ внезапнымъ озлобленіемъ, — что вы скажете?

— Котъ, конечно, дрянъ, — сказалъ я, — но вотъ, я не очень увѣренъ, стоило ли его воровать? Вы могли попасть въ грязную исторію.

Федорченко махнулъ рукой и потомъ сказалъ съ отчаяніемъ въ голосъ, что ради своей невѣсты онъ готовъ на все, и что другого способа достать кота не было; котъ стоитъ бѣшеныхъ денегъ, а онъ, Федорченко, не миллионеръ. Дѣло же его заключалось въ томъ, что онъ попросилъ меня отвезти его на улицу Риволи, гдѣ жила невѣста. Мы пріѣхали туда и я остановился, когда онъ мнѣ сказалъ, -- вотъ сюда, — на углу узенькаго, какъ корридоръ, переулка, выходящаго съ одной стороны на набережную, съ другой на Риволи, въ центрѣ квартала St-Paul, одного изъ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ въ Парижѣ. Переулокъ этотъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что на немъ находился большой и очень дешевый публичный домъ, и теперь, въ этотъ вечерній часъ, тамъ было большое движеніе; туда шли или оттуда выходили солдаты, арабы, рабочіе. — Вотъ тутъ за угломъ, недалеко, — сказалъ Федорченко. И Федорченко объяснилъ мнѣ, что здѣсь у его невѣсты служба. — Что же она дѣлаетъ? — спросилъ я. Онъ отвѣтилъ, что у нея здѣсь специальная работа. Я покачалъ головой и попрощался съ нимъ; и его котелокъ, — единственный на этой улицѣ, гдѣ преобладали кепки, — скрылся за угломъ. Исторія съ невѣстой казалась мнѣ странной и въ извѣстной мѣрѣ чѣмъ-то по-

хожей на исторію съ монпарнасскимъ котомъ. Но всякій разъ, когда я думалъ о Федорченко, я точно наткнулся на стену — въ немъ не было, казалось, ни одного недостатка, онъ былъ почти совершененъ въ томъ смыслѣ, что все, что мѣшаетъ человѣку въ жизни, въ немъ отсутствовало въ идеальной степени, — огорченія, печаль, сомнѣнія, моральные предрасудки, мысль обо всемъ этомъ ему никогда не приходила въ голову. И я не могъ себѣ представить, какая женщина, если это только не было несчастное и забитое существо, живущее впроголодь, могла рѣшиться соединить свою судьбу съ этой тупой и душевно беззвучной жизнью.

Поздней ночью, послѣ того, какъ была кончена собственнo вечерняя работа, я часто прѣзжалъ въ районы, прилегавшіе къ площади Этуаль. Я любилъ эти кварталы больше другихъ въ ихъ идеальное ночное безмолвіе, за строгое однообразіе ихъ высокихъ домовъ, за тѣ каменные пропасти между ними, которыя изрѣдка попадались на этихъ улицахъ и которыя я видѣлъ, трюфая. И вотъ, ночью того дня, когда я отвозилъ Федорченко къ его невѣстѣ, ѣдучи по авеню Ваграмъ, я увидѣлъ издали высокую женскую фигуру въ мѣховой шубѣ, стоявшую на краю троттуара. Я замедлилъ ходъ, она слѣзла мнѣ знакъ и я остановилъ автомобиль. Она подошла совсѣмъ близко, посмотрѣла на меня и на ея лицѣ было поразившее меня выраженіе неожиданности и удивленія. Потомъ она сказала мнѣ:

— Дэдэ, какъ ты сталъ шофферомъ?

Я смотрѣлъ на нее, не понимая. Ей по виду можно было дать около пятидесяти лѣтъ, но на увядшемъ, напудренномъ лицѣ были очень большіе черные глаза со сдержанно нѣжнымъ выраженіемъ и фигура ея сохранила еще, по инерціи, какой-то неповторимо-юной размахъ, и я подумалъ, что навѣрное, много лѣтъ тому назадъ эта женщина была очень хороша. Но я не понималъ, почему она обратилась ко мнѣ, назвавъ меня чужимъ именемъ.

Это не могло быть однимъ изъ приемовъ завлеченія кліента, — и ея голосъ и ея выраженіе были слишкомъ естественны для этого.

— Мадамъ, — сказалъ я, — это ошибка.

— Почему ты не хочешь узнавать меня? — продолжала она медленнымъ голосомъ. — Я никогда тебѣ не сдѣлала зла.

— Несомнѣнно, — сказалъ я, — несомнѣнно, — хотя бы по той причинѣ, что я никогда не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

— Тебѣ не стыдно, Дэдэ?

— Но увѣрю васъ...

— Ты хочешь сказать, что ты не Dédé le Paveur?

— Dédé le Paveur? — сказалъ я съ изумленіемъ. Нѣтъ, я не только не Dédé le Paveur, но я даже никогда не слышалъ этого прозвища.

— Слѣзай съ автомобиля, — сказала она.

— Зачѣмъ?

— Слѣзай, я тебя прошу.

Я пожалъ плечами и слѣзъ. Она стояла противъ меня и разсматривала меня въ упоръ. Я не могъ не чувствовать всей нелѣпости этой сцены, но терпѣливо стоялъ и ждалъ.

— Да, — наконецъ сказала она, — онъ былъ, пожалуй, чуть выше. Но какое поразительное сходство!

— Видите-ли что, мадамъ, — сказалъ я, садясь опять за руль, — чтобы васъ окончательно убѣдить, я вамъ долженъ сказать, что я не только не Дэдэ, но что я не французъ, я — русский.

Но она не повѣрила мнѣ. — Я могу тебѣ сказать, что я японка, — сказала она, — это будетъ такъ же неубѣдительно. Я хорошо знаю русскихъ, я ихъ видѣла очень много, и настоящихъ русскихъ, графовъ, бароновъ и князей, а не несчастныхъ шофферовъ такси, они всѣ хорошо говорили по-французски, но у всѣхъ былъ акцентъ или иностранныя интонаціи, которыхъ у тебя нѣтъ.

Она говорила мнѣ «ты», я продолжалъ говорить ей

«вы», у меня не поворачивался языкъ отвѣтить ей такъ же, она была вдвое старше меня.

— Это ничего не доказываетъ, — сказалъ я. — Но скажите мнѣ, пожалуйста, кто былъ этотъ Дэдэ?

— Это былъ одинъ изъ моихъ любовниковъ, — сказала она со вздохомъ. Она сказала *amant de cœur*, это непереводимо на русскій языкъ.

— Это очень лестно, — сказалъ я, не удержавъ улыбки, — но это былъ не я.

У нея на глазахъ стояли слезы, она дрожала отъ холода. Потомъ она обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ послѣдовать за ней, мнѣ стало ее жаль, и отрицательно покачалъ головой.

— У меня не было ни одного кліента сегодня, — сказала она, — я замерзла, я не могла даже выпить кофе.

На углу свѣтилось одинокое кафэ. Я предложилъ ей заплатить за то, что она выпьетъ и съѣсть.

— И ты ничего отъ меня не потребуешь?

Я поспѣшилъ сказать, что нѣтъ, я рѣшительно ничего не потребую отъ нея.

— Я начинаю вѣрить, что ты дѣйствительно русскій, — сказала она. — Но ты меня не узнаешь?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — я никогда васъ не видѣлъ.

— Меня зовутъ Жаннъ Ральди, — сказала она. Я тщетно напрягалъ свою память, но ничего не могъ найти.

— Это имя мнѣ ничего не говоритъ, — сказалъ я.

Она спросила, сколько мнѣ лѣтъ, я отвѣтилъ. — Да, — сказала она задумчиво, — можетъ быть, ты правъ, твое поколѣніе меня уже не знало. Ты никогда не слышалъ обо мнѣ? Я была любовницей герцога Орлеанскаго и короля Греціи, я была въ Испаніи, Америкѣ, Англии и Россіи, у меня былъ замокъ въ Виль д'Аврэ, двадцать милліоновъ франковъ и домъ на rue Rennequin.

И только когда она сказала—rue Rennequin,—я сразу вспомнилъ все. Я очень хорошо зналъ названіе этой улицы, я впервые услышалъ его еще въ Россіи, много лѣтъ

тому назадъ. Я сразу увидѣлъ передъ собою глухую станцію, запасные пути, рельсы, занесенные снѣгомъ, трупы лошадей, изъ которыхъ собаки съ кричающимъ звукомъ вырывали внутренности, скудный свѣтъ желѣзнодорожныхъ фонарей, въ которомъ вился и сыпался мѣткій снѣгъ, — въ морозномъ и единственномъ въ мѣрѣ воздухѣ моей страны. Въ тѣ времена, — это былъ послѣдній годъ гражданской войны, — вечерами въ нашъ вагонъ приходилъ пожилой штатскій человѣкъ, князь Цербатовъ, любившій, по его словамъ, молодежь, и долго рассказывавшій намъ о Парижѣ. Онъ былъ старъ, бѣденъ и несчастенъ, на немъ было заношенное платье и отъ него всегда шелъ точно легкой запахъ падали. Я вспомнилъ его слезящіяся отъ мороза маленькіе глаза, густую сѣдую щетину и красноватая руки, которыя дрожали, когда онъ бралъ изъ пирокси и подносилъ къ ней тащущійся въ его пальцахъ огонекъ спички. Мы кормили его, давали ему деньги и слушали его рассказы. Этотъ человѣкъ всю свою жизнь посвятилъ женщинамъ; онъ провелъ долгіе годы въ Парижѣ, интересовался искусствомъ, любилъ хорошія книги, хорошія сигары, хорошіе обѣды, театры, скачки, премьеры, ложи, шпѣты, — это всегда фигурировало въ его воспоминаніяхъ. Онъ былъ по своему не глупый человѣкъ, понимавшій, въ частности то, что онъ называлъ «женской произвительностью», но испорченный той видимостью культуры, въ цѣнности которой онъ никогда не сомнѣвался. Онъ восхищался «Орленкомъ» и «Дамой съ камеліями», былъ недалеко отъ того, чтобы сравнивать Оффенбаха съ Шубертомъ, съ удовольствіемъ читалъ малограмотныя снѣтскіе романы; онъ не былъ плохъ самъ по себѣ, онъ былъ жертвой своихъ денегъ и не былъ виноватъ въ томъ, что никогда въ жизни не сталкивался съ людьми, въ представленіи которыхъ культура не носила того опереточнаго характера, какой онъ невольнo придавалъ ей. Онъ былъ русскимъ boulevardier давнишняго Парижа, Парижа начала столѣтія; но главнымъ теперь было то, что въ тѣ времена дни

его были сочны; у него былъ туберкулезъ, онъ тяжело кашлялъ, задыхался и багровѣлъ, не могъ сказать во время этихъ припадковъ ни слова и въ покрывавшихся слезами его глазахъ въ эти минуты было совершенное отчаяніе. Помимо туберкулеза онъ былъ боленъ цынгой, — словомъ, онъ почти умиралъ на нашихъ глазахъ, — не физически, такъ какъ особенно рѣзкаго ухудшенія его здоровья не происходило, — а во времени; было ясно, что если мы могли говорить о томъ, что будетъ черезъ пять лѣтъ, то въ его устахъ такая рѣчь была бы бессмысленна, — и онъ это зналъ такъ же хорошо, какъ и мы. Онъ оживлялся послѣ водки, — и обычно тогда начиналъ свои рассказы. Но о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ всегда возвращался къ своимъ любовнымъ воспоминаніямъ, и въ концѣ вечера всегда сбивался на единственную тему, которая, повидимому, потрясла его навсегда: и если случалось, что онъ особенно много выпилъ, онъ начиналъ плакать, вспоминая объ этомъ. Это былъ рассказъ о женщинѣ, имени которой я не помнилъ, и которая жила въ Парижѣ на rue Rennequin. У него съ ней былъ длинный романъ, и онъ сообщалъ, безъ тѣни стыда, неприличнѣйшія и подробныя его обстоятельства и нерѣдко горько плакалъ, вспоминая именно эти нецензурныя детали. Женщина, которую онъ описывалъ, казалась бы совершенной богиней, если бы не было этихъ подробностей, и обладала, по его словамъ, и необыкновенной, непобѣдимой очаровательностью и исключительнымъ умомъ и вкусомъ и вообще всеми рѣшительно достоинствами, за исключеніемъ добродѣтели. Я вспомнилъ, что онъ рассказывалъ о ея карьерѣ, — и именно о герцогѣ Орлеанскомъ, королѣ, банкирахъ, министрахъ, этихъ ея «мимолетныхъ капризахъ», какъ онъ говорилъ; онъ очень любилъ эти выраженія, и было удивительно, что личные его — и нерѣдко подлинные — несчастья и переживанія укладывались именно въ такія невыразительныя и ничему живому несоотвѣтствующія слова; но онъ былъ

весь проникнуть этой словесной дребеденью. Онъ такъ же говорилъ по-французски, — на томъ старомодномъ и смѣшномъ языкѣ, который былъ характеренъ для начала столѣтїя. И все же, несмотря на явную пристрастность и преувеличенность его описанїй, у насъ тогда не возникало сомнѣній, что это была дѣйствительно замѣчательная женщина; и, можетъ быть, этому впечатлѣнїю способствовало еще и то, что была лютая зима, гражданская война, глубокая глушь ледяной Россїи и та далекая и блестящая въ его наивномъ представленїи, жизнь въ Парижѣ, которой мы никогда не знали, вдругъ прїобрѣтала и для насъ соблазнительность призрачнаго и невозможнаго великолѣпїя. Мы разстались съ княземъ, потому что насъ слѣшно перебрасывали въ другое мѣсто, и я успѣлъ зайти къ нему попрощаться, въ маленькій и грязный домишко, гдѣ онъ жилъ; онъ лежалъ на кровати, задыхаясь отъ кашля, въ комнатѣ стоялъ тяжелый запахъ, окна были закрыты, топилась до красна накаленная печь. Я принесъ ему на прощанье мѣшокъ угля, водку и консервы, пожалъ его дрожащую, горячую руку, — онъ былъ совсѣмъ плохъ, — пожелалъ выздоровленїя; онъ прохрипѣлъ въ отвѣтъ, — умирать остаюсь, прощайте, — и я ушелъ съ тяжелымъ сердцемъ. Я никогда потомъ не возвращался въ эти мѣста Россїи, и никогда не видѣлъ ни одного человѣка, который могъ бы мнѣ сказать, какъ и когда умеръ князь, потому что въ томъ, что онъ умеръ вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, не могло быть никакихъ сомнѣній. Но воспоминанїе о немъ навсегда было связано у меня съ тѣмъ опереточнымъ и вздорнымъ міромъ, который онъ такъ любилъ наивной своей душой и разсказъ о которомъ не вызывалъ бы ничего, кромѣ невольнаго презрѣнїя и насмѣшки, если-бы онъ весь не находился въ тѣни трагическаго и неприличнаго силуэта этой женщины.

Стоя рядомъ съ ней въ кафѣ — она пила вторую чашку шоколада и ѣла сандвичъ —, я пристально смотрѣлъ на нее. Она ѣла сандвичъ, отрывая длинными и очень чи-

стями — я обратилъ на это вниманіе — пальцами маленькіе куски, которые ей трудно было жевать, такъ какъ во рту у нея не хватало зубовъ. Теперь, въ свѣтъ лампы, было видно, что ей значительно больше пятидесяти лѣтъ, ей навѣрно было за шестьдесятъ. Я долго смотрѣлъ на нсе, и вдругъ я увидѣлъ себя — сухенькимъ старикомъ съ морщинистой, желтой кожей, съ дряблымъ тѣломъ и тоненькими мускулами, которые будутъ неспособны ни къ какому усилюю. Была глубокая ночь, за окномъ кафэ вился мелкій и рѣдкій снѣгъ. Мнѣ стало холодно и очень непріятно. Но я сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ:

— Извините меня за нескромность. Но какимъ образомъ вышло, что имѣя такое состояніе, вы все-таки теперь вотъ, когда вамъ слѣдовало бы мирно жить въ удобномъ и тепломъ домѣ и читать книги, если это васъ интересуетъ, вмѣсто этого...

Она пожала плечами и отвѣтила, что это длинная исторія, что ее погубили наркотики, что ее обкрадывали всѣ и что она не могла остановиться, хотя знала, чѣмъ все это должно кончиться. Она говорила со мной на такомъ чистомъ и прекрасномъ французскомъ языкѣ, который мнѣ приходилось слышать очень рѣдко и который придавалъ нѣкоторую убѣдительность рассказамъ о ея прошломъ великолѣпін. Теперь она жила въ глубокой нищетѣ, въ одной изъ холодныхъ комнатъ стараго дома, находившемся на той же самой улицѣ, гдѣ у нея когда-то былъ особнякъ. Она рассказала мнѣ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ ей принадлежалъ, — во второй, менѣе блистательной половинѣ ея жизни, — одинъ изъ лучшихъ домовъ свѣданія въ Парижѣ. — Да, да, — разсѣянно сказалъ я, — все то же самое.

Кафэ уже закрывалось. Я расплатился и мы вышли на улицу. Она все время дрожала отъ холода и слезы опять мгновенно показались на ея глазахъ. — Идите домой, — сказалъ я, — вы простудитесь, тогда будетъ еще хуже. Она отрицательно качала головой и отказывалась, гово-

ря, что не заработала ни одного франка. Мнѣ было очень жаль се, я далъ ей немного денегъ и отвезъ ее домой.

— Спасибо, мой милый, — сказала она, стоя уже на троттуарѣ, передъ дверью своего дома. — Я думаю, что ты не совсѣмъ нормаленъ и я вѣрю теперь, что ты русскій. Если ты будешь еще въ этихъ мѣстахъ, ты всегда найдешь меня здѣсь. Я буду рада тебя видѣть, мы поговоримъ, — *on parle*.

Я вернулся туда черезъ нѣсколько дней въ тотъ же поздній часъ и издали увидѣлъ ея фигуру. На этотъ разъ мы долго говорили съ ней; и впоследствии я неоднократно проводилъ цѣлые часы въ этихъ разговорахъ. Она была дѣйствительно по настоящему умна — особеннымъ, снисходительнымъ и лѣнивымъ умомъ, въ которомъ совершенно отсутствовало озлобленіе или рѣзкое осужденіе, и это казалось вначалѣ удивительнымъ. У нея была прекрасная память. Я спросилъ ее однажды, поминтъ ли она князя Нербатова. Она вдругъ засмѣялась совсѣмъ особенно, такъ, что если бы я только слышалъ этотъ смѣхъ, а не видѣлъ бы ея, я бы думалъ, что это смѣется молодая женщина, — и сказала:

— Маленькій русскій князь съ лорнетомъ, который жилъ на авеню Викторъ-Гюго? Ты зналъ его? Гдѣ? Въ Россіи?

Я кивнулъ головой. Она задумалась, вспоминая, повидимому, это далекое время.

— Онъ былъ неплохой человѣкъ, онъ мнѣ предложилъ ѣхать съ нимъ въ Россію и все рассказывалъ о своихъ имѣніяхъ. Но онъ былъ не очень уменъ и очень сентименталенъ.

— Я думаю, какъ всѣ *boulevardiers*.

— Большинство, — сказала она съ улыбкой. — Не абсолютно всѣ, но большинство. Это была особенная порода людей.

— Да, да, знаю, — сказалъ я, — дурной вкусъ, и сентиментальность дурного вкуса и адюльтерные вздохи и те-

перь — зловонная старость послѣ долгой жизни, которая похожа на идиотскую мелодраму даже безъ извиненія трагической развязки.

— Странно, — сказала она, не отвѣчая, — удивительное соединеніе: у тебя доброе сердце и такая явная душевная грубость. Нѣтъ, твое поколѣніе не лучше. Ты говоришь — дурной вкусъ. Но вѣдь вкусъ это эпоха, и то, что сейчасъ дурной вкусъ, не было такимъ раньше. Ты долженъ это знать, мой милый.

Послѣ того, когда я увидѣлъ Ральди въ первый разъ и она приняла меня за *Dédé le Paveur*, — несмотря на упоминаніе *rue Rennequin*, — ея исторія казалась мнѣ невѣроятной и я спрашивалъ о ней у старыхъ шофферовъ и въ частности одного изъ нихъ, который тридцать лѣтъ работалъ ночью. Оказалось, что ее дѣйствительно знали всѣ. — *Elle était pas mauvaise fille*, — сказалъ онъ мнѣ, — *et pas fière du tout. Et y en avait des salopards d'la haute qui l'entretenaient! Si j'la connais! T'as qu'à lui demander si elle s'appelle de chauffeur René, elle te l'dira bien, va! Pourquoi que tu m'demande ça, elle t'a attaqué dans la rue? C'est malheureux de voir ça quand même, elle m'fait pitié. Mais elles finissent toutes comme ça, c'sont des vicieuses.*

Мнѣ было жаль Ральди, у меня не хватало жестокости говорить съ ней такъ, какъ мнѣ хотѣлось, то-есть со всею откровенностью. Но все же я разспрашивалъ ее, она рассказывала мнѣ свою жизнь, которая вся состояла изъ грубѣйшихъ ошибокъ и непонятныхъ увлеченій, что казалось удивительно при ея необычномъ, особенно для женщины ея круга, умѣ. Я сказалъ ей это, она отвѣтила, что страсть сильнѣе всего. Я не удержался и еще разъ пристально посмотрѣлъ на нее, на это морщинистое и старое лицо съ удивительными и нѣжными глазами. — Тебя удивляетъ, что я говорю о страсти? — сказала она, угадавъ мою мысль, — четверть вѣка назадъ, когда я проносила это слово, оно производило другое впечатлѣ-

нѣ, чѣмъ теперь. — У нея была своя философія, — снисходительная и примирительная, она не очень высоко цѣнила людей, но считала ихъ недостатки естественными. Когда она сказала это мнѣ, я замѣтилъ, что весь огромный ея опытъ касался въ сущности только одной категоріи людей, дѣйствительно ничтожной, людей, которые посѣщаютъ полусвѣтъ, — жеманная глупость этого выраженія всегда раздражала меня, — дома свиданій, специальные ночные кабаре, содержать актеровъ и танцовщицъ и въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ душевной и физической дряблости и все того же, всепобѣждающаго дурного акуса. Она слушала то, что я говорилъ, смотря на меня насмѣшливо-нѣжнымъ своимъ взглядомъ.

— Ты бы хотѣлъ все это уничтожить? взорвать?

— Нѣтъ, но если бы это исчезло, объ этомъ не стоило бы жалѣть.

Она покачала головой и сказала, не переставая улыбаться, что это не есть особенная категорія людей. — Что же это такое? — Извѣстная степень благосостоянія, *un certain degré de fortune*, — и если бы ты его достигъ, ты, даже ты, навѣрное былъ бы такимъ же, какъ они.

— Никогда, — сказала я.

— Я бы надѣялась на это, — отвѣтила она, — но я бы не ручалась.

Однажды она сказала мнѣ:

— Тебѣ не кажется нелѣпымъ, что ты шофферъ такси, ты не думаешь, что эта работа тебѣ не подходитъ?

Я отвѣтилъ, что выбора у меня не было. И тогда она предложила мнѣ свои услуги, чтобы поблагодарить меня, какъ она сказала, за человѣческое отношеніе къ ней. — Я устрою твою жизнь иначе, ты еще очень молодъ и, кажется, здоровъ. Я, недоумѣвая, смотрѣлъ на нее. Она объяснила мнѣ, что у нея большія знакомства, что есть женщины, въ концѣ концовъ, нестарыя, сорокъ два, сорокъ три года, французенки или англичанки... Я сидѣлъ съ ней въ кафе и хохоталъ, какъ сумасшедшій, не будучи въ си-

лахъ остановиться. Потомъ со слезами отъ смѣха, я поблагодарилъ ее.

— Что, ты находишь это невозможнымъ? Но вѣдь это лучше, чѣмъ сидѣть за рулемъ твоего автомобиля. У тебя такъ сильны предрасудки?

Въ тотъ вечеръ, когда происходилъ этотъ разговоръ, я не работалъ; былъ въ кинематографѣ на бульварахъ, потомъ, гуляя по Парижу, дошелъ до Этуаль и, вспомнивъ о Ральди, спустился по авеню Ваграмъ и встрѣтилъ ее. Была весенняя, свѣтлая и прозрачная ночь. Мы сидѣли на террасѣ, на троттуарѣ мимо насъ проходили рѣдкіе прохожіе. Изъ глубины кафэ тихо дребезжала грамофонная пластинка; пѣвица съ высокими и идеально лишеннымъ мелодичности голосомъ, такъ что было даже удивительно, какъ у нея все-таки получается какой-то мотивъ, пѣла уже вышедшую тогда изъ моды пѣсенку: «Autrefois je riais de Gamou». И сквозь этотъ мотивъ я внезапно ощутилъ вдругъ рядомъ съ собой чье-то неожиданное присутствіе. Я повернулъ голову и увидѣлъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, на троттуарѣ, Платона, моего всегдашняго ночного собесѣдника, Богъ знаетъ какъ очутившагося въ этомъ далекомъ отъ его квартала районѣ. Но еще больше, чѣмъ его появленіе, меня удивилъ его видъ. Онъ былъ въ смокингѣ; и всегда небрежное его лицо было свѣже-выбрито, отчего совершенно измѣнилось и приобрѣло печальную важность, и я подумалъ, что ея несомнѣнная чистая очевидность должно быть была вообще характерна для этого лица, но скрывалась обычно густой щетиной. Онъ пожалъ мою руку и низко поклонился Ральди, снявъ шляпу отвыкшей отъ этого движенія рукой. Я пригласилъ его сѣсть за столикъ и собирался заказать ему, какъ всегда, бѣлаго вина, но онъ остановилъ меня и спросилъ пива.

— Вы положительно хотите заставить меня пройти всѣ возможныя степени удивленія, дорогой другъ, — сказалъ я. — Какъ вы попали въ эти края и чѣмъ объяс-

няется ваша *tenue de soirée*, которой вы, насколько я знаю, не злоупотребляете? Мадамъ Ральди, разрѣшите вамъ представить моего друга Платона

Платонъ былъ такъ же печаленъ и учтивъ, какъ всегда. Онъ спросилъ Ральди, не беспокоить ли ее дымъ, закурилъ сигару, и объяснилъ, что былъ на премьерѣ одной пьесы и рѣшилъ пѣшкомъ вернуться домой, и вотъ, гуляя въ этомъ районѣ Парижа, гдѣ онъ не бывалъ много лѣтъ, онъ случайно увидѣлъ меня и остановился. Ральди спросила его, нравится ли ему эта часть Парижа, онъ отвѣтилъ, что онъ къ ней равнодушенъ, онъ предпочитаетъ лѣвый берегъ Парижа, узкія улицы, выходящія на набережную Конти, островъ святого Людовика, бульваръ Сэнь-Жерменъ, улицу Мазаринъ, вообще кварталы, сохранившіе ту архаическую прелесть, которой нѣтъ въ большихъ и центральныхъ районахъ праваго берега. Ральди заговорила о другихъ городахъ и тутъ тоже сказала разница ихъ вкусовъ въ томъ, что касалось, на примѣръ, Лондона, Мадрида или Рима.

Ральди не была вполне согласна съ нимъ; Платонъ заговорилъ объ индивидуальномъ воспріятіи, затѣмъ рѣчь перешла на театръ, который онъ очень любитъ. Когда я сказалъ, что предпочитаю кинематографъ, и Платонъ и Ральди посмотрѣли на меня съ неодобреніемъ.

— Какъ ты можешь даже сравнивать эти вещи? — сказала Ральди.

— Не кажется ли вамъ, мой другъ, — сказалъ Платонъ, что нѣкоторая склонность къ парадоксамъ, которую я замѣчалъ у васъ и раньше, на этотъ разъ увлекаетъ васъ на опасный путь?

Былъ поздній часъ, прохожихъ становилось все меньше и на ярко освѣщенной террасѣ кафэ, окруженной блѣднѣющимъ и удаляющимся свѣтомъ троттуарныхъ фонарей, который въ свою очередь смѣшивался съ лунными лучами, мы остались одни, остальные уже ушли, — и я подумалъ объ удивительной неправдоподобности этого

разговора, участниками которого были проститутка, алкоголик и ночной шофферъ. Но и Ральди и Платонъ продолжали говорить съ прежней непринужденностью, и та послѣдняя степень социальнаго паденія, въ которой мы всё находились, давно стала для нихъ привычной и естественной, и, можетъ быть, въ этомъ презрительномъ примиреніи съ ней, вѣрнѣе, въ готовности къ этому примиренію и заключалась одна изъ главныхъ причинъ ихъ теперяшняго состоянія. Мы разстались съ Ральди — Платонъ опять поклонился и снялъ шляпу — и по пустымъ улицамъ пошли пѣшкомъ на Монпарнасъ, недалеко отъ котораго мы оба жили.

— Вы слышали когда-нибудь о Ральди? — спросилъ я Платона.

— Да, конечно, — сказала онъ.

— И вы не поразились, увидя ее въ такомъ состояніи?

На его неподвижномъ обычно лицѣ появилась улыбка. Онъ былъ совершенно трезвъ въ тотъ вечеръ и его разговоръ очень выигрывалъ отъ этого въ связности и логичности, хотя тотъ абстрактный и книжный его характеръ, къ которому трудно было привыкнуть, былъ еще болѣе подчеркнутъ, чѣмъ всегда. Со стороны получалось впечатлѣніе, что онъ читаетъ наизусть отрывки изъ ненаписаннаго трактата, — именно эта отвлеченность его рѣчи создала ему въ кафэ, гдѣ его собесѣдники были чаще всего простые люди, репутацію сумасшедшаго.

— Сравнительный методъ, — сказалъ онъ, — во взглядѣ на различныя состоянія одного и того же человѣка въ разные періоды его жизни есть одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, почти непогрѣшимый критерій практическаго сужденія. Если мы умѣемъ удержаться отъ неизбѣжно напрашивающихся легкихъ эффектовъ, имѣющихъ свою безспорную цѣнность въ литературѣ, но абсолютно недопустимыхъ въ построеніяхъ безкорыстнаго сужденія, то результаты такого рода изслѣдованія почти всегда бываютъ плодотворны.

— Легкій эффектъ въ данномъ случаѣ — это, конечно, «величіе и упадокъ».

— Легкій и неправильный. Потому что въ теперешнемъ состояніи Ральди, которую слѣдуетъ считать замѣчательной женщиной, — есть соединеніе тѣхъ элементовъ, которые обусловили ея великолѣпное и бессмысленное, съ практической точки зрѣнія, существованіе.

Мы спустились по авеню Марсо и я продолжалъ съ наслажденіемъ шагать въ эту прозрачно безмолвную и свѣтлую ночь. Парижъ спалъ глубокимъ сномъ въ этотъ часъ; и проходя мимо неплотно затворенныхъ ставень одной изъ квартиръ на первомъ этажѣ, мы услышали чей-то яственный храпъ, со вздохами и очень короткими паузами. — Я предполагаю, что это консьержъ, — сказала Платонъ. По другой сторонѣ улицы, навстрѣчу намъ, невѣрной и заллетающей походкой прошелъ бѣдно одѣтый и совершенно пьяный человѣкъ. Его появленіе тотчасъ же вызвало у меня такую явную, такую неотразимую ассоціацію, что я не успѣлъ овладѣть собой и спросилъ, хотя понималъ, что это нехорошо:

— Платонъ, отчего вы пьете?

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, не отвѣчая, потомъ сказалъ

— Вотъ и въ данномъ случаѣ, большинствомъ людей эта проблема рѣшается неправильно. Истина, печальность которой я не собираюсь отрицать, заключается въ слѣдующемъ: мы алкоголики не потому, что мы пьемъ, нѣтъ; мы пьемъ оттого, что мы алкоголики.

Но меня уже охватило раскаяніе, и я не хотѣлъ продолжать этотъ разговоръ, который я считалъ тягостнымъ для Платона, хотя впоследствии я понялъ, что это было неправильно; онъ былъ тягостенъ для меня, Платонъ же давно ушелъ изъ того міра мгновенныхъ и сильныхъ сожженій, въ которомъ я задыхался всю мою жизнь.

— Мы говорили о Ральди, — сказалъ онъ — Чѣмъ объясняется ея удивительная карьера? Какимъ образомъ

простая французская дѣвушка изъ Тулона, говорившая съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, слѣдовъ котораго вы тщетно стали бы искать въ ея теперешней рѣчи, могла стать на нѣкоторое время одной изъ самыхъ блестящихъ женщинъ Парижа и почему ея благосклонности добивались очень богатые и титулованные люди, которые дрались изъ-за нея на дуэли?

— Я очень низкаго мнѣнія о вкусѣ этихъ людей, Платонъ, — сказалъ я. — Тотъ фактъ, что ее выбралъ сначала герцогъ, потомъ король, потомъ геморроидальный сенаторъ, мнѣ ни въ какой степени не кажется убѣдительнымъ. Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что это могли быть люди, эстетическое чувство которыхъ было не болѣе изощреннымъ, чѣмъ эстетическое чувство крестьянина или мастеравого.

— Я этого не отрицаю априорно. Но количество людей, которые стремились къ обладанію этой женщиной, независимо отъ того, были они титулованы или нѣтъ, готовность рисковать своею жизнью или даже временной потерей здоровья ради ея расчетливой и въ сущности спорной и призрачной любви — одно это количество говорить о томъ, что на была непохожа на другихъ женщинъ полусвѣта. Итакъ, въ чемъ былъ смыслъ ея удивительнаго и несомнѣннаго очарованія?

— Я думаю, что мы никогда не узнаемъ этого, Платонъ. Тѣ люди, которые — я дѣлаю лестное и навѣрное неправильное предположеніе о нихъ — могли бы намъ рассказать объ этомъ, либо умерли, либо впали въ старческую идиотизмъ. Мы съ вами этого не знали; я отдаю должное аналитической гибкости вашего ума и его безпристрастности, но я считаю, что рѣшеніе этой задачи было потеряно лѣтъ тридцать тому назадъ и теперь оно не существуетъ.

— Я очень далекъ отъ картезіанскихъ идей, — сказалъ Платонъ, — я считаю, что онѣ принесли большой вредъ нашей мысли. Возможность полнаго и яснаго от-

вѣта на сложный вопросъ кажется осуществимой только для ограниченнаго воображенія, это былъ основной недостатокъ Декарта. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнѣйшій и опредѣляющій все аспектъ вопроса, кажется мнѣ несомненнымъ. Именно такъ обстоитъ вопросъ о Ральди. Она всегда знала, что она погибла — *elle se savait perdue* —, она видѣла неизбежное приближеніе того состоянія, въ которомъ мы съ вами покинули ее часъ тому назадъ, она знала это всегда и вотъ это печальное пониманіе нѣкоторыхъ послѣднихъ вещей, пониманіе, которое не могло не отразиться на всей ея жизни, на каждомъ выраженіи ея глазъ, на каждой интонаціи ея удивительнаго голоса, и навѣрное, на каждомъ ея объятіи, -- оно, въ основномъ, и опредѣлило ея несравненное очарованіе.

— Да, мнѣ кажется, я понимаю, — сказала я И я подумалъ, что сейчасъ, въ эту минуту Ральди, навѣрное, спитъ въ своей маленькой комнатѣ на влажно теплыхъ отъ ея тѣла простыняхъ, представилъ себѣ на подушкѣ тихій и сухой шелестъ волосъ, когда она во снѣ поворачиваетъ голову, смертельно и давно усталые мускулы ея обезображеннаго возрастомъ лица, ея жалобно отвисающую нижнюю губу надъ рѣдкими желто-черными зубами.

— Платонъ, это невозможно, — сказала я почти въ изступленіи, — обстоятельства складываются такъ, что всюду, куда бы я ни попалъ, я вижу всегда умираніе и разрушеніе и оттого, что я не могу этого забыть, вся жизнь моя отравлена этимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гайто Газдановъ.

СВѢТЛЯЧЕКЪ.

Что я вспомню, умирая,
Если вспомню что-нибудь,
И не дастъ судьба незлая
Безъ раздумья мнѣ уснуть
И, какъ въ шелку, въ двери Рая
Незамѣтно проскользнуть?

Выну что со дна шкатулки,
Подержу я что въ рукѣ?
Что приснится мнѣ? Прогулки
Лѣтъ въ шестнадцать по рѣкѣ?
Вечеръ? Гдѣ-то поѣздъ гулкій?
Звонъ лягушекъ вдалекѣ?

Или та, какъ будто кантомъ,
Обведенная давно
Ночь, когда влетѣлъ брильянтомъ
Свѣтлячекъ въ мое окно,
И надъ чернымъ ночи бантомъ
Счастье было зажжено.

Червячекъ горящій лѣтомъ
Тихимъ свѣтомъ и тепломъ,
Какъ бы родственнѣй поэтамъ,
Что порою меркнуть днемъ,
Но полны нездѣшнимъ свѣтомъ
Подъ зеленымъ звѣздъ лучемъ.

Онъ леталъ... И было странно,
Было дивно видѣть намъ
Этотъ лучъ непостоянный,
Этотъ свѣтъ то здѣсь, то тамъ,

Этот ласковый, обманной
Нѣжный блескъ по сторонамъ

Словно маленькое чудо
Я запомнила навсегда,
Какъ крупинка изумруда,
Миниатюрная звѣзда
Залетѣла къ намъ — откуда? —
Улетѣла вновь — куда?

Амари (М. Цетлинь).

**

Со всею преданностью старой,
Во власти отзвучавшихъ словъ,
Я выхожу на зовъ гитары,
Высоко гребни заколовъ.
Ступивъ съ четвертаго балкона,
Сорвавъ ограды кружева,
Я жду улыбки и поклона
И вѣрю въ то, что я — жива.
Но смутенъ разумъ донъ Жуана,
Привычно струнами звеня,
Онъ скажетъ мраку: доша Анна,
И отстранить легко меня.
Отъ грезъ очнуться слабой Аннѣ
Труднѣй, чѣмъ мнѣ отъ вѣчныхъ сновъ..
Она — жива, она не встанетъ,
Не выйдетъ гребни заколовъ.
Какъ перепуганная птица
Забылась подъ сердечный стукъ
И даже ей во снѣ не мнится:
Безлунный садъ, безумный другъ.

Алла Головина.

НОЧНЫЕ ЗОВЫ.

О томъ, какъ свѣтать живы,
Дымясь при вѣтерѣ,
И лучшие извивы
Колышатся въ рѣкѣ, —
О томъ, какъ въ слезномъ блескѣ
Въ сквозистый пикнуть паръ
Алмазные подвѣски
Полупочныхъ тиаръ, —

Я могъ бы пѣть, и Муза
Изъ слитныхъ голосовъ
Вселенскаго союза
Доносить хрункій зовъ
То шороха и треска
И вздоха въ тростникаль,
То шелеста и плеска
На блещущихъ пескахъ

Я могъ бы вѣть, какъ въ прятки
Играеть съ Ночью Богъ,
Свои звѣздамъ загадки
Загадывать бы могъ.
Но тѣмъ ли сердце живо,
Пока обречено
Отдѣльнаго порыва,
Стуча, ковать звено?

Къ чему съ душой ночью
Шептаться сталь бы я,
Пока дремлю дневною
Дремотой бытія?
Сонливца Смерть разбудить,
И съ ночью дечь сочельть.

И, пѣсней ставъ, забудеть
 Душа, о чемъ поеть.

Уйми же, Муза, трепеть
 Восторженной души,
 Настойчивый свой лепеть
 Забвемъ заглуши!
 И не зови къ сліяню
 Отторженную грудь;
 Дай смертному сознанью
 Кольцо свое сомкнуть.

Вячеславъ Ивановъ.

Есть страхъ безсмертья. Онъ таится
 Въ неодоимости вѣковъ,
 Душа не хочетъ и боится
 Нерасторгаемыхъ оковъ.

Какъ будто знаетъ знаньемъ смутнымъ,
 Что ничего страшнѣе нѣтъ,
 Чѣмъ этотъ, въ нашемъ снѣ минутномъ,
 Почти неразличимый свѣтъ.

Изъ поколѣній въ поколѣнья
 Она измѣну и любовь,
 Ихъ ложь и блескъ, прощаетъ вновь
 За право самоистребленья.

Вл. Шотровскій.

ARS POËTIQUE

(Изъ книги стиховъ «Орфей въ аду»).

Не въ томъ, чтобы шептать прекрасные стихи,
 Не въ томъ, чтобы смѣшать друзей счастливыхъ,

Не въ томъ, что участью считаютъ моряки,
Ни въ сумрачныхъ словахъ людей болтливыхъ.

Кружится снѣгъ и въ этомъ жизнь и смерть,
Горятъ часы и въ этомъ свѣтъ и нѣжность,
Стучать дрова, блаженство, безнадежность
И снова дно встрѣчаетъ всюду жердь.

Прислушайся къ огню въ своей печи,
Онъ будетъ глухо нѣтъ, а ты молчи,
О тишинѣ надъ огненной дугою,
О тысячѣ желѣзныхъ стѣпъ во тьмѣ,
О солнечныхъ словахъ любви въ тюрьмѣ,
О невозможности борьбы съ самимъ собою.

Борисъ Поплавскій.

1923-34.

Луны голубыя, огоньки фонарные,
Полумракъ на станціи облака сѣдѣи.
И опять кирпичные, поѣзда товарные:
Сорокъ человѣкъ и восемь лошадей...

Подмерзаетъ лужи золото сусальное,
Одуваетъ вѣтеръ черноту садовъ,
И звенятъ угрюмыя, и гремятъ кандалыня
Цѣпи безконечныя гулкихъ поѣздовъ.

Въ топотъ разнѣренномъ жалобное ржаніе,
На разсвѣтѣ мартовскомъ хлюпающій снѣгъ,
Пѣсня разставанія, пьяное дыханіе:
Восемь лошадей и сорокъ человѣкъ!

Софія Прегель.

Георгию Иллкову

Всю суть дунни мы отдали для пѣнья.
 (Для головы презрѣть все тѣло Кантъ.)
 Художникъ подѣ конецъ лишился зрѣнья,
 и слуха — совершенный музыкантъ.
 Къ потерѣ сердца, — пусть хотя бы части
 не самой (по несчастію) большой —
 пришла и я, у словъ своихъ во власти,
 безъ устали работая душой.
 Слова мои ко мнѣ приходятъ сами,
 во снѣ, когда совѣмъ ихъ не зону.
 И я съ разсыпанными волосами,
 Офеліей, большія розы рву...
 И такъ живу я, отроду имѣя,
 не спрашивая, о муза, сколько лѣтъ.
 Мой ядъ еще у райскаго былъ змѣя,
 и у Орфея — узкій мой скелеть.
 Не къ раю приближаюсь я, а къ краю
 мнѣ данной жизни, плача и звеня...
 Отъ музыки, друзья, я умираю --
 вся сердцевина рвется изъ меня.

Анна Присманова.

Ты огнать у меня мою страну,
 Мою семью, мой домъ, — мой легкой жребій,
 Ты опалилъ огнемъ мою весну,
 Мой дѣтскій сонъ о правдѣ и о небѣ.
 Ты гналъ меня сквозь стужу, жаръ и дымъ,
 Грозилъ убить меня рукою брата,
 Ты гналъ меня по всѣмъ путямъ земнымъ
 Безъ отдыха, надежды и возврата.

Меня Ты ранилъ жаломъ нищеты,
Болезнями и голодомъ и жаждой,
Я прозрѣвалъ жестокія черты
За каждой болью, за обидой каждой.

И нѣтъ конца — Ты мучишь вновь и вновь,
И нѣтъ конца, и нѣтъ тоскъ названья —
Ты отнимаешь у меня любовь,
Послѣднее мое очарованье.

Ее Ты мучишь страшною мечтой,
Свой мертвый ликъ къ живой душѣ склоняя,
Я вижу — никнетъ подъ Твоей пятой,
Мой золотой цвѣтокъ, моя любовь живая.

Вотъ, тяжело встаетъ моя душа,
Тебѣ наперекоръ, Тебѣ навстрѣчу,
Пускай едва жива, нускай едва дыша,
Но вѣчная передъ Тобой — Предвѣчнымъ.

И тамъ, въ Твоемъ аду, и здѣсь, съ Тобой въ борьбѣ,
За все спасенье и за все блаженство,
Вотъ эту страсть, вотъ это совершенство
Моей любви не уступлю Тебѣ

Влад. Смоленскій.

(Изъ черновиловъ).

Въ послѣдній разъ зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
Въ послѣдній разъ: восхити меня въ ту зысь,
Откуда открывастся паденье.

Въ послѣдній разъ! Нѣтъ въ жизни ничего
Святѣе и ужаснѣе прощанья.
Оно есть агнецъ сердца моего,
Влекомый на закланье.

Въ немъ прошлое возлюблено опять
 Съ уже нечеловѣческой силой.
 Такъ предъ разстрѣломъ сынъ объемлетъ мать
 Надъ общою и ихъ могилой.

1934 г

Владиславъ Ходасевичъ.

ОБРАЩЕНИЕ.

Отвяжись... я тебя умоляю!
 Вечеръ страшенъ, гулъ жизни затихъ.
 Я безпомощенъ. Я умираю
 отъ слѣпыхъ наплываній твоихъ.

Тотъ, кто вольно отчизну покинулъ,
 воленъ быть на вершинахъ о ней,
 но теперь я спустился въ долину,
 и теперь приближаться не смѣй.

Навсегда я готовъ затаиться
 и безъ имени жить. Я готовъ,
 чтобъ съ тобой и во снахъ не сходиться,
 отказаться отъ всяческихъ сновъ;

обезкровить себя, искалѣчить,
 не касаться любимѣйшихъ книгъ,
 промѣнять на любое нарѣчье
 все, что есть у меня, — мой языкъ.

Но зато, о Россія, сквозь слезы,
 сквозь траву двухъ несмежныхъ могилъ,
 сквозь дрожащія пятна березы,
 сквозь все то, чѣмъ я смолоду жилъ,

дорогими, слѣплыми глазами
 не смотри на меня, пожалѣй,

не ници въ этой угольной ямъ,
не нацупивай жизни моей!

Ибо годы прошли и сгодѣтъ,
и за горе, за муку, за стыдъ,
— поздно, поздно! никто не отвѣтитъ,
и душа никому не проститъ.

Василій Шишковъ.

БЕССАРАБІЯ.

Т. и И. Отышевскимъ.

1.

Двѣ барышни въ открытомъ шарабанѣ,
Верхомъ за ними двое паньчей:
Все какъ въ наивно-бытовомъ романѣ,
Минувшій вѣкъ до самыхъ мелочей...

И не найти удачнѣй декорацій —
Дворянскій домъ на склонѣ у рѣки.
Студентъ съ начала самага «вакацій»,
Фруктовый садъ, покосы, мужики ..

Но въ чемъ-то все-же скрытая поддѣлка
И вѣчный страхъ, что двинется сейчасъ
По циферблату роковая стрѣлка...
(Ужъ двадцать лѣтъ она щадила насъ).

2.

Вечеромъ выйдемъ гулять по межѣ.
Сторожъ внезапно возникнетъ изъ мрака,
Спроситъ огня. Мы закуримъ. Уже
Осень вблизи дожидается знака...

Ночью иначе звучать голоса,
Глухо и даже немного тревожно.

Каждая пауза четверть часа...
Можно о многомъ сказать односложно.

Рѣчь про дожди, урожай, молотьбу,
Сдержанно, чинно, (отвѣты-вопросы),
Про деревенскія быль и судьбу...
Лиць не видать. Огонекъ напиросы.

Красный, тревожный, ночной огонекъ...
Запахъ полыни и мокрой овчины.
Терпкая грусть... (Очень русскій порокъ).
Но безъ какой-нибудь ясной причины.

3.

Лѣсъ вдали стоитъ уже нѣмой.
Легкій сумракъ. Очень низко тучи.
Я не знаю, что опять со мной...
Быть бѣдѣ. И скоро. Неминучей...

Отъ костра идетъ широкій дымъ.
Пастушонокъ схватилъ колѣни.
Онъ молчитъ. Мы часто съ нимъ сидимъ.
Тихій вечеръ въ полѣ предосенній...

Мягкій профиль русскаго лица,
Пастушка зовутъ какъ въ сказкѣ — Ваней.
Такъ сидѣтъ бы съ Ваней безъ конца...
Не забыть мнѣ нашихъ съ нимъ молчаній.

Дома будутъ рѣчи про войну,
(Уберечь уже не можетъ чудо).
На разсвѣтѣ все-же я засну,
Буду спать тревожно, чутко, худо.

А. Штейгеръ.

Горькій

Годъ тому назадъ мною были публично прочитаны, а затѣмъ напечатаны въ «Современныхъ Запискахъ» воспоминанія о Максимѣ Горькомъ*). Въ этихъ воспоминаніяхъ я старался представить лишь общій психологическій обликъ писателя, какъ я его видѣлъ и понималъ, не касаясь и не намѣреваясь касаться всей политической стороны его жизни. Однако, просматривая разные совѣтскія изданія, въ которыхъ не прекращается очень детальное изученіе не только творчества, но и біографіи Горькаго, я убѣдился, что вся эпоха его пребыванія за-границей, начиная съ 1921 г., либо обходится молчаніемъ, либо, что еще хуже, дается въ невѣрномъ освѣщеніи. Читателю совѣтскихъ изданій неизмѣнно внушается мысль, что Горькій покинулъ совѣтскую Россію единственно по причинѣ разстроеннаго здоровья, во все время своего пребыванія за-границей не терялъ самой тѣсной связи съ правительствомъ и вернулся тотчасъ, какъ только выздоровѣлъ. Въ дѣйствительности все это было совсѣмъ не такъ. Я, однако же, не рѣшился бы обвинять авторовъ въ сознательной лжи. Весьма вѣроятно, что документы, могущіе освѣтить истинное положеніе дѣлъ, въ СССР отчасти уничтожены, отчасти скрыты отъ тѣхъ, кто тамъ пишетъ о Горькомъ. Свидѣтели, отъ которыхъ можно бы узнать правду, сравнительно весьма немногочисленны, но и они молчать и будутъ молчать: одни — потому что заинтересованы въ сокрытіи истины, другіе — потому что боятся ее хотя бы пріоткрыть

*) Первая часть воспоминаній В. Ф. Ходасевича о Горькомъ помѣщена въ «Совр. Запискахъ» за 1937 г. (кн. 63). Печатаемая здѣсь вторая часть публикуется уже въ порядкѣ литературнаго наслѣдства В. Ф. Ходасевича. Покойный В. Ф. самъ сомнѣвался въ возможности опубликованія этой части полностью, поскольку въ ней затраиваются нѣкоторыя понятія здравствующія лица. Въ согласіи съ этими соображеніями автора, мы сочли себя обязанными опустить въ текстѣ соотвѣтствующія мѣста (ок. полторы печ. страницъ) не имѣющія къ тому же ближайшаго отношенія къ характеристикѣ самого Горькаго

Редація.

Въ виду того, что именно эта потасованная эпоха горьковской жизни въ значительной части прошла у меня на глазахъ, мнѣ показалося, что мой долгъ сохранить для будущаго хотя бы тѣ свѣдѣнія, которыми я располагаю.

Мой рассказъ имѣеть междурный, а не изслѣдовательскій характеръ. Вслѣдствіе этого онъ, во-первыхъ, не простирается за хронологическіе предѣлы моего личнаго общенія съ Горькимъ. Во-вторыхъ, и я это въ особенности подчеркиваю, онъ отнюдь не претендуетъ на то, чтобы даже за этотъ періодъ охватить всю тему, представить отношенія Горькаго съ властью во всей полнотѣ. Для такого охвата я даже и не располагаю надлежащими свѣдѣніями, потому что знаю, что многое, происходившее въ ту пору, остается мнѣ неизвѣстно. Въ-третьихъ, именно въ силу того, что я оперирую не со всей суммою данныхъ, а лишь съ тѣми, которыя входятъ въ составъ моихъ личныхъ воспоминаній, я воздерживаюсь отъ широкихъ обобщеній и выводовъ.

Наконецъ, я считаю долгомъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Весьма многое изъ того, о чемъ я рассказываю, фактически происходило внѣ моего присутствія и непосредственнаго созерцанія. Однако, то, чему я самъ не былъ и не могъ быть свидѣтелемъ, сообщается не иначе, какъ со словъ самого Горькаго, либо со словъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, либо на основаніи имѣющихся у меня документальныхъ, въ томъ числѣ — писемъ Горькаго. Никакими печатными матеріалами и свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ я не пользуюсь.

Осенью 1918 года меня вызвали въ Петербургъ и предложили завѣдывать московскимъ отдѣленіемъ издательства «Всемирная Литература», только что возникшаго подъ эгидой Максима Горькаго. Принявъ предложеніе, я вернулся въ Москву. Работа моя протекала въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ петербургскимъ правленіемъ. Я каждый день сносился съ нимъ по прямому проводу, установленному въ моемъ кабинетѣ.

Постепенно мнѣ стало ясно, что Горькій, хотя ему принаслажала идея издательства, мало интересуется его текущими дѣлами, которыя находились въ рукахъ близкихъ къ нему людей: А. П. Тихонова и З. И. Гржебина.

«Всемирная Литература» числилась состоящей «при народномъ комиссариатѣ по просвѣщенію», но фактически была автономна. Вся связь между нею и наркомпросомъ выражалась въ томъ, что правленіе оплачивало ей расходы, а ея сотруд-

ники числились на солѣтской службѣ. Съ того момента, какъ было учреждено Государственное издательство, то-есть съ весны 1919 г., ассигновки на «Всемирную Литературу» шли через Госиздатъ, и я туда обращался всякій разъ, какъ мнѣ нужна были деньги. Осенью того же года Н. одержимы позвонилъ мнѣ по телефону и сказалъ слѣдующее: «На Петербургъ наступаютъ войска ген. Юденича. Петербургъ, вѣроятно, будетъ намъ временно занятъ, благодаря чему откроется финляндская граница. Необходимо воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы закупить въ Финляндіи партію бумаги для «Всемирной Литературы». Однако, на совѣтскія деньги тамъ ничего не продаютъ. Поэтому отправляйтесь немедленно въ Госиздатъ и потребуйте, чтобы вамъ выдали необходимую сумму денежными знаками Временнаго Правительства. Получивъ деньги, известите меня, а я вамъ тогда скажу, какъ ихъ сюда переслать».

Не помню, какую сумму назвалъ Н. Во всякомъ случаѣ, она была очень велика и въ нѣсколько разъ превышала тѣ суммы, которыя мнѣ обычно приходилось брать въ Государственномъ Издательствѣ. Кромѣ того, деньги Временнаго Правительства въ ту пору еще имѣли мистическую, но почти вѣротную цѣнность и расходовались только на самыя важныя государственныя и партійныя надобности. Всякія частныя операции съ ними сурово преслѣдовались, и даже самое храненіе ихъ считалось чуть ли не преступленіемъ. Кромѣ этого, мнѣ показалось рискованно идти въ совѣтское учрежденіе и тамъ развѣшивать планы, основанныя на предстоящихъ расходахъ красной арміи. Поэтому я отвѣтилъ Н., что прошу его требованіе изложить на бумагѣ и прислать мнѣ не иначе, какъ за подписью самого Горькаго. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ Н. ... повѣсилъ трубку. Однако, на другой день бумага пришла, и мнѣ ничего не оставалось, какъ отправиться съ ней въ Госиздатъ.

Завѣдывалъ имъ В. В. Воровскій, тотъ самый, который впоследствии былъ убитъ въ Лозаннѣ. Это былъ сухощавый, сутуловатый человѣкъ примѣтно слабого здоровья. Онъ элегантно одѣвался и тщательнo ухаживалъ за своей сѣтѣющей, бородой — можетъ быть, даже слегка подвивалъ ее — и за своими красивыми, породистыми руками. Онъ былъ образованъ и хорошо воспитанъ. У насъ сложились добрыя отношенія. Разъ или два случалось мнѣ встрѣтить его на Пречистенскомъ бульварѣ и сидѣть съ нимъ на скамейкѣ у памятника Гоголю. Когда я представлялъ ему горьковскую бумагу, онъ прочелъ ее, пощелкалъ

по ней пальцемъ, покачалъ головой и сказалъ, улыбаясь (помню его слова съ абсолютной точностью):

— Ай, ай, ай! Ай да Алексѣй Максимовичъ! Такъ самъ и просится въ Чрезвычайку!

Погодь, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ заботливо и серьезно:

— Денегъ, конечно, имъ не дадутъ, и бумажку эту я уничтожу. А если они будутъ настаивать на дальнѣйшихъ хлопотахъ, то скажите имъ, что лично вы не хотите путаться въ это дѣло.

Горьковская бумага, однако, не была уничтожена, а попала въ руки секретарю Воровскаго, и нѣсколько времени спустя, когда уже и Юденичъ откатился отъ Петербурга, въ «Правдѣ» (а можетъ быть — въ «Извѣстіяхъ») появилась статья на тему о томъ, что до сихъ поръ существуетъ въ РСФСР частное издательство Гржебина, набивающаго себѣ карманы на заказахъ совѣтскаго правительства — въ частности комиссаріата по военнымъ дѣламъ; что тотъ же Гржебинъ ворочаетъ дѣлами «Всемирной Литературы», съ деньгами которой недавно собирался перебѣжать къ Юденичу, — и что всѣмъ этимъ махинаціямъ покровительствуетъ Максимъ Горькій. Горькій тотчасъ примчался въ Москву съ Гржебинымъ и, кажется, Десницкимъ. Исторію ему удалось замаять, но съ большимъ трудомъ и только благодаря вмѣшательству Ленина. Вообще въ Кремлѣ къ нему относились подозрительно, а порой и враждебно. Главныя интриги шли, видимо, со стороны Каменевыхъ.

Наркомпросъ раздѣлялся на нѣсколько отдѣловъ, въ числѣ которыхъ былъ театральнй, такъ наз. Тео. Въ немъ номинально сосредоточивалось управление всѣми театрами республики. На дѣлѣ Тео ничѣмъ не управлялъ, отчасти по общимъ тогдашнимъ условіямъ, отчасти же потому, что во главѣ его стояла Ольга Давыдовна Каменева, жена предсѣдателя московскаго Совѣта и сестра Троцкаго, не имѣвшая о театрѣ ни малѣйшаго понятія, занявшая свой высокій постъ благодаря вліянію брата и мужа. Назначеніе Каменевой причиняло страшныя душевныя муки женѣ Горькаго, Маріи Федоровнѣ Андреевой, считавшей, что возглавленіе Тео по праву должно принадлежать ей (что отчасти было бы справедливо, потому что она, какъ ни какъ, бывшая артистка, а Каменева — не то акушерка, не то зубной врачъ). Вражда между высокопоставленными дамами не затихала. Марія Федоровна вела подлѣ Каменеву подковы, но та стойко оборонялась, въ чемъ ей помогать В. Э. Мейергольдъ. Однажды въ Петербургѣ, въ квартирѣ Горькаго,

симпровизировалъ я на эту тему шѣлую былинну, изъ которой почню лишь нѣсколько строкъ:

Какъ восплачется свѣтъ-княгинюшка,
Свѣтъ-княгинюшка Ольга Давыдовна:
«Ужъ ты гой еси, Марахоль Марахоловичъ,
Славный богатырь нашъ, скомошошина!
Ты сѣдай свою коня борзаго,
Ты скачи ко мнѣ на Москва-рѣку!
Какъ Андреева, вѣдьма лютая,
Извести меня обѣщалася,
Изъ Тео меня хочеть вынести,
Изъ Кремля меня хочеть встрясти,
Малыхъ дѣтушекъ въ полонъ забрать!»
Сѣдлалъ Марахоль коня борзаго
Прискакалъ тогда на Москва-рѣку.
А и бралъ онъ тую Андрееву
За бѣлы груди да за косыньки,
Подымалъ выше лѣсу сяняго,
Ударялъ ее объ сыру землю — и т. д.

Больше всего, конечно, помогало Каменевой то, что Луначарскій, тогдашній комиссаръ народнаго просвѣщенія, хорошо относился къ Горькому, но былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ его женой. Причина этихъ неладовъ была вполне анекдотическая. Въ эпоху первой эмиграціи существовала, какъ извѣстно, большевицкая колонія на Капри. Жилъ тамъ и Луначарскій съ семьей. Однажды у него умеръ ребенокъ. Похоронить его по христіанскому обряду Луначарскій, какъ атеистъ, не могъ, а просто зарыть трупикъ въ землю все же оказалось ему не хорошо. Чудакъ додумался до того, что сталъ надъ мертвымъ младенцемъ читать стихи Бальмонта. Марія Федоровна Андреева подняла его на смѣхъ при всей честной компаніи. Произошла ссора, кончившаяся по тогдашнему обычаю третейскимъ судомъ. Противниковъ помирили, но самъ Горькій мнѣ говорилъ, что Луначарскій навсегда возненавидѣлъ Марію Федоровну и именно по этой причинѣ обошелъ ее при назначеніи завѣдующей Тео.

Въ февралѣ 1920 г., когда уже Каменеву перевели изъ Тео въ отдѣлъ социальнаго обезпеченія, я однажды имѣлъ съ нею длинную и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытную бесѣду, во время которой она, между прочимъ, спросила, продолжаю ли я завѣдывать «Всемирной Литературой». На мой утвердительный отвѣтъ она сказала:

— Удивляюсь, какъ вы можете знаться съ Горькимъ. Онъ только и дѣлаетъ, что покрываетъ мошенниковъ — и самъ та-кой же мошенникъ. Если бы не Владиміръ Ильичъ, онъ давно бы сидѣлъ въ тюрьмѣ!

* *

Почмо личнаго раздраженія, въ словахъ Каменевой, можетъ быть, слѣдуетъ разслышать отголосокъ другой, болѣе упорной и дѣятельной вражды, несомнѣнно сыгравшей важнѣйшую роль въ жизни Горькаго и въ исторіи его отношеній съ совѣтскимъ правительствомъ. Я имѣю въ виду его нелады съ Григоріемъ Зиновьевымъ, всесильнымъ въ ту пору комиссаромъ Сѣверной области, смотрѣвшимъ на Петербургъ, какъ на свою вотчину.

Когда, почему и какъ начали враждовать Горькій съ Зиновьевымъ, я не знаю. Возможно, что это были тоже давніе счеты, восходящіе къ дореволюціонной порѣ; возможно, что они возникли въ 1917-1918 годахъ, когда Горькій стоялъ во главѣ газеты «Новая Жизнь», отчасти оппозиціонной по отношенію къ ленинской партіи и закрытой совѣтскимъ правительствомъ одновременно съ другими оппозиціонными органами печати. Во всякомъ случаѣ, къ осени 1920 года, когда я переселился изъ Москвы въ Петербургъ, до открытой войны дѣло еще не доходило, но Зиновьевъ старался вредить Горькому гдѣ могъ и какъ могъ. Арестованнымъ, за которыхъ хлопоталъ Горькій, нерѣдко грозила худшая участь, чѣмъ если бы онъ за нихъ не хлопоталъ. Продовольствіе, топливо и одежда, которыя Горькій съ величайшимъ трудомъ добывалъ для ученыхъ, писателей и художниковъ, перехватывались по распоряженію Зиновьева и распределялись неизвѣстно по какимъ учрежденіямъ. Ина защита у Ленина, Горькій то и дѣло звонилъ къ нему по телефону, писалъ письма и лично ѣздилъ въ Москву. Нельзя отрицать, что Ленинъ старался прийти ему на помощь, но до того, чтобы по настоящему обуздать Зиновьева, не доходило никогда, потому что, конечно, цѣнилъ Горькаго, какъ писателя, а Зиновьева — какъ испытаннаго большевика, который былъ ему нуженъ. Недавно въ журналѣ «Звѣзда» одинъ учечный съ наивнымъ умиленіемъ вспоминалъ, какъ онъ съ Горькимъ былъ на пріемѣ у Ленина и какъ Ленинъ участливо совѣтывалъ Горькому поѣхать за-границу — отдыхать и лѣчиться. Я очень хорошо помню, какъ эти совѣты огорчали и раздражали Горькаго, который въ нихъ видѣлъ желаніе избавиться отъ назойливаго ходатая за «праговъ» и жалобщика на Зиновьева. Зиновьевъ со своей стороны не унимался. Возможно, что легкія по-

ражени, которыя порой наносили ему Горькій, даже еще увеличивали его энергію. Дерзость его доходила до того, что его агенты перлюстрировали Горьковскую переписку — въ томъ числѣ письма самого Ленина. Эти письма Ленинъ иногда посылалъ въ конвертахъ, но всѣмъ направлевающимъ прошивалъ ниткою, концы которой припечатывались сургучными печатями. И все-таки Зиновьевъ какимъ-то образомъ ухитрился ихъ прочитывать — объ этомъ впоследствии рассказывалъ мнѣ самъ Горькій. Незадолго до моего приѣзда Зиновьевъ устроилъ въ густо и пестро населенной квартирѣ Горькаго повальный обыскъ. Въ ту же пору до Горькаго дошли свѣдѣнія, что Зиновьевъ грозитъ арестовать «нѣкоторыхъ людей, близкихъ къ Горькому». Кто здѣсь имѣлся въ виду? Несомнѣнно — Гржебинъ и Тихоновъ, но весьма вѣроятно и то, что замышлялся еще одинъ ударъ — можно сказать, прямо въ сердце Алексѣя Максимовича.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла книга англійскаго дипломата Локкарта — воспоминанія о пребываніи въ совѣтской Россіи. Въ этой книгѣ фигурируетъ между прочимъ, одна русская дама — подъ условнымъ именемъ Мара. Оставимъ ей это имя, уже въ нѣкоторомъ родѣ освѣщенное традиціей...

Лицою особенностью Мары надо признать исключительный даръ достигать поставленныхъ цѣлей. При этомъ она всегда умѣла казаться почти беззаботной, что надо приписать незаурядному умѣнию притворяться и замѣчательно выдержкѣ. Образование она получила «домашнее», но благодаря большому такту ей удавалось казаться освѣдомленной въ любомъ предметѣ, о которомъ шла рѣчь. Она свободно говорила по-англійски, по-нѣмецки, по-французски и на моихъ глазахъ въ два-три мѣсяца заговорила по-итальянски. Хуже всего она говорила по-русски — съ рѣзкимъ иностраннымъ акцентомъ и явными переводами съ англійскаго: «вы это вынули изъ моего рта», «онъ съѣлъ на свои большія лошади» и т. п.

Она рано вышла замужъ, послѣ чего жила въ Берлинѣ, гдѣ ей мужъ былъ однимъ изъ секретарей русскаго посольства. Тѣсная связи съ высшимъ берлинскимъ обществомъ сохраняла она до сихъ поръ. Въ началѣ войны она приѣхала въ Петербургъ, выказала себя горячею патриоткой, была сестрой милосердія въ великосвѣтскомъ госпиталѣ, которымъ завѣдывала бар. В. И. Искунъ, всгупила въ только что возникшее общество англо-русскаго сближенія и завязала дружескія связи въ англійскомъ посольствѣ. Въ 1917 г. ее мужъ былъ убитъ крестьянами у себя въ имѣніи — полъ Ревелемъ. Ей было тогда лѣтъ

двадцать семь Въ моментъ октябрьской революціи она сблизилась съ упомянутымъ Локкартомъ, который, въ качествѣ по-вѣреннаго въ дѣлахъ, замѣнилъ уѣхавшаго англійскаго посла Бьюкенена. вмѣстѣ съ Локкартомъ она переѣхала въ Москву и вмѣстѣ съ нимъ была арестована большевиками, а затѣмъ отпущена на свободу.

Покидая Россію, Локкартъ не могъ ее взять съ собой. Выйдя изъ чека, она поѣхала въ Петербургъ, гдѣ писатель Корній Чуковский, знавшій ее по англо-русскому обществу, досталъ ей работу во «Всемирной Литературѣ» и познакомилъ съ Горькимъ. Вскорѣ она пыталась бѣжать за-границу, но была схвачена и очутилась въ чека на Гороховой. Благодаря хлопотамъ Горькаго, ее выпустили. Она поселилась въ его квартиру на положеніи секретарши. Вотъ ее-то Зиновьевъ и мечталъ посадить еще разъ.

Время отъ времени у Горькаго собирались петербургскіе большевики, состоявшіе въ оппозиціи къ Зиновьеву, большею частью лично имъ обиженные: Лашевичъ, Бакаевъ, Зоринъ, Гессель и другіе. Однако, имъ приходилось ограничиваться словомъ по адресу Зиновьева, чтеніемъ стиховъ, въ которыхъ онъ высмѣивался, я тому подобными невинными вещами. У меня создалось впечатлѣніе, что они вели на заводахъ нѣкоторую осторожную агитацію противъ Зиновьева. Но дальше этого дѣла не шло, для настоящей борьбы силъ не было.

Вскорѣ, однако, на горизонтѣ оппозиціи блеснула лучъ свѣта. Общеизвѣстна расправа, учиненная Зиновьевымъ надъ матросами, захваченными въ плѣнъ во время кронштадтскаго возстанія. Я самъ видѣлъ, какъ одну партію плѣнниковъ вели подъ конвоемъ, и они, грозя кулаками встрѣчнымъ рабочимъ, кричали:

— Предатели! Сволочи!

Упѣтѣвшіе матросы въ передѣломъ видѣ ходили къ Горькому, и, наконецъ, въ рукахъ у него очутились документы и показанія, уличавшіе Зиновьева не только въ безжалостныхъ и бесчеловѣчныхъ разстрѣлахъ, но и въ томъ, что самое возстаніе было отчасти имъ спровоцировано. Каковы были при этомъ цѣли Зиновьева — не знаю, но о самомъ фактѣ провокаціи Горькій мнѣ говорилъ много разъ. Съ добытыми документами Горькій рѣшился ѣхать въ Москву. Повидимому, онъ надѣялся, что на этотъ разъ Зиновьеву несдобровать.

Въ Москвѣ, какъ всегда, онъ остановился у Екатерины Павловны Пышковой, своей первой жены. У нея же на квартирѣ состоялось совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Ленинъ,

прѣхавшій безъ всякой охраны, Дзержинскій, рядомъ съ шофферомъ котораго сидѣлъ вооруженный чекнистъ, и Троцкій, за нѣсколько минутъ до прѣзда котораго пѣлый отрядъ красноармейцевъ оцѣпилъ песь дочь. Выслушали докладъ Горькаго и рѣшили, что надо выслушать Зиновьева. Его вызвали въ Москву. Въ первомъ же засѣданіи онъ разразился сердечнымъ припадкомъ — по мнѣнію Горькаго симулированнымъ (хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ страдалъ сердечной болѣзью). Кончилось дѣло тѣмъ, что Зиновьева пожурили и отпустили съ миромъ. Нельзя было сомнѣваться, что теперь Зиновьевъ сумѣетъ Алексѣю Максимовичу отплатить. Боясь за Мару, Горькій потребовалъ для нея заграничный паспортъ, который ему тотчасъ выдали въ компенсацію за понесенное пораженіе. Горькій привезъ паспортъ въ Петербургъ, и Мара была эвакуирована въ Эстонию. Мы еще къ ней вернемся.

**

Весной того же года Луначарскій подалъ въ Политбюро заявленіе, поддержанное Горькимъ — о необходимости выпустить за-границу больныхъ писателей: Сологуба и Блока. Политбюро почему-то рѣшило Сологуба выпустить, а Блока задержать. Узнавъ объ этомъ, Луначарскій отправилъ въ Политбюро чуть ли не истерическое письмо, въ которомъ, вновь хлопоча за Блока, ни съ того ни съ сего потопилъ Сологуба. Аргументація его была приблизительно такова: товарищи, что-жъ вы дѣлаете? Я просилъ за Блока и Сологуба, а вы выпускаете одного Сологуба, межъ тѣмъ, какъ Блокъ — поэтъ революціи, наша гордость, о немъ была даже статья въ Times'ѣ, а Сологубъ — нашъ врагъ, ненавистникъ пролетаріата, авторъ контръ-революціонныхъ памфлетовъ — и т. д.

Въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ дней іюня я зашелъ къ Горькому. Послѣ ужина онъ повелъ меня въ свой маленький, тѣсный кабинетъ, говоря: «Пойдемте, я вамъ покажу штурковину» — и показалъ мнѣ копію письма Луначарскаго, датированнаго 22 числомъ. Пока я читалъ, онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: «Каково? Хорошо?» Прочитавъ, я сказалъ: «Осель». — «Не осель, а сукинъ сынъ», — возразилъ онъ, покраснѣвъ, и тотчасъ прибавилъ: «Извините, пожалуйста». (Онъ не любилъ бранныхъ словъ и почти никогда ихъ не употреблялъ).

Мы вернулись въ столовую. За чаемъ онъ хмурился, не принимая участія въ разговорѣ, иногда вставалъ и, ходя по комнатѣ, бормоталъ уже во множественномъ числѣ: «Ослы! Ослы!»

Все это лѣто онъ былъ въ подавленномъ настроеніи. Соло-

губовская исторія была, однако-жъ, ничто по сравненію съ непріятностями, которыя еще предстояло ему пережить. Только что описанный мой визитъ былъ прощальный: я собирался въ деревню. Дней черезъ пять, въ самую ночь передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, были произведены многочисленные аресты по знаменитому таганцевскому дѣлу. Былъ схваченъ цѣлый рядъ представителей интеллигенціи, въ томъ числѣ Гумилевъ и старій пріятель Горькаго Тихвинскій. Впослѣдствіи обвиняли Горькаго въ томъ, что по этому дѣлу онъ не проявилъ достаточно энергіи. Повторяю — меня не было въ Петербургѣ, я вернулся туда только послѣ того, какъ осужденные были уже разстрѣляны. Однако, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, я утверждаю, что Горькій дѣлалъ неслыханныя усилія, чтобы спасти привлеченныхъ по дѣлу, но его авторитетъ въ Москвѣ былъ уже равенъ почти нулю. Не могу этого утверждать положительно, но вполнѣ допускаю, что, въ связи съ Зиновьевымъ, заступничество Горькаго даже еще ухудшило положеніе осужденныхъ.

Слухи о томъ, что его обвиняютъ въ бездѣйствіи, доходили до Горькаго. Обычно онъ мало, даже слишкомъ мало считался съ общественнымъ мнѣніемъ, даже любилъ его раздражать, но на этотъ разъ переживалъ напраслину очень тяжело, хотя по обыкновенію своему не оправдывался. Можетъ быть, собственное непреодолимое упрямство его мучило. Между тѣмъ, на него надвигалась еще бѣда, еще одно пораженіе — можетъ быть, самое тяжелое изъ всѣхъ, понесенныхъ имъ въ Кремлѣ.

Уже съ весны сдѣлалось невозможно скрывать, что въ Россіи, въ особенности на Волгѣ, на Украинѣ, въ Крыму, свирѣпствуетъ голодь. Въ Кремлѣ, наконецъ, переполошились и рѣшили, что безъ содѣйствія остатковъ общественности обойтись невозможно. Привлеченіе общественныхъ силъ было необходимо еще для того, чтобы заручиться довѣріемъ иностранцевъ и получить помощь изъ-за границы. Каменевъ, не безъ ловкости притворявшійся другомъ и заступникомъ интеллигенціи, сталъ нацупывать почву среди ея представителей, болѣе или менѣе загнанныхъ въ подполье. Привлекли къ дѣлу Горькаго. Его призвалъ, обращенный къ интеллигенціи, еще разъ возымѣлъ дѣйствіе. Образовался Всероссийскій Комитетъ Помощи Голодающимъ, виднѣйшими дѣятелями котораго были Прокоповичъ, Кускова и Кишкинъ. По начальнымъ слогамъ этихъ фамилій Комитетъ тотчасъ получила дружески-комическую, но providенціальную кличку: Прокукишъ. Съ готовностью, даже съ рвеніемъ шли въ Комитетъ писатели, публицисты, врачи, адвокаты,

учителя и т. д. Одних привлекала гуманная цель. Мечты других, может быть, простирались далѣе. Казалось — лиха быда начать, а ужь тамъ, однажды вступивъ въ контактъ съ «живыми силами страны», совѣтская власть будетъ въ этомъ направленіи эволюціонировать, — замерзшій моторъ общественности заработаетъ, если всю машину немножечко потолкать плечемъ. Нэлъ, незадолго передъ тѣмъ объявленный, еще болѣе окрылялъ мечты. Въ воздухѣ пахло «весной», точь-въ-точь, какъ въ 1904 году. Скептиковъ не слушали. Предсѣдателемъ Комитета избрали Каменева и засѣдали съ упоеніемъ. Говорили красиво, много, съ многозначительными намеками. Когда за-границей узнали о возрожденіи общественности, а болтуны высказались, Чека, разумѣется, всѣхъ арестовала гуртомъ, во время засѣданія, не тронувъ лишь «предсѣдателя». При этой okazji кто-то что-то еще сказалъ, кто-то успѣлъ отпустить «смѣльную» шуточку, а затѣмъ отправились въ тюрьму. Горькій былъ въ это время въ Москвѣ — а можетъ быть, поѣхалъ туда, узнавъ о происшествіи. Его стыду и досадѣ не было границъ. Встрѣтивъ Каменева въ кремлевской столовой, онъ сказалъ ему со слезами:

— Вы сдѣлали меня провокаторомъ. Этого со мной еще не случалось.

Вернувшись въ Петербургъ въ концѣ сентября или въ началѣ октября, Горькій, наконецъ, понялъ, что пора воспользоваться совѣтами Ленина, и черезъ нѣсколько дней покинулъ совѣтскую Россію. Онъ поѣхалъ въ Германію.

**

Я собрался за-границу лѣтомъ 1922 года. Кое-кто изъ обшихъ друзей просили меня отвезти Алексѣю Максимовичу письма, которыхъ нельзя было довѣрить почтѣ. Принять подобное порученіе теперь было бы сумасшествіемъ. Но тѣ времена были еще идиллическія. Я преспокойно довезъ письма до Берлина. Въ день пріѣзда я написалъ Горькому въ приморское мѣстечко Герингсдорфъ, спрашивая, когда можно его застать. Онъ отвѣтилъ: «Если это удобно для васъ, пріѣзжайте въ четвергъ... Очень радъ буду видѣть Васъ и радъ, что Вы, наконецъ, отдохнете». Затѣмъ шла удивившая меня фраза: «До свиданія со мной — по до ж д и т е п р и н и м а т ь п р е д л о ж е н і я „Наканунъ“».

Какъ всѣ помнятъ, «Наканунъ» была смѣловѣховская газета, выходившая въ Берлинѣ подъ редакціей Алексѣя Толстого.

Толстого я еще не видалъ, и никакихъ предложеній отъ него не получалъ. Мнѣ показалось странно, что Горькій такъ забѣгаетъ впередъ. Приѣхавъ къ нему, я все понялъ: по отношенію къ совѣтскому правительству онъ оказался настроенъ еще меньше сочувственно, чѣмъ я. Подробно разспрашивая о петербургскихъ писателяхъ, преимущественно о молодежи, чуть ли не по поводу каждаго прибавлялъ: «Эхъ, хорошо бы его сюда вызвать!» Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Каченевъ и Зиновьевъ разгромили литературныя организаціи Москвы и Петербурга и устроили знаменитую высылку писателей за-границу, онъ сказалъ, что, конечно, высланнымъ здѣсь будетъ лучше, но Каченева и Зиновьева ругалъ послѣдними словами. И вдругъ прибавилъ, что было бы хорошо, если бы я написалъ объ этомъ, попутно упомянувъ о провокаціи Зиновьева въ Кронштадтской исторіи. На мой удивленный вопросъ — гдѣ же написать? — онъ отвѣтилъ: «Да хотя бы въ «Голосъ Россіи». Бездарная газета, но порядочная». Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я статью написалъ и напечаталъ. Такъ, подъ прямымъ воздѣйствіемъ Горькаго, началось мое, сперва тайное, подъ псевдонимомъ, участіе въ эмигрантской печати.

Позднею осенью Горькій меня убѣдилъ переселиться въ городокъ Saagow, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Берлина. Мы вдѣлись ежедневно. Вскорѣ возникла мысль объ изданіи журнала. Принадлежала она не Горькому, а Виктору Шкловскому, бѣжавшему изъ Россіи примѣрно за годъ до этого (онъ былъ привлеченъ по дѣлу эсеровъ). Надо принять во вниманіе, что до 1922 г. въ Россіи существовала только военная цензура. Въ 1922 г. была введена общая, весьма приличивая и совершенно идиотская, какъ всѣ ей подобныя. Сверхъ того, частныя издательства и журналы прекратили существованіе, а казенныя все откровеннѣе требовали агитокъ. Вотъ и придумалъ Шкловскій издавать такой журналъ, въ которомъ писатели, живущіе въ сов. Россіи, могли бы черезъ голову цензуры и казенныхъ редакцій печатать вещи, не содержащія, разумѣется, выпадовъ противъ власти, но все же написанныя не по ея указкѣ. Теперь такая затѣя показалась бы дикостью. Тогда она была вполне осуществима. Издательство «Слово» выпустило книгу Ахматовой и переслало ей гонораръ. Петербургскіе поэты открыто посылали стихи въ берлинскій журналъ «Сполохи». Гершензонъ, приѣхавшій въ Германію на нѣсколько мѣсяцевъ для лѣченія, далъ статью даже въ «Современныя Записки». Достать необходимые средства также не представляло труда, потому что совѣтское правительство усердно распускало слухи, что оно на-

мѣрено допускать въ Россію зарубежныя изданія, не содержащія агитаціи противъ власти и отпечатанныя по новой орфографіи. Разумѣется, эти слухи не выязались съ введеніемъ внутренней цензуры, но къ неувязкамъ въ распоряженіяхъ Москвы привыкли. Впослѣдствіи стало ясно, что тутъ дѣйствовала чистѣйшая провокація: въ Москвѣ хотѣли заставитьъ зарубежныхъ издателей произвести крупныя затраты въ расчетѣ на огромный внутрироссійскій рынокъ, а затѣмъ границу закрыть и тѣмъ самымъ издателей разорить. Такъ и вышло: цѣлый рядъ берлинскихъ издательствъ взорвался на этой минѣ. Съ издателемъ Гржебинымъ поступили еще коварнѣе: ему надавали твердыхъ заказовъ на опредѣленныя книги, въ томъ числѣ на учебники, на классиковъ, и т. д. Онъ вложилъ въ это дѣло все свои средства, но книгъ у него не взяли, и онъ былъ разоренъ вдребезги. Но повторяю, провокація обнаружилась лишь впослѣдствіи. Шкловскій увлекъ своей затѣей Горькаго и меня. Мы выработали планъ журнала. Редакція литературнаго отдѣла составила изъ Горькаго, Андрея Бѣлаго и меня. Научный отдѣлъ, введенный по настоянію Горькаго, былъ порученъ профессорамъ Брауну и Адлеру. По моему предложенію будущій журналъ называли «Бесѣдой», въ память Державина. До сихъ поръ ходятъ слухи, что онъ издался на московскія деньги. Въ дѣйствительности его выпускало издательство «Эпоха», основанное на средства меншевика Д.

«Эпоха» тѣмъ охотнѣе пошла намъ навстрѣчу, что участіе Горькаго, казалось, гарантировало допущеніе журнала въ совѣтскую Россію. Такъ же точно смотрѣлъ на дѣло и самъ Горькій, все еще вѣрившій, что его авторитетъ у большевиковъ не окончательно утраченъ. На дѣлѣ вышло другое. Весной 1923 г. появилась первая книжка «Бесѣды». За ней послѣдовала вторая. «Международная книга», берлинское совѣтское учрежденіе, вѣдавшее книготорговлей, приобрѣтала нашъ журналъ въ количествѣ не то десяти, не то двадцати экземпляровъ, увѣряя, однако, что какъ только будетъ получено разрѣшеніе на ввозъ «Бесѣды» въ РСФСР, она будетъ покупать не менѣе тысячи. Горькій писалъ въ Москву письма — не знаю, кому, — при миѣ говорилъ о «Бесѣдѣ» съ пріѣзжавшимъ въ Саатовъ Рыковымъ, который въ то время былъ замѣстителемъ Ленина. Въ отвѣтъ получались обѣщанія уладить дѣло и ссылки на канцелярскую волокиту. Тогда онъ рѣшился на репрессію: написалъ въ Москву, что не будетъ сотрудничать въ совѣтскихъ изданіяхъ, пока «Бесѣду» не пропустятъ въ Россію. Этого рѣшенія онъ придерживался даже ригористически. Нѣкто Лежневъ еще ухитрился из-

давать въ Москвѣ собственный журналъ подъ смѣльнымъ названіемъ «Россія». Осенью 1923 г. онъ былъ въ Берлинѣ и мечталъ познакомиться съ Горькимъ, но тотъ былъ во Фрейбургѣ. Я согласился написать Горькому и попросить у него разсказъ, подчеркивъ, что дѣлю идея о частномъ, а не о казенномъ изданіи Горькой отвѣтить: «Разсказъ Лежневу я не могу дать до поры, пока не разрешится вопросъ о допущеніи «Бесѣды» въ Россію. Имѣю свѣдѣнія, что вопросъ этотъ «разсматриваютъ». О, Господи...»

Характерно, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ существовали какъ будто только техническія, канцелярскія препятствія, а теперь оказывалось, что весь вопросъ еще долженъ быть обсужденъ принципиально, то-есть въ высшихъ инстанціяхъ. Въ то же время стало обнаруживаться, что въ Россіи косо смотрятъ на писателей, посылающихъ матеріалъ въ «Бесѣду». Рукописи отсюда почти не приходили, и такимъ образомъ отпадалъ смыслъ всего предпріятія. Но Горькій уже сжился съ мыслью о свободномъ журналѣ. Кромѣ того ему было необходимо настоять на своемъ, чтобы поддержать въ Кремлѣ свой падающій авторитетъ, котораго онъ весьма дорожилъ, внесмотри на то, что, кромѣ умирающаго Ленина, ненавидѣлъ весь Кремль. Утратилъ этотъ авторитетъ — значило «испортить биографію», потерять ореолъ любимца «революціонныхъ массъ» и титулъ «буревѣстника». Незаромъ Трошкій уже осмѣливался открыто, въ печати, называть его контръ-революціонеромъ.

Во Фрейбургѣ за нимъ по пятамъ ходили шпики: нѣмецкіе, боявшіеся, что онъ сдѣлаетъ революцію, и совѣтскіе, слѣдившіе, какъ бы онъ не сдѣлалъ контръ-революцію. Между тѣмъ, Германія въ самомъ дѣлѣ грозила превратиться въ совѣтскую республику. Надо было отсюда уѣзжать. Я двинулся въ Прагу, намѣреваясь затѣмъ пробраться въ Италію. 26 ноября Горькій тоже пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ намъ, однако, не нравился климатъ и жить было безпокойно. Въ ожиданіи итальянскихъ визъ мы черезъ двѣ недѣли уѣхали въ Маріенбадъ.

Слухи объ охлажденіи между Горькимъ и совѣтскимъ правительствомъ ходили давно. Онъ самъ не скрываетъ своихъ настроеній. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Маріенбадъ я получилъ письмо изъ одного эмигрантскаго журнала — просили узнать, не согласится ли Алексѣй Максимовичъ въ немъ участвовать. Я передалъ вопросъ Горькому и съ его словъ отвѣтилъ, что въ принципѣ это возможно, но эмигрантская печать должна первая сдѣлать нѣкоторые шаги къ сближенію.

Это незначительное событие имѣло, однако-жъ, послѣдствія.

Сердце Алексѣя Максимовича было чувствительно, но измѣнчиво. Покидая Петербургъ, онъ отнюдь не намѣревался встрѣтиться за-границей съ Марой. Со своей стороны, по прїѣздѣ въ Эстоцію она готчасъ вышла замужъ... Но лишь только Алексѣй Максимовичъ очутился въ Германи, она явилась туда же, и энергичнѣйшимъ образомъ добилась того, что къ моему прїѣзду изъ Россіи уже занимала прочное положеніе при немъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ его сыномъ и снохой, сопровождала его во всѣхъ скитаніяхъ по Европѣ. Не знаю, въ какой степени серьезно отнесся Горькій къ возможности своего участія въ эмигрантскомъ журналѣ. Думаю даже, что онъ только представлялъ себѣ это, какъ соблазнительный, но несбыточный поступокъ — вродѣ выхода изъ совѣтскаго подданства, о чемъ онъ порой даже принимался писать заявленіе во ВЦИК, быть можетъ — до слезъ умиляясь надъ этичъ трагическимъ посланіемъ, о которомъ зналъ напередъ, что никогда его не отправить по адресу. Какъ бы то ни было, онъ, повидимому, рассказалъ Марѣ о полученномъ мною письмѣ. Выкладъ для два, она какъ-то вечеромъ, когда всѣ уже улеглись, позвала меня къ себѣ въ комнату — «ноболтать». Долженъ отлатъ справедливость ея уму. Безъ единаго намека, безъ малѣйшаго подчеркиванія, не выпадаая изъ тона дружеской бесѣды въ ночныхъ туфляхъ, она сумѣла мнѣ сдѣлать ясное дипломатическое представленіе о томъ, что ея монархическія чувства мнѣ вѣдомы, что свою ненависть къ большевикамъ она вполне доказала, но — Максимъ (сынъ Горькаго) вы сами знаете, что такое, онъ только умѣетъ тратить деньги на глупости, кромѣ него у Алексѣя Максимовича много еще людей на плечахъ, и амъ нужно не меньше десяти тысячъ долларовъ въ годъ, одни иностранныя издательства столько дать не могутъ, если же Алексѣй Максимовичъ утратитъ положеніе перваго писателя совѣтской республики, то они и солсѣмъ ничего не дадутъ, да и самъ Алексѣй Максимовичъ будетъ несчастенъ, если какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ испортитъ свою біографію. «Поймите меня, я же монархистка до мозга костей, я же ихъ ненавижу, — нѣсколько разъ напоминала она, — но что подѣлаешь? Для блага Алексѣя Максимовича и всей семьи надо не ссорить его съ большевиками, а, наоборотъ, — всячески смягчать отношенія. Все это необходимо и для общаго нашего дѣла», — прибавила она очень многозначительно. Послѣ этого разговора я сталъ замѣчать, что настроенія Алексѣя Максимо-

вича внушаютъ окружающимъ безпокойство и что меня пододрубають въ дурномъ влияніи.

Жизнь въ опустѣломъ зимнемъ Маріенбадѣ была до крайности однообразна: днемъ работа, прогулка, вечеромъ долгое чаепіе, раза два — обійи выѣздъ въ синематографъ, вотъ и все. Однажды за ужиномъ подали телеграмму отъ Екатерины Павловны Пышковой. Максимъ распечаталъ ее и прочелъ вслухъ. «Владиміръ Ильичъ скончался, телеграфируй текстъ надписи на ълькѣ». Мнѣ показалась забавной такая забота о томъ, чтобы Алексѣй Максимовичъ не забылъ принять участіе въ официальной скорби. Я взглянулъ на него. Онъ съ минутой сидѣлъ молча, съ очень серьезнымъ, даже вродѣ какъ злымъ лицомъ, потомъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Чуть ли не на другой день Мара его засадила писать воспоминанія о Ленинѣ — были всѣ основанія разсчитывать, что ихъ переведутъ на многіе языки. Едва оны ихъ кончили, изъ Берлина, какъ будто случайно, пріѣхалъ завѣдающей «Международной книгой» Крючкова. Алексѣю Максимовичу доказали, какъ дважды два, что буревѣстникъ революціи обязанъ высказаться о великомъ вождѣ революціи, т. е. ради такого случая онъ долженъ нарушить зарокъ и разрѣшить печатаніе воспоминаній въ Россіи. Крючкова увезъ съ собой рукопись, которую въ СССР подвергли жесточайшимъ цензурнымъ урѣзкамъ и измѣненіямъ. Какъ разъ въ это время Н. К. Крупская прислала письмо съ описаніемъ послѣднихъ дней Ленина. Горькій отвѣтилъ ей рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ категорически требовалъ допустить въ Россію «Бесѣду».

**

Вскорѣ я уѣхалъ въ Италію, прожилъ тамъ мѣсяцъ и покинулъ Римъ утромъ 13 апрѣля. Горькій съ семьей пріѣхалъ туда нѣсколько часовъ спустя (такимъ страннымъ образомъ мы съ нимъ разъѣзжались три раза въ жизни). Я поселился въ Парижѣ. Тѣмъ временемъ письмо къ вдовѣ Ленина, казалось, возымѣло дѣйствіе. Въ концѣ мая мѣсяца Мара прислала мнѣ радостное извѣстіе: «Бесѣда» донесена въ Россію. Весьма любопытно, что это сообщеніе было сдѣлано ею въ видѣ приписки на письмѣ Горькаго, который самъ мнѣ объ этомъ не обмолвился ни единымъ словомъ: не потому ли, что сомнѣвался? Какъ бы то ни было, я былъ обрадованъ, потому что дѣла «Бесѣды», изданіе которой за нѣсколько мѣсяцевъ до того стало единственнымъ дѣломъ С. Г. Сумскаго, находились въ катастрофическомъ состояніи. Радость, однако, была преждевременна

26 июня С. Г. Сумский сообщил мне, что «Международная Книга» обещает купить для советской России до тысячи экземпляров каждого номера. 25 августа он уже мне писал, что «повидимому, разрешение дано А. М. для утешения, а «Бесѣду» приказано душиť». Наконец, во второй половинѣ сентября, черезъ четыре мѣсяца послѣ «разрѣшенія», «Международная Книга» купила по десяти экземпляровъ 1, 2 и 3 номеровъ «Бесѣды» и по двадцати пяти экземпляровъ 4-го и 5-го номеровъ: итого — посемьдесятъ экземпляровъ вмѣсто обѣщанныхъ пяти тысячъ. Тогда же обнаружилось, что даже тѣ экземпляры, которые были посланы въ Публичную Библиотечку и Румянцовскій Музей, имѣвшіе право получать книги изъ-за границы безъ цензуры, — вернулись въ Берлинъ съ надписью: «Запрещено къ ввозу». Стало ясно, что Сумскій правъ: Горькаго просто водили за носъ.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ и въ Ирландіи, въ началѣ октября я пріѣхалъ въ Сорренто и засталъ Горькаго на положеніи человѣка опальнаго. Полпредство, недавно учрежденное въ Римѣ, игнорировало его пребываніе въ Италіи. Его переписка съ петербургскими писателями откровенно перлюстрировалась, нѣкоторыя письма въ ту и въ другую сторону вовсе пропадали. Изъ большевиковъ писали только Рыковъ. Въ советскихъ журналахъ о Горькомъ отзывались весьма скептически, а газетахъ появлялись замѣтки и вовсе оскорбительныя. Такъ, въ «Извѣстіяхъ» было напечатано, что проворачался управляющій магазиномъ ГУМ (бывшій Мюръ и Мерилизъ); тутъ же сообщалось, что онъ былъ принятъ на службу по рекомендательному письму Горькаго (что весьма вѣроятно, ибо Горькій давалъ такія письма кому попало по первой просьбѣ); далѣе шли намеки на то, что и самъ Горькій причастенъ къ хищеніямъ своего ставленника. (Любопытно бы знать, фигурируетъ ли этотъ номеръ газеты въ числѣ документовъ новооткрытаго Горьковскаго Музея). Самъ Алексѣй Максимовичъ говорилъ о большевикахъ съ раздраженіемъ или съ ироніей: либо «наши умники», либо «наши олухи». Читеніе советскихъ газетъ портитъ ему кровь, и Мара иногда ихъ прятала отъ него. Однако, когда въ Сорренто пріѣхалъ лѣчиться московский писатель Андрей Соболевъ, Алексѣй Максимовичъ при немъ считалъ нужнымъ носить официальную советскую маску: о советскихъ дѣлахъ отзывался съ официальнымъ оптимизмомъ: восторженно, съ классическими слезами на глазахъ говорилъ о «замѣчательныхъ ребятахъ» — советскихъ писателяхъ, ученыхъ, изобрѣтателяхъ, давая понять, что только теперь «замѣчательные

ребята» получили возможность развернуть непечатный запас творческих сил. Стоило Соболю уйти — маска снималась. Со-ответственную личину надѣвалъ и Соболевъ при Горькомъ: ложь порождена ложь.

Однажды Соболевъ не выдержалъ: сталъ жвачоваться, что совѣтская критика все болѣе замѣняется полнзическимъ смысломъ и доносами. Какъ на одного изъ самыхъ рьяныхъ доносчиковъ онъ указывалъ на нѣкоего Семена Родова, котораго Горькій не зналъ, но котораго хорошо зналъ я. Я сказалъ, что напишу о Родовѣ статью въ газетѣ «Дни», выходящей въ Берлинѣ подъ редакціей А. Ф. Керенскаго. Передъ отсылкой статьи я прочелъ ее Горькому: въ статьѣ заключались весьма неблаго-приятныя свѣдѣнія о Родовѣ. Велико было мое удивленіе, ко-гда Алексѣй Максимовичъ, прослушавъ, сказалъ: «Разрѣшите мнѣ приписать, что я присоединяюсь къ вашимъ словамъ и ру-чаюсь за достовѣрность того, что вы пишете». «Позвольте, — возразить я, — вѣдь вы же не знаете Родова? вѣдь это же бу-детъ неправда?» — «Но я же в а с ъ знаю», — отвѣтилъ Горь-кій — «Нѣтъ, Алексѣй Максимовичъ, это не дѣло»

Сказавъ такъ, я тотчасъ пожалѣлъ объ этомъ, потому что представилъ себѣ, каковъ былъ бы эффектъ, если бы горьков-ская «виза» появилась подъ статьей, напечатанной въ газетѣ Керенскаго. Неприятно было и то, что онъ замѣтно огорчился и какимъ-то виноватымъ тономъ попросилъ: «Тогда, по край-ней мѣрѣ, помѣйте подъ статьей: Сорренто». Я съ радостью согласился, и статья «Господинъ Родовъ» появилась въ «Дняхъ» съ этой помѣткой. Нѣкоторый эффектъ, мнѣ кажется, произ-вела и она. Дѣло въ томъ, что черезъ нѣсколько времени Со-болевъ собрался въ Римъ, намѣреваясь, между прочимъ, посѣ-тить своего пріятеля, секретаря полпредства. Желая измѣрить температуру моихъ отношеній съ начальствомъ, я далъ Собо-лю свой совѣтскій паспортъ, по которому уже не жить и срокъ котораго кончился. Этотъ паспортъ я просилъ пролонгировать. Вернувшись, Соболевъ отдалъ мнѣ паспортъ безъ пролонгаціи и сообщилъ, что секретарь полпредства ему сказалъ: «Верните паспортъ Ходасевичу, и забудемъ обо всемъ этомъ, потому что я обязанъ не пролонгировать его паспортъ, а поставить визу для немедленнаго возвращенія въ Россію». На вопросъ, за что такая немилость, секретарь отвѣтилъ, что я оказываю дурное влияніе на Горькаго. Курьезная и жалостная подробность: бѣдный Соболевъ былъ совершенно увѣренъ, что если бы секре-тарь прилепнулъ къ моему паспорту обратную визу, я бы такъ сразу въ Москву и кинулся.

Въ февралѣ 1925 года прѣехала Екатерина Павловна Пшкова сразу бросилась въ глаза новый тонъ, котораго раньше я въ ней не замѣчалъ покровительственный, снисходительный. Она ходила по дому съ такимъ видомъ, словно хотѣла сказать «Ну, ну, покажите, какъ вы ютитезъ тутъ». Я показалъ ей видъ съ моего балкона — она и къ морю отнеслась свысока и какъ-то дала почувствовать, что мысли ея заняты болѣе серьезными, чоегъ бытъ — государственными проблемами. Высказывалась таконически и безапелляционно. Съ неожиданнымъ восторгомъ она то и дѣло принималась говорить о предназначеніяхъ совѣтской власти, стараясь показать, что въ Кремлѣ отъ нея нѣтъ тайнъ. Чувствовалось, что и себя самое причисляетъ она къ выснимъ сферамъ. Словомъ, держалась самую настоящей кремлевской дамой.

Съ перваго же дня ея пребыванія начались въ кабинетѣ Алексѣя Максимовича какія-то долгія бесѣды, послѣ которыхъ онъ ходилъ словно на шпючкахъ и старался поменьше раскрывать ротъ, а у Екатерины Павловны былъ видъ матери, которая вернулась домой, увидала, что безъ нея сынишка набѣдокурилъ, научился курить, связался съ негодными мальчиками — и волей-неволей пришлось его высѣчь. Пороку бесѣды принималъ: отгѣнокъ семейныхъ совѣтовъ — на нихъ приглашался Максимъ.

Вкратцѣ повторю то, что я уже писалъ о снѣѣ Алексѣя Максимовича и Екатерины Павловны. Было ему въ ту пору лѣтъ тридцать, онъ былъ лысоватъ, женатъ уже года четыре, но по развитію трудно было дать ему больше тринадцати. Онъ считалъ себя чуть ли не коммунистомъ, но въ дѣйствительности просто выросъ среди большевиковъ, они его въ свое время баловали, и онъ навсегда сохранилъ увѣренность, что нужно быть такимъ же, какъ эти добрые дяди. Онъ, впрочемъ, политикой не занимался. По настоящему увлекали его лишь такія вещи, какъ теннисъ, мотоциклетка, коллекція марокъ, чтеніе уголовныхъ романовъ, а въ особенности ширкъ и синематографъ, въ которомъ старался онъ не пропустить ни одного бандитскаго фильма. Иногда въ сердцахъ Алексѣй Максимовичъ звалъ его осломъ, иногда же, напротивъ, съ улыбкою умиленія смотрѣлъ на его паясничанье. Въ общемъ, онъ очень его любилъ. Характеръ у Максима былъ хорошій, легкой, на рѣдкость уживчивый. Максимъ любилъ транжирить, но не любилъ, чтобы отецъ тратилъ деньги на другихъ, что, впрочемъ, тоже выходило у него какъ-то по-дѣтски: зачѣмъ давать шоколадъ другимъ дѣтямъ, когда можно отдать весь мѣ? На этой почвѣ

онъ зорко слѣдилъ за Марой и иногда обвинялъ ее въ самыхъ некрасивыхъ поступкахъ.

Вскорѣ по прїѣздѣ Екатерины Павловны онъ предлагалъ мнѣ пройти въ Сорренто, это была обычная утренняя прогулка (до Сорренто отъ насъ было километра полтора). Отойдя отъ дома шаговъ на двѣсотъ, онъ вдругъ объявить, какъ-то конфузливо, что хочетъ со мной посоветоваться. Это мнѣ удивило; ничего подобнаго прежде не случалось: Максимъ относился ко мнѣ съ нѣкоторой настороженностью и никогда въ откровенности не пускался. Признаюсь, я и до сихъ поръ не понимаю, почему ему вздумалось со мною совѣтоваться. Всего вѣроятнѣе, онъ просто слишкомъ былъ озадаченъ и озабоченъ. Далѣе произошелъ у насъ слѣдующій диалогъ, за полную словесную точность котораго я, разумеется, не ручаюсь (съ тѣхъ поръ прошло больше двѣнадцати лѣтъ), но котораго ходъ, содержаніе и смыслъ мнѣ совершенно памяты.

Максимъ. Вотъ такая исторія: мать меня зоветъ въ Россію, а Алексѣй не пускаетъ (онъ всегда звалъ отца по имени).

Я. А самому-то вамъ хочется ѣхать?

Максимъ. Не знаю. Это вѣрно, что я ничего тутъ не дѣлаю.

Я. А тамъ что вы будете дѣлать?

Максимъ. Мать говоритъ, что Феликсъ Эдмундовичъ (Дзержинскій) мнѣ предлагаетъ мѣсто.

Я (не смѣя еще догадаться). Гдѣ? Какое мѣсто?

Максимъ. У себя, конечно, — въ Чеса.

Многого я могъ ожитать, но не этого! Я, однако, смѣлъ сдержаться и продолжалъ разговоръ, не ахнувъ.

Я. Въ Чеса? Да что жь, у него своихъ людей мало?

Максимъ. Онъ меня знаетъ, я у него работалъ.

Я. Какъ? Когда?

Максимъ. А еще въ восеннадцатомъ году, въ девятнадцатомъ, — когда былъ инструкторомъ Всеобуча. Тогда въ Чеса людей не хватало. Посылали насъ: меня, Левку Малиновскаго (это — прїятель Максима, сынъ коммунистки Малиновской, которая одно время завѣдывала московскими театрами). Интересно, знаете ли, до чертиковъ. Ночью, бывало, нагрнемъ — драсьте пожалуйте! Вотъ мы разъ выловили этихъ самыхъ эсеровъ вашихъ (намекъ на мое сотрудничество въ «Дняхъ» и въ «Современныхъ Запискахъ»). Мнѣ тогда Феликсъ Эдмундовичъ подарилъ мою коллекцію марокъ — у какого-то буржуа ее забрали при обыскѣ. А теперь, мать говоритъ, что онъ обѣщаетъ мнѣ автомобиль въ полное распоряженіе. Вотъ тогда покажусь!

По привычке все изображать в лицах и каррикатурно, Максимъ поджимаетъ колѣнки, откидываетъ корпусъ назадъ, кладетъ руки на воображаемый руль и бѣжитъ рысцою. Потому его лѣвая рука выбрасывается вбокъ — Максимъ дѣлаетъ выражъ, бѣжить мнѣ навстрѣчу, прямо на меня, и, изо всѣхъ силъ нажимая правой рукой незримую грушу, трубить: «Ту! Ту!».

Не знаю, что со мной было бы, если бы не старинная привычка ничему не удивляться. Новооткрывшаяся страница максимовой биографіи меня, впрочемъ, не тронула. Существа болѣе безответственнаго я въ жизни своей не видѣлъ. Онъ былъ несмышленышъ въ истинномъ смыслѣ слова. Я тогда же почувствовалъ и теперь не сомнѣваюсь, что съ его стороны все это было игрою въ Шерлока Холмса. Наконецъ, до него самого мнѣ дѣла не было. Я какъ-то даже не задавалъ себѣ вопроса о томъ, какъ смотреть на его чекистскіе подвиги Горькій. Меня тутъ занимала и изумляла Екатерина Павловна.

На другой день или вродѣ того Максимъ зашелъ вечеромъ въ мою комнату, какъ нерѣдко дѣлать, когда хотѣлось ему сыграть въ шахматы. Я снова навелъ его на разговоръ о Чека. Онъ болталъ охотно. Рассказывалъ о докладѣ, который дѣлалъ въ Москвѣ Бѣлбороловъ, убійца царской семьи; назвалъ мнѣ двухъ поэтовъ, сексотовъ Чека, и т. д.

Екатерина Павловна прожила въ Сорренто недѣли двѣ, собираясь ѣхать въ Прагу. Тутъ же кстати расскажу маленькій анекдотъ о томъ, какъ я самъ смѣшно оскоромился. Наканунѣ отъѣзда Екатерины Павловны я зачѣмъ-то пошелъ въ Сорренто. Иду назадъ и на главной улицѣ встрѣчаю Екатерину Павловну. «Вотъ кстати! — говоритъ она, — зайдемте со мной въ магазинъ, мнѣ нужно купить черепаховый мундштукъ для подарка, а сама не курю и ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаю». Зашли. Я выбралъ отличный мундштукъ, вставить въ него папиросу, испробовалъ, хорошо ли тянетъ, — а вечеромъ Екатерина Павловна за столомъ сказала, вынувъ мундштукъ изъ сумочки: «Вотъ какой славный мундштучекъ мы съ Владиславомъ Фелициановичемъ выбрали для Феликса Эдмундовича».

Во все время ея пребыванія было мнѣ тяжело на душѣ. Да и вообще атмосфера въ домѣ была тяжелая, натянутая. Послѣ ея отъѣзда Алексѣй Максимовичъ словно похолодѣлъ и сталъ разговаривать попрежнему. Однажды онъ мнѣ сказалъ:

— Екатерина Павловна тутъ кружила голову Максиму, звала въ Москву. (Про службу въ Чека — ни звука).

— Что-жъ, пускай ѣдетъ, коли ему хочется, — сказала я.

Горькій слегка разсердился:

— А когда их там всѣхъ веребуютъ, что будетъ? — спросилъ онъ. — Миѣ все-таки этого дурака жалко. Да и не только же дѣло. Я же вижу, что не въ честь дѣло. Думаютъ, что я пойду. А я не пойду, дулки.

И все же вѣчная, неизбывная двойственность его отноше- ния ко всему, что связано было съ совѣтской властью, сказывалась и тутъ. Нѣсколько разъ принимался онъ съ нескрываемой гордой радостью за Екатерину Павловну говорить о томъ, что теперь она — важное лицо. «Молодецъ баба, ей-Богу!» — и собравъ пальцы въ кулакъ, онъ ихъ сразу выбрасывалъ, держа руку ладонью вверхъ: характерный жестъ, который онъ все- гда дѣлалъ, говоря о чемъ-нибудь очень красивомъ, удачномъ, хорошемъ.

Вотъ и сейчасъ ей, понимаете, поручили большое дѣло, нужное. Поѣхала въ Прагу мирить эмиграцію съ совѣтской властью. Хотятъ создать атмосферу пониманія и довѣрія. Хотятъ начать кампанію за возвращеніе въ Россію.

Да зачѣмъ же это имъ нужно? Что-жь, у нихъ своихъ людей нѣтъ?

Не въ людяхъ дѣло, а въ томъ, что эмиграція вредитъ въ отношеніяхъ съ Европой. Необходимо это дѣло ликвидировать, но такъ, чтобы починъ исходилъ отъ самой эмиграціи. Очень нужное дѣло, хорошее. И привлечь хотятъ людей самыхъ лучшихъ.

И въ эти тягостныя открытія дѣйствовали на меня угнетающе. Я все болѣе понималъ, что наши пути расходятся. Возникла душевная потребность покинуть Сорренто. Но поступить рѣзко мнѣ не хотѣлось: я долженъ сказать, что ко мнѣ лично Горькій всегда относится очень хорошо, и за его безкорыстную, порой очень теплую дружбу чувствовать признательность, о которой забыть не могу и теперь. Поэтому я вѣхалъ только въ апрѣль мѣсяцъ, ссылаясь на личныя обстоятельства, что, впрочемъ, было и правдой. Но покидая Сорренто, я уже какъ-то не видѣлъ будущей своей встрѣчи съ Горькимъ. Такъ и случилось.

И пріѣхалъ въ Парижъ, а мѣсяца черезъ два появилась про- славленная статья Пѣщехонова, положившая начало «засыпанію рено» и всему такъ называемому «движенію возвращенчества».

**

Мой пріѣздъ въ Парижъ по времени совпалъ съ выходомъ новаго, шестого, номера «Бесѣды». По этому поводу Горь-

кій писавъ мнѣ: «Бесѣда» — кончилась. Очень жалко.. Но вопросу — огромнѣйшей важности вопросу! — о томъ, пушать ли не пушать «Бесѣду» на Русь, было созвано многочисленное и червзычайное совѣщаніе сугубо мудрыхъ. За то, чтобы пушать, высказались трое: Юновъ, Каменевъ и Бѣлинскій, а всѣ остальные: «не пушать, тогда Горькій поротится дочой». А онъ и не ворогился! Онъ тоже упрямый».

Я хорошо зналъ Горькаго и его обстоятельства. Для меня было несомнѣнно, что онъ дѣйствительно не поѣдетъ въ Россію — по крайней мѣрѣ вплоть до того дня, пока не уѣдетъ отъ него Мара. Но не менѣе было ясно и то, что послѣ властнаго и твердаго запрещенія «Бесѣды» Горькій начнетъ размякаты и, подъ давленіемъ Мары и Екатерины Павловны, поѣдетъ на сближеніе съ начальствомъ. Поэтому я не безъ горечи указавъ ему въ отвѣтномъ письмѣ, что меня удивляетъ, какимъ образомъ годъ тому назадъ его извѣстили о допущеніи «Бесѣды», а теперь оказывается, что тогда вопросъ еще и не обсуждался. На это Горькій мнѣ возразилъ: «Разрѣшеніе на «Бесѣду» было дано и книги въ Россію допускались, — писалъ онъ — Затѣмъ разрѣшеніе было опротестовано и аннулировано». Это была ложь, на которую Алексѣй Максимовичъ отважился, полагая, будто мнѣ неизвѣстно, что книги въ Россію не допускались никогда.

Между тѣмъ, мои предположенія оказались вѣрны. Запретивъ «Бесѣду», въ Москвѣ рѣшили, что нужно чѣмъ-нибудь Горькаго и приманить, а онъ на эту приманку тотчасъ пошелъ. Послѣ почти двухтысячнаго молчанія онъ писалъ мнѣ 20 іюля: «Юновъ ведетъ со мною переговоры объ изданіи журнала типа «Бесѣды» или о возобновеніи «Бесѣды». Весь матеріалъ готовится здѣсь, печатается — въ Петербургѣ, тамъ теперь работа значительно дешевле, чѣмъ въ Германіи. Никакихъ ограничений условій Юновъ, пока, не ставитъ». Это было уже чистѣйшее лицемеріе. Я отвѣтилъ Горькому что журналъ типа «Бесѣды» въ Россіи нельзя издавать, потому что типическая черта «Бесѣды» въ томъ и заключалась, что журналъ издавался за-границей, и что «ограничительныя условія» уже налицо, ибо наша «Бесѣда» издавалась внѣ совѣтской цензуры, а петербургская автоматически подпадетъ подъ цензуру. Все это Горькій, конечно, зналъ и безъ меня, но, по обыкновенію, ему хотѣлось дать себя обмануть, потому что хотѣлось пойти на сближеніе съ совѣтской властью.

Помимо соображеній о цензурѣ, я напоминая Горькому еще объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве. Надо знать, что

весной 1924 г. нѣсколькимъ писателямъ удалось получить разрѣшеніе на изданіе журнала «Русскій Современникъ» — послѣдняго независимаго, то-есть не возлагаемаго коммунистами, журнала въ Россіи. Духъ журнала былъ волюнтарій: довольно скучать, что первый номеръ открывался стихами Сологуба и Ахматовой и разсказомъ Замятина. Сотрудничали въ немъ и мы съ Алексѣемъ Максимовичемъ, причѣмъ было указано, что журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи Горькаго, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова и К. Чуковского. Въ концѣ 1924 г., по выходѣ четвертой книжки, «Русскій Современникъ» былъ закрытъ, а Тихоновъ, главный редакторъ и личный другъ Горькаго, арестованъ. Когда я уѣзжалъ изъ Сорренто, Тихоновъ, несмотря на всѣ интервенціи Горькаго, все еще не былъ освобожденъ, причѣмъ Горькій мнѣ говорилъ, что «Русскій Современникъ» — только придѣлка, на самомъ же дѣлѣ Зиновьевъ держитъ Тихонова въ тюрьмѣ по другой причинѣ: предполагаетъ, что у Тихонова гдѣ-то спрятаны письма Ленина къ Горькому, и хочеть эти письма изъ Тихонова «выжать». Учтивывая все это, я написалъ Горькому, что, какъ ближайшій сотрудникъ «Русскаго Современника», онъ не имѣеть права вступать съ совѣтской властью ни въ какіе переговоры о журналѣ, пока не будетъ вновь разрѣшенъ «Русскій Современникъ» и не будетъ выпущенъ изъ тюрьмы Тихоновъ. Велико было мое изумленіе, когда, недѣли черезъ двѣ, пришелъ отъ Горькаго такой отвѣтъ: „«Бесѣда», кажется, будетъ журналомъ, посвященнымъ вопросамъ современной науки, современнаго искусства, безъ стиховъ, безъ беллетристики. Печататься въ Россіи будетъ потому, что это значительно дешевле. Еще дешевле было бы печатать въ Италіи, но здѣсь нѣтъ русскихъ типографій. Беллетристика, стихи найдутъ себѣ мѣсто въ «Русскомъ Совр.», который возобновляется при старой редакціи. Въ этомъ году выйдутъ лишь двѣ книжки, увеличеннаго размѣра, какъ я понялъ, а съ начала 26-го будетъ выходить 12 книгъ. Тихоновъ «возстановленъ во всѣхъ правахъ», приговоръ отмѣненъ... Сейчасъ поѣхалъ въ Крымъ отдыхать”.

Я до сихъ поръ не знаю, былъ ли къ этому времени Тихоновъ освобожденъ и ѣздилъ ли въ Крымъ. Возможно, что такъ и было. Но я ни секунды не сомнѣвался, что все, написанное въ будущемъ времени, — ложь, придуманная для того, чтобы парировать мои возраженія, а главное — чтобы самого себя гѣшить жалкой иллюзіей, будто моральныхъ препятствій къ переговорамъ о новомъ журналѣ не имѣется. Я тогда же угадалъ, что «Русскій Современникъ» не разрѣшенъ и никогда

разрѣшенъ не будетъ, и что Горькому это извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ. Мало того: я не сомнѣвался, что и какакой новой «Бесѣдѣ» не будетъ: не будутъ ее печатать даже и въ Петербургѣ, гдѣ такъ «дешева работа», — а просто заставить Горькаго печататься въ «Красной Нови» и въ другихъ казенныхъ журналахъ, — и что онъ самъ уже къ этому готовъ. Онъ явно вѣлъ съ властью на похабный миръ, заключаемый по программѣ Мары: пока можно тянуть — жить за-границей, а средства для жизни получать изъ Россіи. Я понималъ и то, что дальнѣйшая полемика сведется къ тому, что Алексѣй Максимовичъ будетъ мнѣ лгать, а я его буду уличать во лжи. Но эта работа мнѣ давно уже была тяжела. Пора было ее бросить. Устроивъ нѣсколько дней, я рѣшился не отвѣчать Горькому вовсе, никогда. На томъ кончились наши отношенія. Замѣчательно, что не получая отъ меня отвѣта, Горькій тоже мнѣ больше уже не писалъ: онъ понималъ, что я все понимаю. Возможно и то, что моя близость въ новыхъ обстоятельствахъ становилась для него неудобна.

На этомъ мои воспоминанія кончаются. О дальнѣйшемъ я знаю лишь то, что извѣстно всѣмъ. Дипломатическія сношенія Горькаго съ совѣтскимъ правительствомъ возобновились въ то же лѣто: Горькаго постѣтилъ совѣтскій полпредъ въ Италіи Керженцевъ, затѣмъ Горькій принялъ у себя экскурсантовъ-ударниковъ — и возобновилъ сотрудничество въ совѣтскихъ изданияхъ. Въ 1926 г. онъ написалъ знаменитое письмо о смерти Держинскаго, особенно подчеркнувъ, что вѣстѣ съ нимъ скорбитъ и Екатерина Павловна. Въ 1928 г., когда совершилось окончательное паденіе Зиновьева, оказалась возможна поѣздка въ Москву, куда черезъ годъ пришлось и вовсе переселиться. Переселеніе сопровождалось сближеніемъ съ Янодой, поѣздкой на Соловки и на Бѣломорскій каналъ — и т. д. Все это уже выходитъ за предѣлы моей задачи. Но, не вдаваясь въ область изслѣдованія и оставаясь мемуаристомъ, я все же считаю себя въ правѣ прибавить нѣсколько словъ, выражающихъ мое личное мнѣніе о внутреннихъ причинахъ горьковскихъ колебаній въ отношеніи къ совѣтскому правительству.

Каковы бы ни были поводы горьковского отъѣзда изъ Россіи въ 1921 г., основная причина была все-таки та же, что и у многихъ изъ насъ. Онъ себѣ представлялъ революцію свободонесущей и гуманной. Большевики придали ей вовсе инныя черты. Сознавъ свое безсиліе что-либо измѣнить въ этомъ, онъ уѣхалъ и былъ близокъ къ тому, чтобы порвать съ совѣтскимъ правительствомъ вовсе, — но лишь такъ близокъ, какъ бывае

близокъ къ самоубійству человекъ, который держитъ револьверъ у виска, зная все-таки, что никогда не выстрѣлитъ. Несомнѣнно, что Мара, Е. П. Шлыкѡва и другія лица, о которыхъ я здѣсь для краткости не упоминаю, немало содѣйствовали примиренію. Но оно совершилось бы и безъ того. Причины лежали въ самомъ Горькомъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ упрямыхъ людей, которыхъ я знаю, но и однимъ изъ наименѣе стойкихъ. Великій поклонникъ мечты и возвышающаго обмана, которыхъ по примитивности своего мышленія онъ никогда не умѣлъ отличать отъ самой обыкновенной, часто вульгарной, лжи, онъ нѣкогда усвоилъ себѣ свой собственный «интеллигентный», отчасти подлинный, отчасти воображаемый образъ пѣвца революціи и пролетаріата. И хотя сама революція оказалась не такою, какою онъ ее создалъ своимъ воображеніемъ, — мысль о возможной утратѣ этого образа, о «порчѣ біографіи», была ему нестерпима. Деньги, автомобили, дома — все это было нужно его окружающимъ. Ему самому было нужно другое. Онъ въ концѣ концовъ продался, — но не за деньги, а за то, чтобы для себя и для другихъ сохранить главную иллюзію своей жизни. Упрямясь и бунтуя, онъ зналъ, что не выдержитъ и бросится въ СССР, потому что какова бы ни была тамъшняя революція — она одна могла ему обезпечить славу вѣчнаго пролетарскаго писателя и вождя при жизни, а послѣ смерти — нишу въ кремлевской стѣнѣ для урны съ его прахомъ. Въ обмѣнъ на все это революція потребовала отъ него, какъ требуютъ отъ всѣхъ, не честной службы, а рабства и лести. Онъ сталъ рабочимъ и лестникомъ. Его поставили въ такое положеніе, что изъ писателя и друга писателей онъ превратился въ наблюдателя за ними. Онъ и на это пошелъ. Можно бы долго перечислять, на что еще онъ пошелъ. Коротко сказать — онъ превратился въ полную противоположность того возвышеннаго образа, ради сохраненія котораго помирился съ совѣтской властью. Сознавалъ ли онъ весь трагизмъ этого — не рѣшаю съказать. Вѣроятно — и да, и нѣтъ, и вѣроятно — поскольку сознавалъ, старался скрыть это отъ себя и отъ другихъ при помощи новыхъ иллюзій, новыхъ возвышающихъ обмановъ, которые онъ такъ любилъ и которые въ концѣ концовъ его погубили.

Владиславъ Ходасевичъ.

Внимая ужасамъ войны ...

У Достоевскаго въ письмахъ есть замѣчательная фраза:
— Главное, ружей бы намъ побольше...

Это написано было вскорѣ послѣ русско-турецкой войны. Достоевскій работалъ тогда надъ «Карамазовыми» и быть, значить, въ полной зрѣлости ума и таланта.

Нельзя требовать отъ человѣка непрерывной согласованности, неизмѣнной прямолинейности въ мысляхъ и словахъ, конечно, ставить писателямъ отмѣтки за поведеніе. Ошибки, отступленія, блужданія неизбежны... Но онѣ не совсѣмъ случайны. Слова о ружьяхъ, не разъ Достоевскимъ повторенныя и развитыя, крайне существенны для пониманія его, — или правильнѣе, для пониманія того, почему онъ не во всемъ понятенъ. Достоевскаго можно любить, можно не любить, — дѣло душевнаго склада: отрицать однако его великое дарованіе, великое значеніе всего имъ написаннаго не станеть никто, иначе какъ въ припадкѣ полемическаго задора. Но и «червоточнику» въ его творчествѣ отрицать нельзя. Когда вновь и вновь перечитываешь «Карамазовыхъ» или «Бѣсы», и скорѣй потрясенный, чѣмъ убѣжденный, скорѣй покоряясь, чѣмъ примиряясь, спрашиваешь себя, что же все-таки въ этихъ фантастическихъ и грандіозныхъ созданіяхъ смущаетъ, — тогда, случается, приходитъ въ голову, какъ объясненіе, то, что авторъ ихъ озабоченъ былъ не только судьбой человѣка, борьбой неба и ада или назначеніемъ христіанства, но и военными успѣхами бѣлаго царя. Въ романахъ Достоевскаго нѣтъ отчужденнаго слѣда такихъ заботъ и не чувствуется даже возможности перехода къ нимъ. Но гдѣ то, въ сознаніи писателя, переходъ очевидно существовалъ, — и какимъ то искаженіемъ его основнаго, единаго творческаго плана отразился. Одно съ другимъ въ сознаніи этомъ уживалось рядомъ, и едва ли такое сосѣдство было куплено дешево. Съ тѣми «последними вопросами», надъ которыми Достоевскій бьется, съ той идейной и моральной высотой, къ которой онъ обращенъ, соединить «ружья» трудно. Мало наслаждаться поэзіей, надо поэту вѣснить, а ес-

ли «друзей бы намъ побольше!», если къ такому практическому выводу поэзия приходитъ, — доверіе исчезаетъ. Безотчетно или умышленно, Достоевской тѣ-то передериваетъ.

Достоевскій. Рѣчь, собственно говоря, не о немъ, и можетъ быть напрасно возмущали мы тѣмъ его очерками «безумица укоротъ». Но ужь такъ повелось въ русскихъ размышленіяхъ, что все тѣ же два-три имени, все тѣ же два-три воспоминанія всплываютъ въ нихъ сами собой, — и не легко отъ привычки этой отдѣлаться. Если она и располагаетъ къ нѣкоторому схематизму, то вѣдь заставляетъ и «подтягиваться», — и позволяетъ понимать другъ друга съ полуслова. Привычка, какъ извѣстно, вторая натура, а для насъ это — наши природныя условія, нашъ «климатъ», естественный и благотворный. Во всякомъ случаѣ — традиція, отправная точка, толчекъ, основаніе, матерьялъ для поправокъ и проверокъ.

Въ Америкѣ шли недавно дебаты о нейтралитетѣ. Эмбарго, наконецъ, было снято, — и радуясь, безъ малѣйшаго колебанія радуясь тому, что пролигоинтелеровскія ситы увеличиваются, какъ быдо не сказала себѣ: да развѣ это не тѣ же «кружия»? Мысль, внезапно мелькнувшая, поражала и озадачивала: вѣдь это — то же самое, въ совершенной точности, въ полнѣйшемъ воспроизведеніи! Отчего же то отталкиваетъ, а это притягиваетъ? Стоило ли удивляться, досадовать, морщиться, чтобы полднѣ расписаться подъ тѣми же требованіями, съ сомнительно-идеалистической подмѣной слова «начъ» словомъ «имъ»? Въ чемъ дѣло? Въ томъ ли только, что Россійскія великодержавныя притязанія никогда въ насъ особаго сочувствія не вызывали (по нашей ли сантиментально-анархической, интеллигентской безпечности, по самому ли характеру этихъ притязаній?) — или въ томъ, что обновленный, по новому поданный шовинизмъ, лже-нищезанство, квази-мужество, «активизмъ», «волевизмъ» и другія дикія выдумки оказались заразительны? Нѣтъ, нѣтъ! Именно всему этому и надо дать отпоръ. Но какой? Ставка на «непротивленіе» рискована, а главное, она не отвѣчаетъ стремленію всѣмъ пожертвовать и отъ всего отказаться передъ лицомъ настоящей, общей опасности... О «непротивленіи» очень хорошо писалъ Бердяевъ: оно ирраціонально, и предполагаетъ вѣру въ чудо. Безъ вѣры въ чудо, оно — только маска для прикрытія равнодушія, не болѣе. (Какъ съ другой стороны соловьевское «крестъ и мечъ — одно» было сплошь и рядомъ оправданіемъ идейнаго разбойничества, слишкомъ деликатнаго, чтобы остаться откровеннымъ, и ссылавшагося для соблюденія приличія на близость воображае-

мичъ «драконовъ»). При ежедневныхъ, ежечасныхъ, никѣмъ уже не замѣчаемыхъ отступничествахъ отъ христіанства нельзя обосновывать мимой вѣрностью ему то именно, что въ данный моментъ обосновать желательно, нельзя вспоминать о немъ по удобному поводу, возвращаться къ нему съ удобной, выгодной стороны, — и ужъ лучше сознаться честно, что въ безграничной, непостижимой своей внутренней свободѣ оно намъ непосильно. Надо, наконецъ, человѣку сознаться въ этомъ, чтобы больше не «совать Христа», по незабываемому для меня выраженію Бунина, въ свои дразги, въ свою тепловатую чувствительность, или безсиліе, или жестокость, все равно! Не кощунствуя, не подбирая съ заранѣе намѣченными, самооправдательными цѣлями евангельскихъ текстовъ, не предлагая и тѣмъ болѣе не рѣшая глупыхъ вопросовъ, съ кѣмъ «Онъ» и съ кѣмъ дьяволъ, скажемъ просто: исходъ теперешней европейской драмы для насъ исключительно важенъ. Это человѣческая, «очень человѣческая» борьба — *et nihil humanum...* Да, надо «ружей побольше», а все-таки Достоевскій, съ тѣми, своими «ружьями» былъ неправъ, и вся его славянски-православная, смиренно-хищническая кашка тошнотворна! Сейчасъ другое. Тысячу разъ сравнивая, сопоставляя, взвѣшивая, остаюсь при убѣжденіи, что сейчасъ другое.

Что то новое, давно не виданное происходитъ въ мірѣ, и было бы ужасно жаль, если бы мы насчетъ этого обольщались. Было бы ужасно грустно, если бы наши мечтанія насчетъ особенностей теперешнихъ аэроплановъ по сравненію съ прежними ружьями оказались «безсмысленными». Разумъ, правда, клонится къ этому, — но клонится, кажется, по инерціи: онъ слишкомъ увлекся своей критической ролью, сталъ неразборчивъ въ доводахъ, и научился возражать «что есть истина?» на все рѣшительно. Былую наивную, слѣпую довѣрчивость онъ подмѣнилъ слѣпымъ скептицизмомъ. Косность снова торжествуетъ. — хоть и взята разумъ не «въ лобъ», а обходома: намъ льстится поза Мефистофеля, и природа или жизнь намъ ее уступила. со снисходительной улыбкой, какъ позволяютъ дѣтямъ играть во взрослыхъ. Въ нашъ вѣкъ труднѣе вѣрить во что либо, чѣмъ во всегъ сомнѣваться.

Опасностей, конечно, много, — и осмотрительность необходима. Опасно впасть въ лицезѣріе, и какъ говорится «принять войну», предоставляя другимъ страдать и гибнуть на фронтѣ, сочиняя красивыя, возвышенныя героическія теоріи, словозомъ, приспособляясь къ обстоятельству. Опасно «жюскобулитамъ» во что бы то ни стало, безъ согласія, заниматься и

представить себѣ, къ чему можетъ привести затянущаяся война, даже самая побѣдоносная. Опасно уклониться отъ всякаго участія въ общей свалкѣ и въ качествѣ доморощенныхъ Ромэнъ Роллановъ пррини «en-dessus de la mêlée». Опасно слѣлатьсь Ку и мой Крючковымъ въ совершенствовашию, западномъ воплощеніи, — опасно влвоинѣ потому, что ужъ съ кого-кого, а съ насъ, русскихъ, за это спросится, послѣ всего, чему Россія насъ научила, и что съ гордостью хотѣли мы когда то «показывать Европѣ». Было, что показывать, «были гербы, были!»), и можетъ быть придетъ еще время, когда мы объ этомъ вспомнимъ, — если только теперь не отречемся отъ Россіи, въ томъ лучшемъ, что она дала. Оттого, кстати, «ружья» Достоевскаго такъ больно и задѣваютъ, что онъ, со всей своей истерзанной гениальностью, тоже наше лучшее, и въ этомъ пунктѣ его соскальзываніе къ среднему, къ заурядному и спорному очевидно. Опасностей очень много, и по мѣрѣ того, какъ война все глубже и дальше входитъ въ фазу будничную и повседневную, съ убывлюю остроты во впечатлѣніяхъ и непосредственности въ мысляхъ, онѣ всѣ настойчивѣе подстерегаютъ человѣка на каждомъ шагѣ. Страшно не додержатъ, не донести до дней мира того, что война всколыхнула, — и дать безслѣдно затянуться ся ранамъ... Всѣми, впрочемъ, война воспринимается, какъ несчастье. Всѣ были поражены ею, и до послѣдней минуты надѣялись, что какъ нибудь «образуется», что до открытаго столкновенія дѣло не дойдетъ. Но если бы сейчасъ произвести опросъ, оказалось бы, что есть люди, которые... нѣтъ, не то, что рады войнѣ, не будемъ клеветать, не будемъ повторять афоризмовъ 14 года... не рады, нѣтъ, но чувствуютъ какое то освобожденіе или очищеніе, благодаря ей, — и обратись время вспять, исчезни изъ ихъ памяти недавніе сентябрьскіе дни, они признали бы себя обворованными! Конечно, одна человѣческая жизнь, реальная, настоящая, дороже всѣхъ этихъ просвѣтленій вмѣстѣ взятыхъ, — и одно реальное горе, то, о которомъ сказано «она до гроба починитъ будетъ» ихъ перевѣсигъ. По вѣдь изъ-за этого война и возникла! Изъ-за этого міръ и раздѣлился на два лагеря, хоть еще и далеко не отчетливо! Для этого, ради этого и нужны жертвы. О, да, будутъ еще войны, ваша теперешняя — навѣрно не «послѣдняя», какой претендовала быть ея крикливая претшественица, но это война за то, чтобы о «послѣдней» можно было хоть думать, чтобы къ ней, туда, въ такомъ направленіи шло движеніе. Теперь передъ нами не врата Царьграда, а нѣчто менѣе конкретное, но болѣе нужное... Какъ еще разъ объ-

яснить это? Представляю себя наследнѣ съ «колеблющимся», съ русскимъ эмигрантомъ, конечно, въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ, — слышу искреннія недоумѣнія, слышу осторожныя возраженія, втягиваюсь въ огромный, двоющийся, по существу давній споръ, хочу убѣдить въ томъ, что для меня несомнѣнно, нарушаю второняя строгость плана въ рѣчи, наскоро записываю то, что надо бы не забыть сказать:

«Да, да, вы кое въ чемъ правы, культура, свобода, цѣнность личности, всѣ эти слова слишкомъ часто трепались, и половина вывѣтрились. Ихъ треплютъ и сейчасъ, каждый день, въ каждой газетной статьѣ, какъ вызубренный урокъ... Цивилизація, свобода личности, — да, да, знамена полиняли! Сколько напрасныхъ надеждъ, сколько разочарованій въ прошломъ, — не стоитъ и перечислять! Помните, какъ мы съ вами когда то въ Россіи бредили и грезили Европой, помните, какъ вѣрили, что оправданіе челоуѣка въ ней? «О, народы Европы не знаютъ, какъ они намъ дороги», — это все оттуда же, изъ Достоевскаго, изъ Федора Михайловича, какъ съ особой изъяснительно горючатъ люди, которые безъ него, безъ его леденящихъ, пронзительныхъ сквозняковъ не могли бы жить. «Народы Европы не знаютъ, какъ они намъ дороги!». Согласитесь, вдохновенно и чисто было въ Россіи только западничество, — а славянофильство, сколько бы въ немъ ни было замѣчательныхъ людей, отдавало плѣсеню, московскими, напрасно воспѣтыми просвирнями, Охотнымъ рядомъ, сонной одурью, оканіемъ, блинами, бахвальствомъ, и, пожалуй, еще той кисловатой поэзіей бытового, остывшаго христіанства, которое многимъ пришлось по душѣ... Нѣтъ, вдохновенно было только западничество! Надо же было что нибудь любить, и мы любили Европу. Намъ мало что нравилось у насъ самихъ, развѣ что изрѣдка, со смутнымъ сознаниемъ какой то вины, со слабымъ безпокойствомъ вздыхали мы надъ «этими бѣдными селеньями», — изрѣдка, нехотя, мимоходомъ, оставаясь убѣждены, что арена челоуѣчества тамъ, на западѣ. Насъ несло сюда «на крыльяхъ любви», — долгой, прошедшей черезъ многія мытарства, особенно въ первые годы революціи, когда внезапно расцвѣло скифство, увы, поддержанное Блокомъ. Скифство! Что оно обѣщало, куда звало? Чего оно испугалось, — европейскаго «мѣщанства», окрѣпшаго съ побѣдой, жестокаго торгашескаго духа, самодовольства, вдвойнѣ для насъ обиднаго при нашей тогдашней уязвленной гордости? Кажется, именно этого, — и оттого-то оно и не внушаетъ мнѣ уваженія! Слабость простительна только какъ слабость, — пока изъ нея не дѣлаютъ

основы ученія. Конечно, извѣстная доля политическаго реализма необходима: есть Франція, есть Россія, есть Германія, есть страны побѣжденныя, есть торжествующія, — но есть и единый человѣческій образъ, а если его нѣтъ, то онъ долженъ быть! Именно тутъ скептицизмъ несостоятеленъ. Онъ мѣтитъ въ фактъ, а истинная цѣль — не фактъ, а долженствованіе. Скифы надули губы, выходя изъ игры, да еще и грозясь: васъ милліоны, а насъ, видите ли, «тмы, и тмы, и тмы», памъ же, слѣдовательно, будетъ хуже! Какъ будто раздѣленіе на «вы» и «мы» идетъ до конца, какъ будто не вездѣ «мы», гдѣ есть что охранять и спасать! Оттого и сейчасъ я говорю о «нашемъ» дѣлѣ: формально то оно вовсе не наше, и неразбериха такъ велика, что опредѣлить, гдѣ государственные интересы Россіи, почти невозможно... Но это имѣеть лишь второстепенное значеніе, какъ вообще второстепененъ патриотизмъ. Простите, если я обижу васъ: что-то не вѣрится мнѣ, что дѣйствительно любить свою страну человѣкъ, который любить ее больше всего на свѣтѣ! Одинъ изъ самыхъ страшныхъ признаковъ одианія въ наши дни тотъ, что политическіе дѣятели съ увѣренностью, какъ незыблемо-положительный догматъ, повторяютъ — «для насъ важнѣй всего интересы нашей страны». Надъ Бріаномъ много смѣялись. Онъ былъ усталый человѣкъ, разсѣянный, разбитый, и Штреземанъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ водилъ его за носъ, — но если война кончится хорошо, Бріану еще поставятъ памятникъ. Пусть онъ надѣлалъ сколько угодно ошибокъ, у него была «идея», отъ него исходилъ свѣтъ, а энцихъ, право, не могутъ похвастаться его отличители. Со всѣми своими промахами, il a bien mérité de la patrie, — потому, что заставилъ любить ее и вѣрить ей. Кстати, помните ли вы «Кругъ чтенія» Толстого, — и такую запись въ немъ:

— Послѣднее убѣжище негодяя — патриотизмъ.

Если существуютъ на свѣтѣ фразы «потрясающія», это по моему одна изъ нихъ. Трудно быть пронзательнѣе — и безпошаднѣе.

Но я сбиваюсь въ сторону... Къ точкѣ — пѣли можно провести прямую линію. Однако ведутъ къ ней, какъ къ центру, и тысячи радіусовъ, — и я невольно перебираю ихъ, пробую, какъ струны, въ поискахъ ускользающаго аккорда. Да, насъ несло сюда «на крыльяхъ любви» — и вотъ, донесло! Ну, что же, уступаю вачъ сразу: оказалось — не то. Горы, зданія, тѣ «роскошныя царственныя колоннады», о которыхъ съ дрожью восторга писалъ Конст. Леонтьевъ, не обманули: но что то

неопредѣленное, неуловимое, всюду разлитое и присутствующее оказалось бѣднѣе и суше, чѣмъ мы ждали: печальнѣе, какъ итогъ, медлене, какъ результатъ и выводъ. Притомъ, замѣтите, русское козыряніе душевной широтой глубоко мнѣ противно: въ немъ есть что-то, похожее на презрѣніе пьянаго къ трезвому, на раздраженно-завистливое пренебреженіе нетвердаго на ногахъ гуляки къ встрѣчному рабочему, который дѣловито бѣжитъ на разсвѣтъ, ежась отъ холода, поднимая воротникъ, пряча руки въ карманы... Нѣтъ, не объ этомъ рѣчь! Франція работала на весь міръ, поработала и на насъ, мы ея вѣчные должники, — и сознавая это, вглядываясь въ нее, мы смущенно «сокращали смѣту» и учились скромности. Знаете, даже Парижъ — городъ ужасно грустный, чѣмъ долше въ немъ живешь, чѣмъ ближе съ нимъ свыкаешься: онъ какъ будто взвалилъ на себя весь назначенный человѣку грузъ, и всякій, въ концѣ концовъ, это въ немъ ощущаетъ. Невозможно любить человечество! правильно замѣтилъ кто-то, — а я бы добавилъ: да, но Парижъ любить можно, и развѣ, въ сущности, сквозъ него, это не то же самое? Неужели никогда вы не были охвачены этимъ чувствомъ на какомъ нибудь сенскомъ мосту, въ дождливый — осенній вечеръ, — и неужели не искали отвѣта: отчего? Отъ благодарности, отъ сознанія преемственности и родства, сколько бы ни было расхожденій, отъ желанія потрудиться самому, отъ несовершенства, отъ обреченности всего этого, и все-таки отъ какого то «залога безсмертія», отъ «безсмертія, можетъ быть, залога», сквозящаго тутъ? Не знаю. Не нахожу точныхъ выраженій, и убѣждаюсь, что они провели бы насъ къ тому, съ чего я досадливо началъ: культура, свобода, личность... да, это почти то же самое! Слова не звучатъ, но понятія негдѣшны — а главное, они еще даже не совсѣмъ заполнены, не вполне додуманы, такъ что рановато отъ нихъ отворачиваться. Ну, допустимъ, можно быть дезертиромъ изъ страха, но быть измѣнникомъ отъ легкомыслія, отъ цинически-изящнаго склада ума — это грѣхъ смертный.

Есть житейское, обывательское возраженіе на эти мысли, — возраженіе, къ сожалѣнію, глубоко видѣдрившееся: намъ здѣсь, будто бы, не такъ жилось, чтобы ждать отъ насъ порывовъ, жертвъ или словословій... Вы, конечно, не разъ слышали эти рѣчи, вы знаете и эмоциональный тонъ ихъ, и особую стилистическую ихъ окраску. Просто позать плечами на это нельзя, какъ нельзя и игнорировать тѣ невзгоды и испытанія, которыя тутъ подразумеваются. Нельзя безъ фальши

говорить о какихъ либо социальныхъ или общихъ задачахъ, начиная при этомъ съ отщепенства отъ той массы, къ которой непосредственно принадлежите: нельзя русскому эмигранту «отчуживаться» отъ русской эмиграціи ради группъ или позицій болѣе удачливыхъ, привлекательныхъ и устойчивыхъ. Но возраженіе въ корнѣ несостоятельно, ибо предполагаетъ дробленіе благъ и цѣлей. А цѣль одна: отстаивая мнимо-чужое, мы защищаемъ свое. Если только разъ отчетливо понять, что борьба идетъ за «свое», незамѣнимое, единое, единственное, никакихъ отступленій быть не можетъ, и долготѣнія, затаенныя обиды или удивленія оборачиваются обыкновенными недоразумѣніями: плохо — значитъ надо исправить, слабо — значитъ надо помочь! Повторяю, нѣтъ «насъ» и «нихъ» въ истинномъ, расширенномъ здѣшнемъ лагерѣ, — а въ томъ, если бы даже когонибудь изъ насъ въ томъ лагерѣ приняли съ распростертыми объятями, рознь не уменьшилась бы. Недоразумѣніемъ были бы объятія! Жаль только, что все это настойчиво смазывается и затушевывается, изъ-за растущаго съ каждымъ днемъ, политически легко объяснимаго нежеланія оставить войнѣ ся первоначальный «идеологическій» характеръ... А вѣдь все-таки она идеологична: въ основномъ и въ случайномъ, въ столкновеніи представленій о государствѣ и въ откликахъ на очередной, лаконическій бюллетень, идеологична во всемъ, повсюду, сколько бы ни прилагалось усилій сдѣлать ее обыкновенной, добродетельной, приличной войной, на подобіе любой прежней.

Хотѣлось бы спросить еще: не кажется ли вамъ, что разъ въ жизни человѣку воевать надо — т. е. надо найти, за что рискнуть собой? не кажется ли вамъ, что накапливаемое въ опытѣ ощущеніе реальности тала требуетъ реального выхода? и не повезло ли намъ, — въ томъ смыслѣ, что между этой неустранимой, древней, какъ міръ, потребностью человѣка быть воиномъ, такой загадочной, для однихъ безумной, для другихъ священной, для всѣхъ глубоко-природной, между нею и идеей труда или творчества впервые послѣ долгихъ лѣтъ нѣтъ полнаго разрыва?

Знаю, вы снова скажете — Россія... Волшебное слово, обезоруживающее и неясное, какъ поцѣлуй Христа въ карамазовской легендѣ. Но Россія не только наше достояніе: она и наше дѣло.

Георгій Адамовичъ.

Изъ неизданной переписки имп. Александра III и Николая II съ кн. В. П. Мещерским *)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ген. А. И. Спиридовичъ рассказываетъ во второмъ томѣ своихъ воспоминаній¹⁾, повидимому со словъ секретаря и дашенприказчика князя Владиміра Петровича Мещерскаго, Н. Ф. Бурдукова, что послѣдній, вернувшись 10 июня 1914 года съ похоронъ Мещерскаго на царскосельскую квартиру князя, напять тамъ ожидавшаго его адмирала К. Д. Нилова съ приказомъ отъ Государя вскрыть письменный столъ Мещерскаго и конфисковать всю переписку Государя съ Мещерскимъ. Бурдуковъ, удивленный этимъ требованіемъ, попросилъ Николая передать Государю, что черновики своихъ писемъ князь всегда уничтожалъ самъ, что часть писемъ Государя была сожжена во время предпоследней болѣзни князя, и что другую часть князь передалъ ему, Бурдукову, подъ условіемъ, что Государь согласится на это. Бурдуковъ написалъ письмо Государю обо всемъ этомъ, и Государь изъявилъ желаніе его видѣть. На этомъ разскъ Спиридовича обрывается.

Мы имѣемъ теперь возможность прослѣдить дѣльнѣйшую судьбу этихъ писемъ. По всей вѣроятности, какъ письма, перешедшія къ Бурдукову, такъ и уничтоженныя Мещерскимъ — съ послѣднихъ были предосторожительно сняты въ свое время фотографическія и рукописныя копии — перешли впоследствии отъ Бурдукова къ извѣстному журналисту Колюшкѣ (писавшему въ «Гражданинѣ» и «Новомъ Времени» подъ псевдонимами «Баянъ» и «Сѣренькій»). Колюшко вывезъ ихъ за границу и продалъ ихъ нѣмецкому коллекционеру Dr. Veppo Braun.

Эта часть архива кн. Мещерскаго состоитъ изъ слѣдующихъ документовъ, охватывающихъ собою періодъ отъ 1858 по 1913 г. 1 от-

*) Изъ приготовленной къ печати книги В. С. Франка «Кн. В. П. Мещерскій въ его перепискѣ съ императорами Александромъ III и Николаемъ II».

¹⁾ А. Spiridovitch: Les dernières années de la Cour de Tzar-skoïé-Séio, T. II, Paris 1929.

ривокъ изъ дневника Пастѣдника Цесаревича Николая Александровича (старшаго брата Имп. Александра III), 10 писемъ его къ Мещерскому, 3 письма Мещерскому къ нему, 2 письма Герцога Николая Максимовича Лейхтенбергскаго, 64 письма Имп. Александра III, 21 письмо Мещерскаго къ Имп. Александру III съ отвѣтами поспѣвая на поляхъ, 64 письма Имп. Николаю II и 2 письма Мещерскаго къ нему съ отвѣтами на поляхъ - итого 169 писемъ 38 писемъ Николаю II важныхъ копій, всѣ остальные письма какъ подлинники**)

Очень немногіе изъ видныхъ политическихъ дѣятелей довоеннаго Петербурга характеризуются въ письмахъ, дневникахъ и воспоминаніяхъ современниковъ съ такимъ уничтожающимъ единодушіемъ, какъ князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, «всемогущій» издатель «Рубина»³⁾. За пятьдесятъ лѣтъ своей петербургской дѣятельности (съ начала 70-хъ годовъ до своей смерти въ 1914 году) Мещерскій — благодаря своему огромному дару политической интриги, своему великолѣпному знанію всѣхъ тайныхъ пружинъ политическаго міра, а главное, благодаря своимъ интимнымъ связямъ съ двумя монархами — Александромъ III и Николаемъ II — постепенно приобрѣлъ славу человека, отъ слова котораго зависятъ назначенія, увольненія и награды, а иногда даже и направленіе правительственной политики — но нажилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большое количество враговъ. Этотъ ненавидимый и презираемый всѣмъ Петербургомъ человекъ въ теченіе очень долгаго времени (правда, съ продолжительными перерывами) оставался однимъ изъ ближайшихъ содѣльниковъ обончу поспѣднихъ самодержцевъ.

Объясняется этотъ парадоксальный фактъ прежде всего тѣмъ что Мещерскій не служилъ, не былъ ч и н о в и н и к о м ъ. Въ-рѣяно самымъ уинымъ поступкомъ Мещерскаго за всю его жизнь былъ выходъ въ отставку въ 1876 году со службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Правда, послѣ этого онъ былъ причисленъ къ другому министерству — народнаго просвѣщенія —, но служба эта была чисто фиктивной, и Мещерскій съ этого года жилъ исключительно для своей публицистической дѣятельности, поставивъ крестъ

***) Къ сожалѣнію недостатокъ мѣста позволяетъ намъ использовать въ «Совр. Зап.» лишь часть собранныхъ В. С. Франкомъ и до сихъ поръ неопубликованныхъ весьма цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, равно какъ лишь въ извлеченіи дать вводную статью автора и его комментаріи къ письмамъ. Ред.

3) Витте въ специально посвященной ему главѣ второго тома своихъ «Воспоминаній», Побѣдоносцевъ въ письмахъ къ Александру III и Николаю II, Ламздорфъ, Куропаткинъ, Половцевъ, Суворинъ, Богдановичъ, Кокосцовъ, Феоктистовъ и многіе другіе — всѣ съ одинаковою брезгливостью и ненавистью отзываются о Мещерскомъ.

на служебной карьерѣ. Эта независимость отъ всѣхъ превратностей бюрократическаго поприща дала ему возможность избѣгать судьбы почти всѣхъ временщиковъ чиновнаго типа, дая которымъ увольненіе съ занимаемой ими должности означало одновременно потерю монаршино благоволенія, а тѣмъ самымъ и утрату всего ихъ политическаго кредита. Съ другой стороны своей обособленностью отъ бюрократической среды Мещерскій выигрывалъ въ глазахъ монарховъ, инстинктивно недоувѣрявшихъ своимъ чиновнымъ слугамъ и внутренне луждавшимся въ неласныхъ и неотаѣтственныхъ «передъ начальствомъ» совѣтникахъ.

Къ этимъ смутнымъ, не до конца осозаннымъ политическимъ эмоціямъ обоимъ послѣднимъ Государей (особенно сильно выраженныхъ у Николая II) Мещерскій приспособилъ свою концепцію самодержавія, до нельзя простую, но убѣдительную именно въ силу ея согласованности съ политическими симпатіями и антипатіями обоимъ императоровъ. Концепцію эту можно свести къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ: самодержавный государь отвѣтственъ за свои дѣянія лишь передъ Богомъ, его мысли и дѣйствія вдохновляются свыше — поэтому не людямъ судить его. Государь мистически связанъ съ народомъ, его воля есть истинная воля народа, даже если бы она выѣщинымъ образомъ и шла въ разрѣзъ съ людскими мнѣніями и желаніями, всегда случайными и преходящими. Поэтому всякое ограниченіе монаршей воли, — не только путемъ введенія конституціи, но и путемъ личнаго вліянія министровъ на государя — есть искаженіе истинной воли Бога и народа и такимъ образомъ почти что кощунство. Особенно пагубно въ этомъ отношеніи воздѣйствіе петербургской бюрократіи. Оторванный отъ подлинной русской жизни, зараженный безпочвеннымъ, механически перенятымъ съ Запада либерализмомъ, проникшимъ и въ бюрократическую среду, Петербургъ, по мнѣнію Мещерскаго, служилъ главнымъ препятствіемъ для того духовнаго воссоединенія монарха съ народомъ, которое проповѣдывалъ Мещерскій.

Въ фактической сторонѣ исторіи сближенія Мещерскаго съ императорской семьей не все ясно, но все же изъ сопоставленія воспоминаній Мещерскаго*) съ публикуемыми письмами вырисовывается довольно полная картина.

Со стороны матери внукъ Карамзина, Мещерскій съ обѣихъ сторонъ былъ связанъ родственными и дружескими узами съ бюрократической и придворной знатью 50-хъ и 60-хъ годовъ. Одна двоюродная сестра его матери (дочь кн. П. А. Вяземскаго) была замужемъ за Валзуевымъ; въ домѣ его дяди Андрея Карамзина, женатаго на вдовѣ легендарнаго богача Демидова, часто бывалъ Горчаковъ, съ Л. Н. Замятинимъ (министромъ юстиціи съ 1861 года) поддерживались тоже какія-то родственныя связи, да и у самихъ Мещерскихъ

*) Кн. В. А. Мещерскій, Мои воспоминанія, т. I, СПб 1897, т. III, СПб 1912.

существовалъ небольшой политическій салонъ, наследственно перенятый ими отъ Карамзинныхъ. Такимъ образомъ молодому чиновнику, окончившему въ 1857 году Училище Правовѣдѣнія и сдѣланному сначала «стряпчимъ пощейскихъ дѣлъ», а въ 1859 году (20-и лѣтъ отъ роду¹⁾ назначенному петербургскимъ уѣзднымъ судьей по гражданскому отдѣленію, не трудно было, при известной дѣлуосиремленности, проникнуть въ высшія сферы. Непосредственнымъ знакомствомъ съ императорскою семьей онъ былъ обязанъ опять-таки одной изъ своихъ тетокъ, известной филантропкѣ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, пригласившей его лѣтомъ 1861 года въ свое Харьковское имѣніе, гдѣ, проездомъ въ только что приобретенную у графа Потоцкаго Ливадію, жила императорская чета съ младшими дѣтьми. Повидимому молодой Мещерскій съумѣлъ такъ понравиться Александрѣ II, что былъ приглашенъ бывать и въ Ливадію, а въ концѣ тѣхъ, возвращаясь въ Петербургъ, получалъ порученіе отъ императрицы, по русскому обыкновенію любившей всякаго рода «оказіи», передать письмо наследнику.

Вотъ съ этого порученія, осенью 1861 года, и начинается сближеніе Мещерскаго съ обоими старшими сыновьями Александра II, т. е. съ тогдашнимъ наследникомъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ, сближеніе, которое дѣйствительно опредѣлило собой всю дальнѣйшую судьбу Мещерскаго.

Мещерскому въ 1861 году исполнилось 22 года, онъ былъ назначенъ въ Валуевъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ чиновника особымъ порученіемъ — ему часто приходилось по долгу ѣздить въ командировкахъ по Россіи. Онъ умѣлъ нравиться безъ грубой лести, умѣлъ показать себя безъ хвастовства. Не мудрено, что на молодыхъ великихъ князей (Николаю Александровичу было тогда 18, а Александру Александровичу 16 лѣтъ), почти изолированныхъ дворцовыми стѣнами отъ соприкосновенія съ высшею жизнью, Мещерскій произвелъ извѣстное впечатлѣніе. А разъ завладѣвъ вниманіемъ человѣка, Мещерскій, характеръ по женски властный и ревнивый, уже не выпускалъ его.

Постепенно Мещерскій прочно вошелъ въ небольшой кружокъ, сложившійся вокругъ молодыхъ великихъ князей Быстрѣе и крѣпче другихъ къ нему привязался двоюродный братъ великихъ князей, герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій²⁾ сверстникъ наследника, тоже примыкавшій къ этому кружку. Въроятно Мещерскій пользовался этой дружбой, чтобы черезъ него ближе сойтись съ на-

¹⁾ Родъ 1834, умеръ 1890, сынъ Максимиліана-Евгенія-Юсифа-Натансона герцога Лейхтенбергскаго и великой княгини Маріи Николаевны, сестры Александра II. Получилъ тщательное образованіе подъ руководствомъ К. Г. Ребиндера. Съ 1865 г. состоялъ президентомъ

слѣдникомъ; во всякомъ случаѣ, когда эта цѣль была достигнута, дружба прекратилась какъ-то сама собой, и въ позднѣйшихъ письмахъ Мещерскаго встрѣчаются уже явно неприязненные отзывы о Лейхтенбергскомъ.

Мы мало знаемъ о скончавшемся въ молодомъ возрастѣ (онъ умеръ 22 лѣтъ отъ роду въ 1865 г.) старшемъ братѣ Александра III. Онъ былъ несомнѣнно одареннымъ человѣкомъ, получилъ къ тому же — не въ примѣръ Александру — великолѣпное образование. Среди его учителей мы встрѣчаемъ такихъ людей, какъ Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, К. П. Побѣдоносцева, К. Д. Кавелина, Э. К. Грота, Ф. И. Буслая, М. М. Стасюлевича, Н. Х. Бунге, А. И. Чивилева. Съ отцомъ у него были очень напряженныя отношенія. Но обостренность этихъ отношеній между отцомъ и сыномъ не нашла себѣ отраженія въ политическихъ воззрѣнιάхъ наследника, какъ это было съ самимъ Александромъ II, а позднѣе съ Александромъ III, стоявшимъ въ рѣзкой оппозиціи къ политикѣ ихъ отцовъ.

Николай Александровичъ однажды иронически назвалъ отношенія между Мещерскимъ и собой «чувствомъ несчастной любви къ женщинѣ, которая отвѣчаетъ на нее равнодушіемъ». Но иначе и быть не могло. Ровному, почти вялому темпераменту молодого великаго князя, его не по лѣтамъ острому, холодному и саркастическому разуму, наконецъ его цѣломудренной замкнутости и сдержанности многое въ характерѣ Мещерскаго должно было претить. Но онъ цѣнилъ Мещерскаго, какъ человѣка, пріоткрывавшаго передъ нимъ хоть не на много дворцовыя двери, живо интересовавшагося общими политическими вопросами, даже завидовалъ его свободѣ, позволявшей ему выдѣлть многое изъ того, чего наследнику престола выдѣлть не позволяется. Поэтому онъ охотно встрѣчался и переписывался съ нимъ.

Гораздо ближе сошелся Мещерскій послѣ смерти Николая Александровича съ его младшимъ братомъ, будущимъ императоромъ Александромъ III. Интеллектуально одаренный много свободѣ скончавшагося наследника, не получившій никакого законченнаго образования⁵⁾ — до 20-лѣтняго возраста его готовили къ военной службѣ,

Императ. Минералогическаго Общества. Рядъ геологическихъ экспедицій съ цѣлью составленія геологической карты Россіи былъ организованъ по его инициативѣ и на его средства. По его же инициативѣ произведенъ рядъ важныхъ реформъ въ торномъ вѣдомствѣ и по Кавказской нефтяной промышленности.

⁵⁾ Поразительна его орфографія. Онъ пишетъ «Евангеліѣ», «не вридимъ», «подлѣцы», «Латчанъ», «смѣртный», «звидѣлся», «сносаль» и т. п. Если письма его дѣда и отца тоже изобилуютъ ошибками, то въ ихъ оправданіе можно привести то обстоятельство, что до половины 19-го вѣка орфографія русскаго языка вообще еще не установилась окончательно. Но для Александра III этого опрѣчтанія боьше нѣтъ, братъ его напр. писалъ безукоризненно.

хотя онъ уже тогда ее терять не могъ — Александръ боготворилъ своего брата и послѣ его смерти перенялъ вмѣстѣ съ цѣнстой и придворнымъ штатомъ и друзей покойнаго, между ними и Мещерскаго.

В. С. Франкъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій — Мещерскому.

10 часовъ вечера, 13 марта 1862 г. Среда. С.-Петербургъ.
Любезный другъ,

Кругомъ виновать я передъ тобой, что такъ долго не писалъ, но на этой недѣлѣ рѣшительно не имѣлъ минутки свободной, чтобы поблагодарить тебя за твое первое письмо изъ Каргополя. Вообрази себѣ, что я запустилъ нѣкоторыя работы, какъ напримѣръ лекціи Курторги¹⁾ и математику, что положительно не знаю, какъ выбраться. Дѣйствительно, есть причины, которыя меня немного отвлекали или вѣрнѣе мѣшали работать какъ слѣдуетъ, но все это пройдетъ.

Въ настоящую эпоху общественной петербургской жизни, идуща выборы²⁾, настоящее посмѣшище и породія, какъ говорятъ, подобныхъ учреждений. Стыдно сказать, что есть лица, едва умѣющія говорить по-русски. Напр[имѣръ] князь Трубецкой, что женатъ на Бѣлосельской, прїѣхавшій изъ Парижа для произнесенія, вѣроятно, за годъ заготовленной рѣчи, началъ ее приблизительно такъ: «Мы слы х и в а д и, что въ предыдущее засѣданіе говорили о народномъ воспитаніи. Мы думаемъ, что оно возможно, только если присоединить къ нему элементъ образованности, элементъ науки и т. п. элементы...» Какаво? Адрессъ Платонова³⁾ еще не читался. Онъ всѣхъ интересуеть. Шуваловъ⁴⁾ вѣроятно не оста-

¹⁾ М. С. Курторга (1809-1886), историкъ, профессоръ петербургскаго университета, читалъ герц. Лейхтенбергскому курсъ лекцій по исторіи

²⁾ Выборы предводителя дворянства.

³⁾ Въ началѣ 1862 г. гласный Платоновъ представилъ въ Петербургское дворянское собраніе записку «О необходимости Государственной Земской Думы».

⁴⁾ Графъ А. П. Шуваловъ (1816-1876), спб. губернской предводитель дворянства, извѣстенъ своими заслугами въ качествѣ городского и земскаго дѣятели.

нется предводителем по собственному желанію. Если выберутъ челоѣка безъ состоянія, то кажется дворянство будетъ ему платитъ извѣстную сумму. Все это большею частью знаю черезъ нашихъ дамъ, которыя, не желая отставать отъ всѣхъ прочихъ модницъ, также дѣзуютъ въ общій муравейникъ февраля и марта мѣсяцевъ. Непирь¹¹⁾ тоже возсѣдаетъ съ Нинфачи, и, представляясь непонимающимъ, все слушаетъ да на усъ мотаетъ. Il trouve que nos élections sont très amusantes. Я съ нимъ сегодня встрѣтился у Mme Nelidoff.

Герцогъ Н. М. Лейхтенбергскій — Мещерскому.

1 сентября 1863 г. Царское Село.

Блгодарю тебя, любезный другъ, за два твои письма. Постѣднее получилъ вчера и спѣшу на нихъ отвѣчать. Раньше мнѣ не было возможности, по причинѣ безпрестанной бѣготни изъ одного мѣста въ другое. Сначала Красное Село, потомъ Царское, Петербургъ, Валдай, наконецъ все вмѣстѣ, тащили ченя и рвали на клочки. Въ настоящее время я остановился до 15 сентября въ Царскомъ Селѣ. Конечно, не изъ личнаго удовольствія совершилъ я это переселеніе, а съ дѣлью быть съ сестрой, и не раздѣлять хозяйственной части. Что касается до моихъ чувствъ, то они далеко отъ шумнаго Царскаго, гдѣ однообразно и скучно. Здѣшнія увеселенія приторны, не то ни се; ни городскія ни загородныя, а я до получиръ не охотникъ.

.....
Государь возвратился 8 или 9 числа по открытіи финляндскаго сейма¹²⁾. Это первый шагъ въ Имперіи Русской къ правленію представительному, совѣщательному. Я крѣпко убѣжденъ, что скоро, очень скоро и Россія въ своемъ сердцѣ, т. е. Великая, Малая и Бѣлая Россія получатъ нѣчто подобное. Народъ Русскій показалъ свою преданность престолу. Теперь престолу слѣдуетъ отплатить народу. И это будетъ, я въ этомъ увѣренъ. О Боже, какъ быстро пойдетъ тогда наша матушка-Россія по пути нормальнаго развитія, какъ окрѣпнетъ она внутри, какъ будетъ страшна извнѣ. Мы еще, Богъ дастъ, доживемъ

¹¹⁾ Баронъ Френсисъ Нэлпиръ, англійскій дипломатъ, 1860-1864 гг. посоль въ Петербургѣ.

¹²⁾ 3 сентября 1863 г. имп. Александръ II созвалъ сеймъ въ Гельсингфорсѣ для рассмотрѣнія «множества особенно важныхъ и имѣющихъ вліяніе на развитіе дальнѣйшаго благосостоянія великаго княжества Финляндскаго дѣлъ», утверждая такимъ образомъ конституціонный характеръ государственнаго строя Финляндіи.

съ тобой до того времени, когда благодарія нашего Царя будутъ приносить свои плоды, когда Россія станетъ одной изъ первыхъ державъ Европы...

До свиданія, милый другъ! Прощай, если есть время.

Н[иколай] Л[ейхтенбергскій]

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ (1843-1865).

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мещерскому.

С.-Петербургъ, 28-го ноябр[я] 1863 г.

Любезный Князь,

Извините великодушно за опоздалый отвѣтъ на Ваше любопытное и длинное письмо. Всѣ мы читали его съ большимъ интересомъ и мысленно странствовали съ Вами по Владимірскимъ деревнямъ и селамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тепершній родъ Вашей службы и Вашихъ занятій^{*)} въ высшей степени полезенъ для человѣка, желающаго дѣйствительно ознакомиться ближе съ Россією. Официальность Ваша даетъ Вамъ нѣкоторую, не безполезную долю вѣса, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта официальность не изъ такихъ, которыя стѣсняють и себя и другихъ — и такъ условія выгодны!

Любопытно состояніе волостей, которыя Вы описываете, особенно имѣнія Гр[афа] Панина. Живо представилъ я себѣ Васъ, идущимъ по ужасной дорогѣ, закутанымъ во всевозможныя теплыя одѣянія и прокливающимъ (конечно только въ эти трудныя минуты) должность чиновника по особымъ порученіямъ, которому Богъ знаетъ зачѣмъ захотѣлось покинуть пріятную sineкуру съ житьемъ въ Петербургѣ, съ которою такъ легко мирится совѣсть столькихъ чиновниковъ (и столькихъ министровъ), и таскаться по разнымъ угламъ Россіи, которую такъ легко знать, не выѣзжая изъ Петербурга, и еще легче управлять, не выходя изъ кабинета!

Живо представилъ я себѣ несчастнаго Вл[адимірскаго] воеводу, рвущаго себѣ волосы на головѣ съ отчаянія, что некуда упрятать незваныхъ и непрошенныхъ гостей!

Наконецъ живо представилъ я себѣ Ваши по истиннѣ возбуждающія состраданія, бѣдствія въ пресловутой Вл[адимірской] гостинницѣ.

Пока Вы такимъ образомъ путешествовали, наблюдали, изучали, мы жили спокойно въ Ц[арскомъ] С[елѣ] и эта безмятежность была нарушена лишь тѣмъ, что 24 числа мы переехали на зимнія квартиры, гдѣ теперь и прозябаемъ. Что касается до меня, то я, начиная съ того Воскресенья, въ которое Вы уѣхали, почти пролежалъ цѣлую недѣлю. Въ воскресенье на охотѣ намялъ себѣ правую ногу; она обидѣлась и распух-

^{*)} Съ 1861 г. Мещерскій служилъ чиновникомъ особымъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Валугѣвѣ и часто получать командировки въ провинцію.

ла. Въ Пон[едѣльникъ] я уже не могъ ходить, потому сдѣлался нарывъ, такъ что я провелъ послѣднюю недѣлю въ П[арскомъ] С[елѣ] не въ завыномъ положеніи и даже почувалъ отъ недостатка движенія и чистаго воздуха. Однако въ Воскресенье 24-го я кое какъ перебрался въ городъ, но этимъ дѣло не кончилось: два дня былъ здоровъ, вчера другой нарывъ на той же ногѣ, и вотъ сегодня я опять инвалидомъ. Несомно, не знаю скоро ли избавлюсь отъ этой докучливой пародіи на болѣзнь.

Погода большею частью темная, скучная, нѣтъ мороза, нѣтъ снѣга. Теперь идетъ ледъ и вѣроятно скоро установится постоянный зимній мостъ черезъ Неву. Вчера, по капризу природы, былъ чудный солнечный день: тепло, сухо, свѣтло. Но сегодня опять по положенію скверно.

Однако пора кончать, темнота мѣшаетъ писать. — Не знаю, гдѣ Вы, но адресую по Вашему указанію.

До свиданія, любезный Влад[иміръ] Петровичъ, еще разъ благодарю Васъ за письмо и мысленно издали жму Вамъ руку.

Николай.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мещерскому.

5-го декабря 1863 г.

Любезный Князь,

Возратясь домой, я засталъ у себя на столѣ Вашу записку и при ней посылку.

Благодарю Васъ вдвойнѣ: за милую записку и за отличную сигарочницу; за первое болѣе, чѣмъ за подарокъ, такъ какъ задушевное чувство, мнѣ всегда дороже вещи.

Но и портъ-сигаръ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, какъ нарочно у меня нѣтъ почти ни одного хорошаго, не только что такого, какъ этотъ.

И такъ еще разъ отъ души благодарю Васъ; пусть отношенія наши всегда останутся такими же, каковы они теперь: простота, искренность, польза — вотъ ихъ девизъ.

Душевно любящій Васъ Николай.

Приходите, если хотите, завтра въ 8 час[овъ] утра; это рано, можетъ быть даже слишкомъ рано для Васъ, но вѣдь Вы предпочтете застать насъ въ нашемъ кружку, чѣмъ прійти съ другими, которые ѣдутъ поздравлять съ словами на устахъ, но съ пустою въ душѣ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мешерскому.

16-го декабря [1863].

Любезный Князь,

На этотъ разъ предчувствіе Васъ обмануло: мы заѣхали къ Вамъ съ братомъ просто, чтобъ Вамъ пожать руки и выкурить папироску, вечеромъ-же все-таки надѣюсь быть.

Вашъ экспромтъ очень удаченъ; я познакомился съ Гр[афиней] Кушелевой!!!

До свиданья

Николай.

Я думаю Вы спросили себя: какое отношеніе имѣетъ мой экспромтъ къ знакомству съ Гр[афиней] К[ушелевой]? это просто выражаетъ непослѣдовательность моихъ мыслей. — Мало ли въ чемъ я непослѣдователенъ!

Однако къ дѣлу: мы были у Гр[афини] Клейнмихель на выставкѣ. Колесо (увы, не счастья, а аллегри) вручено Гр[афинѣ] К[ушелевой] — и конечно я ей былъ представленъ. — Саша таялъ; 2 мѣсяца онъ съ ней не видѣлся и наконецъ!!!

О своихъ впечатлѣніяхъ послѣ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мешерскому.

[Февраль или мартъ 1864 г.].

Любезный Князь,

Отъ души благодарю за Ваши любопытныя и добрыя письма и въ тоже время прошу прощенья за долгое молчаніе. Мы такъ мало знаемъ нашу Юго-западную Русь²¹⁾, что должны хоть теперь стараться съ нею знакомиться. Ваши письма вводятъ меня въ почти неизвѣстный мнѣ міръ; хотѣлъ бы быть инкогнито на Вашемъ мѣстѣ. Не мѣшало бы намъ туда почаще ѣздить и конечно уже не инкогнито, а спрогити судьями всего ворящагося семя. Какъ ни тяжела, какъ ни безотраднa участь Черткова²²⁾, а я ему завидую — это дѣятельность, до-

²¹⁾ Въ февралѣ 1864 г. Валуевъ далъ Мешерскому порученіе объѣздить Юго-Западный Край съ цѣлью познакомиться съ тамошними крестьянскими учрежденіями.

²²⁾ М. И. Чертковъ (1829-1905), 1864-1867 Волынский военный губернаторъ и управляющій гражданской частью; до этого состоялъ долгое время при Дворѣ въ императорской свитѣ, но впалъ въ немилость изъ-за женитьбы на еврейкѣ.

стойная лучинихъ нашихъ людей и чуть ли не самая почетная изъ всѣхъ тяжелыхъ трудовъ на пользу отечества. Грустно, что такихъ людей можно по пальцамъ перечесть и то нашихъ пальцевъ для этого слишкомъ много, такъ ихъ мало!

Пока Вы странствуете такимъ любопытнымъ образомъ, мы сидимъ спокойно въ Петербургѣ; я даже сижу безвыѣздно, потому что не дѣлалъ ни шагу изъ города: не былъ даже ни разу на охотѣ. На первой недѣлѣ поста мы всѣ говѣли, а со второй пошла обыкновенная жизнь въ великомъ посту. Не скажу, чтобы было особенно весело или особенно скучно: я въ какомъ то неопредѣленномъ, безвѣтномъ расположеніи духа. Не дѣлаю особенно дурнаго, за то почти не дѣлаю хорошаго. Занимаюсь вяло, сержусь вяло, веселюсь вяло, однимъ словомъ любопытнаго ровно ничего нѣтъ. Я не влюбленъ, не озлобленъ, не разочарованъ, безмятежность моя пока еще не поколеблена, репутация рыбы не скомпрометирована. Чего же больше! — Пауза. — Вы говорите себѣ; чтожь это такое — мутная вода, картина безъ красокъ, это не жизнь. Я мысленно отвѣчаю: да, это не жизнь. И только? Да пока только. — Чего же Вамъ болѣе! — Терпѣніе великое дѣло Влад[имиръ] Петровичъ!

Посвятить ли Васъ чтоли въ политику? Не стоитъ, ничего новаго нѣтъ; все Шлезвигъ да Княжество, Наполеонъ мутитъ вездѣ гдѣ можетъ, Англія дѣлаетъ свое дѣло, а кн. Горчаковъ просвѣщаетъ итальянскаго министра! Какъ интересно.

Но что же наконецъ интересно, гдѣ же жизнь, участіе, движеніе, сила? Вѣдь это же должно быть гдѣ либо, вѣдь безъ этого жить не слѣдуетъ. Да, это все есть и есть именно у насъ въ Россіи, но всего этого я не вижу, потому что живу чуть не хуже китайскаго богдыхана. Отвѣтъ: сами виноваты, могли бы иначе устроить свою жизнь. — Оправданіе: съ луны не хлѣбаютъ на землѣ уши. — Неправдали ясно.

Однако Вы можете меня принять за сумасшедшаго, и такъ кончаю письмо. Впрочемъ кажется это не письмо, а чортъ знаетъ что такое! Вы правы....

Любящій Васъ

Николай.

вечеръ того же дня. Простите, милѣйшій Князь, за это бессмысленное письмо. Писль долгааго съ моей стороны молчанія, послѣ столькихъ писемъ съ Вашей стороны, Вы въ правѣ были ожидать дѣльнаго, длиннаго письма и вмѣсто этого получаете какой-то сунбуръ въ пакетѣ. Не судите слишкомъ

строго: у Васъ много мыслей, много впечатлѣній, зрорящихся на бумагу, у меня ихъ мало. Конечно это не оправданіе, но надѣюсь слѣдующимъ письмомъ заглядить это. Буду пай!

я сейчасъ изъ концерта; музыка чудная вещь, она мертвого разбудить.

Прощайте, жму Вашу руку и желаю отъ души счастья.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мещерскому.

Флоренція 10/22 ноября 1864 г.

Любезный Владиміръ Петровичъ,

Первымъ впечатлѣніемъ перваго утра во Флоренціи было письмо отъ Васъ, письмо милое, задушевное, за которое яплю Вамъ мысленно искреннее спасибо. Благодарю Васъ за Ваши чувства ко мнѣ, за постоянство Ваше въ дружбѣ, за то наконецъ, что Вы съ участіемъ относитесь къ внутреннему состоянию моей души и (до нѣкоторой степени) понимаете его. Немногіе задавали себѣ этотъ неблагодарный трудъ и никто не видитъ здѣсь ясно. Вы же провицали тьму очами любви и участія; тутъ умомъ ничего не сдѣлаешь и Вы попали вѣрно. Къ счастью еще не поздно, могу стряхнуть съ себя иго гнетущее меня и если мнѣ это удастся, то Вы тому главный виновникъ. Вотъ главный залогъ нашей дружбы и будущихъ отношеній. Пока я еще все въ какомъ-то безвѣтномъ состояніи, даже благотворная борьба еще не начата. Причина тутъ къ несчастью есть и причина глубокая; она кроется отчасти въ сознаніи грѣховности, состояніи нравственнаго паденія, тяготящаго меня. Да любезный Влад[иміръ] Петр[овичъ] тяжело это сознаніе, особенно когда все кругомъ счастье и радость. Я знаю, что я любимъ существомъ, котораго я почти недостойнъ²¹⁾, я чувствую, что это счастье мнѣ не по плечу, а это мысль тяжелая. Но отчаяніе еще не овладѣло мною, а съ другой стороны закалывать себя не намѣренъ и потому бодро впередъ, время есть, силы тоже — можетъ и добыюсь хорошаго.

Теперь довольно витать въ міръ духовномъ, перейду къ обыденному. Вчера вечеромъ пріѣхали мы сюда по желѣзной дорогѣ изъ Ливорно, куда прибыли на корветѣ «Витязь» изъ Ниццы. Переходъ былъ счастливый, хотя было свѣжо, и нашъ корветъ давалъ могучіе размахи. Что мы дѣлали послѣднее

²¹⁾ 20-го сентября 1864 г. состоялась въ Копенгагенѣ помолвка Насл. Цесаревича съ принцессой Дагмарой Датской.

время? Путнаго мало; съ чего начать — начну съ Италіи, потому что періодъ отъ Дармигата до Венеціи лишилъ почти всякаго интереса. И такъ первымъ шагомъ нашимъ въ Италіи было прибытіе въ Венецію. Описывать Вамъ ее не стану, отнесусь къ письму моему Сашѣ, скажу только, что впечатлѣніе оставляетъ этотъ городъ глубокое. Къ сожалѣнію погода, исключая первые два дня, стояла холодная и дождливая и много портила, п[отому] ч[то] Венеція безъ солнца теряетъ слишкомъ много. Городъ славнаго прошедшаго, какъ глубоко упалъ Ты съ высоты своего могущества, какъ печальна Твоя участь, какъ безотраднo твое будущее! Венеція — это падшая женщина, которую жалѣешь и которую нельзя не любить. Соборъ Св. Марка привелъ меня въ восхищеніе: въ немъ столько родного, столько симпатичнаго. По моему нельзя и сравнивать его съ великолѣпными памятниками древней готической архитектуры. Имъ удивляешься, въ Санъ-Марко молишься; первые поражаютъ, послѣдній привлекаетъ и возбуждаетъ религиозныя чувства.

Миланъ мнѣ понравился какъ красивый европейскій городъ; итальянскаго въ немъ мало. Что очень хорошо, это крыша знаменитаго собора. Представьте себѣ цѣлый дѣсь мрамора на огромной вышинѣ. Во всемъ господствуетъ стройность и гармонія, подробности поражаютъ отчетливостью оцѣлки. Здѣсь, т. е. въ Миланѣ, познакомился съ моимъ Колонгагенскимъ соперникомъ Пр[инцемъ] Гумбертомъ¹⁾, личностью не привлекательною, но далеко не безвѣстною.

Изъ Турина я не вывезъ почти никакихъ впечатлѣній, кромѣ любопытнаго обѣда у Кор[оля] Виктора-Еммануила, гдѣ мы встрѣтились со всѣми его министрами, изъ которыхъ нѣкоторые — весьма замѣчательныя личности, начиная съ самаго Ла Марсера²⁾. Италія переживаетъ теперь весьма скверный кризисъ и мы могли убѣдиться на мѣстѣ, что положеніе *Re Galantuomo* вовсе не привлекательно. Приходится обманывать палаты обѣщаніемъ Рима, когда Наполеонъ положительно объявилъ Ит[альянскому] Правит[ельству], что туда его не пустятъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвовать Туриномъ и тѣмъ, болѣе и болѣе отрываться отъ твердой точки опоры — Пьемон-

¹⁾ Гумбертъ (Умберто) (1844-1900), итальянскій наслѣдннй принцъ, 1878-1900 король Италіи.

²⁾ Альфонсо Ферреро маркизъ де-ла Мармора (1804-1878), знаменитый пьемонтскій, потомъ итальянскій генералъ и политическій дѣятель, 1864-1866 — министр-президентъ

та. Флоренція не столица Италіи, это шагъ къ Риму; спрашивается какой это шагъ, когда ворота Рима не открываются Вик[тору] Ем[мануилу] даже въ силу знаменитой конвенціи? *) Словомъ Ит[альянское] Правит[ельство] въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ чемъ откровенно признались сами министры Вик[тора] Ем[мануила]. Изъ Турина мы должны были ѣхать на Геную, такъ какъ желѣзныя дороги на Флоренцію испорчены наводненіемъ. Это дало мнѣ возможность съѣздить на нѣсколько дней въ Ниццу, чтобы повидаться съ матушкою. Я былъ этому очень радъ и провелъ недѣлю въ Ниццѣ самымъ пріятнымъ образомъ. Импер[атрица] слава Богу чувствуетъ себя хорошо, но очень тяжело ей проводить зиму за границей и въ разлукѣ съ Государемъ. Ницца хорошенькій, новый городъ съ красивыми окрестностями. Тамъ нашли мы теплую погоду, которая такъ недоставала намъ въ сѣверной Италіи. Въ воскресенье оставили мы Ниццу, а вчера около 8-ми часовъ вечера были уже во Флоренціи. И такъ снова стопъ машина на 6 недѣль. Римъ заперъ свои ворота на одному В[иктору] Ем[мануилу], но и намъ грѣшнымъ, которыхъ кажется нельзя подозрѣвать въ желаніи завоевать вѣчный городъ. Для меня это большое горе, сильно я рассчитывалъ на Римъ и вотъ надежды не сбылись. Но что это въ сравненіи съ вѣчностью!

Благодарю Васъ за подробности Царское[го] житья бытъя, все мнѣ дорого, какъ воспоминаніе, все мнѣ интересно, какъ касающееся близкихъ сердцу. Боюсь, чтобъ Саша серьезно не влюбился въ Марію Елимовну²⁾; это въ его характерѣ и если онъ влюбится, то можетъ рѣшиться на все. Къ тому же говорятъ Итальянская княжна еще болѣе похорошѣла и прелестна болѣе, чѣмъ когда либо. Если будете и впредь писать, то

*) 15 сентября 1864 г. (н. ст.) между Франціей и Италіей было заключено соглашеніе относительно Рима: Франція обязалась вывести въ теченіе двухъ лѣтъ свои войска изъ Рима, а Италія обѣщала не только не нападать на папскія владѣнія, но и защищать ихъ отъ всякаго нападенія извнѣ.

2) Княжна Марія Елимовна Мещерская, дочь кн. Елима Петровича Мещерскаго (1808-1844), дипломата, служившаго при русскихъ миссіяхъ въ Парижѣ и въ Туринѣ (поэтому она названа «итальянской княжной»), была фрейлиной Императрицы Маріи Александровны и была первой красавицей въ Петербургѣ. Увлеченіе вел. кн. Александра Александровича достигло такой силы что онъ собирался жениться на кн. Мещерской, и только удаленіе ея отъ двора положило конецъ этому роману Мещерская вышла впоследствии замужъ за князя П. Демидова-Санъ-Домато

говорите пожалуйста о братьяхъ — отъ нихъ самихъ ничего не добьетесь, а знать очень хочется. Тянетъ домой, очень хотѣлъ бы увидѣть скорѣе родину, почти что надобно путешествовать.

И такъ прощайте любезный Владиміръ Петровичъ, еще разъ искренно благодарю Васъ за письмо.

Жму Вамъ издали руку. Поклонъ родному и роднымъ

Николай.

Если будете писать сообщайте пожалуйста новости нашего петербургскаго политическаго міра. До насъ доходятъ лишь слухи, а кромѣ Васъ не имѣю ни одного серьезнаго корреспондента.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мещерскому.

Флоренція 16/28 д[екабря] 1864 г.

Любезный Князь,

Хотя не много поздно, но все же искренно благодарю Васъ за чилое и интересное письмо Вамъ отъ 12 и [оября]/3 д[екабря], которое доставило мнѣ большое удовольствіе. Ваши письма принимаются съ благодарностью и читаются съ любопытствомъ. Кромѣ прямого интереса, въ нихъ заключающагося они мнѣ дороги еще потому, что поддерживаютъ связи старой дружбы, которою я дорожу. Неразъ говорилъ Вамъ, что бѣды съ Вами приносили мнѣ истинную пользу. Для примѣра. Сквенингъ и вечеръ у меня наканунѣ Вашего отъѣзда? Все это дорогія воспоминанія хорошаго періода въ моей жизни, періода который однако скоро долженъ кончиться и уступить мѣсто другому. Не грѣшилъ ли бы я передъ Богомъ, еслибы не былъ убѣжденъ, что новое будетъ лучше стараго? Конечно, но помянеть добромъ и прошедшее, тихіе годы безмятежной юности. Счастлирое, золотое время! Время ученія, приготовленія къ жизни, перваго знакомства съ людьми. Да въ этомъ прошедшемъ было болѣе хорошаго чѣмъ дурнаго, болѣе счастья, чѣмъ несчастія. Къ хорошему отношу и тѣ связи, которыя имѣли доброе на меня влияние и которыя переходили въ болѣе или менѣе прочную дружбу. Неужели мнѣ суждено рущиться? Конечно нѣтъ. По крайней мѣрѣ съ моей стороны не подамъ надѣюсь къ тому повода. И такъ любезный Владиміръ Петровичъ будете обоудно поддерживать доброе старое!

Къ сожалѣнію на этотъ разъ не могу Вамъ сообщить ничего интереснаго, потому что все это время былъ нездоровъ

и не выхотилъ изъ комнаты. Боль въ поясницѣ разгулялась до неприличныхъ размѣровъ, сдѣлались спазмы, острая боль, появились на сцену горчишники, мушки — однимъ словомъ разыгралась медицинская драма, въ которой я былъ весьма страдающимъ лицомъ. Послѣ сильныхъ припадковъ словно кризисъ въ болѣзни, мнѣ сдѣлалось лучше и вотъ теперь я встаю съ постели, боль прошла и движенія сподобиле. Ежели все пойдетъ хорошо, надѣюсь скоро перебраться въ Ниццу; говорятъ здѣшній климатъ поддерживаетъ этого рода болѣзни. Не на радость прѣхалъ я во Флоренцію: только первую недѣлю былъ на ногахъ, затѣмъ долженъ былъ сидѣть дома, потому что не могъ разогнуться, и свободно ходить. Нѣсколько разъ пробовалъ выѣзжать въ коляскѣ, но послѣдняя попытка не прошла даромъ. Послѣ этого дня, въ который я вообще утомилъ себя, появились спазмы и съ тѣхъ пошло все хуже и кончилось очень очень сильнымъ припадкомъ, о которомъ съ ужасомъ теперь вспоминаю. Видите какъ я расклеился, все это пожалуй не важно, но крайне неприятно. Если запустить, будетъ скверно; лишь бы до Ниццы добраться, тамъ буду серьезно долечиваться. Однако вижу, что письмо превращается въ рапортъ о болѣзни, это можетъ Вамъ не на шутку надоесть.

Съ любопытствомъ слѣжу, сколько могу за послѣдними мѣрами правительства и душевно порадовался тремъ указамъ: о монастырской реформѣ въ Польшѣ, о судебной реформѣ и объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи.

Первая мѣра великолѣпная и ударъ направленъ мѣтко и умно. Вторая не зависитъ конечно отъ указа, но какъ она важна! Отъ всей души желаю успѣха этому важному дѣлу, которое должно имѣть такое громадное вліяніе на всю нашу общественную жизнь. Лишь бы эта реформа органически привилась къ нашей почвѣ и нашла честныхъ и просвѣщенныхъ исполнителей. Не будемъ отчаиваться. Освобожденіе крестьянъ въ Грузіи важный шагъ для внутренняго благоустройства Кавказа, этого трудно достающагося клада. А Кавказъ кладъ, чтобы про него не говорили. Что подльываете Вы люб[езный] Князь, что творится у насъ въ Петербургѣ, какъ поживаютъ друзья и знакомые? Жду письма, даже писемъ.

Теперь пора сказать Вамъ прости и кончить мое посланіе. Желаю Вамъ счастья и здоровья. Вспоминайте иногда о томъ, кто жметъ Вамъ дружески руку.

Николай.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ — Мещерскому.

17/29 д[скабря] [18]64 г.

Только что окончилъ письмо, какъ получилъ Ваше отъ 5/17 д[скабря], за которое искренно благодарю Васъ люб[езный] Князь. Странное дѣло, въ этотъ вечеръ думалъ о Васъ, вспоминалъ о послѣднемъ письмѣ Вашемъ, прочелъ его и подъ свѣжими впечатлѣніями многихъ думъ, написалъ Вамъ мое нескладное посланіе. Въ отвѣтъ будто бы на мои мысли, получаю письмо отъ Васъ. Чуть не сказала: легокъ на поминѣ. Увы! Ваше письмо показываетъ не розовое настроеніе Вашего духа, но мнѣ ли его порицать! Знаю и то, что когда тѣло больно, духъ часто бываетъ далеко не...²¹⁾

Не бойтесь за мое упрямство, лечусь я серьезно, а когда приѣду въ Ниццу будетъ приглашенъ и Nélaton. Какой я теперь скептикъ или стоикъ? Я довольно натерпѣлся, чтобы не отдаться вполне въ руки докторовъ. Здѣсь меня лечитъ, вмѣстѣ съ Шестовымъ²²⁾, известный Флорентійскій докторъ Бурчи, который мнѣ положительно помогъ. Опять аптекою запахло!

Что дѣлаютъ братья, Николай Максимиліановичъ и вообще друзья и пріятели? Саша влюбленъ ли еще въ И[альянскую] княжну или манель уже другой предметъ обожанія. Боюсь за нашего юнаго Геркулеса, болѣно влюбчивъ сталъ. Это имѣетъ конечно свою хорошую сторону, но не лишено и некоторой опасности.

И такъ юная дочь поэта²³⁾ тронула Ваше сердце! Хотите совѣтъ: не давите чувства разсудкомъ, постыдитесь, прислушайтесь!

Однако окончательно прошайте, еще разъ спасибо за письмо

Кланяюсь братьямъ, Н[иколаю] Макс[имиліановичу] (надѣюсь, что онъ получилъ мое письмо), Кон[стантина] Гр[игорьевича] благодарю за память и въ свою очередь бмо челою, Б[орису] А[лексѣевичу] Перовскому, Бокъ, Н[иколаю] Ц[аповичу] Л[итвинову].

Роднѣ душевный привѣтъ!

²¹⁾ Одна страница письма утеряна.

²²⁾ П. А. Шестовъ (1831-1876), лейбъ-медикъ Насл. Цесаревича.

²³⁾ Вѣроятно Александра Васильевна Жлковская (1842-1899), дочь В. А. Жлковского, фрейлина императрицы Маріи Александровны, впоследствии замужемъ за бар. Верманомъ

На этомъ письмѣ переписка Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича съ кн. В. П. Мещерскимъ обрывается. Болѣзнь Насл. Цесаревича (туберкулезъ спинного мозга) быстро прогрессировала и 12 апрѣля 1865 г. онъ скончался въ Нишѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ серия писемъ Насл. Цесаревича Александра Александровича, въ будущемъ Императора Александра III.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ — Мещерскому.

1867 года 14-го янв[аря]. С.-Петербургъ.

Любезный Владиміръ Петровичъ. —

Я самъ хотѣлъ Вамъ слѣлать это удовольствіе, но Вы меня предупредили пославъ мнѣ записку. — За всѣ Ваши мученія и неприятности которыя Вы имѣли изъ за меня даю Вамъ мою дружбу, потому что Вы вполнѣ ея заслужили, и такъ до свиданія. —
Вашъ другъ Александръ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ 1866 году.

**Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ —
Мещерскому.**

Фреденсборгъ 1867 года 7/19-го июня.

Любезный Князь, благодарю Васъ очень за Ваши 2 письма въ особенности за второе, которое меня очень интересовало, именно гдѣ Вы говорите о Славянахъ. -- Я почти ничего не слышалъ о нихъ и очень радъ былъ узнать хоть что нибудь о ихъ пребываніи въ Москвѣ⁴⁾.

Да Любезный Владиміръ Петровичъ, хорошо было наше пребываніе въ Парижѣ. — Если теперь я вспоминаю наше пребываніе тамъ, у меня дѣлается лихорадка и если еще бы недѣлю мы остались въ Парижѣ, то навѣрно я бы заболѣлъ отъ постоянного страха за жизнь Государя. — Да тяжелое время провели мы въ Парижѣ, который оставилъ мнѣ самое грустное и тяжелое воспоминаніе. —

Я не могъ не веселиться не проводить время спокойно ни на одну минуту. — Нельзя было ручаться за каждый новый день, что не повторится снова, тоже самое, что было 5-го июня/26-го мая⁵⁾.

Парижъ, въ особенности въ настоящее время, такъ переполненъ всякимъ народомъ. — Однихъ поляковъ, скотовъ до 25000 человекъ. — Меня такъ и тинуло вонъ изъ Парижа, не смотря на всѣ его прелести и увеселенія. — Къ чорту все лишь-бы нашъ Государь былъ не вриичиъ и вернулса-бы въ матушку Россію поскорѣе. — Вы не можете себѣ представить, какъ я былъ печалень тѣмъ, что Государь не переѣхалъ свой маршрутъ и всетаки отиравляется въ Варшаву, гдѣ встрѣчается съ Императрицей. — Жаль очень жаль, что послѣ этого печаль-

⁴⁾ Въ связи съ Всероссийской Этнографической выставкой съ 23 апрѣля по 18 Чояа 1867 г., въ Москвѣ былъ организованъ Славянский съѣздъ, превратившійся въ силу присутствія многихъ извѣстныхъ славянскихъ дѣятелей во внушительную политическую демонстрацію.

⁵⁾ Съ 20 по 30 мая 1867 г. императоръ Александръ II въ сопровожденіи Наслѣдника, вел. кн. Владиміра Александровича и многочисленной свиты, въ составъ которой входилъ кн Горчаковъ, пребывавъ, по приглашенію Наполеона III, въ Парижѣ для осмотра парижской всемірной выставки. 25 мая, при возвращеніи Императора со смотра французскихъ войскъ на Лоншанскомъ полѣ въ Булонскомъ лѣсу, полякъ Березовскій выстрѣлилъ изъ пистолета въ коляску, въ которой ѣхали имп. Александръ II, Наполеонъ и оба великіе князя. Пуля, пролетѣвъ мимо, ранила лошадь ѣхавшаго возлѣ императорскаго экипажа французскаго штальмейстера.

наго происшествія Государь даже не былъ хотъ въ одномъ русскомъ городѣ а прямо поѣхалъ въ враждебную намъ Польшу. — Я не знаю можно-ли хотъ что нибудь ожидать послѣ этой поѣздки Государя въ Варшаву, хотъ какое нибудь сближеніе Россіи съ Польшей. — Я увѣренъ, что нечего ожидать и въ особенности теперь когда каждый русскій еще больше возненавидитъ Поляка послѣ атентата Парижскаго. — Я не помню цѣли поѣздки Государя въ Варшаву и къ чему торопились такъ, дать амнистію всѣмъ этимъ подлѣцамъ^{*)}. — Я увѣренъ, что это работа Валуева^{**)} и Шувалова^{***)}, иначе быть не можетъ. —

Я старался заговаривать съ Государемъ о его поѣздкѣ въ Варшаву и даже спрашивалъ, не переимѣнитъ-ли онъ свой маршрутъ, но Государь сказалъ, что не намѣренъ. — Я просилъ тоже Адлерберга^{****)} и Горчакова^{*****)}, но ничего не помогло. — Нечего дѣлать; вѣдь мы не знаемъ, что можетъ произойти послѣ посѣщенія Государя Польши, можетъ быть и къ лучшему (фатумъ все фатумъ!).

Странное было чувство попасть вдругъ въ Парижъ и сидѣть возлѣ такого человѣка, хотъ онъ былъ любезенъ какъ нельзя больше и въ особенности къ русскимъ. — Императрица, мнѣ очень понравилась. — Разговорчива и весела; она еще очень хороша собою и совсѣмъ не такъ переимѣнилась какъ я думалъ. — Вообще, знакомится и разговаривать съ Французами было легко, потому что они умѣютъ говорить. — Вы скажите слово а они Вамъ отвѣтуютъ 20, такъ, что разговоръ идетъ какъ по маслу. Много было въ Парижѣ коронованныхъ особъ и всевозможныхъ Принцевъ и Принцессъ. —

^{*)} 3 іюня 1867 г. была обнародована амнистія участникамъ польскаго возстанія 1863 года.

^{**)} П. А. Валуевъ (1814-1890), 1861-1868 министръ внутреннихъ дѣлъ; позднѣе, 1872-1877, министръ государственныхъ имуществъ, 1877-1881 предсѣдатель комитета министровъ. Былъ возведенъ въ графское достоинство. Извѣстенъ своими либеральными и полонифильскими тенденціями.

^{***)} Графъ П. А. Шуваловъ (1827-1889), 1866-1874 шефъ корпуса жандармовъ; позднѣе посолъ въ Лондонѣ, представитель Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ.

^{****)} Графъ А. В. Адлербергъ (1818-1888), близкій другъ имп. Александра II, солпроводжавшій его во всѣхъ путешествіяхъ; позднѣе, 1872-1882, министръ императорскаго двора и удѣловъ.

^{*****)} Кн. А. М. Горчаковъ (1798-1883), 1856-1883 министръ иностранныхъ дѣлъ.

А

Ваше Высочество, получивши от Вас письмо, в котором вы пишете, что вы не можете выехать из Петербурга, я очень обрадовался, потому что я очень люблю вас и очень желаю, чтобы вы были в Петербурге.

Финляндия
10 ноября
22 1862

Любимый Владимиръ Петровичъ

Первая вилла, которую вы
первая зима во Финляндии, было
было отъ Вас, было много,
за которое за которое
Ваша любовь и крепкая
любовь благодарю Вас за вашу
любовь ко мне за то, что вы
ваше въ Орденъ за то, что вы
что вы со своимъ талантомъ
въ внутреннюю историю и
души и (во внутренней истории)
вашей любви

Какое было счастье когда я выбрался наконецъ изъ этого вертепа и попалъ на вольный воздухъ милой Даніи въ которой теперь отдыхаю и наслаждаюсь спокойствіемъ. —

Вы просите меня написать Вамъ изъ Англій. — Я еще не рѣшилъ когда поѣду въ Англію и во всякомъ случаѣ меня эта поѣздка всегда больше интересовала, чѣмъ поѣздка въ Парижъ. —

Странно, что до сихъ поръ у насъ въ Даніи все было свѣжо и только 2ой день, что теплѣе. — Въ Финскомъ заливѣ еще до сихъ поръ стояли льды такъ, что суда насилу проходили въ Кронштадтъ. —

Здѣсь ждутъ въ июль мѣсяцъ пріѣзда В[еликаго] К[нязя] Константина Николаевича съ Супругою и съ невѣстою^{*)}. — Король Греческій гостилъ здѣсь не долго всего недѣли полторы и снова улетѣлъ къ своей невѣстѣ въ Петербургъ, въ которую влюбился не на шутку. —

Владиміръ^{**)}, какъ Вы навѣрно знаете отправляется изъ Варшавы въ Эмсъ на воды, потому, что до сихъ поръ еще кашлить съ самой масленицы. —

Какъ идутъ теперь дѣла Московскаго Университета, все-ли спокойно и всѣ-ли довольны^{***)}. — Пишите мнѣ пожалуйста о губернаторахъ тѣхъ губерній въ которыхъ Вы будете. — Это меня очень интересуетъ, тѣмъ болѣе, что у насъ такъ мало хорошихъ. — Къ стати о губернаторахъ: я видѣлъ въ Парижѣ Черткова, бывшаго губернатора въ Кам[еницѣ] Под[ольскомъ] — и познакомился съ его женою, она очень не дурна собою и кажется не глупая женщина^{*)}. —

Тоже пишите о Земствѣ и какъ они идутъ, это одно изъ нужнѣйшихъ и лучшихъ учрежденій, которое было сдѣлано у насъ и я сильно стою за него. — Вообще письма изъ Россіи, получать за границую очень пріятно и всякій разъ это мнѣ

сковскомъ и др. университетахъ, въ 1867 были введены особая правила надзора за поведеніемъ студентовъ

*) См. прим. 15.

**) Вел. кн. Константинъ Николаевичъ (1827-1892), второй сынъ имп. Николая I; 1865-1881 предсѣдатель Государств. Совѣта. Его супруга — вел. кн. Александра Іосифовна, «невѣста» — дочь его, вел. княжна Ольга Константиновна, въ то время помолвленная за греч. короля Георга I.

**) Вел. кн. Владиміръ Александровичъ (1847-1909), третій сынъ имп. Александра II.

**) Вслѣдствіе періодически повторявшихся безпорядковъ въ Мо-

поставляетъ большое удовольствіе; въ особенности Ваше послѣднее письмо о Славянахъ меня очень интересовало и я давалъ читать его Козлову и Оому¹⁾. —

Если увидите Графишу Бобринскую²⁾ кланяйтесь ей отъ меня и тоже Гагарину Предвод[ителю] Дв[орянства] и Щербатову съ женой³⁾ тоже. —

Наше пребываніе нынѣшній годъ въ Москвѣ оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе. — Я видѣлся часто съ Воронцовыми⁴⁾ въ Парижѣ и часто разговаривалъ съ нимъ; онъ даже пріѣхалъ проводить меня на желѣз[ную] дорогу, когда я уѣзжалъ изъ Парижа, что меня очень тронуло. Его жена тоже была съ нимъ въ Парижѣ. — Видѣлся тоже часто съ Ки[земъ] Орловымъ⁵⁾.

Прощайте Любезный Владиміръ Петровичъ, благодарю Васъ еще разъ, за Ваши письма. — Пишите сюда-же, потому что надѣюсь остаться здѣсь по дольше.

Вашъ Александръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ П. А. Козловъ — адъютантъ Наслѣдника, другъ Мещерскаго, ф. А. Оомъ — секретарь Наслѣдника.

²⁾ Вѣроятно, жена гр. А. И. Бобринскаго, близкаго къ имп. Александру II челоуѣка, впоследствии министра путей сообщенія.

³⁾ Кн. Л. Н. Гагаринъ (1828-1868), 1862-1868 Московскій губ. предводитель дворянства. Кн. А. А. Щербатовъ (1829-1902) — въ 60-хъ годахъ московскій городской голова.

⁴⁾ Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ (1837-1916), близкій другъ вел. кн. Александра Александровича, впоследствии Министръ Двора и Удѣловъ, 1905-1915 гг. Намѣстникъ на Кавказѣ.

⁵⁾ Кн. Н. А. Орловъ (1827-1885), генер. адъютантъ, 1859-1869 посланникъ въ Брюссель, въ дальнѣйшемъ послѣдовательно посоль въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ.

Пути Россіи

Имперія.

VIII *).

На какихъ устояхъ стояла имперія Николая I? Что взялъ онъ у своихъ вѣнчаныхъ предковъ?

Россія — особый міръ. Міръ великій и сачобытный — отличный отъ европейскаго: по землѣ, по крови, по вѣрѣ, по политическому строю — по всему ходу исторіи. Необъятно пространство Россіи, чудесенъ сплавъ ея разнородныхъ племенъ, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь — и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія ея великаго назначенія. Исторіей всякаго народа руководить Провидѣніе, но русской исторіей въ особенности. Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго и сверхъестественнаго. Соображая событія, ее составляющія, невольно думаешь, что персть Божій ведетъ Русскій народъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой то высокой цѣли. Слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда вѣстницей бытія его. Въ концѣ X-го вѣка Европейская Россія была уже не менѣе цвѣтущей, т. е. во сто лѣтъ достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго и въ то же время въ просвѣщеніи не уступала другимъ Европейскимъ государствамъ. Ханское иго не благопріятствовало успѣхамъ искусствъ и разума въ нашихъ отечествахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что отъ XIII-го до XVII-го вѣка Европа далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Въ эти вѣка Россія жила замкнуто, развивала изнутри свои, особыя, чуждыя другимъ народамъ, начала и крѣпла въ силахъ своей исполнинской корпорации. Въ глубинѣ Сѣвера, возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра.

*) «Совр. Зап.» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32, 48, 49, 50, 52, 54, 62, 68.

Однако, и въ эти ѣка, Россія пользовалась важными открытіями другихъ народовъ, а, съ вояреніемъ Романовыхъ, начала сближаться съ Европой, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ. Только дѣлала сіе постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ. Явился Петръ. Въ лицѣ Петра Промыслъ даровалъ Россіи царя, умѣвшаго почти внезапно на-верстать пространство, отдѣлявшее ее отъ Европы въ успѣхахъ образованности, и гѣмъ поставить ее на мѣсто, ей свойственное. Мы взглянули на Европу и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Въ полтора-ста лѣтъ мы не только догнали, но даже перегнали во многихъ отношеніяхъ самые образованные народы, а, какъ государство, Россія уже давно заняла первое мѣсто въ цѣломъ мірѣ. Для достиженія сей великой цѣли Петръ вынужденъ былъ пожертвовать частью народнаго характера Россіи. Но и Петръ не коснулся основныхъ началъ ея жизни. Здѣсь видно особенное свойство русскаго характера — удобовоспріимчивость, соединенная съ совершенной безподражательностью: мы знаемъ чужое больше, нежели другіе, а живемъ по своему. Нынѣ Россія вступила въ новый великій періодъ своего бытія. Александръ заключилъ собой европейскій періодъ русскаго исторіи. Россія возмужала и стоитъ теперь на высокой чредѣ величія и славы. Государство Россійское достигло претѣла могучаго развитія и представляетъ собой несокрушимую и вполнѣ устроенную громаду. Въ этотъ торжественный часъ исторіи Провидѣніе ниспослало намъ Царя, — хранителя нашихъ народныхъ началъ — полагающаго основаніе новаго нашего просвѣщенія — русскаго, національнаго. Въмѣстѣ съ этимъ наступаетъ новый и національный періодъ нашей исторіи, которому на высшей степени сію развитія, будетъ принадлежать, быть можетъ, слава сдѣлаться періодомъ въ общей исторіи Европы и человѣчества. — Какъ велика Россія! Сколько въ ней населенія! Сколько въ ней природныхъ богатствъ! Какъ безмѣрны ея физическія и моральныя силы! — писалъ идеологъ николаевской Имперіи проф. Погодинъ. — И, наконецъ, можетъ ли чего либуль опасаться Россія, и что есть невозможнаго для Русскаго Царя? «Одно слово, и цѣлая имперія не существуетъ; одно слово — стерта съ лица земли другая, слово — и вмѣсто нихъ возникаетъ третья отъ Восточнаго океана до моря Адриатическаго... Русскій Государь теперь безъ плановъ, безъ желаній, безъ замысловъ... ближе Карла V и Наполеона въ ихъ мечтѣ объ

универсальной Монархii... Да — будущая судьба мiра зависить отъ Россii... Какая блистательная слава! Европа отжила свой вѣкъ или, по крайней мѣрѣ, истратила свои лучшія силы Но, развѣ все сдѣлано ею? Кто осмѣлится сказать, что цѣль человѣческая достигнута какииъ нибудь изъ Европейскихъ государствъ? Есть въ Истории чреда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ служить свою службу человѣчеству. До сихъ поръ однихъ Словенъ свѣтъ не видѣлъ еще на этой славной чредѣ. Нынѣ ихъ часъ. Но кто между Словенами теперь занимаетъ первое мѣсто? Кому изъ нихъ суждено выступить представителемъ всего славянскаго мiра? «Сердце трепещеть отъ радости... о Россiя! О, мое Отечество! Не тебѣ ли?.. О, если бы тебѣ!.. Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества, представить себѣ фазы его жизни, блиставшія доселѣ порознь, въ славной совокупности, ...водворить всюду миръ и правду». — «Мы — Русскіе, обитатели шестой части свѣта... — писалъ, точно выражая имперскую идеологию николаевскаго царствованія, А. Краевскій. — Мы Русскіе, и это названіе для насъ выше всѣхъ названій. Отечество наше, мiръ — государство, развилось на неизмѣримомъ протяженіи, такъ что солнце не заходитъ въ предѣлахъ его; въ немъ всѣ климаты сѣвернаго полушарія; оно скрываетъ безчисленныя богатства и въ нѣдрахъ земли, и въ горахъ, и въ волѣ, и въ воздухѣ; оно, наконецъ, населено народомъ юнымъ, свѣжимъ, одареннымъ отъ природы всѣми благами ума и сердца и, при высокихъ чувствахъ души, сохраняющимъ полное смиреніе единой отеческой власти, этой осуществленной на землѣ мудрости... Неужели такая страна, такой народъ будетъ еще подражать? Неужели въ немъ не достанетъ силъ, чтобы безъ подражанія, изъ самого себя вывести то просвѣщеніе, къ которому предопредѣлено человѣчество?» «Мы, рожденные отъ другого, нежели Европейскіе народы, племени, воспитанные подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, проводяще жизнь уединенно... не можемъ сдѣлаться Европейцами. Если же не можемъ, то и не должны стараться быть ими». «Россiя и въ юности своей была государствомъ самобытнымъ, отвергнувшимъ всѣ покусенія Запада, а въ крѣпости мужества своего она составляетъ незыблемый колоссъ. Лѣтописи мiра не представляютъ подобнаго величія и могущества, и счастье быть русскимъ есть уже дипломъ на благородство среди другихъ Европейскихъ народовъ». — «Прошлое Россii было достойно удивленія, — говорилъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ М. Ѳ. Орлову по поводу «Писемъ» Чаадаева, — ея настоящее болѣе, чѣмъ

великолѣпно; что же касается будущаго ея, то оно выше всего, что только можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе: вотъ съ какой точки зрѣнія, милый мой, надо понимать и писать исторію Россіи». — И, наконецъ, профъ Шевыревъ: «драма современной исторіи выражается двумя членами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ. — вотъ послѣднее слово Исторіи; вотъ два данныя для будущаго!.. Да, мнута великая и рѣшительная! Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу!»

Почему Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу? И почему преимущество на сторонѣ Россіи? — Потому что Россія и Западъ — два разныхъ міра съ сабытными и противоположными стихіями и потому, что стихія Россія чище и праведнѣе. «Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальной Европой» (Пушкинъ). «Ходъ Россіи не ходъ Европы» (Жуковский). Россія представляетъ собою святилище просвѣщенія истиннаго, а Западъ — вертепъ просвѣщенія ложнаго. Въ основаніи западныхъ государствъ завоеваніе и насиліе; въ основаніи Государства Россійскаго — мирное призваніе властителей; и въ этомъ первое существенное отличіе въ зернѣ, сѣмени Русскаго Государства, сравнительно съ прочими Европейскими. Западному просвѣщенію свойственны: безпокойство, движеніе, стремленіе внѣ, сила средобѣжная; Русскому — спокойствіе, герпѣніе, стремленіе внутрь, сила средостремительная. На Западѣ — вражда и рознь; въ Россіи — любовь и единеніе. Европа представляетъ теперь зрѣлище безпримѣрное и чрезвычайно поучительное. Въ одной половинѣ ея — западной — безначаліе и бунтъ, со всѣми своими ужасными послѣдствіями; въ другой — восточной — миръ и спокойствіе со всѣми своими благачи. Въ жизни Западной Европы были, конечно, свои положительныя стороны, и Западъ имѣетъ богатое прошлое. Но западному просвѣщенію грозитъ затменіе, и Западная Европа впала въ тяжкую болѣзнь. Имя этой болѣзни — Революція. Огонь революціи тлѣетъ повсюду и готовъ сжечь всю Европу. Въ Европѣ царитъ развратъ личной свободы. Она являетъ собою прискорбную картину разложенія. Всѣ сферы жизни опустѣли, всѣ пружины душевной дѣятельности ослабли. Европа изнемогаетъ. Европа умираетъ. «Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, посящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферой опаснаго дыханія. Мы цѣдуемся съ нимъ, обнима-

емся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувствъ и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхъ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ!» (Шеннревъ). Если Россія не оградитъ себя отъ революціонной заразы идейнымъ карантинномъ, если революціонному потоку не будетъ противопоставленъ желѣзный барьеръ, онъ разольется повсюду, и гибель Европы — и западной и восточной — будетъ неминуема. Въ такія эпохи переломовъ и рушеній, Провидѣніе посылаетъ въ лицѣ иныхъ народовъ силу хранящую и соблюдающую: да будетъ же такою силою Россія въ отношеніи къ Западу! Благое Провидѣніе вело Русскій народъ къ возвышеннымъ цѣлямъ вдалекѣ отъ тѣхъ бурь и волненій, которыя облили Европу кровью. Русь въ тишинѣ уединенія медленно и тайно приготавлилась къ тому блистательному поприщу, котораго границы теперь съ каждымъ днемъ становятся яснѣе и яснѣе. На всемъ протяженіи своего историческаго прошлаго Русскій народъ обнаруживалъ преданность вѣрѣ православнои, покорность власти, кротость и смиреніе во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ. И нынѣ, въ противоположность Европѣ, Россія полна силъ почти непочатыхъ, крѣпка вѣрой и своимъ политическимъ строемъ и непричастна ни одному изъ кровавыхъ событій Запада. Свободная отъ грѣховъ Европы Россія можетъ, въ эту роковую минуту, стать великимъ орудіемъ Провидѣнія къ спасенію всего человѣчества. «Русскій тронъ, въ виду мятежей народныхъ, уничтожающихъ святыню власти, непоколебимо устоитъ на твердомъ основаніи Божьей правды и вѣры въ нее Царя и народа» (Жуковскій). Спасая себя, Россія спасетъ и Европу. Высокое призваніе Россіи: спасти порядокъ на Западѣ, «возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ...», однимъ словомъ, внести въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное начало». Въ этомъ назначеніи Россіи, «указанное ей и Царемъ Небосычь, и царемъ земнымъ» (Чаадаевъ). Россія — не страхъ Европы, а стражъ ея. Свѣтильникъ истиннаго просвѣщенія — русскаго, христіанскаго — Россія озаритъ своимъ свѣтомъ и другія страны. Въ эпоху Ренессанса духовная культура перекочевала съ Востока на Западъ. Въ эпоху новаго Ренессанса, симптомы котораго видимы, она возвращается съ Запада на Востокъ. — «Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы: революція и Россія, — писалъ Тютчевъ. — Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть можетъ, завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ

равносильно смерти другой». — «Не заражайтесь безсмыслиемъ Запада — это гадкая помойная яма», — писалъ въ своемъ дневникѣ помощникъ шефа жандармовъ Дубельтъ. — «Не лучше ли красивая молодость Россіи дряхлой, гнилой старости Западной Европы?» У насъ «порядокъ, послушаніе, любовь къ Государю...», а у нихъ.. голодь, непокорность, ненависть, баррикады, междоусобія... Ужъ если можно жить счастливо гдѣ нибудь, то это, конечно, въ Россіи» — «Вездѣ слезы, кровь и пламень! — говорилъ въ своей проповѣди по прочтеніи манифеста 14 марта 1848 года епископъ Иннокентій. — Одна Богомъ возведенная и Богомъ хранящая Россія, яко гора Сионъ, стоитъ непоколебима среди всемірныхъ треволненій». И снова Тютчевъ: «Западъ отходить, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ... И, когда надъ такимъ громаднымъ крушеніемъ мы видимъ всплывающею святымъ ковчегомъ эту Державу, еще болѣе громадную, — кто дерзнетъ усомниться въ ея призваніи, и намъ ли, ея сынамъ, являть себя невѣрующими и малодушными?»

Почему, посреди бурь, потрясающихъ Европу и волнующихъ окрестныя государства, Россія сохраняетъ величественное спокойствіе и, какъ гора Сионъ, стоитъ твердо и непоколебимо? Почему, передъ бушующею въ мірѣ Революціей, она являетъ собой пріютъ покоя и порядка? Потому, что она сохранила въ основаніи своемъ и пронесла черезъ свое прошлое три спасительныхъ истинно русскихъ начала, на которыхъ зиждется все ея бытіе. Каждый народъ несетъ въ основаніи своемъ нѣкія исключительныя начала, которыя сообщаютъ ему его характеръ и національность, отличаютъ его этимъ отъ другихъ народовъ и указуютъ ему мѣсто въ исторіи человѣчества. Такими началами, составляющими отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащими являются: Православіе, Самодержавіе и Народность. Благоговѣніе къ православной вѣрѣ, преданность православному государю, любовь къ православной Россіи — таковы три коренныхъ чувства, которыя сохранилъ въ себѣ чистый русский народъ, и въ которыхъ сѣмя и залогъ его будущаго развитія. Русский народъ искренне и глубоко привязанъ къ церкви отцовъ своихъ. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всей русской жизни. Вѣра православная движетъ сердца русскіхъ людей. Вѣра православная лежитъ въ основаніи русскаго государства. Самодержавный царь строитъ «русское званіе великаго царства по плану Божьей правды» (Жуковский). И самъ Царь — «образъ Божій на землѣ» (Гоголь). Отсюда второе чувство, которымъ крѣпка Рос-

сія — святая любовь русскаго народа къ своему царю. Это «религиозно вѣроподданническое чувство» (выраженіе официальной бумаги) есть догматъ, хотя и неписанный, но такой же неприкосновенный, какъ догматы православной вѣры. «Русскій, преданный отчестиву, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова» (Уваровъ). Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. «Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гнила отъ разновлестія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ». «Самодержавіе... воскресило Россію. Съ переменной государственнаго устава ея она... должна погибнуть, составленная изъ частей, столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовлестія неограниченнаго, можетъ всей машиной производить единство дѣйствія?» (Карамзинъ). Только русскій царь, который во всякое мгновеніе единымъ движеніемъ своимъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе и производить какую угодно быстроту, можетъ управлять такой огромной машиной. И, въ отвѣтъ на царское руководство, «эта машина... вся одушевлена... единымъ чувствомъ, и это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, есть покорность, безпредѣльная довѣренность и преданность царю, который для нея есть Богъ земной» (Погодинъ). Священный завѣтъ единства и любви между царемъ и царствомъ и есть источникъ и корень нашего могущества. На немъ Россія стоитъ незыблемо. — «Правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, — писалъ въ Наставленіи профессоръ Попечитель Казанскаго Округа Магницкій (еще въ царствованіи Александра I), — священная власть монарха... исходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семь порядкѣ установленное — есть выраженіе воли Всевышняго». «Россія имѣетъ счастье вѣрить Промыслу, который проявляетъ себя въ великихъ Царяхъ ея, — писалъ министръ Народнаго Просвѣщенія Николая I-го Уваровъ. — Тогда, какъ другіе народы не вѣдаютъ покоя и слабѣютъ отъ разномыслія, она крѣпка единодушіемъ непримѣрнымъ. Здѣсь Царь любитъ Отечество въ лицѣ народа и правитъ имъ, какъ Отецъ, руководствуясь Законами; и народъ не умѣетъ отдѣлять Отечество отъ Царя и видить въ Немъ свое счастье, силу и славу». «Царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть есть преобразование единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума», — писалъ глава Ор-

дена русской интеллигенціи Бѣлинскій въ годы своего примиренія съ николаевскою дѣйствительностью. «Въ словѣ Царь чудно слито сознание русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкой управленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими...; у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздой путеводною къ его высокому назначенію; царская власть была живымъ источникомъ, въ которомъ не иссякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ... государственнаго тѣла и проникали ихъ жизненной теплотой и свѣтомъ... Въ царѣ наша свобода, потому что отъ него наша новая цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же, какъ отъ него наша жизнь... Всякій шагъ впередъ русскаго народа... всегда былъ актомъ царской власти... Отсюда... эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и цѣлое изъ двухъ началъ, это всегдашнее и безусловное повиновение царской волѣ, какъ волѣ самого Провидѣнія... И наше русское народное сознание вполнѣ выражается и вполнѣ исчерпывается словомъ Царь, въ отношеніи къ которому отечество есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины... И такъ... пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовью къ царю, нашей безграничной преданностью его священной волѣ, какъ горды англичане своими государственными постановленіями... какъ горды С. А. Штаты своей свободой». — Таковы два основныхъ начала, на которыхъ стоитъ Россія — Православіе и Самодержавіе. Таковы два коренныхъ чувства, которыми живетъ русскій народъ — «искренняя, непритворная набожность... къ Богу и царю» (гр. Орловъ). На этихъ двухъ началахъ, на этихъ двухъ чувствахъ создается третье — сознание нашего національнаго лица — Народность. Православіе, Самодержавіе и Народность составляютъ «твердые, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державой Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится, пока онѣ не будутъ поколеблены, въ своихъ заветныхъ, священннхъ основаніяхъ» (Погодинъ).

Если Православіе, Самодержавіе и Народность составляютъ тѣ священныя національныя начала, на которыхъ Россія тысячу лѣтъ стояла неколебимо, то каково должно быть направленіе государственной политики Россійской Имперіи въ настоящемъ и будущемъ? — **Х р а н и т е л ь н о е** и **с о б л ю д а ю щ е е**. Трѣдлинный догматъ Россійской имперской вѣры не тре-

буетъ хода назадъ — движенія «возвратнаго» — или и неподвижности и не предписываетъ непроницаемаго для вѣбныхъ влйяній замыканія въ себѣ. Наоборотъ, онъ предполагаетъ движеніе впередъ — внутреннее развитіе — и онъ допускаетъ общеніе съ Европой. Только это движеніе впередъ должно быть медленнымъ и постепеннымъ, «не торопя времени»; ибо «лучшія и прочтѣншія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества» (Пушкинъ). Время — единственный «вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго»; оно «послушно одному Богу» (Жуковский). А внутреннее развитіе должно исходить преимущественно изъ элементовъ отечественныхъ и сохранять неприкосновенными святилища нашихъ народныхъ понятій. Что касается общенія съ Западомъ, то оно допустимо при одномъ условіи: чтобы, заимствуя оттуда, мы отметали все то, что служитъ къ разрушенію, а не къ созиданію, и чтобы европейское просвѣщеніе, проникающее къ намъ, было приурочено къ русскому народному быту. Допуская движеніе впередъ и общеніе съ Европой, имперскій догматъ, какъ общее направленіе государственной политики, предполагаетъ, однако, иное: храненіе. Посреди быстро паденія религиозныхъ и гражданскихъ понятій и идей, государственная политика Россійской Имперіи должна быть направлена къ одной цѣли: сохранить сокровища великаго прошедшаго нашего отечества, сберечь тѣ священныя начала, на которыхъ созидалась сила, слава и благоденствіе русскаго народа, и на этихъ началахъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Потому высшее благо для Россіи — неизбежность существующаго въ ней законнаго порядка. Ибо, если, при существующемъ порядкѣ, Россія стала великой и прославленной, то должно опасаться, чтобы это величіе не утратилось безсильнымъ стремленіемъ къ лучшему. А мудрая политика всѣхъ временъ требуетъ, чтобы новости въ государственныхъ установленіяхъ были допущены только въ крайности. Ибо новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола. «Кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ — злодѣй», — писалъ Жуковский. «Если государство при изытственномъ образѣ правленія, созрѣло, укрѣпилось, обогатилось, распространилось и благоденствуетъ, — записаны въ памятной книжкѣ Верстовскаго слова главнаго вдохновителя николаевской идеологии Карамзина, — не троньте этого правленія; видно оно сродно, прилично Государству, и введеніе въ немъ другаго было бы ему ги-

бельно и вредно». «Всѣ мудрые законодатели, — писалъ самъ Карамзинъ въ своей запискѣ «О Древней и Новой Россіи», — принуждаемые измѣнять уставы полигическіе, старались, какъ можно менѣе, отходить отъ старыхъ. Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ, ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около тысячи лѣтъ и не въ образѣ дикой Орды, но въ видѣ Государства великаго... Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой». Имперскую хранительную мудрость Карамзинъ точно формулировалъ въ словахъ, сказанныхъ имъ однажды Н. Тургеневу: «мнѣ хочется только, чтобы Россія подолѣе постояла». На что орденскій человекъ Тургеневъ осмѣлился замѣтить, въ точномъ соотвѣтствіи съ духомъ Ордена: «да что прибыли въ такомъ стояніи».

Такова идеологія николаевской Имперіи: величіе Россіи; чудесный ходъ ея исторіи; ея особость; ея противостояніе Западу, какъ міра порядка міру Революціи; священные основы ея бытія — Православіе, Самодержавіе, Народность; храненіе этихъ основъ. Эта идеологія не только опредѣляетъ всю политику николаевскаго царствованія — виѣшнюю и внутреннюю. Она положена въ основу всего русскаго просвѣщенія, всего воспитанія молодыхъ поколѣній. И она должна направлять духъ народа. Ибо нѣтъ и не можетъ быть другого просвѣщенія, кромѣ сознательнаго благоговѣнія къ Богу, Престолу, Отечеству. И на этихъ устояхъ укрѣпленъ якорь спасенія Россіи. Россія окружена моремъ Революціи. Революціонныя волны заливаютъ окрестныя государства и угрожаютъ ея берегамъ. Какъ остановить сей разрушительный потокъ? Какъ охранить русскій народъ отъ зараженія идеями, поколебавшими уже едва ли не всѣ государства Европы? Для идей нѣтъ ни стѣнъ, ни таможенъ: при всей бдительности, онѣ, неудержимыя и безусловныя, переносятся черезъ моря и горы. Ихъ нельзя побѣдить въ сраженіи, и нѣтъ такихъ артилерійскихъ снарядовъ, которые могли бы въ нихъ поладать. Переломить силу разрушительныхъ «европейскихъ идей» въ общественномъ мнѣніи и обуздать такъ называемый «духъ времени» можно только однимъ способомъ: черезъ наклонность къ другимъ идеямъ, къ другимъ понятіямъ и началамъ. Противъ «чужеземнаго идеологизма» должно умножать число отечественныхъ умственныхъ плотинъ. Потому священнѣйшая обязанность Правительства, въ дѣлѣ охра-

ненія благосостоянія Россійской Державы, — народное просвѣщеніе, воспитаніе будущихъ поколѣній и руководство народнымъ духомъ. Только Просвѣщеніе должно быть истинно русскимъ, истекающимъ изъ коренныхъ началъ нашей народности и оно должно быть поставлено, въ государствѣ нашемъ, на твердыхъ и единообразныхъ правилахъ; а воспитаніе молодыхъ поколѣній и руководство духомъ народа должны быть сосредоточены въ рукахъ власти и направляться Верховнымъ Вождемъ Имперіи. Ибо не просвѣщенію, но праздности ума, недостатку твердыхъ познаній должно приписать то своевольство мысли, ту пагубную роскошь полупознаній, тотъ порывъ въ мечтательныя крайности, кои волнуютъ незрѣлыя головы, и коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — гибель. Не просвѣщеніе развращаетъ людей, а ложное его направленіе. И тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства для блага отечества, если воспитаніе молодежи и руководство духомъ народа не будутъ преуговлять нравы и содѣйствовать его видамъ. Кто же, кромя державнаго Вождя, можетъ поднять на свои рамена такую тяжесть! Въ другихъ странахъ просвѣщеніе возникало самодѣтельно, развивалось сразу во многихъ мѣстахъ и съ разныхъ сторонъ. Не такъ у насъ. У насъ само Правительство выдвигало народъ на стезю просвѣщенія и предносило подданнымъ свѣтильникъ образованія, ведя ихъ по пути, указанному Монархами. Наши мудрые правители, постигнувъ важность вліянія просвѣщенія на судьбы Государства, старались сдѣлать его народнымъ, дабы всѣ подданные были причастниками сего благотворнаго свѣта, каждый по мѣрѣ нужды своего состоянія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, блюли неотступно за воспитаніемъ молодыхъ поколѣній и за духомъ народа, ограждая ихъ отъ зараженія тлетворными понятіями. Ибо, если движеніе къ свѣту необходимо для отдѣльнаго чловѣка, то попечительное въ семъ дѣлѣ участіе Правительства необходимо для народовъ. Только Правительство имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія и настоящія нужды Отечества. Соображая ходъ новыхъ идей съ вѣрой, учрежденіями и обычаями государства, оно содѣйствуетъ, сколько можно болѣе, естественному для страны своей чирному и прочному въ ней развитію Просвѣщенія, блюдетъ истинныя выгоды народа и предохраняетъ его отъ тѣхъ нравственно-политическихъ язвъ, которыя губили другія государства. Такъ поступали безсмертный Просвѣтитель Россіи Петръ, Великая Екатерина, Александръ. И нынѣ, когда Россіей правитъ Государь, положившій въ основаніе своего царствованія русскія націо-

нальныя начала, задача Правительства сосредоточить въ своихъ рукахъ все Просвѣщеніе народа, сообразить его съ указанными началами и направлять согласно повеленіямъ Монарха, неунынно пекушагося о пользѣ Богомъ врученной ему страны. — Каково должно быть Русское Просвѣщеніе? Какова должна быть система общественнаго образованія молодыхъ поколѣній и воспитанія духа народа? Умы, устрешенные ужасами, потрясающими Европу, ближе замкнулись, въ настоящее время, около нашихъ народныхъ началъ и учреждений. Поправленіе всего священнаго, нарушеніе всѣхъ началъ нравственныхъ и политическихъ, гибель и раздоры, распростраенные въ западныхъ государствахъ, побуждаютъ насъ болѣе, чѣмъ когда либо проложить твердую, непроницаемую черту между заблужденіями мнимаго всемірнаго просвѣщенія и необходимымъ развитіемъ нашего нравственнаго образованія. Система общественнаго воспитанія Россіи должна быть построена такъ, чтобы она соединяла въ себѣ всѣ выгоды нашего времени съ преданіемъ прошлаго и надеждами будущаго; чтобы народное образованіе соответствовало нашему порядку вещей и было бы не чуждо европейскаго духа. «Изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпотаго необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ душахъ радужное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приращеніе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ привести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое передъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія... обратить сіи развивающіеся элементы..., по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи п р а в о с л а в і я , с а м о д е р ж а в і я и н а р о д н о с т и » — такова задача Министерства Народнаго Просвѣщенія, которому Державный Вождь поручилъ руководить учамъ поколѣній. — Однако, какъ ни священны начала, которыя положены въ основу образованія народа, какъ ни велика задача, указанная Министерству, оно не должно ограничиваться ею. На помощь Просвѣщенію должна быть привлечена сила нравственнаго воспитанія. Заставить эту силу действовать осуществленію высокихъ начѣреній Монарха должно быть одной изъ первыхъ обязанностей Правительства. Ибо принципъ, выставляемый нѣкоторыми, что Просвѣщеніе есть

все, есть принцип ложный: нравственность, исполнение служебнаго долга, усердіе должны быть предпочтены Ученію. И покорность верховной власти, какъ данной свыше, должна быть закономъ общественныхъ отношеній. Или, какъ сказано въ Наставленіяхъ для образованія воспитанниковъ Военныхъ Учебныхъ Заведеній: «что совѣсть для внутреннихъ побужденій челоуѣка, то власть Верховная для явныхъ, изслѣдимыхъ его дѣйствій. И та, и другая суть равно орудія Провидѣнія». — И, наконецъ, что касается распространенія Просвѣщенія среди разныхъ слоевъ населенія: Министерство должно блюсти за тѣмъ, чтобы народное образованіе было сообразно съ настоящимъ устройствомъ нашихъ состояній, и чтобы оно строго соответствовало умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ каждаго изъ сословій. Съ этой цѣлью предметы ученія должны быть разграничены между различными состояніями, и самые способы преподаванія сообразованы съ будущимъ предназначеніемъ учащихся — такъ, чтобы каждый пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію, было ему суждено оставаться. Ибо, если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то, съ другой, это развитіе не должно колебать порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ въ послѣдствіи обманываетъ надежды родителей и мечтательное ожиданіе юношей. «Система общественнаго образованія тогда только можетъ назваться правильно расположенной, когда она всякому открываетъ способы получить такое воспитаніе, какое соответственно роду жизни его и будущему призванію въ гражданскомъ обществѣ» (Уваровъ). — Для осуществленія всѣхъ указанныхъ задачъ, Министерство должно принять мѣры: чтобы не только казенныя и частныя школы, низшія и среднія, но и домашнее образованіе находились подъ строгимъ надзоромъ начальства; чтобы университеты были сближены съ коренными началами нашего управленія, и чтобы ихъ внутреннее устройство приспособлено къ начертаніямъ правительства о точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюденіи за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній; чтобы преподаватели употребляли всѣ силы, дабы сдѣлаться достойнымъ орудіемъ власти и дабы передать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной преданностью къ Престолу и Отечеству; чтобы инспекція бдительно наблюдала за нравственнымъ вос-

питаніемъ и «наружнымъ образованіемъ» учащихся; чтобы редакторы періодическихъ изданій всѣми мѣрами старались давать своимъ журналамъ направленіе совершенно согласное съ видами правительства; и, наконецъ, чтобы литература направляла общественное мнѣніе согласно политическимъ обстоятельствамъ времени и наставляла читателей, какимъ образомъ они могутъ лучше содѣйствовать высокимъ намѣреніямъ Отца Отечества. Ибо, согласно законамъ Россійской Имперіи, литература, наука и образованіе не составляютъ духовной пищи, на которую Россійскіе граждане имѣютъ неотъемлемое право, а являются собою могучее орудіе, при помощи котораго Правительство сообразуетъ духъ народа съ общей системой государственнаго управленія. По словамъ Уварова, Правительство всегда властно лишитъ писателя права говорить съ публикой и, притомъ, на основаніяхъ вполне юридическихъ, ибо «въ правахъ Россійскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую Правительство можетъ дать и отнять, когда захочетъ». «Въ нашей Россіи, — писалъ Дубельтъ, — должны ученые поступать, какъ аптекари, владѣющіе и благотворными, цѣлительными средствами, и ядами — и отпускать ученость только по рецепту Правительства». Такимъ образомъ, въ рукахъ власти сосредоточивается вся умственная жизнь страны и отсюда, какъ изъ центра, развивается по всему государству, сообразно съ назначеніемъ сословій, создавая единство и цѣлостность народнаго духа. «Въ царствованіи Вашего Величества, — писалъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ Уваровъ, — главная задача по Министерству Народнаго Просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ Правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіяся безъ уваженія и частью безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направленіе неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано человѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ». «У насъ, — писалъ проф. Давыдовъ, — мудрый Монархъ, окруженный знаменитѣйшими мужами, Русскими по сердцу и Европейцами по обширности своихъ познаній, представляется въ величественномъ образѣ, какъ умственное солнце, которое... устремляетъ къ однимъ и тѣмъ же идеямъ 50 милліоновъ умовъ, озаряетъ своими лучами и оживляетъ своей жизнью все, что подчинено закону его притяженія». — Николаевская Имперія — не только Православная, Самодержавная и Народная Монархія; это, въ то же время, — выражаясь

современнымъ языкомъ, — идеократія, охватывающая своей системой все просвѣщеніе страны и все теченіе государственной жизни.

Кто создатель этой идеократической системы? Кто творецъ идеологии, положенной въ ея основу? Историки указываютъ на министра Народнаго Просвѣщенія Николая I — графа Уварова. И, дѣйствительно, Уваровъ въ теченіе 17 лѣтъ стоялъ во главѣ государственнаго образованія Россіи, далъ опредѣленіе основнымъ началамъ правительственной идеологии и былъ, по всей вѣроятности, авторомъ, и уже вѣтъ сомнѣнія, «провозгласителемъ» тріединого символа имперской вѣры. Во всякомъ случаѣ, когда въ 1846 году ему былъ пожалованъ графскій титулъ, «Православіе, Самодержавіе, Народность» вошли, какъ девизъ, въ его гербъ. Однако, изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, что онъ игралъ какую нибудь творческую роль въ развитіи «Православно-Русскаго Ученія» и былъ создателемъ правительственной системы народнаго образованія. Самостоятельныхъ и творческихъ государственныхъ дѣятелей при Николаѣ не было и быть не могло. Какъ Сперанскій и Киселевъ въ своихъ частяхъ, такъ и Уваровъ былъ только «начальникомъ штаба» по части просвѣщенія. Главнокомандующій во всѣхъ частяхъ былъ одинъ — самъ Николай. Да по своимъ качествамъ Уваровъ и не могъ играть самостоятельной роли. По свидѣтельству современниковъ, это былъ просвѣщенный и разносторонне образованный человекъ, — «первый ученый человекъ въ Россіи изъ Русскихъ», по свидѣтельству Сперанскаго — съ умомъ живымъ и гибкимъ. Говорилъ онъ убѣдительно и красиво и умѣлъ облекать свои писанія въ пріятныя литературныя формы. Однако умъ его былъ не глубокой и не творческой, а характеръ мелкой, нестойкой и податливый. Свои таланты онъ употреблялъ на то, чтобы добиваться вліянія при дворѣ, а идеи сообразовалъ со взглядами монарховъ, которымъ служить, чѣмъ и привлекъ къ себѣ вниманіе Николая. «Люди порядочные...., — рассказываетъ историкъ Соловьевъ, — съ горемъ признавались, что не было такой низости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать». Про Сперанскаго баронъ Корфъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра... Чтобы быть опаснымъ, надо имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы». То же, но съ гораздо большимъ основаніемъ можно сказать и объ Уваровѣ. Въ началѣ царствованія Александра I онъ находился подъ вліяніемъ его «молодыхъ друзей». Во вто-

рую половину онъ сближается съ карамзинистами, выходитъ «изъ полку либералистовъ» и становится «тористомъ» — сочетание легитимизма съ умеренной свободой. Съ 1815 года онъ членъ «Арзамаса», для взглядовъ котораго характерны слова А. Тургенева: исторія Карамзина «послужитъ намъ красугольнымъ камнемъ для православія, народнаго воспитанія, монархическаго управленія и, Богъ дастъ, русской возможной конституціи». Въ 1818 году, послѣ парнавской рѣчи государя, когда многіе «пылали свободолюбіемъ», онъ самъ произноситъ рѣчь, въ которой доказываетъ: что подлинное просвѣщеніе «есть ничто иное, какъ точное знаніе нашихъ правъ и обязанностей, т. е. правъ и обязанностей человѣка и гражданина»; что «и мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ», и что «политическая свобода есть послѣдній и прекраснѣйшій даръ Бога». По этому поводу С. Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ отъ 12 іюня 1818 года: «дай Богъ, чтобы либеральныя мысли въ рѣчи Уварова не были однимъ только отголоскомъ пустыхъ звуковъ, увившихся недавно съ трона прямо въ Москву». Но вотъ на престолъ вступилъ Николай. Возстаніе декабристовъ подавлено. Уваровъ быстро приспособляетъ свои взгляды къ новому «національному» направленію. 12 января 1832 года проф. Максимовичъ въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, въ рѣчи О Русскомъ Просвѣщеніи, заявилъ: «нашъ царь, постановивъ воспитаніе важнѣйшимъ дѣломъ государственнымъ, желаетъ, чтобы оно было отечественное... Онъ назначилъ для будущаго преподаванія въ университетахъ избрать юношей изъ природныхъ Россіянъ: будътеистинно Русскими — вѣщалъ онъ». 21 апрѣля воспослѣдовалъ Высочайшій указъ «о бытіи президенту Императорской Академіи Наукъ т. с. Уварову товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія». 9 августа Уваровъ отправился въ командировку для обзоренія Московскаго Университета и, вернувшись, представилъ отчетъ, который былъ составленъ съ такимъ пониманіемъ взглядовъ Николая, что непременно долженъ былъ провести автора его на министерскій постъ (Корниловъ). Въ отчетѣ онъ писалъ: «что въ общемъ смыслѣ духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленія, дабы образовать въ большомъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій Правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣній вѣрноподанической любви къ существующему порядку» и «что намъ остаются средства..., постепенно завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно къ той точкѣ,

гдѣ слѣяться должны... образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣктѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрой въ истинно Русскія охранительныя начала..., составляющія... вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества». 21 марта 1833 года Уваровъ уже былъ Министромъ, хотя лично Государя его и не долюбливалъ. Николай взялъ его въ свои помощники потому, что нашелъ въ его докладѣ свои собственные идеи (отлично выраженыя и сведенныя въ звучныя торжественныя формулы). Это было не удивительно... Съ этихъ поръ Уваровъ — покорный исполнитель Верховной воли и «орудіе высокихъ видовъ» Е. В., какъ самъ онъ выражался. Николай и проявлялъ свою волю, нисколько не стѣсняясь ученостью своего Министра. По словамъ Б. Чичерина, Уваровъ боялся Государя, какъ огня, и его «трясла лихорадка всякій разъ, какъ приходилось являться къ царю съ докладомъ». «Онъ самъ говорилъ Грановскому, что, управляя министерствомъ, онъ находится въ положеніи чловѣка, который, убѣгая отъ дикаго звѣря, бросаетъ ему одну за другой всѣ части своей одежды, чтобы чѣмъ нибудь его занять». «Части одежды» были: русская литература, наука и просвѣщеніе. Уваровъ и душилъ ихъ, требуя отъ литераторовъ, ученыхъ и профессоровъ вѣрнопопданческой преданности провозглашенной имъ вѣрѣ. «Имъ не удастся, — говорилъ онъ цензору Никитенко о литераторахъ Гречѣ, Полевомъ и Сеньковскомъ, — бросить свои сѣмена на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ — нѣтъ не удастся. Мое дѣло не только блюсти за Просвѣщеніемъ, но и... за духомъ поколѣній». Но порой и онъ приходилъ въ отчаяніе отъ ненасытности «звѣря». Въ 1843 году онъ жаловался Попечителю Петербургскаго Округа князю Волконскому: что «хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь определенное, а главное я буду спать спокойно». Пушкина онъ ненавидѣлъ, не столько за беспокойство, сколько за стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла» (въ которомъ былъ выведенъ). Зато и литераторы платили ему тѣмъ же чувствомъ. «Предъ всѣми высшими властями пресмыкающийся Уваровъ», — писалъ о немъ Вигель. «Всѣхъ оподляющей Уваровъ», — писалъ А. Тургеневъ. Даже вѣрнопопданный Булгаринъ писалъ о немъ: «набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истреблялъ мысль и чувства». Пушкинъ выражался проще и яснѣе: «Уваровъ, большой подлецъ» — «это большой негодяй и шарлатанъ». На самомъ дѣлѣ Уваровъ ни подлецомъ, ни негодяемъ, ни шарлатаномъ не былъ. Онъ только рабски служилъ

своему Государю, твердо зная, что никакое иное служеніе при Николаѣ невозможно. Но для самостоятельной идеологической роли, онъ, явно, не годился.

Еще менѣе годились для творческой идеологической роли главные помощники Уварова по части сѣянія на народную ниву плодоносныхъ зеренъ истинно русскаго Просвѣщенія — профессоръ Погодинъ, Шевыревъ, Лавыдовъ, Максимовичъ и другіе. Въ большей части это были типичные для николаевтской Имперіи ученые чиновники, добросовѣстно исшіе службу по университетскому преподаванію и добросовѣстно трудившіеся на поприщѣ отечественной науки по своимъ специальностямъ, но не склонные, по своимъ дарованіямъ, къ широкимъ научнымъ общеніямъ и сознательно уклонявшіеся, по своему положенію, отъ построения собственныхъ идеологическихъ системъ. Наибольѣ извѣстный изъ нихъ профессоръ Погодинъ оставилъ послѣ себя множество ученыхъ трудовъ, представляющихъ значительную цѣнность въ смыслѣ собранія и обработки матеріаловъ по русской исторіи. Но такое профессорское служеніе начальства не удовлетворяло. Правительственный заказъ требовалъ большаго. Университетскіе преподаватели должны были проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ Русскаго Ученія, въ духъ преданности и любви къ Церкви, Царю и Отечеству; а ученые — показать пламенное усердіе въ раскрытіи истинно Русскихъ началъ и истинно Русской народности, въ согласіи съ видами Правительства на основы Русскаго Просвѣщенія. Въ отвѣтъ на Правительственный заказъ, профессоръ и показывали свое усердіе. Въ особенности, старались преподаватели Русской Исторіи, Словесности и другихъ отечественныхъ предметовъ, на плечи которыхъ возложена была главная тяжесть научнаго обоснованія указной идеологіи. Проф. Погодинъ, помимо ученыхъ трудовъ, написалъ рядъ статей обобщающаго характера, въ которыхъ Русская Исторія должна была сослужить государственную службу. «Русская исторія, — писалъ онъ въ Москвитянинѣ въ 1846 году, — представляетъ всегда Россію однимъ семействомъ, въ которомъ Государь — отецъ, а подданные — дѣти. Отецъ сохраняетъ надъ дѣтьми полную власть, предоставляя имъ полную свободу; между отцомъ и дѣтьми не можетъ быть недовѣрчивости, извѣны; судьба, счастье и спокойствіе ихъ общія... Вотъ тайна русской исторіи». «Россійская исторія...», — писалъ онъ еще, — книга бытія нашего». «Россійская исторія можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія,

самую вѣрную и надежную». Всѣ такія статьи писались обычно или по порученію начальства, или по какому нибудь торжественному случаю, причемъ часть изъ нихъ предварительно прочитывалась Министромъ, восходя въ отдѣльныхъ случаяхъ до самого Трона. По поводу одной изъ такихъ статей Погодинъ получилъ отъ Бенкендорфа запросъ: «чего онъ желаетъ за статью о Подышѣ, которая читана и понравилась?» Во всякомъ случаѣ, въ служебной карьерѣ Погодина эти статьи сыграли большую роль. Подобныя же статьи писали и другія профессора, причемъ авторы ихъ, при развитіи темы, неукоснительно слѣдовали направленію, указанному властью и не отклонялись отъ него ни направо, ни налѣво. Должно было славить старую Московскую Русь, но нельзя было хулить Петра, эту Русь разрушившаго, ибо Государь Петра боготворилъ и бралъ его образцомъ для своего царствования. («Петръ былъ образецъ земныхъ царей, — писалъ Полевой въ запискѣ, представленной Бенкендорфу. — И разгадать жизнь Его значитъ разгадать судьбу Русской Земли... Вся прежняя Россійская исторія была приготовленіемъ къ періоду Петра. Вся новая исторія до Николая была развитіемъ періода Петра. Нынѣ развитіе это достигло своего предѣла. Богъ послалъ другого сына судьбъ, который началъ періодъ новый... Мы знаемъ кто ожилъ въ немъ?») Должно было утверждать особость Россіи и ея противостояніе Западу, но нельзя было отвергать и Европу, ибо Николай былъ связанъ съ ней родственными узами и хотѣлъ, чтобы Россія жила въ европейской семьѣ, занимая въ ней руководящее мѣсто. Должно было признавать Словенскій міръ и кровную связь съ нимъ Россіи, но нельзя было предлагать соединеніе всѣхъ Словенъ въ одну монархію, хотя бы подъ Русскимъ Скипетромъ, ибо Государь ненавидѣлъ всѣ народы, возстающіе противъ своихъ властелиновъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они были турецкими султанами. Что касается Православія, Самодержавія и Народности — должно было безгранично славить эти коренныя начала, но нельзя было слишкомъ углубляться въ ихъ раскрытіе, ибо это касалось предметовъ священныхъ. Когда подлинныя мыслители и ученые, — Славянофилы — цѣлкомъ принимавшіе Правительственный Символь Вѣры, попытались это слѣлать, они были заподозрены въ ереси, подвергнуты преслѣдованіямъ и почти насильственно загнаны въ Орденскій лагерь. Само собой разумѣется, что ученые помощники Уварова такихъ попытокъ не дѣлали. Начальника своего они боялись не меньше, чѣмъ Уваровъ Николая, и слѣдовали за нимъ слѣпо. Погодинъ и Шевыревъ, — по сло-

вамъ Герцена, — были «добросовѣстно работѣнны» и недаромъ они заслужили эпитетъ «холоповъ села Порѣчнаго» (Имяне Уварова). Когда Уваровъ посѣтилъ Погодина въ его домѣ, профессоръ привѣтствовалъ его слѣдующей рѣчью: «никогда русское ученое сословіе... не получало отъ Правительства такого знака вниманія, участія, уваженія, какое получаю я теперь въ Вашемъ посѣщеніи моей ученой кельи... Примите увѣренія, что оно живо чувствуетъ всѣ Ваши отеческія попеченія и потщится всѣми силами, прося свое служеніе подъ Вашимъ руководствомъ, въ духѣ Православія, Самодержавія и Народности, заслуживать болѣе и болѣе милость царскую». Про другого профессора цензоръ Никитинко писалъ: «Давыдовъ въ большой чести у Уварова. Онъ добился этого грубой лестью, которую Министръ принимаетъ всегда съ прогудушіемъ ребенка». «Учаііе — что такое? — писалъ онъ же о такихъ профессорахъ. — Офицеры, которые сурово управляютъ съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями». И, дѣйствительно, «истина» была всецѣло отдана на служеніе Власти. Въ статьѣ «О Назначеніи Русскихъ Университетовъ», проредактированной и исправленной Уваровымъ, проф. Давыдовъ писалъ: «разливать благотворный свѣтъ современной науки, ...хранить во всей чистотѣ и богатіи отечественный языкъ, органъ нашего Православія и Самодержавія, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ Вѣрѣ и Престолу — вотъ назначеніе русскихъ университетовъ». Проф. Погодинъ выражался еще проще и откровеннѣе. Въ письмѣ къ Уварову отъ 18 февраля 1841 года онъ предлагалъ: «приготовить въ продолженіи двухъ трехъ лѣтъ нѣсколько молодыхъ людей на кафедру русской исторіи, ...проникнуть ихъ однимъ духомъ, дать имъ одно направленіе, согласное съ намѣреніями Правительства, ...и такимъ образомъ... надолго застраховать, сколько возможно, образъ мыслей и, слѣдовательно, и дѣйствій будущихъ поколѣній». Такого служебное усердіе ученыхъ помощниковъ Уварова. Только не надо изъ этого усердія дѣлать выводъ, что правительственные ученые дѣйствовали противъ своей совѣсти, что они не вѣрили въ ту идеологію, которую защищали, и что, изъ корысти, они предавали науку, которой служили. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. Въ своемъ большинствѣ, это были крѣпкіе имперскіе люди, искренне преданные вѣрѣ своихъ отцовъ, обожавшіе своего Монарха и готовые положить животъ свой за Отечество. Идеологія, которую они защищали, была ихъ идеологіей. Бѣда была только въ томъ, что, по своимъ дѣ-

рованіямъ, они неспособны были на творческую работу въ этой области. И еще большая бѣда заключалась въ томъ, что, если бы они на такую работу и были способны, имъ бы ея не позволили. Правительство требовало не творчества, а ученой службы. Профессора добросовѣстно се исполняли. — Не менѣе добросовѣстно исполняли и литературную службу «кривверженные Правительство писатели», — Булгаринъ, Гречъ, Сеньковский и др., — «шпіоны-литераторы» и «сволочь нашей литературы», какъ о нихъ выражался Пушкинъ. Они издавали правительственные органы, — газеты и журналы, — рвали въ клочья, а, когда надо было, и доносили на неугодныхъ Правительству литераторовъ и распространяли Правительственное Ученіе, какъ «ратоборствующие торговцы» (Вигель). Нѣкоторые изъ нихъ совмѣщали литературную службу со службой въ Третьемъ Отдѣленіи. Чго не мѣшало послѣднему карать ихъ, какъ еретиковъ и ослушниковъ. «Ты, ты у меня, — распекаль Дубельтъ Булгарина за статью о петербургскомъ климатѣ, — вольнодумствовать вздумалъ! О чемъ ты тамъ нахрюкалъ! ...Климатъ царской резиденціи бранишь! Смотри!» Когда Булгаринъ былъ очень виноватъ, Дубельтъ ставилъ его въ уголъ. — Сложнѣе обстояло дѣло съ настоящими писателями, принявшими правительственную идеологию — Жуковскимъ, Пушкинымъ (послѣ сдачи Николаю), Гоголемъ, отчасти Тютчевымъ и другими. Что привлекало этихъ писателей въ николаевской Россіи? Ея величіе и слава. Мошь ея — границъ Имперіи. Торжественный имперскій порядокъ, противостоящій европейскому революціонному вихрю — твердый утесъ среди ревушаго океана. Священные основы Самодержавной власти. Монархъ — Помазанникъ Божій, поднявшій на свои плечи тяжесть ответственности за миллионы людей и ведущій ихъ, державной рукой, къ божественному свѣту и мировому владычеству. Чего не хватало имъ въ этомъ Православномъ Царствѣ? Просвѣщенія и свободы. Но о просвѣщеніи они думали, что свѣтъ его широкой волной разливается по странѣ и что, во всякомъ случаѣ, источникъ этого свѣта — Императорская власть. «Со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, — писалъ Пушкинъ, — у насъ Правительство всегда впереди на полприсѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно». И то же о свободѣ: она придетъ, когда созрѣютъ времена, но придетъ не въ бурѣ, а по манію царя. И не только для рабовъ, но и для всего народа. «Самодержавіе..., — писалъ Жуковский, — опираясь на Божью Правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ

потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся — къ свободѣ». Всѣ эти мысли можно было найти и въ правительственной идеологіи, хотя не все въ ней было выражено такъ, какъ хотѣлось. Но изъ-за этого ссориться съ Правительствомъ не стоило. И не только изъ страха или священнаго трепета передъ Властью. Но и по другому мотиву, для нихъ болѣе важному. «Не надобно на Жуковского смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь — гражданского пѣснопѣвца, — писалъ А. Тургеневъ къ Вяземскому. — У него все для души. Душа его въ талантѣ и талантъ въ душѣ». «Хотѣлось бы поговорить... о нашемъ миломъ и искусствѣ, для котораго живу, — писалъ Гоголь Жуковскому. — Едва ли не со времени... перваго свиданія нашего оно уже стало главнымъ и первымъ въ моей жизни, а все прочее вторымъ». Стоило ли изъ-за этого «второго» вызывать противъ себя громы Имперіи, передъ которой, въ душѣ своей, писатели преклонялись. Тѣмъ болѣе, что и Имперія снисходительно относилась къ ихъ легкимъ идеологическимъ вольностямъ, видя въ нихъ малые уклоны великихъ людей. Такъ сложилось доброе сожительство большихъ русскихъ писателей съ Правительственной идеологіей. Только не надо изъ этого сожительства дѣлать тѣ выводы, которые встрѣчаются у современныхъ изслѣдователей: что общественная идеологія указанныхъ писателей — продуктъ ихъ личнаго и оригинальнаго творчества. Думать такъ — значитъ не чувствовать духа эпохи. На самомъ дѣлѣ, ничего оригинальнаго въ общественной идеологіи писателей, стоявшихъ на имперской позиціи, не было и быть не могло: они заняли ее «съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своимъ мнѣніями общепринятому порядку» (Пушкинъ). «Если Государю угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, — писалъ Пушкинъ Бенкендорфу, — то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю Его Величества... Общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо». Потому ничего творческаго въ имперскую идеологію писатели не внесли. Они взяли ее изъ окружающей среды въ томъ видѣ, въ которомъ она была выработана исторіей и указана властью. А свои личные «уклоны» разсматривали, какъ ея варианты — не больше.

Среди большихъ писателей, раздѣлявшихъ имперскую идеологію, былъ, однако, одинъ, несомнѣнно, сыгравъ самостоятельную роль въ ея развитіи и который, въ известномъ смыслѣ, можетъ считаться ея творцомъ — Карамзинъ. Карач-

звнъ носилъ придворное званіе «Исторіографа Россійской Имперіи», былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и былъ осыпанъ царскими милостями. И, дѣйствительно, это былъ еще совсѣмъ имперскій человекъ, безъ всякаго орденскаго налета, и былъ онъ вѣрнымъ слугою царей. Однако, о немъ ни въ коей мѣрѣ нельзя сказать то, что говорилось выше о большинствѣ имперскихъ дѣятелей его времени — что передъ царями они не имѣли ни своей мысли, ни воли. Наоборотъ, онъ имѣлъ свою мысль о государствѣ, которая сложилась у него въ цѣлую идеологическую систему, и онъ имѣлъ мужество защищать ее передъ двумя царями — Александромъ I и Николаемъ, И, когда онъ защищалъ ее передъ Александромъ, онъ имѣлъ всѣ основанія думать, что Государю она будетъ неужодна, ибо въ то время Александръ, вмѣстѣ со Сперанскимъ, проводилъ въ жизнь свой Государственный Планъ (хотя и Карамзинъ зналъ, что высшая добродѣтель имперскаго вѣрноподданнаго — покорность: «естъ Богъ и Царь», — говорилъ онъ не разъ, какъ и другіе имперскіе люди). И, дѣйствительно, когда въ мартѣ 1811 года Карамзинъ представилъ Александру свою Записку, Государь прочелъ ее съ явнымъ неудовольствіемъ и холодно разстался съ авторомъ. Правда, Записка была представлена Александру не по собственной инициативѣ Карамзина, а по личному предложенію Великой Княгини Екатерины Павловны, — любимой сестры Государя, — стоявшей тогда во главѣ обширнаго заговора противъ Сперанскаго и конституціонныхъ уювленій — заговора, приведшаго, въ концѣ концовъ, къ гибели и Сперанскаго, и уювленій. Правда и то, что въ Запискѣ Карамзинъ излагалъ не только собственные взгляды, но и былъ выразителемъ общественнаго мнѣнія противниковъ уювленій. Но о заговорѣ Карамзинъ не зналъ, а мнѣнія окружающей среды были и его мнѣніями. Какіе взгляды развивалъ Карамзинъ въ своей Запискѣ и параллельно въ Исторіи Государства Россійскаго? — Тѣ же, которые позднѣе легли въ основаніе Правительственной идеологіи Николая. О пространствѣ Россіи, передъ которымъ цѣпенѣтъ мысль. О ея величій, въ коемъ съ нею не могъ равняться Римъ. О мощи ея, ибо колоссъ Россіи ужасенъ. Объ ея удивительной судьбѣ, ибо она избрана быть истинною посредницею народовъ. О томъ, что всѣмъ этимъ она обязана неограниченной власти Монаршей. Что исторія ея народовъ принадлежитъ царямъ. Что Россія основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и убиена и спаслась, искоренивъ вси злоупотребленія, самодержавнымъ правленіемъ. Что самодержавіе есть Паладіумъ Россіи, душа, жизнь ея. Что

неизмѣримая Россійская Имперія, подъ скипетромъ ея вѣдичесевъ, кажется ему счастливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непрелѣпнымъ законамъ любви его. Что, по всему этому, Россія не должна подражать Европѣ, которую Французская революція тоже излѣчила отъ мечтаній гражданкой вольности и равенства. Ибо гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сияетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Россія не походить ли на одно Европейское государство. Дать ей конституцію, значитъ нарядить ее въ гаерское платье. Она имѣетъ свою государственную судьбу, великую и удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Потому, Россіяне, въ своихъ царяхъ (Петръ I, Александръ) боятся одного: излишней любви къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основы Имперіи. Потому они и требуютъ болѣе мудрости хранительной, чѣмъ творческой. «Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество... Желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія...» Такими взгляды, которые Карамзинъ развивалъ въ своихъ твореніяхъ и защищалъ передъ Александромъ I и Николаемъ. — Что, въ этихъ взглядахъ, принадлежало лично ему? Что взялъ онъ изъ окружающей среды и у своихъ предшественниковъ? Ибо, по своему строенію, умъ Карамзина совсѣмъ не оригинальный, и творчество его крайне поверхностно. Сила Карамзина — въ литературномъ талантѣ, въ чувствахъ, его одушевляющихъ, въ умѣнн дать блестящее выраженіе общественному мнѣнію его эпохи. Въ молодости онъ выражалъ другое мнѣніе, чѣмъ вышеизложенное, и выражалъ его такъ же блестяще. Тогда и онъ увлекался «европейскими идеями» и хотѣлъ раздвигать свѣтъ ихъ по Россіи. И онъ славилъ преимущества осмодонадсѣть вѣка: тонкость разума, смягченіе нравовъ, ходъ всемірнаго совершенія, тѣснѣйшую связь народовъ. И онъ страстно любилъ человечество. «Все народное, — писалъ онъ тогда, — ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей,... то мое; ибо я человѣкъ». Однако, мало-по-малу, и почти незамѣтно, взгляды его измѣнились. По существу, съ нимъ случилось то, что случилось со многими въ его время, и что такъ поражаетъ въ духовной биографіи нѣкоторыхъ большихъ людей въ наши дни: между нимъ и его идеями легла кровь — кровь Революціи, которая омыла всю Европу. Кровь окрасила европейскія идеи и объясни-

да ихъ. Онъ понялъ то, что, обычно, становится понятнымъ только на личномъ опытѣ: что между идеями и ихъ воплощеніемъ въ жизнь лежитъ историческая твердь, и что попытка взорвать ее несетъ людямъ неисчислимые страданія. Тогда онъ «видѣлъ» «что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая его благотворительную эгиду, народъ дѣлается жертвой ужасныхъ бѣдствій; ...что всѣ смѣлыя теоріи ума... должны остаться въ книгахъ; ...что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должна исправитъ несовершенство гражданскихъ обществъ». Идеологическая система его молодости разрушилась въ самомъ основаніи. «Въкъ Просвѣщенія, — писалъ онъ, — я не узнаю тебя; въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеній, не узнаю тебя». «Мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крови нашего и быть разсудительнымъ». Такъ произошла смѣна взглядовъ Карамзина: домислы ума отступили передъ исторической твердью; Европа — передъ родною землей. Карамзинъ и теперь еще любить слова, вѣкогда облекавшія дорога ему идеи. Но слова эти потеряли свой смыслъ. Онъ и теперь еще любить человека и человечество; но теперь человѣческое ничто передъ народнымъ. «Для насъ, русскихъ, съ душой, — пишетъ отъ Дмитріеву, — одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ, все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привиденіе». Онъ и теперь еще любить свободу — но только ту свободу, «которая заключена въ моемъ духѣ», и «какой не можетъ меня лишитъ ни одинъ тиранъ». Онъ и теперь еще любить республику — но странную любовью: «не требую ни конституцій, ни представителей, — пишетъ онъ Дмитріеву, — но го чувствую останусь республиканцемъ и, притомъ, вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое». По существу же, теперь онъ любитъ одно: Отечество, Имперію, Россію — ея величіе, ея славу, ея мощь, ея вѣковую твердь, и въ этой тверди видитъ основанія, на которыхъ она будетъ стоять еще долго, долго — Самодержавіе и Вѣру Отцовъ. Во всемъ этомъ было мало оригинальнаго и еще менѣе творческаго. Такъ думали и чувствовали многіе имперскіе люди его времени и пражняго — отъ «птевицовъ гнѣзда Петрова» до «Екатерининскихъ орловъ» и Александровскихъ «старыхъ служивцевъ». Павлинскія перья Екатерины и конституціонная

дымовая завѣса Александра нисколько не скрывали отъ нихъ подлинной имперской тверди и не мѣняли ихъ коренныхъ имперскихъ чувствъ и мыслей. Развертывая свою идеологическую систему, Карамзинъ давалъ красочный разрѣзь этой вѣковой тверди и облекалъ въ европейскія слова старая имперскія понятія — не больше. Но вотъ что удивительно! Карамзинъ — великій историкъ. По слову Пушкина, древняя Россія, казалось, была найдена имъ, «какъ Америка Колумбомъ». Нѣтъ сомнѣнн, что историческое раскрытiе Россiйской тверди, ея объясненiе, схема ея развитiя — продуктъ оригинальнаго творчества Карамзина! Историческая наука (П. Милюковъ) въ корнѣ разрушаетъ такiя предположенiя. Въ объясненiе русской исторiи Карамзинъ ничего новаго не внесъ. Его историческая схема Россiи цѣликомъ взята у историковъ XVIII вѣка, у которыхъ онъ заимствовалъ и изображенiе событiй. Занятiе русской исторiей въ этомъ вѣкѣ — особый родъ государственной службы. Ее выполняли чиновники, по порученiю власти. Въ 1709 году впервые гр. Брюсъ поручилъ тайному совѣтнику Татишеву составленiе русской исторiи, и тотъ «ему яко командиру и благодѣтелю отказаться не могъ». По приказу власти написавъ свою Древнюю Россiйскую Исторiю придворный литераторъ Ломоносовъ. По правительственному заказу писали Щербатовъ, Болтинъ и другiе. Для исполненiя возложеннаго на нихъ порученiя, Правительство выдавало чиновникамъ бумага, «приличная къ сочиненiю исторiи». Чиновники писали исторiю подъ наблюденiемъ и по указанiямъ начальства. Неудивительно, что представленiе о ходѣ русской исторiи у историковъ XVIII вѣка точно соответствовало правительственной идеологiи ихъ времени и въ теченiе цѣлаго вѣка почти не мѣнялось. Согласно Татишеву, русская исторiя дѣлится на три перiода. Первый — отъ пришествiя славянъ въ Русь изъ Вандалии и до смерти Мстислава (1132). Въ этотъ перiодъ Россiя управлялась единовластными Государями. Юриксъ, прiявъ престолъ, наиначе самовластiе утвердилъ, которое до кончины Мстислава ненарушнно содержалось. Во все это время государство въ славу, чести и богатствѣ непрестанно процвѣтало и въ силѣ умножалось. Во второй перiодъ (до вокняженiя Ивана III въ 1462 году), князи раздѣлились, и слѣбалась аристократiя или паче расчлененное тѣло, что привело къ ряду беспутствъ. Прежде всего это дало свободный способъ татарамъ, нашедшимъ, все разорить и подъ власть свою покорить. Затѣмъ, пользуясь тѣмъ, что самодержавство русскихъ Государей угасло, начали отрекаться отъ нихъ литовскiе князья, прежде покорные. И, нако-

нецъ, Новгородъ, Псковъ и Полоцкъ, учиня собственныя демократическія правительства, такожь власть великихъ князей уничтожили. Третій періодъ начинается съ Іоанна Великаго (III), который, опровергнувъ татарскую власть, пакъ совершенную монархію возстановилъ, черезъ что въ краткое время сила и честь Государя умножилась. «Изъ сего всякъ можетъ видѣть, сколько монаршеское правленіе государству нашему прочихъ полезнѣе, чрезъ которое богатство, сила и слава государства умножается, а черезъ прочія умалается и гибнетъ». Такова схема Татишева, неизмѣнно повторявшаяся, съ легкими вариантами всѣми историками XVIII вѣка. — Ту же схему повторилъ и Карамзинъ, съ незначительными уступками варианту Шлецера и Болтина. Отечество наше обязано своимъ величіемъ введенію монархической власти, которая, однако, въ древней Россіи не была еще неограниченной и самодержавной. Основанная и возвышенная единовластіемъ Россія утратила силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя части. Государство наше, шагнувъ въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехсотъ лѣтъ. Московскіе князья прекратили междоусобныя драки и возстановили единовластіе. Іоаннъ III усилилъ единовластіе самодержавіемъ и совершилъ то и другое. Вместѣ съ нимъ утвердилась политическая система Государей московскихъ, заслужившая удивленіе своею мудростью. Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ. Мудрому самодержавію Россія и обязана своимъ спасеніемъ и величіемъ. Такова схема Карамзина, въ которой нѣтъ ни грама новаго и оригинальнаго. Онъ только, «съ умомъ, вкусомъ и талантомъ», — какъ самъ онъ опредѣлялъ задачи русскаго историка, — воодушевилъ, раскрасилъ и сдѣлалъ занимательнымъ тотъ матеріалъ, который подготовили его предшественники. Его князья часто напоминаютъ ложноклассическихъ героевъ Расина. И этому не надо удивляться. Ибо, по существу, Карамзинъ самъ человекъ XVIII вѣка. «Карамзинъ есть писатель не нашего вѣченія», — говорятъ о немъ Полевой въ 1829 году. Но вотъ что, дѣйствительно, поражаетъ воображеніе и бросаетъ яркій свѣтъ и на истоки правительственной идеологіи Николая I, и на роль въ ней Карамзина. Его историческая схема Россіи, заимствованная имъ у историковъ XVIII столѣтія, не есть продуктъ этого вѣка. Историки XVIII столѣтія, въ свою очередь, заимствовали ее у московскихъ людей XV и XVI вѣковъ. Ибо уже московскіе люди знали твердо: что изначала Русская земля была единымъ государствомъ, и что всѣ славяне служили и

повиновались единому великому князю; что еще Владиміръ Мономахъ получилъ царскій вѣнецъ отъ византійскаго императора Константина и былъ вольнымъ самодержцемъ великой Руси; что въ горькія времена, когда на Руси стало государей много, и было великое нестроеніе, начали ее губить татары, и отпала отъ нея земля Литовская, а земля Новгородская стала жить по своей волѣ, никому не покоряясь; что великіе князья чюсковскіе, захотѣли поискать прародительскихъ чиновъ и вѣнчаться на царство, какъ сродники ихъ и великій князь Владиміръ Мономахъ на царство садился; что царь Иванъ III былъ уже снова Государемъ всея Руси, и что царь Иванъ IV свое царское самодержавство пріялъ отъ самого Господа; вмѣстѣ съ ними, русская земля начала обновляться и паки взошла на древнее свое величество. — Какъ могло такое пониманіе хода русской исторіи возникнуть въ умахъ московскихъ людей? Гдѣ его истоки? Милюковъ видитъ ихъ въ политическихъ нуждахъ московскихъ великихъ князей, искавшихъ историческое объясненіе для борьбы съ удѣльнымъ порядкомъ, татарщиной и независимостью отъ Москвы Литовской Руси и сѣверныхъ вѣчевыхъ республикъ. Историческая схема — продуктъ московской политики. Но возможно и иное объясненіе. Историческая схема составляетъ часть большой идеологической системы, заимствованной Москвой у Византіи, перенесенной къ намъ южными славянами и приспособленной московскими идеологами къ русскимъ обстоятельствамъ: о богоустановленности царской власти; о ея подобіи власти Божественной; о томъ, что Царь — земной и видимый образъ Царя Небеснаго; о томъ, что и царство его построено по планамъ небеснаго царства; о томъ, что власть Царя земнаго, какъ власть Царя Небеснаго, — самодержавна и неограничена; о томъ, что подданные земнаго Царя повинны ему покореніемъ и послушаніемъ, послушаніе же есть — подобно иносческому обѣту — «всякое отсѣченіе своего хотѣнія»; о томъ, что русскіе Государи получили царскій вѣнецъ отъ византійскихъ Императоровъ и являются прямыми ихъ наследниками; потому русскіе Цари — не только «Божією милостью Государи всея Руси», но и «Цари православью», «Цари и Государи православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока и до запада и до океана»: ибо всѣ христіанскія царства сошлись въ Россійское царство; Москва — третій Римъ; «два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Въ этой грандіозной теократической системѣ православнаго русскаго царства историческая схема могла играть роль необходимаго звена, объясняющаго ходъ

русской истории и, в свою очередь, указующаго направление московской политики. Иначе говоря: не московская политика опредѣлила московскую историческую схему; а историческая схема, вытекшая изъ московской идеологии православнаго царства, опредѣлила пути московской политики. Но, какъ бы то ни было, историческая схема въ XVI вѣкѣ готова. Въ XVIII вѣкѣ ее повторили историки Имперіи. Въ XIX вѣкѣ ее повторилъ Карамзинъ. Другія звенья московской идеологии неизмѣнно повторяли церковные проповѣдники XVIII вѣка. Въ XIX вѣкѣ ихъ блестяще развилъ — съ отсѣченіемъ звена о третьемъ Римѣ — митр. Филаретъ. Такъ московская идеологическая система, съ вытекающей изъ нея исторической схемой, благополучно дожила до царствованія Николая I и была предложена ему — правда въ европейскомъ одѣяніи и тоже въ усѣченномъ видѣ — его придворнымъ историографомъ. Ибо, какъ Россійская Имперія Николая, такъ и положенная въ ее основу имперская правительственная идеологія — ничто иное, какъ — говоря языкомъ современной науки — «псевдоморфоза» Московскаго царства и его идеологии православной теократіи. Православіе и Самодержавіе — столпостѣны правительственной идеологии Николая — вмѣстѣ съ тѣмъ, и основные устои правительственной идеологии Москвы. Эту вѣковую идеологию Карамзинъ и представилъ Николаю, когда тотъ вступалъ на престолъ. «Послѣ счерты Александра I, — рассказываетъ биографъ Карамзина проф. Погодинъ, — Карамзинъ ѣздилъ всякій день во дворецъ. Императрица Марія Федоровна желала его имѣть при себѣ безпрестанно... Вел. Князь Николай Павловичъ находится, по большей части, при матери и былъ свидѣтелемъ ихъ задушевныхъ бесѣдъ. Любовь къ отечеству... внушала Карамзину и теперь вдохновенныя рѣчи о настоящемъ состояніи Россіи. Онъ говорилъ съ жаромъ, всю душу полагалъ въ свои откровенія, чтобы подѣйствовать, какъ можно сильнѣе, на будущаго Самодержца и застраховать, сколько возможно, судьбу Россіи.. Они не могли... обойтись безъ нѣкоторыхъ нареканій покойнику. Пошадите, пошадите сердце матери, Николай Михайловичъ, воскликнула однажды Императрица... Ваше Величество, отвѣчалъ онъ вдохновенный, я говорю не только матери Государя, который скончался, но и матери Государя, который готовится царствовать». Вдохновенныя рѣчи Карамзина произвели на готовившагося царствовать Николая неотразимое впечатлѣніе. Онъ принялъ ихъ не какъ новое откровеніе, а какъ старую имперскую истину, неосторожно забытую. Конституціонная дымовая завѣса Александра, несмотря на любовь Николая къ бра-

ту, разсыялась безслѣдно. Николай «сталъ кѣбно противъ Революціи» — на защиту стараго имперскаго порядка и вѣковой россійской тверди. Для такого стоянія имперскій Символь Вѣры могъ служить крѣпкой опорой. Чтобы претворить его въ жизнь и для составленія, въ соответствующемъ духѣ, государственныхъ бумагъ Николай намѣревался поручить Карамзину Собственную свою канцелярію, со званіемъ Статсъ- Секретаря. Но больной Карамзинъ отклонилъ предложенную честь и указалъ вмѣсто себя на двухъ близкихъ ему лицъ, достойныхъ быть изяснителями Монаршей мысли — Дашкова и Блудова. Впослѣдствіи къ нимъ присоединился Уваровъ. Теперь оставалось приспособить готовую идеологію къ личности Монарха. Этимъ занялись вѣрнопопдавшие министры, несшіе ученую службу профессора, приверженные Правительству литераторы и стоявшіе на имперской позиціи великіе писатели. Передѣлка удалась блестяше. Идеологическій мундиръ сидѣлъ на Николаѣ, какъ вылитый. Во всей правительственной идеологической системѣ не было ни одной существенной черты, которая не отвѣчала бы личнымъ вкусамъ и понятіямъ Монарха. И это неудивительно: по замѣчанію мадамъ де Сталь, послѣ ея посѣщенія Россіи, вліяніе повелителя въ этой странѣ было такъ велико, что, съ переменной царствованія, могли перемениться всѣ понятія о всѣхъ предметахъ. Это и случилось, когда Николай смѣнилъ Александра. Съ его воцареніемъ, на престолъ сѣлъ московскій Владыка, облеченный въ военную форму европейскаго покроя и искренне вообразившій себя римскимъ Императоромъ.

И. Бунаковъ.

Мы и они

Вторая великая война началась. Мы стоим в самом начале ее, и истинные ее очертания еще скрыты от нас в кровавом тумане. Мы не знаем, какое пространство мира охватить, сколько народов вовлечь в роковой водоворот, не знаем и того, какую массу разрушений она после себя оставит. Пока в ней участвуют всего три великих державы, но она разрастается, как лесной пожар, захватывая и уничтожая, один за другим, малые народы. Нейтральным все труднее сохранять свою нейтральность, да и почти все они, еще не начиная военных действий, уже заняли, за ничтожными исключениями, моральную позицию в великом споре. Уже теперь можно произвести смотр сил. Военные техники и экономисты ежедневно пытаются подсчитывать баланс материальных и военных средств воюющих сторон. Может быть, уместно и уже возможно подвести духовно-политический баланс. Напрасно некоторые политики и вожди народов еще пытаются скинуть всякие идеологические мотивы со счетов войны. В известном, ограниченном смысле они правы. Ни Франция ни Англия не обнажили бы меча для того, чтобы уничтожить тоталитарную диктатуру в Германии или в любой иной стране. В сознании большинства французов и, впрочем, англичан борьба ведется за существование. На нас нападают, или нападут завтра, как сейчас уже напали на наших союзников, — мы защищаемся. Мы хотим пользоваться благами обеспеченного мира, — Гитлер хочет мирового владычества. Война против завоевателя оправдана, священна, без всяких иных идеологических обоснований. Мы не хотим быть рабами. Слава Богу, в Европе есть еще народы, которые предпочитают смерть рабству. Но даже эта простейшая, прозрачайшая ситуация несет в себе некоторую контрбанда идеологии. Правда ли, что Гитлер стремится к власти над миром, и почему он к ней стремится? Один ли он к ней стремится, воплощая извечные темно-героические потенции германского народа или есть и другие претенденты на мировое господство, носители новых империализмов, помимо Германии? Не находится ли германская экспансия в неразрывной связи с ее националь-социалистическим строем? И не являются ли другие тоталитарные режимы восточной и южной Европы столь же благоприятной почвой для империали-

стической агрессии? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы очутиться цѣликомъ на почвѣ идеологической дискуссiи.

Лишь неразрѣзность войны, ея территориальная ограниченность мѣшаетъ вполне охватить ея идеологическiй смыслъ. До сихъ поръ одна изъ воюющихъ сторонъ представлена только Германiей. Но съ самыхъ первыхъ дней войны Совѣтская Россiя, официально въ нее не вступая, дѣлаетъ съ Гитлеромъ общее дѣло. Соглашенiе Гитлера со Сталинымъ — въ этомъ едва ли уже можетъ быть сомнѣнiе — вызвало и самую войну. Не ввязываясь въ войну съ великими державами, Сталинъ уже дѣлитъ съ Гитлеромъ добычу — въ Польшѣ, въ Прибалтикѣ, въ Финляндiи. Напротивъ, Италiя, участiе которой въ войнѣ было обѣщано и закрѣплено торжественными договорами, въ рѣшительный моментъ уклонилась. Благоуразумiе и эгоизмъ заставляютъ ее предпочесть безопасный нейтралитетъ страшному риску войны. Мы можемъ только желать, чтобы этотъ нейтралитетъ сохранялся ею и дальше. Национальный эгоизмъ, страхъ, нестрое сплетенiе интересовъ мѣшаютъ до конца выявиться идеологическому стержню войны. Такъ Сѣверная Америка, при всемъ своемъ сочувствii дѣлу союзниковъ и даже матеріальной помощи имъ, предпочитаетъ уклоняться отъ прямого участiя. Таково же положенiе большинства нейтральныхъ демократiй въ Европѣ. Гитлеръ можетъ рассчитывать на сочувствiе тоталитарныхъ и полутоталитарныхъ режимовъ Восточной и Южной Европы. Однако союзъ со Сталинымъ, съ общимъ прагомъ вчерашняго дня, глубоко противенъ политической совѣсти Италii, Испанii, другихъ диктатуръ. Несмотря на все сближенiе коммунистической и нацистской идеологiй, коммунизмъ и фашизмъ не могутъ забыть вчерашнихъ битвъ. Тоталитарный лагерь, къ счастью, не представляетъ монолитнаго единства. Трещины, проходящiя въ немъ, происходятъ или отъ неполнаго сходства идеологiй, или отъ различiя империалистическихъ интересовъ. Италiя вообще, какъ по своей идеологiи, такъ и по государственному строю, занимаетъ промежуточное мѣсто между тоталитарными и демократическими народами. Но не различiе интересовъ и идеологiй, а страхъ войны, страхъ за собственное существованiе мѣшаютъ до сихъ поръ демократическому миру объединиться въ твердый, анти-тоталитарный блокъ. И тѣмъ не менѣе моральное раздѣленiе мира уже совершившiйся фактъ. Въ побѣдѣ той или другой стороны заинтересованы всѣ. Возможно, что эта побѣда наступитъ ранѣе, чѣмъ нейтральные нынѣ народы вынуждены будутъ опредѣлить свое мѣсто въ борьбѣ. Если война затянется,

это вряд ли для кого-либо будет возможно. Вот почему уже сейчас, в отъикъ воюющихъ статовъ, мы можемъ мыслить за англо-французской коалиціей длинный рядъ европейскихъ и заокеанскихъ демократій, а за Германіей, уже съ нѣскольکو меньшей опредѣленностью, рядъ диктатуръ восточной и южной Европы. Демократіи прогнвъ тоталитарныхъ диктатуръ — таковъ первый бросающійся въ глаза идеологическій фронтъ. Но въ наше время демократіи, тоталитарныя диктатуры это не только политическій строй и міросозерцаніе, это совершенно разныя общества, съ разной моралью, съ разнымъ бытомъ, съ разнымъ хозяйствомъ. Въ настоящей борьбѣ противопоставляются другъ другу не только политическія системы, но и социальныя формы и духовныя міры. Чрезвычайно важно приглядѣться ближе къ конкретному и сложному содержанию понятій, покрываемыхъ ярлыками демократіи или тоталитаризма. Почти всегда бываетъ, что гораздо важнѣ сознательныхъ, рациональныхъ цѣлей стоящихъ за ними цѣлостности. За идеями — личности. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, за что ведется война, нужно ясно видѣть, кто ведетъ войну.

1.

Слово «демократія», которымъ пользуются всѣ для характеристики одной изъ воюющихъ сторонъ, способно вводить въ заблужденіе. Если подъ демократіей понимать власть низшихъ слоевъ народа, то Сталинъ и Муссолини по своему праву, называя демократіей свои тираническіе режимы. Къ нимъ могъ бы присоединиться и Гитлеръ. Народныя массы, оторвавшіяся отъ культурной элиты, выражающія свою волю, свою ярость или свои вождельнія въ непосредственномъ дѣйствіи — въ бунтѣ, погромѣ и классовочъ террорѣ, неизбѣжно оказываются въ рабствѣ у своихъ вожаковъ. На такой «демократической» основѣ выростали многочисленныя тираніи древняго и новаго міра.

Для строя западной и сѣверной Европы существенна не столько власть народа (которая, дѣйствительно, осуществляется въ немъ, но опосредствованнымъ, представительнымъ путемъ), существенны свобода и право, проникающія всѣ поры жизни. Эта свобода и это право созданы не народомъ (не массами); они создавались въ теченіе вѣковъ аристократіей и буржуазіей для собственнаго употребленія, и въ послѣднія поколѣнія переданы всему народу, приобщившемуся къ наслѣдію тысячелѣтней культуры. Было время, еще недавнее, когда въ мірѣ существовали аристократіи и монархіи, въ чистомъ или смѣшанномъ видѣ. Теперь ихъ нѣтъ нигдѣ. Различія между монар-

хической и республиканской формой правления потеряли свое значение. Аристократія не сохранила никакихъ политическихъ правъ. Но настѣдѣе монархіи и аристократіи, лучшее, что создано ими въ политической культурѣ, живетъ въ томъ, что нынѣ называется демократіей. Нынѣшняя демократія — единственная существующая форма правового государства. Древніе греки называли это благо, всю цѣнность котораго мы лишь теперь осмыслили, благозаконіемъ. Въ сущности, право и законъ теперь существуютъ лишь въ демократіи. За предѣлами ихъ начинается царство произвола, деспотическаго каприза или «революціоннаго правотворчества».

Въ отличіе отъ античнаго благозаконія, новая демократія, — христіанская по своему происхожденію — покоится на свободѣ личности. Здѣсь не лицо существуетъ для государства, а государство для лица и для творимой національной общностью лицъ культуры. Государство въ демократіи вторичное, служебное начало, признающее надъ собою верховную власть иныхъ (хотя теперь и затемненныхъ въ сознаніи) цѣнностей. Эти цѣнности были нѣкогда духовными цѣнностями. Онѣ еще не совсѣмъ испарились изъ жизни этихъ народовъ. Вотъ почему здѣсь легче дышать. Вѣрнѣе, только здѣсь еще и можно дышать.

Опредѣливши такъ демократію, мы уже дали опредѣленіе тоталитаризма. Здѣсь свобода отрывается въ самомъ принципѣ. Нѣтъ болѣе позорнаго слова въ странахъ новой тирании, чѣмъ либерализмъ. Ни права, ни закона, ни личности. Человѣкъ ничто, Государство (общество, нація, раса, классъ) — все. Это государство черезъ посредство промежуточныхъ уравниій (въ Россіи) или непосредственно (Германія) отождествляется съ Вождемъ. Вождь ничѣмъ не ограниченъ въ своей волѣ, но онъ правитъ именемъ массъ и живетъ еще не порванной (съ революціонныхъ лѣтъ) связью съ ними. Отъ нихъ къ нему и отъ него къ нимъ (менѣе всего въ Россіи) исходятъ волевые токи, которые сообщаютъ страшный динамизмъ этому государству. Въ отличіе отъ старыхъ тираний, вождь не можетъ шагу ступить, не приводя въ движеніе массы. Демагогія есть основа этихъ режимовъ, суррогатъ ихъ религіи. Демагогическое дѣйство принимаетъ характеръ культа. Вся соблазнительность, все обаяніе тоталитаризма — въ этомъ лжерелигіозномъ чувствѣ сверхиндивидуальной воли, спаивающей личности, вѣрнѣе, обезличеннаго стада.

Для слабыхъ людей можетъ быть привлекательно сліяніе съ толпой, зараженіе массовыми чувствами, маршировка подъ

музыку, крики ура! или «гейль»! и особенно акты коллективного насилия. Здесь слабость находит ложное сознание своей силы. Политика становится эротическим извращением, общественность — самоубийством личности. Лишь последнее огорчение, расправа всех святинь, которыми жил человек, может толкнуть его на этот акт отчаяния (Германия), если это не является выражением примитивизма стадного, восточного типа (Россия). Государство (или вождь) общается массам, создает для них новую религию, новую мораль, новую истину. Оно создает целую систему эрзацев, желѣзных или бумажных хлѣбовъ, но одного оно не создает и, кажется, не общается: человечности. Рожденное въ преступлении, оно продолжает жить преступлениемъ. «Вождь» воплощаетъ въ себѣ самый низкій типъ современнаго человѣка: смышленнаго и хищнаго, узколобаго и мускулистаго звѣря.

2.

Но демократія — страны лишь «формальной» свободы. Экономически онѣ представляютъ область капитализма, капиталистической эксплоатации. Фашизмъ въ разныхъ видахъ и формахъ уничтожаетъ классовое общество и создаетъ государственное хозяйство, — если угодно, социализмъ. Борьба идетъ между капитализмомъ и социализмомъ, — таковъ новый лозунгъ, брошенный Берлиномъ и Москвой. Нужно признаться, что онѣ находятъ себѣ откликъ кое-гдѣ въ рабочей средѣ среди демократическихъ странъ. Здесь, во всякомъ случаѣ, нащупывается ихъ наиболѣе слабое мѣсто.

Я не оспариваю, что хозяйственный режимъ тоталитарныхъ странъ, Германіи и Россіи, можетъ быть названъ социалистическимъ. Что же, социализмы могутъ быть разные. Когда-то принципиальные враги социализма, Гербертъ Спенсеръ, Рихтеръ и столько другихъ рисовали социализмъ какъ «грядущее рабство». Такой именно социализмъ, или карикатуру на него, дѣйствительно осуществили тоталитарныя государства. Классовыя различія, если не совсѣмъ исчезли, то сильно сглазились. Общество нивелировалось, орабочилось; оно и именуетъ себя «рабочимъ», доставивъ пролетарію моральное удовлетвореніе: вчера онѣ былъ послѣднимъ, сегодня становится «мѣрой вещей». Его матеріальное положеніе не улучшилось, скорѣе ухудшилось, но оно стало обезпеченнѣе. А главное, онѣ видятъ вокругъ себя общее пониженіе уровня, его не давить въ такой мѣрѣ роскошь богатыхъ, и, потерявъ все свои личныя и коллективныя права, онѣ могутъ утѣшаться, видя вокругъ себя

всеобщее рабство. Только это низменное удовлетвореніе — равенство въ рабствѣ — объясняетъ все еще не изжитую покорность рабочихъ слоевъ въ тоталитарныхъ обществахъ.

Противъ такого рабочаго социализма — демократическій капитализмъ. Будемъ ли мы защищать его? Не слѣдуетъ поддаваться этому искушенію и смягчать существующее зло. Что капитализмъ со всѣми своими безобразіями много лучше тоталитарнаго социализма, въ этомъ легко убѣдиться. Для этого достаточно представить себѣ, что всякій недovolный капиталистическимъ строемъ можетъ сразу же переимѣнить его на тоталитарный. Стоитъ ему только совершить легкое преступленіе и попасть въ тюрьму: здѣсь онъ найдетъ и обезпеченный, полуголодный паекъ и равенство безправія. Но бросимъ горькія шутки. Капитализмъ лучше государственной тюрьмы, но это не дѣлаетъ его привлекательнымъ. Вѣдь, это имено онъ создаетъ миражъ привлекательности для тюремъ, отдѣленныхъ политическими границами и декорированныхъ флагами, плакатами и пышными лозунгами.

О капитализмѣ слѣдуетъ сказать вотъ что. Это очень сложный, двусмысленный и многоликій строй, который непрестанно мѣняется въ своей исторіи. О двойномъ, положительномъ и отрицательномъ его смыслѣ писалъ еще Марксъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». За сто съ небольшимъ лѣтъ его существованія положеніе рабочаго класса и самыя основы хозяйственной жизни радикально измѣнились. Нѣтъ ничего общаго между уровнемъ жизни современнаго англійскаго рабочаго и тѣмъ, который описывалъ Энгельсъ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Рабочее законодательство, охрана труда, вообще бытовья условія жизни и работы въ капиталистическихъ странахъ, конечно, не хуже, а лучше странъ фашистскаго социализма. Но остается необезпеченность, остаются кризисы, остается огрочное неравенство состояній и культуры, которое болѣе всего раздражаетъ и озлобляетъ.

Менѣе, чѣмъ когда-либо, современный капитализмъ отличается устойчивостью и косностью. Онъ давно уже утратилъ свои классическіе принципы, свою чистую совѣсть, и вступилъ въ полосу трансформаций, въ ходѣ которыхъ онъ неизбежно перерождается въ совершенно новый общественный строй. Вѣкъ экономическаго либерализма ушелъ безвозвратно. Нигдѣ уже законъ конкуренціи, стихія рынка не опредѣляетъ всецѣло, и даже преимущественно хозяйственной жизни. Государство и общество, въ лицѣ картелей и синдикатовъ, давно уже вступили на путь регулированія экономической жизни. За послед-

ніе годы, даже въ такихъ классическихъ странахъ либерализма, какъ Франція, границы хозяйственной свободы и борьбы необычайно сузились. Въ нѣкоторыхъ странахъ (Америка) борьба за новый хозяйственный строй ведется съ большой остротой, и притомъ не снизу, а сверху, возглавляемая президентомъ республики. Безъ видимой борьбы, втихомолку, Швеція (отчасти другія скандинавскія страны) практически строятъ социализмъ и добились успѣховъ, которые вызывали бы зависть въ пролетаріяхъ всѣхъ странъ, если бы имъ дѣлалась хотя десятая доля той рекламы, которая окружаетъ достижения тоталитарныхъ государствъ. Въ Англіи, гдѣ нѣтъ рѣзкихъ и замѣтныхъ сдвиговъ, имѣется налицо огромный ростъ социальнаго сознанія, тотъ религіозно-моральный капиталъ жертвенности, готовности къ самоограниченію, который въ любой моментъ можетъ актуализироваться въ давно назрѣвшей перестройкѣ.

Капиталистическія демократіи доживаютъ послѣдніе дни капитализма. Онѣ чреваты новымъ социальнымъ строемъ — назовемъ его хотя бы свободнымъ социализмомъ — рождение котораго, къ сожалѣнію, замедлено военной тревогой, застигнутой войной въ разныхъ фазахъ для разныхъ странъ, и рѣзко оборвано. Страны тоталитарныя уже разрѣшились отъ бремени мертворожденнымъ младенцемъ. Младенецъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ мертвый: онъ живетъ и можетъ чахнуть долго, но это дитя должно приводить въ ужасъ всѣхъ чаявшихъ и чающихъ новой жизни. Вотъ почему невѣрно противопоставлять тоталитарный социализмъ демократическому капитализму. Демократія несетъ въ себѣ не только капиталистическое прошлое, но и подлинное, т. е. свободное социалистическое будущее, убитое до рожденія и безнадежно въ тоталитарномъ рабствѣ.

3.

Капитализмъ демократій имѣетъ еще другой аспектъ: интернациональный. Эти богатія страны старой культуры оказываютъ лучше другихъ надѣленнымъ колониальными территоріями. Впрочемъ естественно, что, ранѣе другихъ вступивъ на путь колониальной политики, онѣ болѣе другихъ преуспѣли въ раздѣлѣ міра. Въ концѣ XIX столѣтія этотъ раздѣлъ, въ основныхъ чертахъ, уже завершился. Для поздно пришедшихъ, Германіи, Италіи, остались кости, въ видѣ клочковъ африканскихъ пустынь. Но опоздавшіе на пиръ обладаютъ большимъ аппетитомъ, мощнымъ «динамизмомъ», который экономически подерживается быстрымъ ростомъ индустріи и ея борьбой за

рынки сырья и сбыта. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается, одинъ (но не главный) изъ нервовъ мiровой войны, выступавшій еще сильнѣе въ войну 1914-18 гг. На языкъ нацизма и фашизма это называется борьбой «пролетарскихъ народовъ» противъ либеральныхъ плутокрагiй. Лозунгъ очень заразительный, дѣйствующій на многихъ. Здѣсь нападающіе становятся въ позу борцовъ за право: захватническія войны принимаютъ видъ революціонной борьбы бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Правда, эта бѣдность очень относительная. Въ Германіи, напр., заработная плата рабочаго была лишь немногичъ ниже, чѣмъ во Франціи; болѣе скудное, или менѣе обильное питаніе возмѣшалось техническимъ комфортомъ въ жизненной обстановкѣ. Роскошь общественныхъ зданій въ Германіи и новой Италіи, огромныя затраты на оборудованіе промышленности поражаютъ по сравненію съ суровой бережливостью, отказомъ себѣ даже въ необходимомъ, какіе мы видимъ въ послѣвоенной Франціи. Съ другой стороны, этотъ тоталитарный пролетарій оказывается вооруженнымъ до зубовъ солдатомъ со всѣми традиціями юнкерскаго класса, и мнимая антитеза бѣднаго и богатаго перекидывается въ другую: Римъ и Карфагенъ, «булатъ и золото». «Все возьму» противопоставляется «все куплю». То, что остается реальнымъ въ этой антитезѣ, это противостояніе двухъ империализмовъ: стараго, уже насытившагося, и новаго, стремящагося къ добычѣ.

Но сказать это, значитъ еще сказать очень мало.

За четыреста лѣтъ колониальной политики европейскій империализмъ (западный) радикально переродился. Нѣкогда Кортезъ истреблялъ сотнями тысячъ всѣхъ ацтековъ въ только что открытой Америкѣ. Потомъ, въ теченіе столѣтій, торговали рабами, какъ скотомъ. И сейчасъ отношеніе европейцевъ къ туземцамъ въ колоніяхъ далеко не идиллія. Но рабства уже нѣтъ. И, главное, за послѣднія десятилѣтія выросло сознаніе, что колоніи оправдываются не эксплоатаціей ихъ, а культурнымъ воспитаніемъ. Уже понимаютъ, что эти владѣнія исторически временны, до совершеннolѣтія остальныхъ народовъ. Въ сущности, система мандатовъ, временныхъ управленій, выражаетъ точно нравственное отношеніе западнаго человѣка къ его цвѣтнымъ подданнымъ (или согражданамъ). На нашихъ глазахъ, въ нѣсколько лѣтъ, произошла совершенная революція въ отношеніяхъ между бѣлой и цвѣтными расами. Уже цвѣтные сидятъ въ Лигѣ Наций, цвѣтные имѣютъ свою интеллигенцію, цвѣтные умѣютъ обращаться съ оружіемъ. Ихъ равноправіе тамъ, гдѣ оно еще не достигнуто, вопросъ немногихъ лѣтъ.

Былыя імперіі перерождаюцца ў союзы народаў. Англія ўказывае для ўсёх напраўленіе пути. Сваю імперію яна ствалава праўдамі і няпраўдамі, как і ўсё. Но за послѣдніе полѣвка ея «домініоны», владѣнія, населеныя англо-саксами, превратились въ самостоятельныя государства. Почти на дняхъ Англія признала независимость Ирландіи (чуждая, враждебная народность), Египта и приступила къ самоуправленію Индіи. Реформы послѣднихъ лѣтъ въ Индіи (уже существуетъ индійскій парламентъ, туземныя министры и чиновничество) примирили съ імперіей многихъ изъ ея ожесточенныхъ враговъ.

Не слѣдуетъ, конечно, впадать въ идеализацію. Много еще грѣховъ на совѣсти Европы противъ ся цвѣтныхъ братьевъ. Но ея покаяніе несомнѣнно. Несомнѣнны новыя тенденціи жизни, обѣщающія близкое рѣшеніе «колониальнаго вопроса».

Что же обѣщаетъ пролетарскій передѣлъ міра? Объ этомъ мы можемъ судить и по недавнихъ захватамъ въ Африкѣ и еще болѣе по средне-европейскимъ подвигамъ. Если обращаютъ въ рабовъ славянъ, чего же ожидать для чернокожихъ? Нельзя игнорировать, конечно, серьезную экономическую сторону колониальной проблемы: международное распределеніе сырья. Надѣмся, что будущая федеративная Европа найдетъ соответствующее рѣшеніе этой проблемы. Но мы должны строго отличать отъ нея проблему колоній и колониальныхъ імперій. Въздъ, колоній прежде всего люди, цвѣтные люди, а не сырье. И вопросъ о судьбѣ этихъ людей и ихъ отношеній къ бѣлой расѣ долженъ стоять на первомъ планѣ. Съ безпощадностью, отрѣшенной отъ всякихъ остатковъ христіанской человѣчности, юнкеръ-пролетарій грозитъ истребить цѣлыя расы или обратитъ ихъ въ навозъ для своей (уже загубленной) культуры. Новѣйшая система взаимоотношеній между «перодовыми» и «отсталыми» расами возвращаетъ насъ даже не къ Римской імперіи, а къ Ассирійской. Возстановлены, кстати, переселенія (Вавилонскій плѣнъ) цѣлыхъ народовъ. А чѣмъ грозитъ въ будущемъ эта система?

Если цвѣтные не будутъ цѣликомъ истреблены, въ результатѣ колониальнаго перераспределенія, а только обращены въ рабство, — какой взрывъ ненависти сулитъ это въ близкомъ будущемъ, и какъ придется расплачиваться всей бѣлой расѣ, въ годы ея слабости и междоусобій! Уже не наивный дикарь будетъ стоять передъ нею, но дикарь, вооруженный по послѣднему слову техники и укрѣпившій свой перлобытный «этосъ» научно-нигилистическимъ «логосомъ» бѣлаго фашизма.

4.

Пропасть между социально-политическимъ строемъ воюющихъ народовъ соответствуетъ не менѣе глубокой, раздѣляющей ихъ духовные міры, строй ихъ культуры. Какъ странно и больно вообразить себѣ, что еще четверть вѣка тому назадъ Европа жила единой и цѣльной жизнью, въ полномъ общеніи мысли, искусства, практическихъ идеаловъ. Вопреки той дичи, которая болтается теперь о «вѣчной» латинской культурѣ, «вѣчномъ» германизмѣ или славянизмѣ, наша культура была европейской, единой, въ которую каждая нація вкладывалась своимъ особымъ опытомъ и творческимъ даромъ. Какъ далеки эти дни!

Тоталитарная революція вырыла ровъ между вчерашними братьями. По одну сторону остались народы культурнаго либерализма, по другую — принудительнаго монизма.

Мірѣ демократіи — это мірѣ почти абсолютной духовной свободы, для мысли, искусства, религіи. Блага этой свободы ощущаются каждымъ изъ насъ, испытавшимъ, что значить ея лишеніе. Есть одна сфера культуры, которая безъ нея положительно умираетъ: это наука. Въ наши дни научная мысль живетъ по настоящему лишь у народовъ демократіи. Въ нѣсколько меньшей, но все въ большой мѣрѣ это относится и къ литературѣ, къ искусству вообще. Вся культурная жизнь подавлена, извращена или убита въ странахъ тоталитарныхъ. Однако, слѣдуетъ серьезно считаться съ той критикой этой культуры и этой свободы, которая раздается изъ вражескаго лагеря, тѣмъ болѣе, что эта критика давно уже раздѣляется мыслящими людьми въ странахъ свободы.

Въ двухъ словахъ: эта свобода безцѣльна, и эта культура не имѣетъ своего центра. Духовное благополучіе, увѣренность въ себѣ, отличавшія XIX вѣкъ, потеряны безвозвратно. Уживавшіяся въ нечѣ тенденціи далеко разошлись и вступили нынѣ въ непримиримое столкновение. Сейчасъ кажутся немислимы ни общая религія, ни общая философія, ни даже общія основы научнаго знанія. Стиль въ искусствѣ утерянъ еще ранѣе, чѣмъ въ наукѣ. При такихъ условіяхъ культура все болѣе разбивается на отдѣльныя секты, научныя, художественныя, религіозныя, почти закрытыя для взаимообшенія. Возрожденіе церковнаго христіанства происходитъ одновременно съ возрастаніемъ атеизма и антирелигіозной борьбы. Всевозможныя мистическія теченія, оккультныя школы и просто грубѣйшія суевѣрія возрождаются параллельно съ успѣхами материализма

въ сознаниі народныхъ массъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, западная культура напоминаетъ вавилонское смѣшеніе языковъ. Находятся люди, которые готовы принципиально утверждать это смѣшеніе, какъ духовную основу демократіи. Они называютъ его релятивизмомъ. Справедливая мысль о релятивизмѣ (нейтральности) государства переносится въ сферу самой духовной культуры, которая разрушается ею безъ остатка. Если бы такое умонастроеніе стало господствующимъ, это свидѣтельствовало бы о безнадежности болѣзни, объ истощеніи творческихъ силъ. На самомъ дѣлѣ, релятивизмъ это уходящая, изжитая установка. Нашъ міръ жаждетъ цѣльности, жаждетъ истины. Онъ вступилъ въ полосу духовнаго броженія, и не успокоится, пока не обрѣтетъ объединяющаго начала жизни. Борьба за догматъ болѣе характерна для всѣхъ — даже безрелигіозныхъ — теченій современности, чѣмъ классическій адогматизмъ конца прошлаго вѣка. Это особенно бросается въ глаза при сравненіи молодыхъ поколѣній со стариками. Нѣтъ, культура Запада не умираетъ отъ атоніи подобно римской. Творческихъ силъ еще достаточно. Имъ не хватаетъ лишь ориентировки, «обшей чѣры», т. е. условій культурнаго общенія.

Духовный міръ фашизма - нацизма - коммунизма есть прямой отвѣтъ на вопрошаніе гуманистической свободы. Ложный отвѣтъ, но отвѣтъ. Это значить, что фашизмъ прямо порожденъ недугомъ гуманизма. Онъ хочетъ быть его исцѣленіемъ, но на дѣлѣ является послѣдней, смертельной фазой болѣзни.

Фашизмъ отвѣчаетъ на потребность въ единомъ центрѣ жизни. Но, безсильный найти этотъ центръ, достаточно глубокой, чтобы примирить противорѣчія нашей сложной культуры, фашизмъ беретъ первую попавшуюся идею или идейку, часто уже выброшенную въ мусорный ящикъ исторіи, чтобы сдѣлать изъ нея духовный стержень жизни. Чѣмъ уже, бѣднѣе идея (классъ, раса), тѣмъ насильственнѣе построеніе. Чтобы достигнуть цѣльности, приходится удалять огромные пласты культуры, въ ней не вмѣщающіеся. Дѣйствительность говоритъ намъ, что и въ Германіи и въ Россіи эти обреченные и хирургически удаленные элементы количественно превосходятъ то, что сохраняется для новой постройки. И въ то же время истребляемое принадлежитъ къ лучшему и къ цѣннѣйшему, сохраняется часто послѣдняя дрянь. Почему именно дрянь, станетъ понятнымъ, если вспомнить, что въ этихъ странахъ культура опредѣляется потребностями низовъ, уже развращенныхъ и обездушенныхъ развитіемъ капитализма и еще не приобщившихся къ высокой, хотя бы буржуазной культурѣ. Изъ этихъ потонковъ

выходятъ и сами обожествляемые вожди. Не удивительно, что въ результатъ «строительства» новыхъ культуръ ампутируются не только члены старыхъ, но и самыя головы. Другими словами, совершается духовно-культурное самоубійство. Въ Россіи убита русская культура, въ Германіи — нѣмецкая, въ Италіи, хотя и въ меньшей мѣрѣ, убивается культура итальянская.

Нѣкоторое время мы могли обманываться, думая, что новыя культурныя формы идутъ на смѣну старыхъ. Никакая культура не можетъ взойти на такихъ дрожжахъ. Исчезновение остальныхъ элементовъ ея, пощаженныхъ хирургомъ-коноваломъ (техника, естествознаніе), вопросъ времени. Если въ мірѣ уцѣлѣютъ 'одни тоталитарныя общества, всеобщая варваризація станетъ неизбежной. И пусть не ссылаются на примѣры Византіи, Китая, Египта и другихъ тоталитарныхъ культуръ древности. Тѣ великія культуры расцвѣтали на органической и глубокой цѣльности, данной въ народной религіи, въ естественно выросшемъ міросозерцаніи. На суррогатахъ, на эрзацахъ не вырастятъ ни цѣльности ни жизни. Строеіе новой тоталитарности направляютъ механично. Здѣсь направляющія идеи выдѣлываются въ партійныхъ комитетахъ и осуществляются методами полиціи. Насиліе нерѣдко бывало въ исторіи повивальной бабкой (по Марксу); никогда оно не замѣняло творческаго зачатія. Безъ отца, безъ матери, въ регортѣ создается гомункулъ, который чихнетъ нѣсколько лѣтъ (подобно куриному сердцу въ лабораторіи), и умираетъ.

5.

Съ течей духовной культуры тѣсно связанъ вопросъ о христіанствѣ. Въ какой мѣрѣ демократіи защищаютъ христіанство или имѣютъ право именовать свою культуру христіанской? Христіанство гонимо въ тоталитарномъ строѣ, который хочетъ вытѣснить его своей, наспѣхъ сфабрикованной государственной религіей. Это безспорно. Въ Италіи, послѣ перваго столкновения съ церковью, Муссолини занялъ утилитарно-покровительственную позицію по отношенію къ ней. Онъ хочетъ сдѣлать Римскую церковь (которая, по его словачь, спасла міръ отъ «еврейскаго христіанства») орудіемъ своей диктатуры, и худшіе элементы католичества идутъ ему навстрѣчу. Духовно и въ Италіи между христіанствомъ и фашистской религіей государства нѣтъ ничего общаго.

Ну, а демократіи? Характеризуя ихъ культуру, какъ вавилонское смѣшеніе, не выносимъ ли мы имъ, съ точки зрѣнія христіанства, самаго жестокаго приговора? Отношеніе западнаго культурнаго міра къ христіанству весьма сложно.

Если говорить о мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ большинства, то окажется, пожалуй, что христіане вездѣ составляютъ меньшинство въ современномъ мірѣ. Но религіозное вліяніе не исчерпывается конфессіональной принадлежностью и сознательной вѣрой. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нравственныя понятія и основныя жизненныя идеи большинства невѣрующихъ и даже враждебныхъ христіанству людей — христіанскаго происхожденія. Сюда относится прежде всего уваженіе къ личности и ея достоинству, состраданіе къ человѣку и идеаль вселенскаго общенія. Ничше былъ правъ, какъ правъ и Гитлеръ, объединяя въ своей ненависти христіанство и этику демократіи. Отсюда встрѣча Рузвельта и папы Пія XII въ одинаковой оцѣнкѣ состоянія міра, къ которой присоединяется и Далалде, наслѣдникъ «лаической» традиціи лѣвой Франціи.

Второе, о чемъ у насъ обыкновенно забывають, или чего не знаютъ, это сравнительная сила христіанской традиціи, даже въ конфессіонально-церковной формѣ, въ протестантскихъ и англо-саксонскихъ странахъ. Забывають о томъ, что Гладстонъ былъ прежде всего теологомъ, и что эта традиція не совсѣмъ умерла въ англійской общественной жизни, гдѣ многіе изъ вождей рабочей партіи вышли изъ протестантскихъ проповѣдниковъ. Рузвельтъ сознательный и искренній христіанинъ, какъ и лордъ Галифаксъ. Демократическіе учрежденія и идеалы, какъ ихъ понимаетъ англо-саксонскій міръ въ значительной мѣрѣ являются созданіемъ христіанскаго разума и совѣсти.

И, наконецъ, третье. Въ хаосѣ современныхъ теченій, оспаривающихъ вліяніе на духовную жизнь, и притомъ не какъ доживающая почтенная традиція, а какъ динамическая сила, современнѣйшая среди современныхъ, все явственнѣе выступаетъ христіанство. Его вліяніе все возрастаетъ, какъ на молодежь, рабочую и студенческую, такъ и на культурную элиту. Никогда еще, за два послѣднихъ столѣтія, католическая интеллигенція не опредѣляла въ такой мѣрѣ культурной жизни Франціи, какъ въ наши дни. И это возрожденіе христіанства не имѣетъ ничего общаго съ реакціей. Конечно, традиціоналисты еще преобладають во всѣхъ исповѣданіяхъ. Но культурное водительство принадлежитъ не имъ. Христіанская элита, какъ и христіанская молодежь, выступаютъ не во имя сохраненія, но во имя строительства новаго міра и притомъ на основахъ одинаково далекихъ отъ духовно-буржуазной анархіи и отъ фашистскаго тоталитаризма. Скажу болѣе. Ненависть къ тоталитаризму, какъ и всякія другія ненависти, раздѣляется очень широкими и самыми различными общественными кругами. Но

въ положительномъ, въ творческомъ преодолѣннн тоталитаризма христіанскимъ силамъ принадлежитъ первое мѣсто. Въ этомъ главное основаніе для надеждъ на благополучный исходъ духовнаго и соціального кризиса демократіи.

6.

Для огромнаго большинства демократовъ и социалистовъ тоталитаризмъ есть воплощенная реакція: онъ отрицаетъ всѣ предпосылки, которыми жила революціонная мысль XIX вѣка. Самъ тоталитаризмъ однако именуетъ себя революціонной силой. Во всѣхъ странахъ онъ пришелъ къ власти путемъ революціи, и лозунги, которыми онъ велъ за собой массы, обѣщали революціонную ломку и строительство новой жизни. Для коммунизма это самоочевидно. Его происхождение изъ лѣваго крыла социализма настолько памятно, что до сихъ поръ многіе отказываются видѣть за революціонной маской его подлинное лицо. Но столь же несомнѣнна революціонная искренность Гитлера: онъ строитъ новый міръ, а не поддерживаетъ старый. Столпы этого міра, монархисты, клерикалы, ему ненавистны почти такъ же, какъ и либерально-еврейская интеллигенція.

Идеологи тоталитаризма любятъ противопоставлять свои народы какъ передовые, полные силъ и энергіи, консервативнымъ и одряхлѣвшимъ обществамъ демократій. Для нихъ демократія — *ancien régime*, противъ котораго они, новые революціонеры, повели борьбу не на жизнь, а на смерть.

Какая доля правды заключается въ этомъ самосознаніи?

Думается, въ историко-эволюціонномъ ряду тоталитаризмъ, дѣйствительно, опережаетъ демократію. Онъ впереди, а не позади ея, въ чисто исторической послѣдовательности. Онъ изъ нея вырастаетъ, ея недугами питается, ей идетъ на смѣну. Но, смѣняя ее, онъ рѣзко обрываетъ всю линію ея развитія за послѣдніе вѣка.

Если рассматривать эволюцію нашей эпохи, какъ прямолинейное движеніе, по типу стараго «прогресса», то тоталитаризмъ — это обогнавшая насъ тройка по дорогѣ, ведущей прямикомъ на край пропасти. Онъ уже свалился въ нее, а мы лишь къ ней приближаемся. Въ такой передовитости нѣтъ ничего цѣннаго.

Въ эпоху, когда культура склоняется къ упадку, все болѣе передовое, болѣе юное ближе къ варварству и гибели. Если смотрѣть на нашу культуру, какъ на изжившую себя (глазами Шпенглера), то прогрессъ окажется цѣнностно-обратнымъ, и консерватизмъ тогда — единственно возможная культурная и нравственная позиція: защита святыни, хотя бы безнадежная.

На самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, о прямолинейности движенія не приходится говорить. Европейское общество живетъ въ бореніи, въ сложномъ взаимодействіи силъ. Одно умираетъ, другое рождается. Если взять уподобную линію, соглъ явно обозначающуюся, бросающуюся въ глаза со времени послѣдней войны, то эта линія прямимъ путемъ идетъ къ тоталитаризму. Здѣсь насъ поджидаютъ коммунисты и кагуляры разныхъ мастей, какъ мнимые строители и реальныя могильники. Наша надежда въ томъ, что, помимо одной, пускай, столобовой дороги, ведущей въ пропасть, есть и другіе пути, скрытые среди травы и камней, расчистить которые и даже разглядѣть — нелегкій трудъ.

Возвращаясь къ динамизму тоталитарныхъ народовъ, чаще всего мы видимъ, что этотъ взрывъ разрушительныхъ энергій оказывается пароксизмомъ болѣзни, подобно жару и бреду сыпнотифознаго. Быть можетъ, это послѣдняя вспышка жизненныхъ силъ передъ концомъ, подобно вспыхнувшему пламени догорающей свѣчи. Три великихъ тоталитарныхъ народа находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ культурно-творческимъ силамъ. Россія переживала передъ революціей творческой подъемъ, но подъемъ во многомъ нездоровый: во всякомъ случаѣ, эти творческія энергіи радикально пресѣчены революціей, которая питается изъ совершенно другого источника: изъ нигилизма народныхъ массъ. Германія до великой войны несла на своихъ плечахъ огромную культурную тяжесть, превышающую ношу любой другой страны. Ея пораженіе подкосило вѣру въ себя и иссушило источники творческихъ силъ. Нацистская революція была революціей безсилія и отчаянія; ея горячечный характеръ всего рѣзче выраженъ. Наконецъ, въ Италіи и культурный динамизмъ до войны и революціонный жаръ менѣе значительны, хотя и несомнѣнны.

Въ дѣйствительности, то, что объединяетъ три великихъ и несчастныхъ народа, это катастрофа объективныхъ или субъективныхъ (Италіи) поражений. Они не вынесли напряженія и разочарованія войны, — не вынесли, и сложились. Отчаяніе сдѣлало ихъ воспримчивыми къ самоубійственнымъ ядамъ культуры, которые могли сойти за ея послѣднія слова. Отсюда кажущійся модернизмъ ихъ. Подлинно новое слово ими не сказано. Оно еще дремлетъ, — но не тамъ, а въ лонѣ демократій, съ трудомъ различимое въ хаосѣ противорѣчивыхъ звуковъ

**

Вотъ грубая схема міровой ситуаціи, духовно-политическая карта воюющей Европы, по степени огрубленія походящая на

печатающіяся въ газетахъ картографическія клише. Я не стремился къ безстрастной объективности. Въ настоящій моментъ высказываніе само есть актъ борьбы. Мы должны оборонять линію фронта, за которой находится все то, ради чего еще стоитъ жить. Наносить удары врагу, въ такихъ условіяхъ, и необходимость и радость. Я хотѣлъ лишь напугать не слабыхъ, а сильныя мѣста для удара и не бить холостыми зарядами. Конечно, возмутительная краткость этихъ строкъ создаетъ мнимое впечатлѣніе легкости и обороны и нападенія. Въ дѣйствительности, даже духовная борьба гораздо тяжелѣе, чѣмъ это можетъ показаться. Я умышленно выпустилъ для насъ, русскихъ, самую главную трудность въ борьбѣ: особенности духовнаго и военнаго положенія Россіи. Какъ бы мы ни болѣли за Россію, то, что рѣшается сейчасъ въ мірѣ, по своему значенію и своимъ послѣдствіямъ далеко превосходитъ собою важность того, что можетъ случиться съ однимъ народомъ, даже если это нашъ народъ. Спасеніе или гибель сейчасъ возможны для всѣхъ, а не въ одиночку. Россія спасется, если спасется культурное человечество.

Что ожидаетъ насъ всѣхъ въ случаѣ побѣды тоталитарныхъ силъ, это ясно, хотя и трудно вообразимо. Это конецъ всего. Фашистско-коммунистическая революція повсемѣстно въ Европѣ и медленное умираніе въ безчеловѣчной деспотіи. Побѣда демократіи сама по себѣ не рѣшаетъ никакихъ проблемъ, приведшихъ къ войнѣ и революціи, но она означаетъ возможность ихъ рѣшенія. Не спасеніе, а шансъ на спасеніе. Рѣшаетъ, — въ той мѣрѣ, въ какой спасеніе зависитъ отъ человѣка, — духовное напряженіе, сосредоточенность «доброй воли». Демократіи не святыхъ, а очень грѣшныхъ. Но онѣ несутъ въ себѣ, какъ беременная женщина, новую жизнь. Поэтому и ихъ собственная жизнь священна.

Въ этой борьбѣ по существу не можетъ быть нейтральныхъ — развѣ только не рѣшившіе, не нашедшіе себя. По существу же не можетъ быть и половинчататаго исхода. Слишкомъ велико противостояніе духовныхъ міровъ, которые стоятъ за линіями фронта. И еще: такъ какъ война ведется не за интересы, а за святыхъ (война за вѣру), то въ ней не можетъ быть и тыла. Исходъ зависитъ отъ состоянія сознанія, отъ разума и воли каждаго изъ насъ. Милліоны человѣческихъ волей вступили въ борьбу — не другъ съ другомъ, а противъ враждебнаго образа міра. Въ такой войнѣ, при всемъ значеніи техники и числа, лишь духовно сильнѣйшему принадлежитъ побѣда.

Г. Федотовъ.

Национальное и мировое въ послѣвоенныхъ перспективахъ

На своей землѣ, въ ея нѣдрахъ, въ своихъ водахъ Россія имѣетъ почти все, что, при умѣнн утилизировать природныя богатства, способно удовлетворять развивающіяся потребности населенія государства модернъ. Россія, въ этомъ смыслѣ, мѣръ à part. Она можетъ быть автархіей. Ни одна другая страна, даже Соед. Штаты Америки — о Китаѣ трудно судить, онъ неизвѣданъ — такими возможностями не обладаетъ. Всѣмъ нужно прибѣгать къ огромному ввозу извнѣ, къ сложнымъ формамъ обмѣна товарами и оплаты товаровъ услугами. Пассивный торговый балансъ покрывается доходами отъ инвестиций за границей капитала, иностраннаго туризма, морского транспорта. Двѣ маленькія страны — Норвегія и Греція —, никогда не могли-бы имѣть ихъ нынѣшняго импорта, не будь у нихъ доходовъ отъ большого флота, развозящаго товары, которые, однако, не онѣ произвели и не онѣ будутъ потреблять. Нѣкоторыя, и притомъ крупнѣйшія индустріальныя націи, имѣютъ на своей территоріи минимумъ необходимаго ихъ сырья и провіанта. Англія имѣетъ въ избыткѣ лишь уголь и известь. Остальное: хлѣбъ, мясо, фуражъ, фрукты, вино, сахаръ, чай, табакъ, растительные жиры, лѣсъ, каучукъ, мѣха, шерсть, хлопокъ, желѣзо (своего не хватаетъ), нефть, мѣль, цинкъ, марганецъ, никкель, хромъ, ртуть, фосфатъ, калий, сѣру и т. д. она принуждена ввозить. Соціализированы-ли въ ней фабрики и банки, существуетъ-ли въ ней капиталистическая собственность или нѣтъ, стоитъ-ли во главѣ англійскаго государства консерваторъ Чемберленъ или социалистъ Эттли, это существа проблемы и и въ чемъ не иѣняетъ. Она внѣ формулы, кониъ мысль социалистовъ придавала и въ нѣкоторыхъ кругахъ все еще придаетъ магическое значеніе. При всякихъ комбинаціяхъ нужно ввозить и вывозить товары на мировой рынокъ. И часто для пріобрѣтенія товара у одной націи, нужно продать другіе товары 25 или 30 націямъ. Благополучіе многихъ странъ иѣ-

дикомъ опредѣляется ихъ положеніемъ на мировомъ рынкѣ. Оживленіе экономической активности, устраненіе безработицы, ростъ заработной платы, уровень удовлетворенія социальныхъ потребностей, повышеніе затратъ на культурныя цѣли, уменьшеніе непродовольственныхъ затратъ на вооруженіе, прямо зависятъ отъ состоянія мирового хозяйства, спокойствія и конъюнктуры на мировомъ рынкѣ. Проблема развитія національныхъ экономикъ въ наши дни цѣлкомъ упирается въ проблему развитія и организациі мировой экономики.

Этого не было раньше. Это новый этапъ, къ которому пришло социальное, экономическое, техническое мировое развитіе. Цѣлая часть земного шара жила до послѣдняго времени почти сама по себѣ и въ себѣ. Онѣ не имѣли быстрой, широкой, постоянной связи съ другими. Развитіе морского, желѣзнодорожнаго, автомобильнаго, авіаціоннаго транспорта и такихъ средствъ общенія, какъ радіо, создало за послѣднія двадцать лѣтъ совершенно исключительную по силѣ и быстротѣ мѣръ охватывающую связь. Техника побѣдила пространство, время. Дальнія страны сдѣлались близкими. Природныя богатства, находящіяся на той или иной территоріи, имѣвшія только мѣстный интересъ, превращаются въ объектъ всеобщаго значенія. Мировую цѣнность получаютъ, напримѣръ, лѣсныя пространства Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Канады, Россіи. Повсемѣстный ростъ народнаго образованія и культуры, вызывающій растущее потребленіе бумаги и изобрѣтеніе новаго вида текстиля («искусственный шелкъ») требуетъ лѣса. И онѣ, увы, истребляется съ невѣроятнымъ хищничествомъ, такъ какъ при удовлетвореніи колоссально выросшей потребности вырубка лѣса сейчасъ въ полтора раза превышаетъ его приростъ. Появленіе автомобилей, вызвавъ потребность въ шинахъ, придало такое же мировое значеніе плантаціямъ каучука въ Британской Малезіи, Нидерландской Индіи, французскомъ Индо-Китаѣ. Изобрѣтеніе мотора, работающаго на жидкомъ топливѣ, получившее гигантское практическое примѣненіе, приковало интересъ міра къ мѣсторожденіямъ нефти, вызвавъ за послѣднее время такую связь съ Мексикой, Колумбіей, Венесуэлой, Румыніей, Ираномъ, Иракомъ, какой до сего дня не было. Техническая революція, созданная примѣненіемъ новыхъ и рѣдкихъ металловъ со своей стороны, толкаетъ къ новой, постоянной связи съ Канадой (и съ Финляндіей?) — у нея есть никкель, съ Южной Родезіей, — у нея хромъ, съ Китаемъ — тунгстенъ, съ Перу — ваннадій, съ Боливіей — антимоній. Отъ китайскаго

тунгстена, перувианскаго ваннадіа, хрома Родезіа въ значительной степени зависить социальный вопросъ: длина мірового рабочаго дня. Эти металлы будучи прибавлены къ стали, даютъ сверхтвердые сплавы, быстрорѣзущую сталь, позволяющую на станкахъ въ машиностроении выполнять съ ускоренной быстрой работой, иначе говоря, создавать условия для болѣе короткаго рабочаго дня.

Запросы къ міровому рынку, усложняясь и варьируя, нарастаютъ. Приростъ населенія въ однихъ странахъ, въ другихъ — характерная черта нашей эпохи — нетерпѣливая жажда народныхъ массъ повысить свой жизненный уровень, требуютъ увеличенія производства матеріальныхъ цѣнностей. Для увеличенія же производства и, въ связи съ этимъ, полученія извнѣ большаго количества сырья (и пищи), т. е. большаго импорта, нуженъ, на основаніи закона обмѣна, и болѣе экспорть. Міровой рынокъ, фигурально говоря, гигантская чаша, наполняемая всякимъ добромъ. Всѣ обязаны изъ своего хозяйства вынести что-то на міровой базаръ. Въ чашу мірового рынка кладутъ. Изъ нея же непрестанно берутъ. Всѣ хотятъ зачерпнуть «ложкой побольше». Въ то же время положить въ чашу поменьше. А такъ какъ законъ обмѣна, настаивающій на принципѣ эквивалентности услугъ, тому энергично сопротивляется, желаніе больше импортировать должно сопровождаться обязанностью, въ разной формѣ и разными блага, больше экспортировать. Вотъ мы и у источника міровой склоки и войнъ. Вѣдь желаніе экспансіи, возможно большаго импорта и экспорта, обнаруживаетъ не одна страна, а всѣ или почти всѣ. Ихъ интересы, при существующемъ характерѣ міровой системы, несомнѣнно сталкиваются и расходятся. Какъ, напримѣръ, согласовать экспансію Германіи въ Китай, Ближній Востокъ, Южную Америку съ экспансіей на тѣ-же рынки Англии? Или — какъ согласовать законное желаніе Японіи экономически выскочить изъ ея бѣдныхъ острововъ съ законными интересами Китая?

Можно считать подавляемымъ инстинктомъ, біологическимъ закономъ, общимъ правиломъ, что, за исключеніемъ святыхъ, всякій человекъ цѣнитъ свою жизнь, свой интересъ больше, чѣмъ жизнь и интересъ другихъ людей. Правда, мы знаемъ множество случаевъ самопожертвованія (на войнѣ, при стихійныхъ бѣдствіяхъ), проявленій подлиннаго «христіанства». Съ цѣлью ихъ прославленія и моральнаго воспитанія человечества, они бы должны не отмѣчаться незамѣтнымъ петитомъ въ газетныхъ хроникахъ происшествій, а заноситься въ золотую книгу

почести, которую слѣдовало-бы издавать государствамъ, или Ватикану. или Лигѣ Націй. Но какъ-бы ни были многочисленны подобныя факты, не приходится доказывать, что проповѣдь двухъ тысячъ лѣтъ «люби ближняго, какъ самаго себя» пала все-же на каменистую почву. Признаніе другой личности въ историческомъ развитіи выросло гигантски, но мы продолжаемъ себя любить больше, чѣмъ ближняго. Другой человекъ часто намъ представляется только, какъ нѣкая геометрическая фигура. Случается, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, 12 милліоновъ китайцевъ гибнуть отъ наводненія. Мы говорили: «какой ужасъ», однако, этотъ ужасъ можемъ чрезъ секунду забыть. «Наше сердце, сказалъ одинъ итальянскій писатель, слишкомъ мало, чтобы вмѣщать въ себя сочувствіе, жалость и откликъ на страданія всего человечества».

Сказанное объ индивидуумѣ примѣнимо еще съ большей силою къ социальнымъ группамъ, коллективностямъ, гдѣ эгоизмъ проступаетъ гораздо грубѣе, чѣмъ у отдѣльныхъ людей. Эгоцентризмъ и эгонизмъ достигаетъ уже высшей степени у націй, интимно связанныхъ собирательныхъ личностей, создаваемыхъ исторіей, географіей и какими-то особыми факторами, познаніе природы которыхъ пока очень несовершенно. Австрійскій ученый Блюдорнъ въ мемварной запискѣ, представленной нѣсколько лѣтъ назадъ в *Conférence Permanente des Hautes Etudes Internationales* о препятствіяхъ къ рѣшенію мирнымъ путемъ столкновеній націй, правильно указалъ, что эгоистическое начало, заложенное въ человѣческой личности и подавляемое моралью (не только ею! и государствомъ! Е. Ю.), у націй почти безпрепятственно развертывается въ «спящій эгоизмъ» (и «слѣпой эгоизмъ», какъ недавно сказала Рузвельтъ). Націи могутъ себя жестоко критиковать, но въ глубинѣ души онѣ все таки всегда считаютъ себя правыми. Онѣ видятъ сучекъ въ чужомъ глазу и не видятъ бревна въ собственномъ глазу. Требованія и нужды другихъ націй обычно кажутся чрезмѣрными, необоснованными, продиктованными самыми низкими мотивами. Тѣ же мотивы и тѣ же интересы у себя націи считаютъ естественными, «достоинными защиты и справедливыми». «Богатое государство гораздо менѣе легко, чѣмъ это слѣлалъ бы частный человекъ, согласится уступить бѣдной странѣ частицу своихъ богатствъ, хотя-бы знало, что такой великодушный жестъ обезпечитъ мировое спокойствіе». Нація неизмѣримо больше, чѣмъ отдѣльный человекъ, проникнута убѣжденіемъ, что «своя рубашка ближе къ тѣлу» и что жизнь этой націи цѣннѣе и дороже, чѣмъ жизнь другихъ націй.

Этот неоспоримый факт недавно представился во всей его трагической выразительности при обсуждении в Лиге Наций вопроса об исключении Советской России. Случай для опытки поведения страны был, можно сказать, классическим. Стосороклетимилліонное огромное государство, членъ Лиги Наций, подписавшій и пактъ Келлога-Бриана о неприбѣганіи къ войнѣ, и договоръ о небомбардировкѣ городовъ и мирнаго населенія, на весь міръ кричавшее о своей ненависти къ «агрессорамъ», о своей любви и защитѣ мира, о своемъ непоколебимомъ рѣшеніи охранять права маленькихъ націй, скидывая маску, безъ объявленія войны, безъ предупрежденій, врывается, какъ бандитъ (желаніе овладѣть финляндскимъ никкелемъ — одна изъ причинъ), въ крошечную, мирную, глубоко культурную, никому не угрожающую страну, разрушаетъ ея города, убиваетъ бомбачи женщинъ и дѣтей. Этого бандита нужно заклеить, выгнать изъ Лиги Наций, броситься на помощь жертвъ. Происходить другое. Рядъ государствъ, всѣ члены Лиги Наций, уклоняются отъ сужденія вообще и открытаго осужденія бандита. Маленькая Доминиканская республика съ ея полутора милліоннымъ населеніемъ смѣло бросаетъ слово презрѣнія и негодованія по адресу насильника, но вотъ Афганистанъ, Иранъ, Турція, Румынія, Эстонія, Латвія, Литва молчатъ. Почему? Да потому, что онѣ находятся не за тысячи километровъ отъ московскаго кулака, а въ сферѣ, доступной смертоносной чести советскихъ танковъ, аэроплановъ, бомбъ и флота. Каждая изъ перечисленныхъ странъ поэтому говоритъ: лучше помолчу, моя жизнь мнѣ дороже, чѣмъ жизнь Финляндіи. Китай, испытывающій на себѣ тяжесть японскаго вторженія, вмѣстѣ съ другими долженъ-былъ бы заклеить насильничество. Онъ «воздерживается». «Мои интересы ближе мнѣ, чѣмъ жизнь, я получаю изъ Москвы оружіе». Воздерживается и Болгарія. Ея рубашка ближе къ ея тѣлу, она мечтаетъ съ помощью Россіи выхватить у Румыніи Добруджу. Наибольшее вниманіе привлекаетъ, конечно, позиція Даніи, Норвегіи, Швеціи. Скандинавскія страны — цвѣтъ современнаго человѣчества. Ихъ морально-культурное развитіе (кстати сказать, онѣ всѣ возглавляются настоящими социалистами) стоитъ на ступени, не достигнутой другими народами. Сочувствіе Финляндіи въ нихъ огромно. Ихъ открытая помощь спасла-бы ее. Тѣмъ не менѣе, онѣ уклонились отъ осужденія СССР. «Я не могу броситься на помощь, бандитъ или его сообщникъ можетъ меня убить. Моя жизнь дороже, чѣмъ жизнь Финляндіи».

Люди, ходящіе по землѣ иной разъ очень невысоко, но

изъ любви къ себѣ и самопрославленія словесно забирающіеся на высочайшіе ходулы морали, будутъ по адресу скандинавскихъ странъ держать рѣчи о паденіи общественной нравственности и ихъ подлочь страхъ за свою шкуру. Бросимъ эти рѣчи о «шкурныхъ» національныхъ интересахъ. «Врачъ, исцѣлись самъ!» Жизнь есть жизнь, и таинственна. При всѣхъ желаніяхъ ее исправить нужно исходить изъ дѣйствительности, какой она есть, изъ «чистаго опыта», выразимся словами философа Р. Авенаріуса, а не изъ фантазій, благочестивыхъ предположеній, выдуманныхъ предпосылокъ, игры съ фантомами. Поэтому нѣтъ занятія болѣе бесплоднаго и донкихотскаго, какъ мысленно конструировать завтрашній, послѣвоенный новый лучший міръ интернаціональныхъ отношеній, пользуясь идеей созданія святыхъ націй, лишенныхъ всякаго эгоизма, для общаго блага отдающихъ свою рубашку, свой хлѣбъ, даже жизнь, другимъ близкимъ и дальнимъ народамъ. Но нація не только цѣнять свою жизнь и свои интересы больше, чѣмъ жизнь другихъ; каждая изъ нихъ стремится лучше жить, выкроить себѣ по возможности лучшей кусокъ, имѣть получше и даже лучшее мѣсто подъ солнцемъ. Такой «империализмъ» тоже вѣдренъ въ инстинктъ всѣхъ націй. Реальный политикъ, живущій на грѣшной землѣ, а не на облакахъ утопій, долженъ учесть и этотъ фактъ. Мысля о лучшей мировой системѣ, онъ долженъ всегда исходить изъ того, что всякая физически и духовно нормальная нація, большая или малая — безразлично, провозглашаетъ и должна провозглашать не просто право на жизнь, этого мало, а неподавляемое право на дальнѣйшее и непрерывное улучшение своей жизни. Господствуй сейчасъ въ мировой системѣ нѣкая предустановленная гармонія или будь сознательно она переустроена коллективной волей такъ, чтобы между развитіемъ и благосостояніемъ мирового шлага и каждой его части существовали синхронизмъ, соответствіе, какая-то необходимая экономическая, техническая, культурная пропорціональность, чтобы отсталая часть подтягивалась кверху къ лучшей жизни съ большей быстротой, чѣмъ страны уже достигшія высокаго уровня, чтобы ростъ мирового уровня немедленно ощущался какъ благо каждой національной единицей, а самое развитіе шлага шло, пусть медленно, но увѣренно, безъ перебоевъ, паденій, перерывовъ, кризисовъ — причины мировой склоки исчезли-бы совсѣмъ или были-бы рѣзко смягчены. Міръ очень далекъ отъ такой гармоніи. Онъ пронизанъ экономическими противорѣчьями. Онъ раздирается національными эгоизмами. Выгодное одной странѣ, невыгодно

другой. Одна национальная экспансия наталкивается на другую, ей противоположную. В мировой системе нет регулятора с функциями и ролью, подобными тем, что имеют государственная власть в каждой стране. Мировая система анархична. Есть, говорить Робинс, мировая экономика, нет в ней никакой мировой политики. Международное право не охватывает земной шар, не имеет силы закона. Пакты типа Келлога-Бриана подписываются и не выполняются. Центральная инстанция Мира — Лига Наций, созданная в 1919 г., слишком слаба и несовершенна, чтобы внедрить в мировую жизнь порядок, право, закон. При отсутствии же регулятора, жизнь в критические моменты увлекает с себя одежду истории и социологии и в наготе приближается к своей первооснове — зоологии.

У маленьких наций воля к жизни и лучшей жизни не сопровождается особо опасной волей к власти, хотя столкновения и между ними принимают свирепый характер. Достаточно вспомнить факты последних лет: войну Боливии и Парагвая, столкновения палестинских евреев и арабов, Доминиканской республики и Гаити, Польши и Литвы, распри на Балканском полуострове, апокалиптический исход 1.400.000 греков, изгнанных из Турции. Все меркнет пред разгулом крупных и сильных наций. Своей агрессией они производят вулканическое потрясение мирового общежития. Оно, как в эту войну, все содрогается. В желании большого количества «пищи», понимая под ней весь круг выросших, но не находящих себе удовлетворение потребностей, в стремлении силою обезпечить эту пищу новым, расширенным «жизненным пространством», такие нации подобны крупному хищному животному в джунглях... Накидывая на свою жертву, они растерзывают ее на куски. Так поступила Германия с Польшей; в этих джунглях сталинизированная Россия была геной, подбиравшей останки растерзанного тела.

Переводя зоологические и биологические терцины, которыми мы пользовались, — без какой-то же апелляции к ним нельзя обойтись при «конечном» анализе мистики и мистерий истории — на язык политико-экономической и социологической, следует сказать, что борьба наций за жизнь, лучшую жизнь и связанную с ними волю к власти, проявляется в виде борьбы за рынки, устранение конкурентов, гегемонию на рынках, вырывание территорий у других наций, отнятия источников сырья, овладения колониями, передёла их, выхватывания их у тех, кто ими раньше обзавелся, извращения закона обмена, запре-

щенія иммиграціи, установленія таможенныхъ барьеровъ и т. д. Въ этомъ экономической антагонизмъ націй. На этой почвѣ бродятъ демоны войны, грозящіе при современной техникѣ оставить голаго человѣка на голой землѣ. На этой основѣ вырождается то агрессивный, то защитный, то ущемленіемъ созданный озлобленный націонализмъ. Однако, величайшей ошибкой было бы его смѣшивать, впадая въ бесплодный космополитизмъ, съ «национализмомъ», какъ неотъемлемымъ правомъ на національную физіономію. Безъ національности нѣтъ лика и личности націи. Есть только неопредѣленное, еще не поднявшееся, тѣсто расы. «Национальности» и обогащенной новымъ социальнымъ и культурнымъ содержаніемъ идеѣ націи предстоитъ въ открывающуюся предъ нами эпоху сыграть грандіозную организующую роль. Идея націи и національнаго объединенія должна, во-первыхъ, замѣстить, вытѣснить собою идею непрестанной борьбы классовъ внутри націй, бывшую вполнѣ закономѣрной въ прошломъ и на извѣстной низшей стадіи развитія, но теперь, въ новыхъ условіяхъ, ничего прогрессивнаго не несущую. Во-вторыхъ, идея націи является фундаментальной идеей при устройеніи и упорядоченіи міроваго общежитія, оно строится націями (государствами), а не космополитическимъ человѣкомъ и не классами. Но объ этомъ ниже.

Скорлупа орѣха скрываетъ ядро. Снявъ ее, всегда обнаруживается, что націи дерутся другъ съ другомъ не потому только, что кому-то не нравится языкъ, дѣвѣтъ, запахъ кожи, привычки или чужое «міровоззрѣніе». Борьба не ведется изъ простаго желанія «властвовать», а за что-то (отнимаемое или сохраняемое) и оно въ послѣднемъ анализѣ всегда оказывается чѣмъ-то матеріальнымъ. Въ отличіе отъ простыхъ біологическихъ породъ, нація обладаетъ двумя особыми чертами. Первая это «провидѣніе», подсознательное, полунстинктивное, очень часто совсѣмъ ложное, своихъ далекихъ интересовъ и, въ зависимости отъ того, созданіе вокругъ себя условій, которыя обезпечили бы «лучшее мѣсто» подъ солнцемъ не настоящему поколѣнію націи, а потомству, будущимъ поколѣніямъ. Въ такихъ случаяхъ борьба за что-то ведется не потому, что оно выгодно сейчасъ, а можетъ быть выгоднымъ значительно позднѣе. Вторая черта — совершенно своеобразный ростъ физическаго тѣла націи. Нація можетъ подчинять себѣ другія націи, другіе народы, другія расы. Она можетъ ихъ передѣлывать своей національной культурой. Ихъ денационализировать и ассимилировать, впитывать въ себя, чужого дѣ-

латъ своимъ, прибавлять къ себѣ. Отъ такого искусственно создаваемого роста, нація можетъ сдѣлаться многочисленнѣе, сильнѣе и, опираясь на это, претендовать и добиваться измѣненія своего положенія въ мировой системѣ. Часть такихъ попытокъ удастся, но, кажется, большинство ихъ, въ особенности въ наше время, бесплодно: изъ, якобы, ассимилированныхъ націй въ нѣкій подходящий моментъ появляется другая нація съ ея подлиннымъ лицомъ...

Обрисовавъ, какъ мы ихъ понимаемъ, обстановку и основу мировой распри, можно уже перейти къ вопросу, ставшему неизбежнымъ на достигнутой стадіи мирового развитія и, во всей его остротѣ, подтвержденному войной, затѣянной Германіей и сталинской Россіей. Даладье, Галифаксъ, Чемберленъ, Эттли, Блюмъ, папа Пій XII, Рузвельтъ, демократическія государства Европы взываютъ о необходимости созданія «новаго мирового порядка», «новаго строя международныхъ отношеній». «Мы, заявилъ 13 октября Чемберленъ, думаемъ не только о побѣдѣ. Мы смотримъ дальше, мысленно обращаясь къ дню, когда представится возможность заложить первые камни новой лучшей мировой системы, благодаря которой война перестанетъ быть неизбежнымъ бременемъ смѣняющихся поколѣній». Такова со стороны демократіи, официально прокламированная, цѣль войны. Проблема сводится къ тому, чтобы, при полномъ признаніи «биологіи», передвинуть исторію человечества на новые рельсы и, отдалившись отъ животныхъ, закончить съ обычаями джунглей. Одного разрушенія, разумѣется, мало, тѣмъ болѣе, что при двуликѣмъ Янусѣ — современной индустріи, одинъ аспектъ которой — мирный, другой — милитарный (та-же химія, аэропланы), переходъ отъ разрушенія къ вооруженію можетъ быть сдѣланъ очень быстро. Міру нужна сила, способная гдѣ-бы то ни было, на всѣхъ его дорогахъ, остановить агрессию, войну, бандитизмъ любой націи такъ же, какъ государство пресѣкаетъ насильственные акты своихъ гражданъ. Хорошо организованное и дѣйствительно демократическое государство даетъ возможность эволюціоннымъ мирнымъ путемъ, безъ баррикадъ, кровавыхъ, звѣрскихъ революцій, насильственныхъ захватовъ власти, производить глубокія преобразованія социальнo-экономическихъ основъ общества. Революціямъ въ старомъ смыслѣ слова и ихъ разномастнымъ, коммунистическимъ и инымъ, подстрекателямъ и идеологамъ, не можетъ и не должно быть мѣста при демократіи XX вѣка. Въ демократическомъ режимѣ просвѣщенный

и культурный народный массы имѣютъ обстановку, позволяющую осуществленіе всѣхъ имѣ желательныхъ и объективно возможныхъ социальныхъ измѣненій

Что вѣрно относительно отдѣльнаго государства, то вѣрно и въ международномъ порядкѣ. Война есть потрясеніе *status quo*. Это кровавая тяжкая революція въ мировой системѣ, стремящаяся варварскимъ, насильственнымъ путемъ разрушить порядокъ отношеній, выгодный однимъ, невыгодный другимъ. Нужно организовать такое «демократическое управленіе» мировой системы, при которомъ всѣ разумныя, законныя желанія націй, ихъ непоборимая тяга къ лучшей жизни, необходимыя для того, даже самая радикальныя, измѣненія внутри мировой системы и хозяйства, смогли-бы имѣть мѣсто въ обстановкѣ, по англійскому выраженію, *peaceful change*, мирнымъ путемъ. Ни въ международныхъ отношеніяхъ, ни внутри государствъ (демократическихъ) — войны, кровавой революціи, не должно быть мѣста. Обѣ идеи падаютъ вмѣстѣ. Нельзя, а такъ, напр., взгляды Муссолни, провозглашать классовый миръ внутри страны и, одновременно, войну, въ видѣ «классовой борьбы» націй, какъ принципъ переносить вовнѣ. Нельзя проклинать пассивистски войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ демократическихъ странахъ, призывать къ кровавой гражданской войнѣ и захвату пролетариатомъ власти. Подобно тому, какъ сговоръ всѣхъ классовъ и тѣсное сотрудничество всѣхъ организованныхъ экономическихъ профессій общества должны стать фундаментальнымъ принципомъ государства-модернъ, основнымъ правиломъ внутринациональной жизни, чтобы въ процессѣ этого сотрудничества постепенно уничтожить социальное неравенство, такъ мировой сговоръ организованныхъ націй, ихъ тѣсное сотрудничество для рѣшенія культурныхъ и социальныхъ вопросовъ, должны стать священнымъ принципомъ мировой жизни. Обѣ идеи составляютъ единое цѣлое. Онѣ органически дополняютъ другъ друга. Всякія попытки нарушить «коллективный договоръ» націй, всякое насильничество и агрессія, отвратительныя образцы которой дали националь-соціалистическая Германія и коммунизированная Россія, должны пресѣкаться «мировымъ полицейскимъ», вооруженной силой, организованной мировымъ коллективомъ націй. Какъ бы ни называлось такое представительство, не нужно забывать, что его первичнымъ образомъ, согласимся, слабымъ, очень несовершеннымъ, все таки является нынѣшняя Лига Націй. Это первая попытка исторіи замѣнить анархію мировой системы чѣкимъ регуляторомъ. Потому то нападки на

нее мы считаемъ вещь реакціонной. Въдъ Лига Націй, по часамъ исторіи, жила секунду.

Образованіе универсальнаго представительства націй — Лига Націй имъ не была — и снабженіе ея силою, способной поддерживать порядокъ (Лига Націй ея не имѣла) бы-ли-бы совершенно новой государственной и политической организаціей міра. Посильны-ли такія задания современному человечеству? Рѣшить ихъ трудно, но возможно. Но тутъ немедленно выплываетъ на сцену другая сторона вопроса: указанная организація не просуществуетъ долго или будетъ только охранительницей status quo, если, путемъ peaceful change, она не создастъ возможности развертываться праву всѣхъ націй на непрерывное улучшеніе ихъ жизни, если она не найдетъ «линій» для рѣшенія экономическихъ вопросовъ. Здѣсь-то и встаютъ гигантскія трудности. Онѣ не въ томъ, что нѣсколько упрощенно можно было-бы назвать «политикой», а въ «экономикѣ». Можно создать «мировую федерацію» государствъ (у многихъ авторовъ это сейчасъ просто слово, лишенное всякаго содержанія), только что она будетъ дѣлать эта «федерація», како е она дастъ рѣшеніе экономическихъ вопросовъ? Чтобы не размѣняться по сущимъ мелочамъ, нужно атаковать всю массу вопросовъ, она же сложности исключительной. Въ самомъ дѣлѣ: какъ согласовать законные эгоизмы націй и обезпечить ихъ національныя экспансіи такъ, чтобы онѣ не сталкивались враждебно? Этотъ вопросъ о «конкуренціи» разрѣшался марксистомъ съ демагогически-дѣтской простотой! Какими мѣрами и способами обезпечить безперебойное, безкризисное развитіе всей міровой экономической системы? Какъ — и это огромный общій вопросъ, къ сожалѣнію, не могущій здѣсь быть детализированнымъ — согласовать право на лучшую жизнь отсталыхъ, сельско-хозяйственныхъ странъ, для измененія своего положенія крайне заинтересованныхъ въ скорѣйшемъ развитіи собственной индустриі, съ правомъ на лучшую жизнь старыхъ индустриальныхъ странъ, у которыхъ индустриализація отсталыхъ странъ отымаетъ рынокъ и выдергиваетъ изъ подъ ногъ экономическую опору?

Указанные вопросы, переплетаясь съ другими, настолько остры, сложны и велики, что, это вѣроятно испытывалъ каждый человекъ, пытающійся отдать себѣ въ нихъ отчетъ, отъ нихъ кружится голова. Женевскій проф. Bourquin, генеральный докладчикъ въ 1937 г. на X sessioŋ Conférence Permanente des Hautes Etudes Internationales, правильно сказалъ: «чѣмъ больше входимъ въ существо вопросовъ, тѣмъ болѣе оно по-

ражасть своей сложностью. Существует на эту тему много проницательных работ, но каковы бы ни были их качества, это все только фрагменты. Есть много важных пропусков, но больше всего недостасть общей точки зрѣнія, охвата всего ансамбля проблемъ. Систематическій анализъ отсутствует. Можно сказать, что есть цѣнные матеріалы для постройки рѣшенія, но архитекторъ не задался цѣлью указать, какъ ихъ утилизировать и какое мѣсто они должны занять въ общемъ зданіи» (см. «Le problème des changements pacifiques», томъ посвященный X-ой сессіи). Другой ученый, проф. парижскаго университета Baudin, въ своей работѣ «Le système réglementé des relations économiques, source de paix ou de guerre», послѣ анализа экономическихъ проблемъ даже пришелъ къ убѣжденію, что въ этой области онѣ не разрѣшмы и что для ихъ рѣшенія нужно уйти въ другую область. «Нужно, говорить онъ, передѣлать самаго человѣка. Отправляясь отъ экономикки, мы (въ этомъ вопросѣ) незамѣтно, но фатально катимся къ проблемамъ, лежащимъ внѣ экономикки». Если бы уважаемый профессоръ сказалъ, что нужно нажимать на «обѣ кнопки» и на экономическую, и другую внѣэкономическую, съ этимъ можно было-бы согласиться. Думать же, что можно найти выходъ изъ положенія, апеллируя только къ моральной передѣлкѣ человѣка, не измѣняя параллельно его окружающую экономическую условію, — утопія.

Однако, можно-ли рѣшить социально-экономическія проблемы, сложность которыхъ, по выше цитированному выраженію, «поражаетъ» даже самыхъ компетентныхъ людей? Будь такой вопросъ поставленъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, нужно было-бы дать на него отрицательный отвѣтъ. Сейчасъ положеніе другое. Въ процессѣ мирового развитія создались, подготовились социальныя, экономическія, техническія, интеллектуальныя, научныя, моральныя предпосылки силы, возможности — этотъ вопросъ — начинать рѣшать. Только нужно, отдать себѣ гносеологически отчетъ, какой характеръ должно носить его рѣшеніе. Нельзя здѣсь вновь не упомянуть о марксизмѣ. Въ теченіе десятилѣтій существовала широчайше распространенная иллюзія, что въ официальной доктринѣ социализма есть научный секретъ полного рѣшенія «проклятыхъ мировыхъ вопросовъ». Марксизмъ былъ идеальной вещью для неискушенныхъ народныхъ массъ и всѣхъ насъ, не вкусившихъ, хотя-бы немного, плода древа познанія добра и зла. Все зло въ капиталистическомъ режимѣ, нужна классовая борьба, диктатура или власть пролетаріата, социализація

«Все зло въ капиталистическомъ режимѣ, нужна классовая средства и орудія производства» Въ руки попала магическая отвертка отъ всѣхъ зачковъ мірозданія и всѣхъ его секретовъ. портиативное всеобъясняющее, несеразрѣшающее міровоззрѣніе.

«При капитализмѣ мы, социалисты, — говорилъ, восхваляя эту отвертку, Л. Блюмъ, — не претендуемъ ни въ нашей политической дѣятельности, ни въ теоретической дискуссіи дать полное рѣшеніе проблемъ, которая чувствуемъ неразрѣшимыми, другія непреодолимыми потому, что онѣ прямо порождены социальнымъ режимомъ нами отвергаемымъ (зоологическая природа человѣка очевидно, тоже порождена капитализмомъ? Е. Ю.). Если же усилимъ разума и воображенія войти въ социалистическую концепцію, всѣ эти трудности не только разрѣшаются сами собой («se résolvent d'elles-mêmes»), но станутъ непостижимымъ, какъ онѣ могли существовать. Появится не только рѣшеніе, сама проблема исчезнетъ».

Пока проблемы стояли въ смутной, безконечной дали, можно еще было вѣрять въ такіе фокусы-покусы, въ магію, разрѣшающую всѣ неразрѣшимые вопросы. Теперь, когда «проблемы» подкатились прямо подъ носъ, только слѣпые не видятъ, что съ простой отверткой къ нимъ не подойдешь. И когда у офціального социализма въ наши дни спрашиваютъ, какое практическое (объ этомъ вѣдь идетъ рѣчь) рѣшеніе даетъ онъ этимъ сложнымъ вопросамъ, ему или абсолютно нечего сказать, кромѣ старыхъ, истасканныхъ словъ, или онъ говоритъ то, что, напримѣръ, говоритъ вождь англійскіхъ социалистовъ — Эттли. А при анализѣ это оказывается малымъ, противорѣчивымъ, неяснымъ и могло-бы быть сказано любымъ либераломъ. Дѣтская вѣра въ знаніе «конечныхъ цѣлей» мірозданія, иллюзія о силѣ магическихъ формулъ умерли, — не безъ помощи «урока», даннаго Россіей, и умираетъ. Мы горячо приѣтствуемъ это очищеніе умственного горизонта, освобожденіе милліоновъ людей изъ подъ власти фантомовъ. Это основное условіе превращенія социализма въ отвѣтственную, реалистически мыслящую, сознательную, творческую общественную силу, толкающую на осуществленіе въ мірѣ социальной справедливости, научно ведущую къ лучшему народныя массы.

Если нѣтъ «рѣшенія» въ духѣ марксизма, что же тогда есть? Проблемы переустройства міровой системы, поставленныя сейчасъ предъ человѣчествомъ, можно не рѣшать въ разѣ навсегда, а рѣшать. Это не единичный актъ, а долгій историческій процессъ. Для рѣшенія мировыхъ проблемъ нужна не формула — въ 9 строкъ, приобретаемая за нѣсколько су и въ

одну минуту излагаемая за чашкой кофе, а очень сложный, но все-таки осуществимый (при социализации и безъ нея) комплексъ конкретныхъ широкихъ, практическихъ мѣропріятій. Необходимыя мѣропріятія политическаго, социальнаго, экономическаго, финансоваго, техническаго и культурнаго характера должна и можетъ провести лишь центральная міровая инстанція, универсальное представительство націй, обладающее реальной силою. Новизна историческаго положенія, открывающая новую эпоху въ мировомъ развитіи, въ томъ, что человѣчество, съ огромнымъ трудомъ, съ сопротивленіемъ, но все-таки постепенно подводится къ идеѣ мірового управляющаго центра, міровой согласованной политики, къ идеѣ воздѣйствія на всю мировую экономику. Проводить эту мировую политику, участвовать, со знаніемъ дѣла, въ выработкѣ ея конкретныхъ мѣропріятій, воспитывать народныя массы въ пониманіи мировыхъ вопросовъ и нуждъ въ условіяхъ согласованія интересовъ націй въ мировой системѣ — въ этомъ, а не въ мировыхъ революціяхъ и заключаются задачи сейчасъ социализма въ планѣ международномъ.

Уточняя общій характеръ требующихся мѣропріятій, а о нихъ нужно сказать, что въ процессѣ своего выдѣренія въ мировую систему, онѣ постепенно измѣняютъ и вещи, и людей, и отношенія между націями, создавая «новую землю и новое небо», слѣдуетъ подчеркнуть, что нахождение ихъ совокупности — дѣло науки. Время примитивнаго топора и примитивной сохи въ рѣшеніи социально-экономическихъ проблемъ, тѣмъ болѣе мірового масштаба, прошло. «Проклятые вопросы» рѣшаются не фокусъ-покусамъ, а научной мыслью. Практическія мѣропріятія должны вырабатываться коллективомъ мировыхъ ученыхъ и специалистовъ всѣхъ національностей, государствъ-додовъ, историковъ, техниковъ, экономистовъ, инженеровъ, статистиковъ, географовъ, гигиенистовъ, выдающихся государственныхъ людей, администраторовъ хозяйства и т. д. Думать, что послѣ стихійныхъ потрясеній, «мірового пожара», новый міръ появится самъ собою, какъ солнышко послѣ бури, — безсмыслица. Безъ сознательной, научно организующей, научно строящей воли, ведущей за собою десятки миллионовъ просвѣщенныя народныя массы, будетъ или хаосъ, или прежній строй отношеній.

Е. Юрьевскій.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Къ исторіи русско-польскихъ отношеній

Востанія столкновенія Россіи съ Польшей начались чуть ли не на самой зарѣ русскаго историческаго существованія. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» сообщаетъ, что въ 981 г. Владиміръ Св. силой отнялъ у польскаго короля Мѣшко города Перемышль, Червень и др., которые еще при Олѣгѣ признали власть кіевскаго князя, но затѣмъ, при обстоятельствеахъ не вполне ясныхъ, перешли вновь къ Польшѣ.

Многовѣковая распря двухъ со-сѣднихъ, родственныхъ по крови, народовъ, одно время прекратившаяся изъ-за отсутствія общихъ границъ и возобновившаяся съ ростомъ Московскаго государства, иногда прерывалась попытками враждующихъ сторонъ наладить между собой болѣе или менѣе прочный миръ и даже извѣстныя формы сотрудничества. Однако, вплоть до конца XVII вѣка, всѣ фактически заключенныя между Россіей и Польшей договоры Московскаго эпохи являлись въ глазахъ обѣихъ сторонъ не болѣе, какъ откровенной передышкой въ ихъ затянувшейся борьбѣ.

Къ тяжелому психологическому наслѣдству, созданному длиннымъ рядомъ военныхъ столкновеній, съ теченіемъ времени прибавились

не менѣе тяжкія воспоминанія о систематическихъ насиліяхъ побѣдителей надъ побѣжденными, — русскихъ надъ поляками, или обратно, поляковъ надъ русскими, — въ зависимости отъ того, какая изъ двухъ сторонъ въ данный историческій моментъ оказывалась сильнѣе.

Одно время значительная часть древней Руси находилась подъ властью Польши. Страшно разоренныя татарами и оторванныя ими отъ русскаго сѣверо-востока, западныя и южныя русскія земли частью добровольно, частью покоренныя, встали въ зависимость отъ литовскихъ князей. При обилии русскаго элемента въ Литвѣ и его несравненно болѣе высокой культурности по сравненію съ литовцами, прежнее Литовское княжество незамѣтно и быстро превратилось въ государство Литовско-Русское. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока польское вліяніе не смѣнилось въ Литвѣ болѣе древняго, русскаго. Начало этой перемѣнѣ было положено въ 1386 г. уніей, заключенной между Великимъ княжествомъ Литовскимъ и королевствомъ польскимъ. Политическое и культурное сближеніе Литвы съ Польшей, сопровождавшееся неуклон-

но резултатни притѣсненіями русскихъ людей, повлекло за собой неисчислимыя послѣдствія для судьбы всей восточной Европы. Еще въ XIV-мъ вѣкѣ могло казаться, что не великорусской столицѣ, Москвѣ, а столицѣ литовской, Вильно, суждено будетъ выполнить завѣщанную еще кіевскимъ періодомъ русской исторіи задачу политическаго собиранія всей Руси*). Въ XV столѣтіи Москва въ дѣлѣ этого собиранія уже болѣе не имѣла сколько нибудь опасныхъ соперниковъ. Въ самой Литвѣ русскіе люди все чаще и чаще начинаютъ обращать свои взоры на единовѣрную Москву. Непрѣменно растетъ количество русскихъ людей, отъѣзжающихъ отъ Литовскаго великаго князя на службу къ государю московскому. Москва все рѣшительнѣе стягивается въ литовскія дѣла. Растущая московская гроза заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Литовское княженіе все тѣснѣе сближаться съ Польшей. Въ 1569 г. Литва и Польша сливаются, наконецъ, въ одно государственное гѣло, получившее наименованіе Речи Посполитой.

Съ тѣхъ поръ, какъ Люблинская унія 1569 г. подчинила южную половину Литовскаго княжества, — Вольшь и Подлясье, Подолье и Кіевскую землю, — непосредственно Польшѣ, опоячаніе и ока-

*) Въ теченіе XIII и XIV вв. къ Литовскому государству присоединились или были присоединены земли: Полоцкая, Витебская, Минская, Туровская, Пинская, Кіевская, Черниговская, Сѣверская, Вольшьская, Подольская и Смоленская, т. е. добрая половина всей древней Руси.

толченіе ископыхъ русскихъ земель сдѣлалось предметомъ энергичныхъ заботъ со стороны польскаго правительства и польской шляхты.

Верхи мѣстнаго русскаго общества въ большинствѣ сравнительно быстро и безболѣзненно денационализировались, дополнивъ собой ряды польскаго дворянства и польской знати. Не ботьне устойчивости показали и отдѣльные іерархи русской церкви, охотно согласившіеся на Брескомъ соборѣ 1569 г. на заключеніи уніи съ католической церковью. Однако масса русскаго населенія Речи Посполитой упорно продолжала держаться своихъ ископыхъ религиозныхъ и національныхъ традицій. Тяжкое экономическое и правовое положеніе русскихъ «хлоповъ», а также разнаго рода толченія систематически обрушившіяся на православныхъ, въ концѣ концовъ только усиливали ненависть мѣстнаго русскаго населенія къ польскимъ государственнымъ порядкамъ и вообще ко всему польскому.

Въ вопросахъ вѣры духовными вождями русскаго населенія Речи Посполитой выступили отдѣльные, немногочисленные, вельможи, вродѣ князей Острожскихъ, не измѣнившихъ своей отеческой вѣрѣ, не принявшее уніи православное духовенство съ Кіевскимъ митрополитомъ во главѣ, монастыри, въ особенности Кіево-Печерскій, наконецъ, организованные въ братства прихожане. Выразителемъ же социальнаго недовольства православнаго посольства, т. е. мѣщанъ и крестьянъ, явилось мѣстное козачество. Козачскія возстанія въ Польшѣ не переставали вспыхивать въ теченіе

всей первой половины XVII в. Однако справиться съ польскимъ войскомъ казаки въ концѣ концовъ не могли, и потому мысль козацкихъ вождей силою ишей начинается все чаще и чаще обращаться къ Москвѣ. Значенитому козацкому вождю, «гетману войска запорожскаго», Богдану Хмельницкому къ 1654 году удалось, наконецъ, добиться московской «протекціи». Моментъ, когда Москва поддержала возставшихъ козаковъ, явился переломнымъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній. По условіямъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.) и подтвердившаго его впоследствии «вѣчнаго мира» съ Польшей (1686 годъ), къ Московскому государству была присоединена лѣвобережная Украина съ Киевомъ, а также Смоленскъ и Сѣверская земля, утраченные при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ.

Весь періодъ, начиная со времени заключенія «вѣчнаго мира» и кончая польскими раздѣлами, былъ эпохой рѣшительнаго русскаго преобладанія надъ Польшей. Тѣмъ не менѣе еще и передъ самими раздѣлами положеніе православныхъ на территоріи Речи Посполитой оставалось попрежнему тяжкимъ. Вопросъ о диссидентствѣ, т. е. польскихъ подданныхъ православнаго вѣроисповѣданія, и послужилъ вѣвшимъ основаніемъ для вѣшательства Екатерины II во внутреннія дѣла Польши.

Россія сама по себѣ не шла дальше притязаній на исконныя русскія земли. Мысль о раздѣлѣ коренной, этнографической, Польши была ой чужда. Идея польскаго раздѣла давно уже зрѣла въ головѣ прусскаго короля Фридриха.

Послѣ нѣсколькихъ неудавшихся попытокъ задушить эту мысль русскому правительству, онъ въ концѣ концовъ сумѣлъ настоять на своемъ. По всѣмъ тремъ раздѣламъ (1773, 1793 и 1795 гг.) Россія взяла себѣ земли литовскія, бѣлорусскія и украинскія и ни одного клочка земли съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ. «Я не могу, — заявила Екатерина II полякамъ, просившимъ ее принять титулъ польской королевы, — быть польской королевой, такъ какъ не взяла ни одной пяди польской земли, а только свое исконное, русское». Какъ бы то ни было, въ концѣ XVIII вѣка при непосредственномъ участіи Россіи и при ея могущественной поддержкѣ надъ культурной страной, имѣвшей всѣ права на самостоятельное независимое существованіе, было совершено величайшее насиліе. Польское государство перестало существовать. Коренныя польскія земли были подѣлены между Пруссіей и Австріей. Польшія заодно получила часть «отчины Св. Владиміра», Галицію. Впоследствии, на Вѣскомъ конгрессѣ, Александръ I тщетно пытался создать подъ своимъ скипетромъ изъ разрозненныхъ частей этнографической Польши единое «Царство Польское». Австрія, Англія, Франція и Пруссія, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Россіи, предпочли тогда совершить новый передѣлъ коренныхъ польскихъ земель между тремя сосѣдними государствами, не считаясь совершенно съ интересами раздираемой на части страны.

Польскіе раздѣлы, въ томъ видѣ, въ какомъ они произошли, въ русскомъ обществѣ особаго энтузіазма вызвать не могли. Впоследствии

ствии русское демократическое мнѣніе ихъ съ величайшимъ единодушіемъ осудило. Отрицательно отнестись къ польскимъ раздѣламъ и русская историческая наука. Знаменитый московскій профессор В. О. Ключевскій еще въ прошломъ столѣтіи внушалъ поколѣніемъ русской молодежи, что для Россіи во времена Екатерины II «вопросъ стоялъ не въ раздѣленіи Польши, а въ воссоединеніи Западной Руси. ...Нужно было спасти Западную Русь отъ ополченія, а не отдавать Польшу на опѣчеченіе, иначе говоря, нужно было слѣзть Польшу настоящей Польшей, ввести ее въ настоящую этнографію. ...Польскіе раздѣлы, — заключаетъ В. О. Ключевскій, — я считаю ошибкой даже и съ общеславянской точки зрѣнія»). Въ польскихъ общественныхъ кругахъ раздѣлы никакъ не могли вызвать горя, искренняго возмущенія и горячаго желанія какъ можно

*) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Т. V. Изд. 1937 г. Стр. 44. Приблизительно такъ же оцѣниваетъ польскіе раздѣлы и довольно типичный представитель петербургской школы историковъ, проф. Е. Шмурло: «Раздѣлъ Польши былъ Екатериной II навязанъ; съ поляками она предпочла бы имѣть дѣло независимо отъ участіи въ дѣлѣ. Екатерина пожинала горькіе плоды неразумной политики Петра III и своихъ собственныхъ ошибокъ. Для русскаго дѣла состоянній раздѣлъ Польши былъ пагубенъ». Русская исторія. Мюнхенъ. 1922 г. Стр. 391.

скорѣе и всеми доступными средствами возстановить Польшу.

Возстаніе 1830 года повлекло за собой уничтоженіе польской конституціи. Правительство Николая I, не связанное боѣе никакими конституціонными параграфами, не замедлило приступить къ русификаціи какъ коренной, этнографической Польши, такъ и, въ особенности, губерній отъ Польши присоединенныхъ. Разъ начавшись, эта русификація была прервана только первыми, «примирительными», годами царствованія Александра II. Но послѣ подавленія возстанія 1863 года, когда изъ officialнаго языка исчезло даже самое наименованіе «Царство Польское», замѣненное выраженіемъ «Привислинскія губерніи», всѣ колебанія правительства въ польскомъ вопросѣ закончились.

Русская правительственная система эпохи русификаціи Польши «сидѣлась на обѣздѣ, что польскій народъ можно путемъ репрессій или съ помощью обещаній крестьянской массѣ различныхъ выгодъ заставить отказываться отъ своей національности. Изгонялось все польское изъ школы или административнаго управленія»). Особенно рѣшительному разгрому подверглась польская національная жизнь въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Чтобы положить раз навсегда предѣлъ польскому вліянію въ этихъ губерніяхъ, правительство категорически запретило

*) А. А. Погодинъ Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 года. Москва. 1915 г. Стр. 96.

слицамъ польскаго происхожденія) приобретають въ нихъ земельную собственность. Исключеніе было сдѣлано только для случаевъ законнаго наследованія. Столь же энергично слѣдила власть стереть слѣды былаго польскаго господства въ краѣ и въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній. За предѣлами Царства Польскаго уніи, по просьбѣ униатскихъ епископовъ, была уничтожена еще въ 1839 г. При Александрѣ II та же мѣра была проведена и въ отношеніи униатовъ Холмской Руси. Униатамъ при ихъ превращеніи въ православныхъ приходилось иногда претерпѣвать приблизительно то, что переживали ихъ отдѣленные прямые предки, которыхъ польское правительство въ XVI-XVIII вѣкахъ силой загоняло изъ православія въ унию.

Антипольская русская правительственная политика достигла своего апогея при Александрѣ III. Въ 1885 г. единственно разрѣшеннымъ языкомъ преподаванія въ школахъ «Привислинскихъ губерній» былъ объявленъ языкъ русскій. Въ 1892 г. было повелѣно преподавать на русскомъ языкѣ даже католическій катехизисъ. Частные разговоры учениковъ между собой на польскомъ языкѣ въ стѣнахъ школы были въ свою очередь строжайшимъ образомъ запрещены. Въ губерніяхъ отъ генералъ - губернаторскихъ распоряженій воспрещалось употребленіе польскаго языка не только въ школахъ и административныхъ учрежденіяхъ, но и въ клубахъ, театрахъ, магазинахъ, лавкахъ, гуляньяхъ и «другихъ публичныхъ мѣстахъ», «если въ сихъ послѣднихъ случаяхъ польская рѣчь выходитъ изъ предѣ-

ловъ обычнаго частнаго разговора». Всѣ эти, и тѣмъ подобныя мѣры, принимались съ цѣлью «по степенно ввести польскій народъ въ русскую семью». Пока же этого не произошло, никакъ, какъ предполагаемыхъ «крамольниковъ», было запрещено назначать на какія бы то ни было государственныя должности не только въ самой Польшѣ, но и вообще во всѣхъ пограничныхъ губерніяхъ. Больше чѣмъ ненормальнымъ оставалось, наконецъ, и положеніе польской римско-католической церкви и ея служителей на всемъ протяженіи Россійской имперіи.

Жизнь не замедлила, конечно, показать, что агрессивная антипольская политика русскаго правительства являлась не только ничѣмъ неоправдываемымъ насиліемъ надъ польской націей, но и несомнѣнной ошибкой даже съ узкой польцейской точки зрѣнія. Съ ликвидаціей возстанія 1863 г. закончился, по словамъ польскаго историка Л. Крживицкаго, первый, дворянскій и романтическій, періодъ въ развитіи польской политической мысли и начался второй, буржуазный. Новые дѣятели не вѣрять больше ни въ возможность «обѣдовознаго возстанія, ни въ дѣйственную помощь Европы. «Богъ высоко, а французы далеко». «Польша, — утверждаютъ новые руководители польскаго общественнаго мнѣнія, — можетъ быть спасена только путемъ органической работы, т. е. развитіемъ науки, просвѣщенія, экономической дѣятельности, въ особенности, промышленности». «Наша программа требуетъ честнаго сотрудничества въ интересахъ всего государства, признанія власти и под-

держки ее во всем, что не имѣет цѣлью ограниченія нашего народнаго быта*) Антиспольская политика русскаго правительства сравнительно скоро доказала однако польскому обществу, что мысль о спасеніи Польши ложными путемъ по существу своему не менѣе «романтична», чѣмъ была надежда на побѣдосное возстаніе. Въ результатѣ люди, вѣрившіе въ возможность «польско-русскаго братскаго союза» и «соглашенія взаимныхъ русско-польскихъ интересовъ», приблизительно къ концу 80-хъ и началу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія лишились своего, недавно еще несма замѣтнаго, вліянія въ польскомъ обществѣ. Главнѣйшія польскія національныя группировки и партіи, начавшія образовываться въ 90-хъ годахъ, хотя и не отказывались отъ «органической работы», съ момента своего возникновенія прониклись жѣлденіемъ, что и чисто культурной дѣятельностью онѣ смогутъ сколько нибудь серьезно и систематически заняться, только добившись предварительно политическаго и національнаго освобожденія Польши. Даже интернационализмъ новой польской партіи П.П.С. (польская партія социалистическая) не помѣшалъ ей выставить въ своей программѣ, въ качествѣ одного изъ ея исходныхъ пунктовъ, лозунгъ «независимой Польши и вооруженнаго возстанія, какъ средства, къ ея достиженію. Партія «Народной демократіи» съ Романомъ Дмовскимъ

во главѣ, игравшая въ 900-хъ годахъ видную роль въ дѣлѣ идейнаго руководства польскимъ обществомъ, также проповѣдывала необходимость добиться «жельзомъ и кровью» независимости Польши. Изъ національныхъ польскихъ партій одна лишь «угодная», съ 1905 г. наименовавшая себя «реалистической», не настаивала на независимости Польши. Однако и для угодниковъ не могло въ концѣ концовъ не сдѣлаться яснымъ, что самая обыкновенная національная культурная работа была обречена въ русскай Польшѣ на подпольное существованіе.

Такимъ образомъ къ началу XX-го столѣтія возможность мирнаго улаженія наботѣвшихъ вопросовъ польской національной жизни, казалось была окончательно утрачена. Тѣмъ не менѣе первые же реальныя успѣхи русскаго освободительнаго движенія сразу, какъ бы по волшебству, измѣнили все связаннаыя съ этими вопросами перспективы.

Въ 1904-1906 гг между русскими и польскими общественными дѣятелями весьма быстро установилась атмосфера взаимнаго поиманія и довѣрія. Русскія прогрессивныя газеты читались теперь въ Варшавѣ нарасхватъ. Талантливый польскій писатель Болеславъ Прусь выражалъ несомнѣнно подлинныя настроенія широкихъ польскихъ общественныхъ круговъ, когда онъ писалъ въ 1905 г.: «если положеніе польскаго общества измѣнится къ лучшему, то оно будетъ обязано этимъ начавшемуся въ Россіи реформаторскому движенію, благороднѣйшіе выразители котораго руководятся гуманными принци-

*) Проф. А. А. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли (1863-1907 гг) СПб 1907 г. Стр. 385-449.

пами и требуют равноправія всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и народностямъ» Въ новой политической атмосферѣ стала быстро исчезать еще совѣмъ недавняя политическая непримиримость польскихъ національныхъ партій. На совѣщаніяхъ русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей, не разъ происходившихъ въ Москвѣ въ 1904-05 гг., обѣ стороны, и русская, и польская, сошлись на мысли объ автономіи Польши, причемъ всѣми участниками совѣщанія Польша мыслилась тогда въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Въ эти годы партія П.П.С. не поколебалась замѣнить своей прежней лозунгъ независимости Польши принципомъ польской территориальной автономіи съ «законодательнымъ сеймомъ», а «польское коло» за подписью 46 своихъ членовъ внесло во 2-ую Государственную Думу законопроектъ объ автономіи Польши въ границахъ 1815 г.

Радужныя ожиданія, которыя польское общество связало съ русскими политическими событіями 1904-06 гг., какъ извѣстно, не оправдались. Съ разгромомъ освободительнаго движенія вопросъ объ автономіи Польши былъ уже въ 1907 г. практически снятъ русскимъ правительствомъ и 3-ей Государственной Думой съ очереди. Изъ того тупика, въ который такимъ образомъ русско-польскія отношенія снова попали, они вновь были выведены лишь второй русской революціей 1917 г.

Въ 1830-31 гг. руководители польскаго возстанія обратились къ русскому обществу съ призывомъ бороться совместно «за нашу и вашу свободу». Отвѣтить въ полнотѣ на этотъ призывъ рус-

ская демократическая общественность смогла только тогда, когда она сама, хоть и на краткій мигъ, получила, наконецъ, возможность говорить полнымъ голосомъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ Россійскаго Временнаго Правительства явилось признаніе въ мартѣ 1917 г. независимости польскаго государства въ его этнографическихъ предѣлахъ. Польскій публицистъ, Л. Козловскій, по своей политической дѣятельности тѣсно связанный съ русскими народническими партіями, свидѣтельствуеъ, что какъ и провозглашающій независимость Польши, отвѣчалъ общему настроенію общества и былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ и признаніемъ... Первый предсѣдатель Временнаго Правительства, кн. Г. Е. Львовъ, со своей стороны подтверждаетъ, что признаніе польской независимости «вытекало изъ самаго хода событій, одновременно пришло всѣмъ въ голову и было такъ же естественно, какъ и провозглашеніе равноправія всѣхъ національностей, уничтоженіе ограниченій для евреевъ и т. д.». На эту декларацию Временнаго Правительства сослался въ Версалѣ договаривавшіяся стороны въ связи съ международнымъ признаніемъ польской независимости.

Къ сожалѣнію, Версалскій миръ, изъ-за отсутствія на конференціи представителей національной Россіи, не смогъ разрѣшить всѣхъ большихъ сторонъ русско-польскаго вопроса. Въ результатѣ русско-польская проблема не замедлила снова встать во весь свой ростъ, но на этотъ разъ уже на территоріи воскресшей Польши, въ особенноти, послѣ того, какъ

къ ней по Рижскому миру съ болъшевыми перешла территория, заселенная 3 съ пол. милліонами русскихъ людей.

Въ настоящее время, когда Польша снова оказалась подъ пятой завоевателя, не легко вспоминать о ея недавнихъ грѣхахъ въ отношеніи къ ея неполюскому населенію. Факты, относящіеся сюда, къ тому же еще у всѣхъ свѣжи въ памяти. Можно поэтому ограничиться приведеніемъ нѣсколькихъ программныхъ положеній одной весьма распространенной польской полѣвской газеты, для того, чтобы лишній разъ убѣдиться, какъ далеко заходила политика насильственной полонизаціи, въ частности того края, гдѣ по даннымъ польской же статистики за 1916 г. польское населеніе, въ зависимости отъ мѣстности, колебалось между 3 и 10,3 проц. *). «Полѣшукъ», — говорится въ этой газетѣ, — есть полякъ православнаго вѣроисповѣданія; ...единственнымъ языкомъ, допущеннымъ въ Полѣсьѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ органахъ самоуправленія, въ церкви, въ школахъ, въ судѣ, является языкъ польскій; ...всѣ остатки насильно навязанной русской культуры должны быть въ Полѣсьѣ уничтожены; ...употребленіе русскаго языка русскими людьми въ Полѣсьѣ должно разсма-

триваться какъ преступленіе», и т. д. и т. д. *). Въ свое время горячій польскій патріотъ, авторъ известной книги, «Русско-польскія отношенія» съ полнымъ основаніемъ писалъ «вырывы христіанскихъ храмовъ, эти поразительные акты государственно - полицейскаго нигилизма, завершаютъ собой пресловутую систему обрусенія Западнаго края, изобрѣтенную Муравьевымъ **). Къ сожалѣнію, молодосъ возрожденное польское государство оказалось несвободнымъ въ примѣненіи къ православнымъ храмамъ даже отъ подобнаго рода «Муравьевскихъ» приемовъ властвованія.

Итакъ, прошлое русско - польскихъ отношеній полно невеселыхъ картинокъ, и тѣмъ не менѣе оно не даетъ основаній для окончательнаго - безрадостныхъ выводовъ. «Вѣчныхъ» враговъ исторія вообще не знаетъ. Столѣтіями тянулася въ прошломъ борьба между Франціей и Англіей, но это обстоятельство не помѣшало двумъ «вѣковымъ» недругамъ сдѣлаться подлинными друзьями, связанными другъ съ другомъ тѣсными узами дѣловаго сотрудничества. Исторія русско - польскаго вопроса повѣствуетъ не только объ однихъ бывшихъ заблужденіяхъ, но и съ достаточной опредѣленностью намѣчаетъ и тѣ основанія, на которыхъ этотъ вопросъ въ будущемъ долженъ и можетъ быть разрѣшенъ.

*) Э. Пильць. Малая Польская энциклопедія 1916 г. Данныя, соообщаемыя энциклопедіей, несомнѣнно преувеличены въ польскую сторону, такъ какъ въ основу исчисленія населенія положенъ вѣроисповѣдныи признакъ Между тѣмъ въ Полѣсьѣ далеко не каждый католикъ — полякъ.

*) «Gazeta Poleska». 3 kwietnia. 1938 г.

**) Графъ Лелива Русско-польскія отношенія. Лейпцигъ, 1895 годъ.

Ни Россія на польскія, ни Польша на русскія земли претендовать не должны. Этнографическая Польша имѣетъ всѣ основанія и всѣ права на самостоятельное суверенное государственное существованіе. Съ другой стороны и переходъ Польши за ея этнографическія границы явился бы на силѣчь надъ Россіей и возстановленіемъ того порядка вещей, который уже въ прошломъ не разъ являлся причиной безконечнаго количества насилій и пролитой крови. Силою оружія и искусствомъ дипломатовъ, а отнюдь не этнографическимъ составомъ населенія были опредѣлены границы Польши къ 1772 г. Въ свою очередь и русскія границы 1914 года, рѣзавшія живое тѣло этнографической Польши, въ отношеніи ея опирались исключительно на силу. Факты сравнительно недавняго прошлаго съ полной ясностью показали, что Польша не должна опасаться демократической Россіи. Болѣе того, въ настоящее время врядъ ли можно вообще найти хоть одного русскаго человѣка, способнаго мыслить не по большевицкой указкѣ, который не призналъ бы всей правильности параграфа 13-го Вильсоновской программы отъ 8-го января 1918 г., гласившаго: «Должно быть создано независимое польское государство. Оно должно включить въ свой составъ земли бесспорно польскія по составу своего населенія». Для того, чтобы въ этихъ условіяхъ разъ навсегда установился прочный миръ и нормальная отношенія между будущей возрожденной Россіей и той будущей возрожденной демократической Польшей, о которой говорится въ де-

кабрьской деклараціи польскаго правительства, возглавленнаго генераломъ Сикорскимъ, необходимо, чтобы польскіе политическіе дѣятели со своей стороны отказались отъ притязаній на земли, этнографически Польшѣ не принадлежащія, другими словами, отъ своего стремленія возстановить Польшу въ границахъ 1772 года. Абсолютное взаимное уваженіе къ національнымъ правамъ своего сосѣда будетъ, конечно, скорѣе всего способствовать также и рѣшительной сдачѣ въ исторической архивъ всѣхъ безъ исключенія формъ искусственной руссификаціи или же колонизаціи, къ которымъ такъ любили прибѣгать въ прошломъ обѣ стороны, всякій разъ, какъ одна изъ нихъ получала преобладаніе надъ другой. Отъ взаимодѣйствія обѣихъ культуръ, русской и польской, или даже отъ ихъ соревнованія обѣ онѣ въ концѣ концовъ могутъ только выиграть.

Когда разразилась русская революція 1917 г., представители всѣхъ польскихъ организацій въ Москвѣ, принадлежавшіе къ различнымъ теченіямъ польской политической мысли, отправили въ Петербургъ привѣтствіе Комитету Государственной Думы, закончившаеся словами поэта: «дно прошедшему забвенью, дню грядущему привѣтъ». Если подобныя же настроенія и чувства будутъ руководить также мыслями и дѣйствіями непосредственныхъ строителей будущихъ русско-польскихъ отношеній, то всѣ трудности этого строительства окажутся на дѣлѣ сравнительно легко преодолимыми. Въ относительно недалекомъ прошломъ обійи языкъ между широкими и отвѣтственными

кругами русской и польской общест­венности, пусть исторически и на короткой мигъ, но быть най­денъ. Нужно думать, что найдется онъ и въ будущемъ, когда обѣ страны избавятся отъ своихъ же­стокихъ поработителей. Тогда ме­

жду свободной Россіей и свобод­ной Польшей смогутъ установить тѣ же прочно налаженные дру­жественныя отношенія, которыя на западѣ Европы давно уже су­ществуютъ, напр., между Франціей и Бельгіей. Д. Одинецъ.

Цвѣтныя книги *)

Войны нашей эпохи неизмѣнно вызываютъ появленіе цѣлыхъ по­токовъ «цвѣтныхъ книгъ», — сборниковъ документовъ о дипло­матическихъ сношеніяхъ между воюющими странами за періоды, этимъ войнамъ предшествовав­шіе. Такъ было въ 1914-18 гг., ко­торые оставили на память о себѣ цѣлая библиотечка подобной «разноцвѣтной литературы». Судя по началу, наследіе войны совре­менной будетъ во всякомъ слу­чаѣ не менее богатымъ. По опы­ту прошлой войны мы знаемъ, что пользоваться этой литературой для обобщающихъ выводовъ мож­но только съ большою осторож­ностью. По вполне понятнымъ со­ображеніямъ, въ періодъ, когда

борьба въ полномъ разгарѣ, офи­циальные издатели такого рода сборниковъ считаютъ возмож­нымъ предавать публичности толь­ко тѣ документы, которые по меньшей мѣрѣ не мѣшаютъ успѣшности этой борьбы. Они не только всегда ставятъ узкія тематически рамки для своихъ публи­кацій, исключая изъ нихъ всё тѣ группы вопросовъ, касаться ко­торыхъ въ данный моментъ счита­ется неудобнымъ. Но и въ этихъ узкихъ рамкахъ, — мы это зна­емъ по «цвѣтнымъ книгамъ» прошлой войны — они даютъ только небольшую часть имѣю­щихся документовъ. — и притомъ

fin de sa mission à Berlin 20 septembre 1939, Paris, 29 p.

Livre blanc anglais N° 2. Documents concernant les traite­ment infligés en Allemagne à des Nationaux Allemands, Paris, 1939, 32 p.

Documents diplomatiques, 1938-1939. Pièces relatives aux événements et aux négociations qui ont précédé l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne, d'une part, la Pologne, la Grande-Bretagne et la France d'autre part. Paris, Imprimerie Na­tionale, 1939, XL+359 p. («Livre jaune français»).

*) *Livre bleu anglais* N° 1. Documents concernant les rela­tions germano-polonaises et le début des hostilités entre la Grande-Bretagne et l'Allemagne le 3 septembre 1939. Présenté au Parlement par ordre de Sa Majesté par le Secrétaire d'Etat aux Affaires Etrangères. Traduction autorisée et officielle. Paris, 1939. XXVI+183 p.

Livre blanc anglais N° 1. Rap­port définitif de Sir Neville Hen­derson, G. C. M. G. Sur les cir­constances qui ont déterminé la

дают их далеко не всегда свободными от купюр. Поэтому историк в лучшем случае может быть уверенным, что так-либо или так-то факты в этих книгах зарегистрированы, действительно имѣли мѣсто, — но они ни в коемъ случаѣ не должны брать на себя смѣлость утверждения, что одновременно и параллельно не имѣли мѣсто другіе факты, которые требуютъ внесения существенныхъ дополнений и исправлений въ ту общую картину событий, которая рисуется на основаніи данной публикаціи. Полноты картины эти послѣднія во всякомъ случаѣ не даютъ. Время для такой полноты приходитъ только послѣ окончанія войны, когда начинаютъ подводить итоги всему тому періоду, который войнѣ предшествовалъ и войну готовилъ. Такъ было послѣ войны 1914-18 гг., когда почти во всѣхъ странахъ-участницахъ войны были предприняты (но, къ сожалѣнію, далеко не всюду доведены до конца) многочисленные публикаціи документовъ по исторіи внешне-политическихъ отношеній едва ли не за цѣлое полустолѣтіе. Правда, и такая публикація не всегда удовлетворяютъ требованіямъ полной исторической объективности. Специалисты нередко подвергали ихъ суровой критикѣ, — напримеръ публикацію германскую. Но при всѣхъ своихъ недочетахъ эти публикаціи создали солидную базу для действительно научнаго изученія международныхъ дипломатическихъ отношеній за указанную эпоху. Будемъ надѣяться, что послѣ окончанія войны современной придетъ очередь такъ же какъ и публикаціямъ и для исторіи періода «между двумя миро-

выми войнами». Въ ожиданіи же этихъ, — во всѣхъ отношеніяхъ лучшихъ, — временъ будемъ пристальнѣе всматриваться въ тѣ уголки большой картины, завѣсу надъ которыми приподнимаютъ «цифтыя книжки».

Всѣ эти оговорки необходимо имѣть въ виду при пользованіи тѣми «цифтыя книжками», заглавія которыхъ выписаны выше. Они во многомъ разочаруютъ читателя, который не найдетъ въ нихъ никакого или почти никакого материала для сужденій по ряду наиболее важныхъ и злободневныхъ вопросовъ. Отношенія между Германией, съ одной стороны, и Франціей и Англійей, съ другой, развертываются какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Какъ будто бы происходитъ дипломатическій поединокъ, въ который никто, кромѣ участниковъ, не вмѣшивается. Мы знаемъ, что дѣло обстояло далеко не такъ просто. — что игра шла значительно болѣе сложная, болѣе многоякорная. Но если судить только по рецензируемымъ книгамъ, то существованіе третьихъ державъ вообще трудно обнаружить. Объ Италіи и Японіи на всемъ протяжении книгъ упоминается вообще только по два-три раза, — и почти мимоходомъ, въ почти не имѣющихъ значенія прилагательныхъ предложеніяхъ. — хотя роль ихъ, особенно Италіи отнюдь не была не заслуживающей вниманія. Итальянцы чаще упоминаютъ о Сталинѣ. — но тоже почти всегда мимоходомъ, какъ о силѣ, дѣйствующей въ иномъ планѣ, въ какомъ измѣреніи. Иногда они пользуются даже въ самой авансценѣ событий, — то въ письмѣ изъ Софій, то въ разсказѣ о бесѣдахъ

съ какимъ-то таинственнымъ лицомъ изъ ближайшаго окруженія Гитлера, то въ докладахъ изъ Гамбурга, — и читателю начинаетъ казаться, что на слѣдующей страницѣ онъ появится передъ нами во весь ростъ. Но это ощущение длится только одно мгновение: на слѣдующихъ страницахъ о Сталинѣ вообще нѣтъ никакого упоминанія. Даже въ рѣшающую послѣднюю недѣлю августа, когда полнѣе Сталина рѣшила вопросъ о войнѣ, о немъ, о его роли и влiянiи, въ документахъ почти ничего не говорится, хотя его присутствiе гдѣ-то вблизи, въ полумракѣ кулисъ, все время ясно ощущается.

Единственная область, для ориентировки въ которой рецензируемые книги даютъ богатѣйшiй материалъ, это область отношенiй между Францiей и Англiей, съ одной стороны, и Германiей, съ другой. Изъ четырехъ книгъ, названiя которыхъ мною выписаны выше, основными и наиболѣе интересными являются первая и послѣдняя: «синяя книга» англiйская и «желтая книга» французская. Обѣ онѣ трактуютъ исторiю конфликта вокругъ Данцига, но трактуютъ ее съ разной степенью широты и глубины: «желтая книга» во всѣхъ отношенiяхъ интереснѣе и содержательнѣе. Она прежде всего болѣе обширна по объему: въ нее вошло 373 документа противъ 144, данныхъ въ «синей книгѣ». Далѣе по времени она захватываетъ значительно болѣе продолжительный промежутокъ времени: если не говорить о перепечаткахъ, а брать только оригинальные документы, то наиболѣе раннiй изъ таковыхъ документовъ, опубликованныхъ въ

«синей книгѣ», датированъ 28 мая 1939 г., въ то время, какъ наиболѣе раннiй документъ въ книгѣ «желтой» относится къ 11 марта 1938 г. Иными словами въ то время, какъ англiйская публикация начинается съ запоздавшихъ отголосковъ впечатлѣнiй отъ занятiя Праги, публикация французская начинается документацию съ дней вступленiя гитлеровскихъ войскъ въ Вѣну. Но еще болѣе важно существенное различiе въ содержанiи этихъ двухъ книгъ. Опубликованные въ нихъ документы можно по ихъ происхожденiю раздѣлить на двѣ основныя группы: съ одной стороны, это перепечатка различнаго рода официальныхъ документовъ, уже бывшихъ опубликованными раньше; съ другой, это — впервые публикуемые документы внутривѣдомственной переписки, — въ первую очередь доклады соответствующихъ постовъ и консуловъ. Едва ли нужно доказывать, что и интересъ, и историческая цѣнность документовъ этихъ двухъ различныхъ группъ далеко не равнозначны. Несомнѣнно свой интересъ представляютъ и документы первой группы: перечитывать хорошо сдѣланный подборъ выдержекъ изъ торжественныхъ деклараций Гитлера, который, какъ известно, не упускалъ случая поклясться въ своемъ миролюбии, въ наши дни, конечно, интересно и поучительно, особенно когда нибѣшь возможность тутъ же рядомъ провѣрить, какъ много людей легковѣрныхъ, которые всерьезъ принимали эти напыщенные тирады. Но столь же несомнѣнно, что этотъ подборъ читать по своему интересу никакъ не можетъ быть поставленъ на одну доску

сь до сих пор оставшимися неизвестными докладами отагентств своих дипломатов. Основной интерес книжкам придают имени но эти последние, а количество их в рецензируемых книгах далеко не одинаково. Наиболее интересны доклады послов и их заместителей из Берлина, — английская книга таковых дает 17, французская — 124; докладов из Варшавы первая дает 24, вторая — 98; в общем впервые публикуемых документов в «синей» книге имеется 89, т. е. около 62% общего числа включенных в эту книгу номеров, а в «желтой» таковых документов 351, т. е. больше 94%. Эти данные позволяют понять причины совершенно исключительного успеха «желтой книги» на мировом книжном рынке: как известно, она переведена на целый ряд языков и тираж ее уже давно перевалил за полмиллиона экземпляров. Как ни интересны отдельные документы, опубликованные в «синей книге», они бросают свет только на отдельные эпизоды разыгравшихся прошлым летом в Берлине событий. Совсем иначе обстоит дело с книгой «желтой», которая при всей несомненности указанных выше недочетов, позволяет бросить взгляд на целый ряд сторон работы французской дипломатии в течение больше, чем годового промежутка времени.

Наиболее интересные доклады, напечатанные в рецензируемых книгах, написаны тремя лицами, послами в Берлин: английским Невилем Гендерсоном и французскими, сначала Франсуа-Понсе, а затем Кулондром. Все эти

лица в свое время оказывали большое влияние на политику их стран в отношении Германии Гитлера, тем интереснее по их докладам подмечать характерные особенности восприятия ими политики того правительства, при котором они были аккредитованы.

С первым из ихх мы знакомимся в момент, когда он находился целиком под впечатлением того «большого удара», каким для него лично явилась оккупация Праги. Эти слова были им сказаны 27 мая 1939 г. в беседе с Герингом. Эта беседа крайне любопытна и важна для понимания английской политики в Германии. Она была, несомненно, не первой беседой после аннексии Чехословакии. В своем докладе Гендерсон не скрывает, что он упрекал Геринга: эти события «разрушили все, что я пытался осуществить в течение двух лет моего пребывания в Берлине». В этой беседе характерно все: и то, что Гендерсон считал себя вправе адресовать эти упреки Герингу, и то, что последний держал себя, как человек сознающий свою вину («Геринг, казалось, чувствовал себя немного смущенным перед этой личной атакой»), и то, что Гендерсон об этом считал необходимым донести до свидетелей министерства. Несомненно, что мы здесь имеем дело с запоздалым отголоском игры, объектом которой в течение двух лет был Гендерсон. Геринг, который часто фигурировал на ролях представителя умренного крыла гитлеровской партии, был тем, кто держал Гендерсона в уверенности, что его по-

литика может увеличиться успехом («Смущение» Геринга вылилось в очень характерные формы от неудобного разговора на политической теме, он поспешил перейти к темъ нейтральной, — о передѣлкахъ, которыя онъ началъ въ своемъ домѣ, повелъ Гендерсона смотрѣть художественно исполненные обои для новой столовой и т. д. На обояхъ, — какъ это стильно! — были изображены «ображенные дамы, носящія имена различныхъ добродѣтелей». Гендерсонъ замѣтилъ, что среди нихъ нѣтъ одной добродѣтели терпѣнія. Чѣмъ отвѣтилъ на эту шутку Герингъ, мы не знаемъ. «Терпѣніе» действительно не принадлежало къ числу добродѣтелей гитлеровскаго окруженія, зато у Гендерсона его было вполне достаточно: на тѣ два года, въ теченіе которыхъ онъ подготавливалъ реализацію своихъ проектовъ (съ помощью Геринга), надаютъ аннексія Австрія, кампанія изъ-за Судетовъ, Мюнхень. Онъ и послѣ пражскаго урока продолжалъ терпѣливо вѣрить, что «Гитлеръ ищетъ мирнаго рѣшенія вопроса» (докладъ отъ 15 июля 1939 г.).

Доклады Франсуа-Понсе мы имѣемъ, къ сожалѣнію, всего только 8. Они относятся къ послѣднимъ мѣсяцамъ его пребыванія на посту посла въ Берлинѣ и въ нихъ нерѣдко слышатся нотки подведенія итоговъ долготѣнному опыту общенія съ Гитлеромъ лично и его ближайшимъ окруженіемъ. Почти какъ завѣщаніе звучитъ его совѣтъ: «Гитлеръ это человекъ, въ отношеніи котораго не слѣдуетъ отказываться отъ самой крайней осторожности и до вѣрять которому можно только

съ оговорками» (стр. 28). Несмотря на всѣ эти оговорки, политика, которую Франсуа-Понсе въ этомъ своемъ докладѣ-завѣщаніи рекомендуетъ, это политика соглашенія. Надо стараться завлечь на этотъ путь Гитлера въ надеждѣ: «если Гитлеръ, изъ притворства или по расчету, зайдетъ по этому пути достаточно далеко, то возможно, что онъ не будетъ имѣть, — если и бѣ и захотѣлъ, — средствъ вернуться обратно». Ограниченность шансовъ на успехъ этой политики авторъ доклада прекрасно видитъ, равно какъ видитъ и рискъ, съ этой политикой связанный. Возраженія этого рода онъ заранее отводитъ замѣчаніемъ: «нельзя выиграть въ лотерею, если не купишь по меньшей мѣрѣ однаго билета». Если мы вспомнимъ максиму, уже давно установленную досужими статистиками (у каждаго обладателя лотерейнаго билета не большые шансы выиграть 5 миллионновъ, чѣмъ у любого изъ обитателей земнаго шара попасть подъ ударъ молніи), то конечный результатъ этой политики насъ не можетъ удивить.

Наибольшее количество опубликованныхъ докладовъ составлены Кулондромъ: таковыхъ всего 93. Очень интересные по своему фактическому содержанию, они выдѣляются крайней сдержанностью оцѣнокъ и сужденій. Ихъ авторъ явно хорошо усвоилъ завѣтъ своего предшественника: и къ Гитлеру лично, и ко всему его окруженію, онъ относится съ большимъ недо вѣріемъ. Несомнѣнно, онъ обладаетъ большимъ умѣніемъ не только видѣть отдѣльные факты, но и разбираться въ ихъ каузальной связности. Но онъ

как бы сознательно стремится ограничить свою роль ролью регистратора фактов и сводить к минимуму выводу и обобщения. Временами нельзя отделиться от ощущения, что авторъ видит дальше и яснѣе, чѣмъ онъ это фиксируетъ на бумагѣ. Какъ будто онъ ей не вполне доверяетъ. И еще одинъ моментъ бросается въ глаза въ этихъ докладахъ: авторъ черѣдко, правильно подмѣтивъ интересное явление въ его началѣ, — когда его подмѣтить особенно трудно, — въ послѣдующихъ докладахъ къ нему уже не возвращается, эту тему не разрабатываетъ и не углубляетъ. Русскому читателю эта черта особенно бросается въ глаза въ отношеніи сообщений о дѣлахъ русскихъ. Впрочемъ, вполне возможно, что объясненія этой послѣдней особенности слѣдуетъ искать въ указанной непопулярности данной публицики.

Объ «бѣлыхъ» англійскихъ книги являются дополненіями къ книгѣ «сигей». Вторая изъ нихъ большого интереса не представляетъ: литература о гоненіяхъ на инакомыслящихъ и инаковѣрующихъ въ Германіи — уже велика и богата. Документы, собранные англійскимъ мин. ин. дѣлъ, по существу ничего новаго къ ней не добавляютъ: они интересны только тѣмъ, что скрѣплены этимъ министерствомъ. Интересны они также и съ другой стороны: какъ показатель, какой кругъ вопросовъ въ данной области интересовалъ министерство. Рѣчь въ нихъ идетъ главнымъ образомъ о преслѣдованіяхъ по религиознымъ и национальнымъ причинамъ. О преслѣдованіяхъ политическимъ говорится мало, — въ ча-

стности о преслѣдованіяхъ социалистовъ, рабочихъ, демократовъ вообще не говорится ничего.

Болѣе интересна «бѣлая книга» № 1, содержащая сводный «сокопательный докладъ» Непила Гендерсона «объ обстоятельствахъ, которыя опредѣлили конецъ его миссінъ въ Берлинѣ». Этотъ докладъ можно раздѣлить на двѣ основныя части. Вторая — это попытка набросать связную схему событій августа 1939 г. Эта часть представляетъ большую историческую цѣнность и во многомъ существенно дополняетъ «сипую книгу». Очень интересна, — но другимъ интересомъ, — и первая часть доклада, въ которой авторъ формулируетъ свою точку зрѣнія на националь-соціализмъ, какъ общественное явленіе: здѣсь мы находимъ объясненіе политики Гендерсона въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ его пребыванія на посту въ Берлинѣ. Поскольку рѣчь шла о внутри-германскихъ дѣлахъ, националь-соціализмъ явно импонировалъ Гендерсону. Соціальныя реформы Гитлера ему казались «въ высшей степени передовыми». Кое что въ методахъ дѣйствія послѣдняго Гендерсона отталкивало, но въ общемъ онъ видѣлъ въ гитлеровской диктатурѣ «типическій примѣръ благожелательной диктатуры». А самое главное, онъ явно былъ убѣжденъ, что националь-соціализмъ есть и останется «только предметомъ внутреннего потребления», не предназначеннымъ для экспорта. Агрессія въ отношеніи Австріи, Судетовъ ему не казалась противорѣчащей этому взгляду, задача собиранія Великой Германіи, поскольку она оставалась въ национальныхъ рамкахъ, ему казалась

«нелицепной благородства» Таковы были взгляды человека, занимавшего постъ посла Велико-

британіи въ Берлинѣ въ 1936-39 годахъ *).

Б. Николаевскій.

Вторичное варварство

Каждая эпоха имѣетъ свой собственный жизненный стиль. Однимъ изъ его наиболее значительныхъ показателей служить рѣчь: ея строй, ея ритмъ, чаще всего употребляемые слова и обороты. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ языкъ совѣтской печати (вѣдь СССР вовсе не какой-нибудь особый, отърванный отъ всѣхъ остальныхъ міровъ, міръ: въ немъ торжествуютъ тѣ духовныя тенденціи, которыя, — пора осознать это — присущи, въ смягченномъ или скрытомъ видѣ, всему нынѣшнему человѣчеству, всей «Европѣ», — ибо весь свѣтъ сталъ сейчасъ «Европою»). Я останавлиюсь покуда исключительно на совѣтскихъ газетахъ: вѣдь газета вездѣ въ наше время вытѣсняетъ

книгу; газета вмѣстѣ и создаетъ нынѣшній «климатъ» и отражаетъ его. Начну съ того, что первымъ бросается въ глаза. Это обиліе такихъ эпитетовъ какъ замѣчательный, незабываемый, колоссальный, изумительный, восхитительный. Нѣтъ ничего обыкновеннаго или просто хорошаго, значительнаго, интереснаго. Всякій случай — событіе и притомъ такое, которое никогда не забудется, безпримѣрное. Когда повѣствуется о какомъ-нибудь собраніи — все равно, въ колхозѣ-ли, въ Академіи Наукъ, — а такія и подобныя собранія устраиваются покуда чуть-ли не каждый день — обязательно отмѣчается: «никогда еще не было такъ многолюдно въ помѣщеніи...» Полная аналогія съ былинами, рыцарскимъ эпосомъ,

*) Рецензія эта была уже на брана, когда мнѣ стало извѣстно начало воспоминаній Н. Гендерсона, только что опубликованное въ «Дейли Геральдѣ». Въ этихъ воспоминаніяхъ Гендерсонъ рассказываетъ о симпатіи, которую онъ питалъ къ Герингу и о своей дружбѣ съ послѣднимъ. Въ томъ, что для Геринга эта дружба была ловкой игрою, сомнѣваться невозможно. Она, несомнѣнно, была одной изъ составныхъ частей той кампаніи по дезориентации будущаго противника, которую велъ Гитлеръ и о которой мы теперь знаемъ подробности по расска-

замъ Раушнинга. Сообщаетъ Гендерсонъ и о томъ, какіе проекты соглашения Англіи и Германіи ему развивалъ Герингъ: это были по существу проекты раздѣла Европы. Германія обѣщала не только признать господствующее положеніе Англіи на моряхъ, но и поставить въ ея распоряженіе всѣ свои силы; въ обменъ на это Англія должна была признать преобладающее положеніе Германіи на континентѣ, и не предпринимать ничего, что могло бы помѣшать ея легальной экспансіи... Обь итогахъ этой игры въ дружбу напоминать не слѣдуетъ.

или гомеровскими пѣснями, гдѣ всѣ герои богоподобны или богоравны, гдѣ всякая женщина красавица, какой еще никогда не слѣтъ не было и т. п. Это характерный для фольклора, для примитивной поэзи, приемъ интенсификаци, преувеличенія. Въ соотноствѣи съ этимъ и построение рѣчи: «Обширный клубъ Моск. Института инженеровъ связи. Ярко горятъ люстры. Играетъ оркестръ. Партеръ и бельэтажъ переполнены, а люди, веселые и наряженные, въ праздничныхъ платьяхъ, продолжаютъ идти». Сперва короткя, отрывочныя фразы, вступительныя акорды, послѣ которыхъ плавно развивается «тема». Поэзия въ прозѣ. Нерѣдко также совсмѣъ «былинный» порядокъ словъ: «богато убранный избирательный участокъ. Плакаты, портреты, цвѣты принесены сюда избирателями». Или еще: «Возродилось сельское хозяйство республики, зацвѣли яеобозримыя колхозныя поля...» Повѣствователь не просто «высказывается», а «вѣщааетъ» или «поетъ». Репортеръ выполняетъ функцію «барда» Любопытны также свойственные примитивной поэзи антитетическя сравненія житейскихъ отношеній съ тѣмъ, что относится къ міру «природы», или же подобнаго рода метафоры. «Въ засяѣженной морозной столицѣ царитъ сейчасъ веселее оживленіе». Полнота аналогій еще и въ томъ, что такія, и подобныя, «фигуры» постоянно повторяются, какъ опять-таки въ «народномъ» эпосѣ. Въ томъ-же номерѣ «Извѣстій», откуда эта цитата, въ другой статьѣ находимъ: «Чудесныя, незабываемыя дни переживаетъ наша родина. Календарь показываетъ декабрь, зима въ при-

родѣ вступаетъ въ свои права, но въ человѣческихъ сердцахъ расцвѣтаетъ весна» (это оттого, что «завтра — выборы!»). Однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ средствъ «интенсификаци», напора, усиленія впечатлѣнія, является въ примитивной поэзи, какъ извѣстно, приемъ повторенія — однихъ и тѣхъ-же выраженій, эпитетовъ или-же «зачиновъ», припѣвовъ и т. д. И это тоже, и въ такой-же мѣрѣ, характерно для стили сов. газеты: «Сталинъ, партія привели народъ къ социализму... Сталинъ, партія ведутъ народъ къ сияющимъ вершинамъ коммунизма». И далѣе: «Народъ славить Сталина словами, идущими изъ глубины сердца. Народъ славить Сталина дѣлами, рожденными творческимъ трудомъ». Какъ объяснить этотъ возвратъ къ «фольклорному» стилю? Быть можетъ, это просто слѣдствіе приспособленія къ требованіямъ социальнаго заказа? Въ такомъ случаѣ газетный работникъ оказывается въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какомъ былъ Гоголь, когда онъ заставлялъ самъ себя изображать то, для воспріятія чего онъ былъ лишенъ органа, — прекрасное, совершенное, гармоничное, и когда, въ силу этого онъ былъ вынужденъ пользоваться тѣми-же самыми средствами экспрессіи, какія для цивилизованнаго, вышедшаго изъ примитивной стадіи, сознания, являются средствами выраженія лишь того, что воспринимается какъ противоположность совершеннаго, гармоничнаго. Величайшій мастеръ шаржа, гротеска, Гоголь оставался вѣренъ себѣ и тогда, когда онъ говорилъ о Римѣ, о Красавицѣ Аннунціатѣ, о до-

бродячьи губернаторы. Получалось нечто абсурдное — карикатура на прекрасное, совершенное. Но Гоголь несомненно чувствовал свое бессилие здесь, и не выдерживал взятого тона, спадая с него. Думается, что такова судьба также и любого исполнителя «социального заказа». Ведь даже Булгарину необходимо было, когда он надь таким заказом работал, отдохнуть, даже он постоянно отпускал педаль, переходил от «высокого» слога к «среднему» или «низкому». Вбройгнбе, кь сожалѣнію, другое. Надо принять во внимание, что советскій режимъ дѣйствуетъ уже болѣе двадцати лѣтъ, т. е. что сейчасъ исторію дѣлають люди, въ этомъ режимѣ воспитанные и воспитанныя. Сознание «средняго человѣка» есть результатъ преувѣщеннаго внѣшнихъ воздѣйствій, апушеній, полученныхъ въ дѣтствѣ и въ юности, привычашъ, ежедневныхъ воспріятій. Рѣчь этого средняго советскаго человѣка, поскольку о ней можно судить по советской печати, есть дѣйствительно его рѣчь, отражающая его сознание. А это значитъ, что его сознание «современно» сознанию Агамемнона, или Нибелунговъ, или Ильи Муромца. Это примитивное сознание, сродное инфантильному, сущность котораго сводится къ отсутствію «переживания дистанцій между Я и не-Я, между великимъ и малымъ, обычнымъ и необычнымъ». Объ этомъ много писано, но лучше всего формулировать это одинъ изъ умнѣвшихъ людей XVIII-го вѣка. Ривароль: «Ребенокъ кричитъ или поетъ, когда ему чего-либо хочется; ласкаетъ или разбиваетъ все, чего ни кос-

нется, и плачетъ, что бы онъ ни потерялъ». И даже: «Ничто не удивляетъ, если всему удивляться: таково состояніе ребенка». Вторичное варварство! Нище мечталъ о немъ. Сейчасъ стало ходячимъ твердить о его опасности. Но и для Нище и для тѣхъ, кто «вторичнаго варварства» боится, оно представляется приблизительно въ такомъ видѣ: не будетъ наукъ и искусствъ, больше того — исчезнетъ грамотность, а можетъ быть и умѣніе высказываться членораздѣльно; исчезнутъ желѣзные дороги, радио, резиновые галоши, очки, папирозы, стило и все прочее подобное. Это сомнительно и во всякомъ случаѣ не въ этомъ суть дѣла. Пока что науки и искусства живы и здоровы, «достиженийъ» всюду сколько угодно — и въ этомъ отношеніи повидимому СССР, дѣйствительно, идетъ впередъ. И если залогомъ «прогресса» или неприкосновенности цивилизации считать непрерывность культурной традиціи — что безспорно —, а подъ этимъ разумѣть знакомство съ ея вѣками накопившимся матеріаломъ, то опять-таки надо признать, что въ СССР никакихъ признаковъ «варварства» не замѣчается. Напротивъ: неграмотныхъ стало гораздо меньше, чѣмъ до Революціи, классики издаются такъ и въ такомъ количествѣ, какъ никогда раньше и т. д. «Вторичное» варварство — нечто совсемъ другое нежели «первичное». Между ними — глубокое внутреннее сходство, а не внѣшнее сходство. Примитивный міръ, въ которомъ пребывалъ человѣкъ, былъ очень малъ: это былъ кланъ, родъ, дружина, гомеровское «царство», т. е. попросту дуторъ или

помѣстье, «дворянское гнѣздо». За этимъ міромъ не существовало ничего, или почти ничего, кромѣ такого-же «дворянскаго гнѣзда». У человѣка не было никакихъ матеріаловъ для сравненія, поскольку «чужое», входившее въ его поле зрѣнія, было такое-же какъ «свое». Поэтому и себя онъ не могъ представить себѣ иначе какъ вмѣстѣ съ этимъ всемъ «своимъ». Мозгъ Роланда, или Гомеровскаго «царя», былъ ничуть не бѣднѣе «извилинами», чѣмъ мозгъ современнаго человѣка. Недоставало только бытовыхъ условий, необходимыхъ для того, чтобы въ его сознаніи возникла проблема сомнѣнія противоположностей, ибо таковыхъ не было. Вотъ почему онъ, подобно ребенку, «ничему не удивлялся», ибо «удивлялся всему одинаково». Все происходящее было повтореніемъ уже бывшаго. Отсюда — отсутствіе чувства міры, безъ чего невозможна гармонія, т. е. согласованіе разнообразнаго, разнокачественнаго, разнороднаго. Различіе усматривается только между «хорошимъ» и «дурнымъ», причѣмъ «хорошее» это — «свое», а «дурное» — «чужое». Отсюда и тѣ инфантильныя особенности поведения, о которыхъ говоритъ Ривароль. Отсюда въ примитивномъ творчествѣ господство приемовъ ампификаціи, интенсификаціи, преувеличенія, повторенія. Современная техника упразднила пространство, а современная социальная демократія уничтожила горизонтальныя перегородки, уничтожила качественныя различія въ обиходѣ «господъ» и «простыхъ людей», оставивъ только количественныя. Міръ идетъ къ тому, чтобы обратиться цѣлкомъ въ

нѣчто подобное «царству» Альяноя, или феодальному клану, или средневѣковой городской общинѣ. Покуда онъ распадается на рядъ подобныхъ же міровъ. Сознаніе средняго человѣка въ каждомъ изъ нихъ охвачено идеей своей полной причастности къ нему. Этотъ его міръ для него — единственно сущее, абсолютная, неизмѣнная реальность, и вмѣстѣ — абсолютное благо. Въ выполняемыхъ имъ, этимъ человѣкомъ, функціи переживаются имъ не какъ индивидуальныя, а какъ общественныя, государственныя, національныя. Онъ ѣсть и пьетъ, женится, рождаетъ дѣтей, читаетъ, слушаетъ радио, играетъ въ футболъ, не для себя и не по своему, по своей волѣ: всемъ этимъ онъ проявляетъ свою причастность къ «сущему»; «сущее» во всемъ этомъ дѣйствуетъ въ немъ и посредствомъ его Отсюда ритуальный, обрядовый характеръ всѣхъ этихъ функцій — какъ въ Библии, въ Иліадѣ и въ Одиссѣи, гдѣ люди ѣдятъ, пьютъ, совокупляются съ такой-же важностью, съ такимъ-же благоговѣніемъ, съ какимъ хоронятъ своихъ покойниковъ, молятся богамъ или бьются съ врагами. Вотъ въ чемъ вторичное варварство. Какъ почти весь цивилизованный міръ пришелъ къ нему? Здѣсь дѣйствовалъ цѣлый, сложнѣйшій комплексъ временныхъ, въ извѣстномъ отношеніи случайныхъ, условій. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе извѣстно всякому, такъ что напоминать о нихъ незначѣтъ. Однако, обычно они либо принимаются за единственный рѣшающій факторъ, либо совсемъ оставляются безъ вниманія. И то и другое одинаково показательно, какъ сейчасъ увидимъ.

Пора вторичного варварства наступила внезапно, и сами организаторы послѣдственныхъ революцій считали, что ихъ дѣло — «скачекъ» въ ношій зонъ. Въ действительности элементы «варварства», наивковъ примитивнаго, инфантильнаго сознанія, никогда не были изжиты нацѣло «цивилизованнымъ» человечествомъ. Обиходный ритуализмъ во всѣхъ сферахъ житейскихъ отношеній, магическая религиозность, «науковѣрие, и столько еще другого! Въ особенности антропоморфическія, «субстантивирующія» концепціи такихъ величинъ какъ классъ, раса, нація. Наше время всего только моментъ «насыщенія», «исполненія», когда соответствующія духовныя тенденціи выступаютъ на первый планъ, осуществляются со всей послѣдовательностью. Люди, которые утверждаютъ, что итальянцы не могутъ повѣрить Гитлеру, такъ какъ они на своей шкурѣ испытали, что такое нѣмецкое вѣроломство, когда Армія устроила въ Тевтобургскомъ лѣсу ловушку легіонамъ Квинтія Вара, вмѣстѣ съ этимъ съ полной искренностью возмущаются расистскими гоненіями на евреевъ. Они не замѣчаютъ, что ихъ сознаніе въ такой-же мѣрѣ поработчено инфантильными представленіями, наследіемъ «первичнаго» варварства, какъ и «расистское». И они не видятъ, какими опасностями угрожаетъ міру подобнаго рода пропаганда. Кто считаетъ «причиной» того, что привело всю среднюю и восточную Европу въ состояніе вторичнаго варварства, «Версаль», Лигу Націй, «расизмъ», «коммунизмъ», и т. д., не принимаетъ въ соображеніе что всѣ эти условія сами по себѣ только сы-

грали роль возбудителей до того жившихъ въ глубинахъ массово-го сознанія инфантильных, «варварскихъ» влеченій и представленій. Тотъ, кто, игнорируя эти условія, готовъ все свести къ «вѣтхой брутальности» или «вѣроломству», къ русской «пассивности» и «бездарности», повторяю, не замѣчаетъ, что, по своей духовной сущности, по своему умственному складу, самъ онъ — потенциальный варваръ, примитивный, «средневѣковый» человекъ; что тѣми способами, какими онъ будто-бы ведетъ на почвѣ духовныхъ отношеній борьбу съ «варварствомъ» во имя «цивилизациі», онъ на самомъ дѣлѣ готовитъ торжество «варварства», независимо отъ того, кто, на почвѣ столкненія реальныхъ силъ, окажется побѣдителемъ. У жизни есть свой ритмъ. Пора напяркениости, ожесточенія, «активизма», «динамизма», культура насилия, не можетъ длиться безконечно. Такъ или иначе, будетъ достигнуто какое-то равновѣсіе силъ, въ области какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ отношеній; наступитъ пора благодушія, благопріятія — пусть и кажущихся —, благоденствія, благополучія — пусть и очень условнаго; какъ-бы то ни было, о «цивилизациі» беспокоиться уже не придется, изиллія вытѣснитъ трагедію, «вожди» перестанутъ неистовствовать, ибо въ этомъ не будетъ надобности, а будутъ спокойно брести за стадами, мирно передвигающимися по пастбищамъ; ихъ функція сведется къ наблюденію за тишиной и порядкомъ, къ устройству парадовъ, юбилеевъ, произнесенію соответствующаго содержанія рѣчей и къ выслушиванію благодарственныхъ

адресовъ. Такіе моменты бывали въ періодъ первичнаго варварства. Почему нельзя ожидать ихъ и въ періодъ «вторичнаго»? «Варварство» это вовсе не непременно состояніе повальной грызни. Подчасъ она и невозможна. Это прежде всего состояніе безраздѣльно господствующаго ритуализма, добровольнаго, автоматическаго конформизма, это пора «слогановъ», клише, единообразія, полнаго отсутствія переживанія какой-бы то ни было «дистанціи», а въ силу этого — юмора, его нѣтъ и слѣда въ Библии, въ вавилонскихъ сказаніяхъ, въ первоначальныхъ слояхъ всякаго фольклора. И въ наши дни онъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Это самый важный и самый тревожный симптомъ.

Основное отличіе «вторичнаго» варварства отъ «первичнаго» въ томъ, что «вторичное» вовсе, повторяю, не есть отказъ отъ «цивилизациі», т. е. рационализациі житейскихъ отношеній. Напротивъ это — апогей «цивилизациі». Первобытный человѣкъ представ-

лялъ себѣ всѣ сферы жизни на подобіе первой, самой тѣсной: семьи, рода —, а соответственнно и организовывалъ ихъ. Теперь — обратное. Зоны самыхъ, казалось бы, интимныхъ, личныхъ, отношеній мыслятъ по аналогіи съ зонами отношеній безличныхъ, тѣхъ, гдѣ господствуетъ «разумъ». «Аппаратъ» дѣйствуетъ всюду — въ семьѣ, въ домѣ, какъ и на фабрикѣ, въ канцеляріи, въ партійной ячейкѣ. Въмѣсто не-дифференцированнаго организма, чѣмъ — говоря это, разумѣется, являхъ съ грубымъ приближеніемъ, — было примитивное общество, создается, въ пору вторичнаго варварства, сложнѣйшій механизмъ. Уродливѣйшая комбинація никогда всецѣло не изжитыхъ анимистическихъ представленій съ достижениями разума приводитъ въ конечномъ итогѣ къ умерщвленію души. Исторія необратима. Замыканіе цикла, возвратъ къ исходной точкѣ это — смерть.

П. Биццалли.

Проблема вѣчнаго мира

Нынѣшнія событія постоянно сравниваютъ съ 1914-мъ годомъ: сравниваютъ число жертвъ за первые мѣсяцы войны, количество вооруженія, успѣхи военно-политической организациі и т. п. Такія сравненія очевидно подразумеваютъ нѣкоторый параллелизмъ между той войной и этой; подобная концепція однако совершенно неосновательна. нынѣшняя война вовсе не является повтореніемъ предыдущей, а ея прямымъ продолженіемъ. Война

возобновилась, послѣ 20-ти лѣтъ, съ тѣхъ позицій, на которыхъ была прервана *). Эта преемственная связь проявляется и въ быстро растущихъ толкахъ о европейской федерациі, о новой Лигѣ Націй, объ установленіи вѣч-

*) Особенно это наглядно въ вост. Европѣ, такъ какъ именно тамъ прошлая война не была доведена до конца, что и привело въ послѣднемъ счетѣ къ нынѣшнему ея эпилогу.

ниго мира и т. д. Въ прошлую войну такое умонастроение возникло далеко не сразу; въ 1914-15 гг. война воспринималась еще какъ обыкновенная, такъ сказать нормальная война, одна изъ тѣхъ, какія регулярно возникали между европейскими народами.

Лишь постепенно становилось ясно, что въ наше время война превратилась въ нечто иное, новое, безкомично болѣе страшное и что нельзя послѣ нея просто вернуться къ прежней жизни. Уничтоженіе войнъ сдѣлалось главной цѣлью войны: люди, умиравшіе въ 1917-18 гг., боролись за то, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ ужасовъ, выпавшихъ на ихъ собственную долю. Трагическій провалъ этихъ надеждъ привелъ къ тому, что идеи вѣчнаго мира опять стали восприниматься, какъ праздная болтовня профессиональных пацифистовъ, недопустимая среди реальныхъ политиковъ. Однако, люди вовсе не примирились съ войной; напротивъ, можно сказать, что неспособность правителей избавить человечество отъ страшной войны было самой глубокой причиной того всеобщаго глухого недовольства, на почвѣ котораго возникли бурныя социальные движенія двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Страхъ войны преслѣдовалъ людей и определялъ всю политическую и экономическую исторію переходной эпохи 1919-39 годовъ. Дѣйствительно, такіе поразительные факты, какъ невозможность восстановить золотое обращеніе, даже въ счастливый періодъ подъема (1925-29); трудность привлеченія капиталовъ къ долгосрочнымъ инвестиціямъ, особенно въ чужихъ и далекихъ

странахъ; стремленіе къ автаркіи, вслѣдствіе недоувѣрія къ международному рынку -- все это показывается, до какихъ размѣровъ дошло чувство страха и неуверенности въ завтрашнемъ днѣ.

Достаточно было войнѣ начаться (въѣрнѣ возобновиться) и настроенія 18-го года стали воскресать съ чрезвычайной быстротой. Тема «европейской федерации» все настойчивѣе пробивается и въ прессѣ, и въ рѣчахъ.

Дѣйствительно, современная тоталитарная война объективно бессмысленна, потому что разрушаетъ безъ остатка тѣ блага, которыя могли бы быть предметомъ спора или добычей побѣдителя; субъективно она отвратительна большинству людей, въ отличіе отъ прежнихъ войнъ*). Какъ и двадцать лѣтъ назадъ, единственное оправданіе нынешнихъ бѣдствій и главное побужденіе къ

*) Причину этого чрезвычайно важнаго явленія надо искать не въ эволюціи человеческихъ инстинктовъ, а, напротивъ, въ ихъ сравнительной устойчивости и невозможности поспѣть за все ускоряющимся ходомъ техническихъ измѣненій. Тысячелѣтній социально-психологическій аппаратъ отказывается дѣйствовать, потому что война перестала быть тѣмъ, чѣмъ была раньше. Поле Бородина или Аустерлица возбуждаетъ тѣ же, безчисленными повотѣнями выработанныя, боевыя эмоціи, которыя управляли людьми при Каннахъ и Маравонѣ; а окопъ, газовая маска, ядъ, воздушная бомбардировка городовъ вызываютъ судорогу отвращенія, хотя «объективно» (съ точки зрѣнія марксанина) разницы не установитъ.

дальнейшим, страшным успехом — это надежда, что перед людьми открывается новая эра и что своими страданиями они обезпечивают мир для всех будущих поколений.

Огромное преимущество либерально-демократических государств заключается в том, что они могут сделать «вечный мир» своим основным лозунгом. Для государств тоталитарных возможна лишь частичная и ограниченная постановка проблемы: ни идеология фашизма, проникнутая глубоко пессимистической историософией Сореля, ни биологической позитивизм националь-социализма не допускают в принципе надежды на всеобщий и вечный мир. Напротив, либерально-демократическое мировоззрение, тесно связанное с верой в прогресс и в возможность совершенствования человеческой природы, естественно приводит к универсальной концепции, вдохновлявшей Вильсона *).

Поэтому для демократий нет иного пути, кроме того, на который они уже раз вступили и на котором потерпели поражение: это путь правовой организации международного общения.

*) В этих вопросах, как и во многих других, легко вскрыть двойственность марксизма: исторический материализм, подобно другим учениям псевдо-позитивистического типа, должен был бы утверждать вечность и неизбежность войны; но марксистская эсхатология провозглашает их уничтожение — конечно, после скачка в царство свободы, т. е. после всеобщей и преображающей революции.

Вторично увлечь на него людей, опять вдохнуть в них веру можно лишь преодолев печальный опыт прошлого, который с очевидностью доказал, что половничатая организация мира хуже отсутствия всякой организации. Господствовавшая двадцать лет назад иллюзия постепенного развития соответствующих институтов из маленького роста, были разбиты: для того, чтобы начинание было жизнеспособным, оно должно с самого-же начала обезпечить действительную безопасность. Пока не проведено всеобщее разоружение, имеется постоянная угроза войны; но пока существует такая угроза, невозможно никакое разоружение, а, напротив, неизбежно постоянное и все прогрессирующее вооружение. Вот одно из тех положений, где эволюция — панацея XIX века — просто невозможна: нельзя по-прежнему придти к образованию прочного международного порядка, а надо начать с его установления; словесные-же декларации об отказе на вечные времена от войны, очевидно, идут только на пользу насильникам, приобретающим лишь шанс захватить жертву врасплох.

Поэтому всякая новая попытка побороть чудовище войны должна будет начаться с того решающего акта, который двадцать лет назад оказался невозможным с создания международной вооруженной силы.

Но этим далеко не исчерпываются трудности; напротив, это лишь начало. Какова бы ни была международная армия, если задачей ее явится насильственная охрана на вечные времена слу-

чайнаго, въ данный моментъ существующаго status'a, можно съ увѣренностью сказать, что ничего изъ этого не получится. Правовой порядокъ, желающій остаться неподвижнымъ, обреченъ на скорую и безславную гибель. Какъ ни ополчена современная фразеологія о «молодыхъ» и «динамическихъ» народахъ, въ ея основѣ лежитъ естественная реакція противъ безумнаго замысла остановить теченіе времени.

Прочная международная организація возможна только при условіи установленія правовыхъ формъ для тѣхъ перемѣнъ, какія до сихъ поръ совершались путемъ физическаго насилія или угрозъ. Но сочетать наличие международного порядка, призваннаго обезпечить прежде всего безопасность государственныхъ границъ, съ неизбежнымъ приспособленіемъ къ мѣняющимся демографическимъ и экономическимъ условіямъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если самыя эти границы не являются непроницаемыми стѣнами: нужно, чтобы концепціи государства и власти въ различныхъ странахъ не слишкомъ различались между собой; чтобы государство не воздвигалось въ качествѣ абсолютной и высшей цѣнности, но подчинялось другимъ цѣностямъ, еще болѣе высокимъ, только тогда возможно установленіе непререкаемыхъ правовыхъ критеріевъ для рѣшенія такихъ споровъ, какіе до сихъ поръ неизбежно приводили къ войнамъ *).

*) Только въ свѣтѣ нынѣшнихъ событій можно оцѣнить, какъ далеко въ сущности защита эволюціи европейскихъ отношеній въ

Аксиома, полтораста лѣтъ назадъ установленная Кантомъ, соизъ съ цѣлью охраны вѣчнаго мира возможна только между правовыми государствами — остается неопровержимой и въ наше время. Можно сколько угодно открещиваться отъ идеологической войны; но задача установленія прочной международной организаціи непременно предполагаетъ утвержденіе повсюду извѣстныхъ однообразныхъ основъ социальной жизни, т. е. торжество опредѣленныхъ «идеологическихъ» началъ.

Совершенно тщетно было бы гадать, разрѣшима-ли эта задача. Но если бы она и не была разрѣшена, т. е. если бы не удалось построить прочной международ-

серединѣ XIX в., когда требованіе плебисцита для каждаго территориальнаго измѣненія едва не стало общепринятымъ принципомъ международного права. — Въ настоящее время не государственныя границы приспособляются къ интересамъ населенія, а, напротивъ, само населеніе перегоняется съ мѣста на мѣсто, приспособляясь къ интересамъ государства. Советское право провозглашало «право самоопредѣленія вплоть до отдѣленія», но по «договору» съ правительствомъ Куусинена СССР «отдаетъ» Карелию, въ обмѣнъ на другія территоріи, такъ же, какъ это дѣлали нѣкогда абсолютныя монархи; самое замѣчательное, конечно, то, что никому (ни въ СССР, ни среди его заграничныхъ почитателей) и въ голову не пришло, что въѣдъ надо бы спросить кареловъ, желаютъ-ли они уйти изъ социалистическаго отечества.

ной организации на иракской основе, из этого вовсе не следует, что человечество могло бы остаться, на неопредѣленно долгое время, въ прежнемъ анархическомъ состояніи. Свѣтъ сталъ слишкомъ тѣснѣе: не изъ-за роста населенія (мѣста хватило бы еще для миллиардовъ людей), но изъ-за появления моляіеносныхъ средствъ передвиженія и истребленія. Въ мирѣ, гдѣ возможно за полчаса напасть и разрушить сосѣднюю столицу, очевидно нельзя жить такъ, какъ жили народы до сихъ поръ, подобно дикарямъ въ лѣсу, то враждуя, то мирясь.

Тамъ, гдѣ слышишь за стѣной шаги сосѣда, не увѣрять въ его намеренія и некому доверить защиту, остается только одно: напасть на него, пока онъ на тебя не напалъ. Въ этихъ условіяхъ взаимный страхъ превращается въ манию и взаимное истребленіе ширится, пока не наступитъ неизбежный конецъ: выдѣлится сила, которая подчинитъ себѣ всѣ остальные и сведетъ порядокъ на мѣсто анархіи.

Если такая сила не будетъ создана на основахъ права, она неизбежно возникнетъ инымъ путемъ: какъ эманация избраннаго народа или фасы, или какъ орудіе классовой ненависти, или просто какъ преторіанская орда въ рукахъ тирана, снабженная всѣми усовершенствованіями техники и господствующая надъ безоружнымъ человѣческимъ стадомъ. Эта власть будетъ непременно универсальной и всемірной, потому что она не сможетъ терпѣть существованіе другихъ, самостоятельныхъ центровъ — будущихъ конкурентовъ и соперниковъ

Повѣрка назадъ проблема вѣчнаго мира воспринималась какъ проблема этическая. Блаженные утопіи нацифистовъ исходили изъ вѣры въ моральный прогрессъ человечества, изъ представленій о несовмѣстности войны съ культурой, и т. д. Въ настоящее время вопросъ ставится совершенно инымъ образомъ; рѣчь идетъ не о томъ, воинственны-ли или миролюбивы люди по своей природѣ, полезны-ли или вредны войны для роста цивилизаціи и т. п., но о томъ, что войны — въ недалекомъ будущемъ — станутъ невозможны: это есть вопросъ не этики, а техники.

Чрезвычайное усовершенствованіе оружія, требующее все болѣе изощренной предусмотрительности и дальновидности, необходимо приводитъ въ наше время къ превентивнымъ войнамъ, и съ такой-же необходимостью должно въ дальнѣйшемъ привести къ предварительному уничтоженію всякаго очага возможной войны, т. е. къ контролю вооруженій, общественной организаціи, вообще всего того, что составляетъ военный потенциалъ народовъ. Развитие военной техники въ рамкахъ даннаго ограниченнаго пространства (въ наше время на пространствѣ земного шара) неизбежно завершается тѣмъ, что войны становятся невозможны. По-видимому, до конца этого процесса пройдетъ немного поколѣній.

Отсюда, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что человечество стоитъ у порога рая. Установленіе международной вооруженной силы со-всѣмъ не означаетъ исчезновеніе всякихъ конфликтовъ и насилія, такъ же, какъ существованіе полиціи не означаетъ, что невоз-

можны убійства и революціи. Является-ли стремленіе къ борьбѣ и наскію неистребимымъ свойствомъ человѣческой природы, возможенъ-ли когда-либо — въ фантастическомъ будущемъ — такой порядокъ, при которомъ истинный миръ и благоволеніе царилъ бы среди людей — эти вопросы не относятся къ темѣ настоящей статьи. Рѣчь идетъ только объ одной определенной формѣ борьбы: о столкновенияхъ государственныхъ армій, заранѣе подготовленныхъ и вооруженныхъ

для этой цѣли. Эта форма борьбы становится невозможной, какъ невозможно стали въ свое время (также вълѣдствіе прогресса вооруженій) феодальныя войны бароновъ.

Въ страшныхъ кровопролитіяхъ, раздирающихъ современное человечество, рѣшается вопросъ не о томъ, быть-ли или не быть всемірной надгосударственной организаціи, но лишь о томъ, будетъ-ли она союзомъ народовъ или міровой деспотіей.

Ю. К. Рапопортъ.

Изъ совѣтской тюрьмы

...Я считалась иностранка, а жила всегда въ Россіи. Не думала, по правдѣ сказать, что иностранка, всегда за русскую себя считала, а на повѣрку оказалось, что въ такое положеніе поставили, что пришлось просить о русскомъ подданствѣ. Въ 1936 г. сняли меня съ работы, не могу сказать, гдѣ я работала, не имѣю сейчасъ возможности, а считалась «отличницей», нѣсколько разъ премировали и чествовали. И вдругъ — нельзя, не совѣтская гражданка. Приказъ въ трехдневный срокъ выѣхать за предѣлы СССР. Что было дѣлать? Все бросила, одно словчилась, пріѣхала въ Москву, добилась Калининна, Мих. Ив., получила разрѣшеніе остаться, если признаю себя совѣтской гражданкой. Подала просьбу о переходѣ въ русское подданство, это было въ ноябрѣ 1937 г. и тянулось до марта 1938 г. Все время мнѣ говорили, что скоро примутъ, но разные документы требовались, — пошлужа, автобіографія, свидѣтельскія показанія о моей благо-

надешности и прочее тому подобное. А пока хлопоты, я безъ угла, безъ пріюта осталась — не полагается, разъ я была назначена на высылку изъ СССР. Два года была безъ жилищищади. Когда дали совѣтское подданство, то говорить, вы теперь будете гражданка союза, а пока можете устраиваться на работу и даютъ изъ Совнаркома адресъ на квартиру, такъ какъ какъ быть приказъ изъ Москвы. Москва, по моей просьбѣ, приказала дать квартиру, но это не такъ легко, когда по два года я дольше ждуть очереди на полученіе жилищищади. И вотъ это все-таки радость была — даютъ ордеръ и разрѣшеніе работать. Только радость оказалась недолгая. Скажемъ, сегодня дали разрѣшеніе, а черезъ три дня — звонокъ, другой, третій, въ квартиру, гдѣ меня пріютили: отворяемъ, оказывается, я поладобилась на часокъ, на два, для личной дачи нѣкоторыхъ вопросовъ относительно подданства. Привозить на автомобиль, и что-же, попадаю

въ подвалъ НКВД. Допрашивали меня девять ночей, обвинили въ связи съ заграничей, шпіонажѣ и контръ-революціи. Чѣмъ меня больше всего огорошили, это сообщивъ мнѣ, что это сынъ мой меня предалъ, сказавши, что пять лѣтъ тому назадъ я его отправила за границу, какъ шпіона, и сказали, что онъ вернулся и разоблачилъ меня, а самъ осужденъ на 20 лѣтъ тюремнаго заключенія, что ожидается и меня, если я не сознаюсь. Если-же сознаюсь и назову сообщниковъ, то наказаніе будетъ не такое строгое.

Я, конечно, съ негодованіемъ отвергла всё обвиненія, какъ насчетъ сына, такъ и насчетъ себя. Тогда сказали, будете сидѣть, пока не сознаетесь; и водили меня по кабинетамъ сотрудниковъ НКВД, говорили — полюбитесь на шпіона! Нѣсколько разъ сажали въ уголь носомъ, говоря, будете сидѣть, пока не сознаетесь. Что-же, ребенкомъ была — въ углу не стояла, пришлось старухой въ уголь носомъ постоять.

Каждую ночь допрашивали: всегда новый слѣдователь, а обвиненіе все такое-же: посадятъ около стола, гдѣ лежатъ листъ бумаги и карандашъ и обвиняютъ. А я сижу, молчу; ни слова имъ не написала. Кромѣ того, что въ шпіонажѣ, обвинили въ томъ, что вѣрую въ Бога, что хожу въ церковь. Этого я не отрицала. Еще говорили — вотъ если вы напишете, кого вы изъ профессоровъ, научныхъ работниковъ, учителей, врачей, агрономовъ и другихъ интеллигентскихъ мужчинъ видѣли въ церкви, то ослабите свою вину передъ нами. На что я отвѣтила, что ходила въ церковь молиться,

а не разсматривать, кто тамъ бываетъ.

Чтобы я не отказалась, что дѣйствительно въ церковь ходила, дали мнѣ очную ставку съ престарѣлымъ священникомъ кладбищенской церкви, который мнѣ служилъ панихиды по моимъ близкимъ. А какъ я могла отказываться, если я дѣйствительно ходила. Еще показали бумагу за подписью этого священника, гдѣ онъ якобы сознается въ контръ-революціи и на допросѣ указалъ на меня, заявивъ, будто я переписывала всѣ контръ-революціонныя бумаги, которыя онъ составляла.

И онъ, будто, во всемъ сознался и приговоренъ къ разстрѣлу. А чтобы я убѣдилась въ томъ, что это такъ, вынули толстое дѣло и показали его портретъ. Такъ какъ я ничего контръ-революціоннаго не переписывала, то, конечно, ихъ слова были лживы.

Еще говорили мнѣ — «Сознаніемъ въ томъ, что молитесь, вы даете право считать васъ врагомъ революціи, потому что Бога нѣтъ. Вотъ, не помогъ вамъ Богъ, сидите въ тюрьмѣ», на что я отвѣтила: «А можетъ быть еще возможно изъ тюрьмы выйти, хотя не Онъ меня сюда привелъ».

Послѣ девяти дней, меня изъ подвала НКВД перевели въ тюрьму, сначала слѣдственную, а въ ночь на Святую Пасху, вмѣстѣ съ другими арестованными, въ пересыльную тюрьму.

Въ слѣдственной, въ маленькой камерѣ, помѣщалось насъ 24 человекъ. Когда открыли дверь, я думала, что и не войду — ступить было некуда. Меня, какъ воровую, обступили и начались разспросы—за что? Я сказала; а они

отвѣтили — «И мы всё тутъ «шпионки». Всё образованныя почти всё бывшая индустриальная подданныя Венгрии и двухъ знакомыхъ одна — ивица, не перешедшая въ сов. гражданство, и другая — русская, служила агрономомъ, у той на службѣ весь штатъ былъ арестованъ какъ вредители.

Въ субботу Страстную, вечеромъ, стали вызывать, и мою фамилию выкликнули. Сначала насъ обыскали самихъ, и вещи, у кого были, а потомъ посадили въ карцеръ, гдѣ недавно повѣсился одинъ мужчина; было жутко очень, и стоять пришлось съ 10 вечера до 4-хъ утра. Мы всё молились и всё наши мысли были съ другими — родными и знакомыми, въ тюрьмы. И почему въ карцерѣ держали — неизвѣстно.

Утромъ повезли насъ въ грузовомъ автомобилѣ въ пересыльную тюрьму; стояли до 7 часовъ на улицѣ, около воротъ тюрьмы. Были рады подышать воздухомъ и побыть на свѣту. Въ камерѣ дневного свѣта мы не видали: окна за двойными рѣшетками и «амордниками» изъ досокъ, какъ на судикахъ, мелко забраны деревянными дощечками; день и ночь горитъ электричество въ потолкѣ. Разъ былъ ужасъ — погасили во всей тюрьмѣ электричество — это увозили на разстрѣлъ; такое правило — какъ увозять, такъ свѣтъ тушить и абсолютная темнота. Не могу передать, какъ было жутко! Въ продолженіе 20 минутъ, и слышно только, какъ автомобиль шумитъ.

На этотъ разъ простояли мы до 7-ми часовъ, потомъ насъ снова обыскали — и по камерамъ. Я попала въ № 4. Вотъ идѣ ужасъ-то!

Сто двадцать человѣкъ! Шумъ, тѣснота, угаръ. Меня увидела одна знакомая монахиня, отвела въ уютнокъ. Онѣ тамъ служили обѣдню пасхальную. Всё такъ выказали, когда плыли Христосъ Воскресе, прямо рѣкой лились слезы. Но было такъ приятно горячо помолиться и покрестосоваться другъ съ другомъ; даже не православные и тѣ крестосовались. Всё столпились около и молились; каждый по своему.

Духота въ этой камерѣ была невѣроятная: полъ горячій, потому что ввиду кухня, полъ гнилой, приходитъ угаръ. Я первые дня чувствовала страшную головную боль; потомъ привыкла къ постоянному дурманному состоянію. И хотя окна были безъ стеколъ, только двойная рѣшетка, но воздуху не хватало и часто бывали обмороки.

Клоповъ была бездна. Я разъ рѣшилась сосчитать и что-же, въ продолженіе двухъ часовъ набрала въ кружку съ водою 120 клоповъ и 250 мокрицъ въ тарелку.

Спали мы въ три яруса: то-есть на полу, на парахъ, и на позатылѣ. Каждой полагаются потметра ширинны. Спали вчетверо — одна головой, а другая ногами къ ей лицу. Если надо повернуться то всё ворочаются — такъ тѣсно. Спали всё безъ одежды и смачивались водою — клопы воды не любятъ, зато мы всё лежимъ мокрѣя, и еще кружки съ водою про запасъ ставили. Спали на голыхъ доскахъ. Многія обмякомъ были взяты, какъ я, мноія съ работы, одна женщина-врачъ прямо изъ больницы, съ приѣма. И вотъ, въ чемъ есть; кто лѣтомъ былъ взять, тотъ въ одномъ платьѣ и

ничего нѣтъ, ни покрыться, ни подстелить.

Камера у насъ раздѣлялась такъ. Одна сторона — крестьянки — это пунктъ 10-й — агитаторши. Противъ колхоза агитировали. Всѣ онѣ были инородки — ни слова по-русски сказать не умѣли. Не знаю, откуда ихъ повезли, но гнали зимой, пѣшкомъ, 90 верстъ; у всѣхъ руки-ноги пообморозились такъ, что заживо гнили; всѣ въ коростахъ, во вшахъ. Ужасное зрѣлище.

Потомъ сидѣли «жены» — это тѣ жены, у которыхъ мужья арестованы или уже посланы въ концлагерь. По теперешнимъ законамъ жена отвѣтственна за мужа — почему не донесла, что мужъ вредитель или шпионъ. Дѣти, въ такомъ случаѣ, отдаются въ Дѣтдомъ, но не въ своемъ городѣ, а увозятся неизвѣстно куда. Такой былъ случай: одна румынка пришла узнать объ арестованномъ мужѣ и пришла съ ребенкомъ, трехъ лѣтъ мальчикъ; у нея изъ рукъ вырвали сына, а ее посадили. Она два часа кричала, рыдала, умоляла отдать ребенка. Потомъ она объявила голодовку, чтобъ сказали, гдѣ сынокъ; восемь дней голодала; потомъ принесли записку, что онъ въ такомъ-то городѣ и за такимъ-то №.

«Женъ» на допросы не берутъ, и высылаютъ скорѣй чѣмъ другихъ; сразу человѣкъ по сто. А бывало такъ, что если мужъ разстрѣлянъ, жену выпускаютъ на свободу, — и плачутъ-же такія, уходя, страшно смотрѣть, какъ плачутъ.

Затѣмъ въ нашей камерѣ, какъ и во всѣхъ, всегда монахини, по религиознымъ дѣламъ, и «шпионки»

День въ тюрьмѣ начинается у насъ въ 4 утра: всѣ должны были встать, сложить въ узелъ имущество и на него сѣсть, чтобъ было проходъ дежурнымъ, которыхъ разносили хлѣбъ, сахаръ, кипятокъ. Потому приходилось такъ рано вставать, что при загруженности тюрьмы не справлялись съ питаньемъ, съ «поправкой», съ «прогулкой», а допросы шли только ночью, съ десяти до двухъ, до трехъ, т. е. брали на допросъ въ это время, а другія не возвращались по нѣсколькимъ днямъ.

Самое тяжелое въ то лѣто было, что всѣ болѣли дезинтерией, а выпускали нѣ уборную только тѣхъ, кому докторъ давалъ бумагу, а чтобъ получить эту бумагу, надо было пройти черезъ много мытарствъ и не всегда она давалась. Запрещеніе уборной несравнимо даже съ ужасомъ допроса: больная стоитъ, умоляетъ, проклинаютъ, корчатся на полу передъ дверью — все напрасно, коридорный не открываетъ, только ругается какъ извошникъ.

Врачъ былъ у насъ — студентъ 5-го курса — прозванъ «фокестротникъ» — войдетъ, повернется, смутится, не знаетъ, что дѣлать. Въ камерѣ у насъ было три хорошихъ женщины-врача и нѣсколько сестеръ милосердія, но что онѣ могли сдѣлать, какую помощь оказать?

Насчетъ допросовъ приведу нѣсколько причѣровъ. Одна, полька, нѣсколько сутокъ простояла: у нея лопнули вены на лѣвой ногѣ и нога превратилась въ настоящее полѣно отъ опухолей. Ее, когда она не могла стоять и падала, поддерживали два служителя, а все-таки заставляли стоять. Она дала согласие на всѣ обвиненія, а

обвиняли ее, как и другихъ взятыхъ во время молитвы въ костелъ и вмѣстѣ со священникомъ, въ шпионажѣ. Другая, русская, была продавщицей въ Торсинѣ; отъ нея требовали назвать по фамилии всѣхъ болѣе крупныхъ покупателей, чего она не могла сдѣлать, не зная фамилій. Торсинъ тогда была признанъ фашистской организаціей и многихъ арестовали, какъ шпионовъ. И вотъ ее допрашивали 10 дней и принесли въ камеру безъ сознанія, а когда она пришла въ себя, то обнаружилось, что она проявляетъ признаки умопомѣшательства, что въ концѣ концовъ и случилось.

Такое пришлось переживать и переслышать, что представить себѣ нельзя, и тутъ многому люди не повѣрятъ, а въ тюрьмѣ всѣмъ это было извѣстно, какъ такое, что каждый день случается. Одну монахиню, напр., держали въ «горячей», одѣтой въ шубу, шаль, валенки, и пить не давали. Она умоляла, только пить дай. Ей сказали, чтобъ сознаться, тогда пить дадутъ — она все подписала. Другая монахиня не выдержала — поѣсилась.

Тоже сказать надо, за что арестовывали.

Одну 65-лѣтнюю англичанку сослали на 10 лѣтъ въ концлагерь за связь съ Англійей, когда она была преподавательницей въ Институтѣ иностранныхъ языковъ и, можетъ быть, должна была книги выписывать изъ Англии. Нѣмку одну, 16-лѣтнюю дѣвушку съ Поволжья, неграмотную, деревенскую дѣвку, обвиняли за связь съ Германіей, а она пришла съ допроса и спрашиваетъ, что это такое за «связь», что ничего такого она не знаетъ, работала въ райо-

нѣ, въ общественной столовой, всѣ про нее знаютъ, что она дѣвушка честная, скромная. 10 лѣтъ ей дали за эту «связь». Другой дѣвушкѣ, разсыльной, 5 лѣтъ дали и 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ держали за то, что пашли на столѣ, идѣ она разбирала письма и газеты, написано — «Долой Сталина и совѣтскую власть», а не установлено было, что это она написала. Была еще у насъ дѣвушка-техникъ, та, на «Октябрьскомъ праздникѣ», на вечерникѣ, во время игръ, сказала фамилію Троцкого — тутъ-же ее арестовали, просидѣла она 10 мѣсяцевъ и дали ей 5 лѣтъ и еще лишение правъ на 2 года. Привезли разъ старушку изъ уѣзда, которая когда-то жила въ губерніи, отошедшей теперь къ Польшѣ, — ее арестовали за «агитацію»: она все меня увѣряла, чтобъ я ее не боялся, что она ей Богу ни въ чемъ не виновата, «за каку-таку агитацию посадили», сама не знаетъ. Сына ея тоже арестовали; дома оставалась только сноха да двое ребятокъ. Въ другой разъ привезли пять старухъ-старообрядокъ — 63-ми, 70-ти и 75-ти лѣтъ, а остальнымъ можетъ и больше—всѣ скрюченныя вдвое, худыя, какъ скелеты; на ныры приходилось поднимать, сами не могли подняться. Эти сидѣли за пропаганду о Христѣ. Надо было удивляться ихъ стойкости и вѣрѣ: все молча переносятъ, только губами молитвы шепчутъ и крестятся. Одну изъ нихъ за левяносто верстъ притаили, такъ когда стали ей помогать мыться, узнали, что она вся въ сивыхъ избита — это ее били, когда она не поспѣвала за партіей.

А судила насъ всѣхъ «тройка» — въ одну ночь выносили 500-600

приговоровъ. Всѣмъ по 10 лѣтъ — это стандартъ; бумажки напечатаны на пишмашинкѣ и вставляются имя и фамилія; если дворянка, то тогда еще это вставляется. Читается приговоръ изъ дверей, сразу 20-30 арестованнымъ; и въ каждомъ приговорѣ скажемъ — гражданка, безъ определенныхъ занятій — а я, напр., прослужила 30 лѣтъ и большинство другихъ, можно даже сказать всѣ другія, были служація, а намъ этого не засчитывалось. Читала же приговоры К В Ч — это молодая дѣвица, завѣдующая Культурно-Воспитательной Частью — мы ее только тогда и выдали; вся ея и культура въ этомъ была.

Еще хотѣлось-бы мнѣ сказать, что сидѣло въ нашей пересыльной тюрьмѣ около 500 дѣтей-подростковъ; больше мальчиковъ; дѣвочекъ, сравнительно, немного. Осталось неизвѣстнымъ, чьи это дѣти, то-ли арестованныхъ родителей, то-ли безпризорные? Многие изъ нихъ были какъ дикія и однажды устроили въ тюрьмѣ бунтъ. Ночью вдругъ слышимъ страшный шумъ, стукъ, крики — ура! Всѣ, въ ужасѣ, проснулись. Продолжалось это около часу. Вдругъ, отворяютъ нашу камеру, приказываютъ собирать вещи въ пожарномъ порядкѣ. Выходимъ въ коридоръ; опять приказъ — не смотреть по сторонамъ! Глаза внизъ! — Но, конечно, смотримъ во всѣ глаза: видимъ, четыре окна совершенно разломаны — это гдѣ дѣти сидѣли въ двухъ камерахъ. Что-же они проделали! Камеры у нихъ были съ печью, соединявшей обѣ камеры. Сидѣли они въ самыхъ теплыхъ камерахъ, потому что

одежды на нихъ не было почти никакой: у кого трусы, у кого рубашка, почти всѣ босые. И вотъ, послѣ повѣрки, приблизительно къ часу ночи, они стали разбирать печь съ обѣихъ сторонъ, кирпичами разломали двойныя рѣшетки, выбили «намордники» на окнахъ и, вооружившись кирпичами, стали кидать ими въ тюремщиковъ и кричать — Ура! — Давай хлѣба! — Давай начальника! — Хотимъ въ лагерь! — Никакъ не могли съ ними справиться, тогда начальникъ тюрьмы распорядился лить въ нихъ насосами воду.

Тутъ они запросили пощады и ихъ всѣхъ перевязали подвое, а зачинщиковъ, 20 человекъ, увели въ карцеръ. Говорили, что разстрѣляли вскорѣ, въ назиданіе другимъ. Но все-таки потомъ дали имъ одежду, хлѣба прибавили и вскорѣ выслали въ дѣт-лагерь. Было это какъ разъ на 1-ое мая — сачий большой совѣтскій праздникъ послѣ Октябрскихъ торжествъ.

Много-бы еще что могла сказать, многого я была свидѣтельницей, но многого тоже и сказать нельзя, чтобъ не повредить. И хотя я живу теперь такъ хорошо, дай Богъ всякому, но душа моя болитъ за российскихъ мучениковъ и дѣлается стыдно за свое благополучіе.

За что мнѣ Богъ послать такое счастье!

И сына я своего видѣла. Онъ здоровъ, работаетъ, любитъ меня, и все, что сказали мнѣ про него, оказалась ложь. Говорили, чтобъ мучить меня. Онъ и не думалъ уѣзжать въ Совѣтскую Россію, а главное, сказалъ мнѣ, что вѣрить въ Бога, вѣрить въ хорошее будущее Россіи. N. N.

А. Т. Гречаниновъ

(Къ семидесятилѣтію его рожденія).

Немногіе композиторы достигаютъ такихъ почтенныхъ лѣтъ — музыкальное творчество изнашивается челоѣка — въ частности изъ русскихъ композиторовъ только двое, Балакиревъ и Кюи, переступили эту дату. Но А. Т. Гречанинову идетъ долгая жизнь, это — его «стиль», тихій, спокойный, мирный и безбурный. Онъ глубочайшимъ образомъ националенъ — въдъ не вся же «русская душа» цѣлкомъ складывается въ изломы Достоевскаго и экстазы Бѣлаго и Скрябина: есть и иной русскій стиль, быть можетъ, не менѣе, а болѣе русскій — стиль русской тихой природы, русской незлобности, русскихъ скитовъ и монастырей, благостный и беззлобный, дѣтски невинный и чистый. Вотъ этогъ то стиль и есть тотъ, который отразитъ въ музыкѣ быть призванъ Гречаниновъ, — оягъ и самъ весь цѣлкомъ выполненъ въ этомъ стилѣ. Недаромъ и влекло его къ пѣснѣ, къ дѣтскому міру (его вещи «для дѣтей» едва ли не лучшія во всей музыкальной литературѣ), къ церковному міру — опять-таки не мрачно аскетическому, а къ тому мистическому православію, контуры котораго сливаются съ пантеизмомъ. Воспитанный въ традиціяхъ и идеалахъ «могучей кучки», Гречаниновъ одно время былъ,

казалось, опрокинутъ бурными волнами новаго музыкальнаго искусства — его творчество начинало казаться старомоднымъ, поблекшимъ. Но прошли еще годы, утихли исканія и художественныя бури, сами опрокинутыя политическимъ ураганомъ — а музыка Гречанинова осталась, все такая же беззлобная и мирная, такая же благостная и такая же родная намъ всѣмъ, какъ наши воспоминанія о прежде бывшей родинѣ. На примѣрѣ Гречанинова можно видѣть, какъ исторически побѣждаетъ и «пробываетъ» въ искусствѣ то, что прежде всего искренне и челоѣчно, и какъ зыбки и непрочно капризы моды. Такія вещи какъ «Демественная», «Вѣрую», какъ его романсы ставшіе обязательными въ репертуарѣ пѣвцовъ и пѣвицъ всѣхъ нцій, какъ его дѣтскія вещи — всѣ эти творенія остались въ музыкальной литературѣ. А можно ли это съ увѣренностью сказать про творчество многихъ, очень многихъ изъ его болѣе молодыхъ и живыхъ современниковъ? Пожелаемъ же нашему маститому юбиляру еще многихъ лѣтъ творческой жизни — его имя уже и теперь украшаетъ пантеонъ русской музыки.

Л. С-въ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

София Прегель. Полдень. Серия «Русские Поэты». Изд. «Дома Книги» и «Современныхъ Записокъ». Парижъ

По поводу стиховъ Софии Прегель критики вспоминали о «фламандской школѣ». Дѣйствительно, въ первой ея книгѣ было много того, что по аналогіи съ живописью можно было назвать «натюр-морть». Но это исчезло изъ второй и третьей ея книги. Въ нихъ по-прежнему много живописи, они — лирическіе пейзажи, но очень далекіе отъ фламандцевъ. Въ стихахъ поэтовъ, склонныхъ къ живописному, бываетъ порой легкой холодъ, какъ у парнасцевъ, словно «равнодушная природа», которую они описываютъ, вліяетъ на ихъ поэзію. Хотя «видимый міръ существуетъ» для Софии Прегель, какъ говорилъ Теофиль Готье, но пейзажъ ея всегда напряженно эмоционаленъ и его можно было бы назвать «экспрессионистскимъ», если бы у этого термина не было специфическаго отъѣлка определенной школы живописи. При всей мѣткости ея взгляда и отдѣльныхъ ея штриховъ («дерево круглоголовое», «свернутый шерстяной листь дикаго винограда», «пятнистая нуга» домиковь въ Провансѣ и т. п.) она стремится не къ отдѣльнымъ мѣткимъ штрихамъ, а къ проникнутой однимъ настроеніемъ, синтетической, обобщающей картинѣ, которая этими штрихами только освѣщалась бы. Вотъ какъ, почти по футуристически, передаетъ она движеніе.

«Помню, улица крылья расправила
И промчалась, звеня, на бѣгу.»

Въ стихотвореніи «Слетались птицы на нежданный пиръ» краски ярче реальныхъ, потому что поэта хочетъ дать ощущеніе не дѣйствительности, а немного фантастическаго воспоминанія. Поэтому она не боится сказать, что «въ тарелкахъ яростно блесгло масло», но зато какъ хороши примиренныя свѣтлыя заключительныя строки его:

«И даже пчелы пѣли незлобно
Въ саду румяномъ юности моея.»

Въ другомъ, трогательномъ стихотвореніи о четырехлѣтнемъ мальчикѣ къ концу, какъ въ фокусѣ, собраны всѣ лучи, его освѣщающіе:

«Не рассказать, какъ солнцемъ разогрѣта,
Огромный міръ въ себѣ вмѣщаетъ эта
Прозрачѣйшая дѣтская ладонь.»

Эти завершающіе красочные бланки почти всегда находимъ мы въ послѣднихъ строкахъ стихотворенія. Иногда даже кажется, что все оно написано для этихъ заключительныхъ строкъ. Поэтому у нея рѣдки стихотворенія, выдержанные въ четверостишіяхъ. Послѣдняя строфа никакъ не можетъ втѣсниться въ четыре строки, ей нужно пять или шесть, причемъ передъ концомъ бызаетъ какъ бы пауза, подготавливающая заключительный эффектъ.

Стихи Софіи Прегель совершенно не подражательны, трудно даже опредѣлить, кто изъ русскихъ поэтовъ имѣлъ на нее вліяніе. Совершенно не замѣтно вліянія Ахматовой, котораго не избѣжала, кажется, ни одна изъ русскихъ поэтессъ. Она «пьетъ изъ своего стакана», съ каждой новой книгой очищая и совершенствуя свою манеру, свой стихъ, который легко узнавать и безъ подписи.

М. Цетлингъ.

Николай Оцупъ. Беатриче въ аду. Изд. «Домъ Книги». 1939.

Зарубежная русская поэзія существуетъ два десятилѣтія. О владѣ ея въ русскую литературу говорить преждевременно. Во всякомъ случаѣ, совѣтская поэзія создала для нея чрезвычайно выигрышный фонъ и обезпечила ей вниманіе историка русской литературы. Его, вѣроятно, поразитъ нѣкоторая безкрылость, боязнь отступить отъ каноновъ довольно узкаго теченія, формировавшагося 35 лѣтъ тому назадъ, единообразіе приемовъ и настроеній. Но въ одномъ эта поэзія безупречна: ея техническій уровень высокъ, ея форма достаточно совершенна.

Николай Оцупъ по праву занимаетъ не послѣднее мѣсто въ зарубежной поэзіи. Казалось, съ своимъ первымъ романъ поэтъ Оцупъ будетъ особенно строгъ и требователенъ къ формѣ. Но именно форма романа «Беатриче въ аду» поражаетъ безпомощностью почти диалектантской. Герои — всѣ эти Борѣцкіе, Ртищевы, Бобровы — не живые люди, а условные носители эмигрантскихъ настроеній и пороковъ, о чемъ они услужливо сообщаютъ читателю во вѣткахъ и длинныхъ диалогахъ. Они бесѣдуютъ о Богѣ, любви, искусствѣ, судьбѣ Россіи, эмиграціи и проч., но на всѣхъ ихъ сужденіяхъ печать такой обывательской посредственности, что появились за ихъ столикомъ земскій врачъ, уѣздный философъ и скептикъ, — будетъ казаться, что дѣйствіе происходитъ не въ Парижѣ на Монпарнасѣ, а въ арцыбашевской или шеллеръ-михайловской русской провинціи въ давно ушедшіи времена. И все-же въ самомъ замыслѣ романа есть нѣчто новос, для эмигрантской литературы неожиданное и по своему знаменательное. Это — искренняя, мѣстами волнующая тоска по воплощенной чистотѣ, по Беатриче. Пусть образъ Джени Лесли нѣсколько абстрактенъ, пусть мѣстами восторгъ Ртищева (и автора) принимаетъ формы почти комическихкія: ...«Валентинъ, почему у тебя грязныя гетры? — какъ-то спросила она его. — Когда женщина любить, ей и грязныя гетры кажутся чистыми у ея любовника, — отвѣтитъ онъ съ горящими глазами. Джени нашла это великолѣпнымъ». (!) Но

такъ явно ощущаетъ читатель тоску героя отъ безплодія зла, такъ мучительно желаніе выбраться изъ грязи на чистое мѣсто, и, если не найти, то хоть вообразить челоѡвка, къ которому можно отнести съ жертвеннымъ благоговѣніемъ, что, закрывая книгу, думаешь, что написана она не напрасно. Изображенъ въ ней не дантовскій адъ, а эмигрантско-монпарнасскій, болѣе близкій къ передоновскому. Здѣсь всѣ людскія отношенія построены на взаимномъ неуваженіи, каждый видитъ ближнему лживымъ, вороватымъ, склоннымъ къ предательству, одержимымъ скрытыми пороками. Зло слишкомъ широко разлилось въ міръ и выродилось въ мелкое пакостничество. По аду и Беатриче. Но тяга къ ней чиста, глубока и искренна.

С. Савельевъ.

Литературный смотръ. Свободный сборникъ. Парижъ, 1939.

Соблазнительный съ перваго блеска подзаголовокъ, — но какой странный обманъ! Если «свобода» сводится къ тому, что редакторша (по ея собственному завѣренію) ничего не мѣняла въ собранномъ матеріалѣ, то читателя не можетъ не разсердить каламбурное смѣшеніе «справа на писаніе» и «правописанья». Если-же (какъ обѣщано въ той-же интенсивной статьѣ) слова «свободный сборникъ» означаютъ, что доступъ въ него открытъ такимъ писателямъ и такимъ ихъ произведеніямъ, которымъ боязливые или непонятливые редакторы другихъ, несвободныхъ, органовъ спиной загораживаютъ путь, то, ознакомясь съ содержаніемъ «Смотра», читатель испытываетъ еще пущую досаду: ибо что-же въ этомъ сборникѣ такого, что не могло бы появиться въ любомъ изъ альманаховъ избалованнаго русскаго зарубежья? Странная, очень странная затѣя: лично мнѣ ея особый отъенокъ знакомъ и дорогъ, какъ принадлежащій тому міру, который показанъ въ «Приглашеніи на Казнь». Редакторша, слѣдуя къ опытнымъ законамъ мнѣ хорошо извѣстной логики, объясняетъ, — то ея сборникъ есть въ нѣкоторомъ родѣ «салонъ отверженныхъ». Хороши отверженные, имена которыхъ въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ повторяются въ оглавленіи всякаго выходящаго въ свѣтъ (да въ темноту) журнала! Правда, З. Н. Гиппиусъ намекаетъ на участь писателя, «книги котораго переводятся на почти всѣ существующіе языки, но у котораго явѣтъ возможности печататься «ни въ одномъ парижскомъ журналѣ или газетѣ». Жаль, что редакторша (слѣдя все той-же логикѣ) не называетъ его: загадка для рядового читателя бессмысленно-трудная.

Осмотримъ теперь этотъ салонъ миним-отверженныхъ, — и разъ ужъ рѣчь зашла о свободѣ, пускай свободой насладится и рецензентъ. Не буду останавливаться на «Самомъ Важномъ» Аламовича, которое въ разныхъ положеніяхъ и вариантахъ появлялось въ большинствѣ газетъ и журналовъ эмиграціи. То, что въ началѣ его статьи (какъ и въ статьяхъ нѣкоторыхъ другихъ, явившихся на «смотрѣ») есть вѣжливо-отвѣтная ссылка на послынное старанье выполнить заказъ сво-

боды (как это опять мнѣ знакомо!), дѣла, разумеется, не мѣняются. Попытки Терапиано, Кельберина и Мамченко разрешить лобовые метафизическихъ задачъ съ наименьшей затратой мыслительной энергии литературными достоинствами не богаты, зато въ этихъ юрнихъ облакахъ кутится самая дрянная лобовность, вродѣ того, какъ альпинисты находятъ на казавшейся неприступной скалѣ рекламу автомобильныхъ шинъ. Отрывокъ Фельзена — единственное украшеніе сборника. Хотя, вообще говоря, этого автора можно кое въ чемъ упрекнуть (въ томъ, напр., что онъ тащитъ за собой читателя по вѣсьмъ тѣмъ осыпямъ, гдѣ авторская мысль сама пришла, то начиная обстраиваться, то бросая недостроенное, и, наконецъ, съ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ находя себя въ мѣткѣ словъ, къ которому читателя можно было привести и менѣе эмпирическимъ путемъ), это, конечно, настоящая литература, чистая и честная. Его же статья «Прописи» состоитъ изъ дѣльных, хоть и блѣдноватыхъ мыслей о назначеніи писателя. Размышленія Манделштама «о любви» были бы сносны, если-бы ему принадлежалъ приоритетъ. Сѣрости этихъ безформенныхъ афоризмовъ соответствуетъ слогъ («. Но и тогда актъ сочетанія остается въ центрѣ любви; безъ его незримого продолженія или предчувствія изъ любви былъ-бы выгнутъ стержень»). И какъ можетъ человѣкъ съ литературнымъ навкомъ почитительно перебирать изреченія Шардонна и Монтерлана, книги которыхъ не болѣе, чѣмъ *songes rayés* французской литературы? «Лошадь ѣдятъ сны», статья Дюна, особой новизной не грѣшитъ, — съ такими-же мыслями приходилось уже встрѣчаться въ «Новомъ Градѣ» или въ «Кругѣ»; впрочемъ, лошади ѣдятъ и онесь. Новелла В. Зензинова проникнута благороднымъ стремленіемъ отыскать этическую романтику въ наименѣе безнравственномъ изъ приключеній знаменитаго итальянскаго развратника Отмѣчу злоупотребленіе откиднымъ оборотомъ («О, почему они не уѣхали въ Лондонъ») и излишнее довѣріе автора къ силѣ простого утвержденія (хотѣлось-бы примѣромъ «остроумія» Генриетты, о которомъ такъ много говорится; литература держится на примѣрахъ). Отлично устроенной концовкой болѣе или менѣе оправданъ рядъ нарочито-безсвязныхъ мыслей Червинской (иния изъ нихъ весьма спорны, — напр. мысль, что искусство въ наши дни «должно быть серьезно». Въдъ советская литература самая серьезная, а бездарна; нѣмче — обоихъ лазерей — тоже очень серьезны; не опасно-ли требовать отъ искусства именно того свойства, которымъ сопровождается его паденіе?). Наконецъ, *rouge la bourse bouche*, находимъ статью В. Злобина о книжницѣ Г. Иванова «Распадъ Атома». Авторъ статьи договаривается до безднъ, стараясь установить, почему эта книжка была такъ скоро забыта. Ему не приходитъ въ голову, что можетъ быть такъ случилось потому, что эта брошюрка съ ея любительскимъ исканіемъ Бога и банальнымъ описаніемъ писсаровъ (могущимъ смутить только самыхъ неопытныхъ читателей) просто очень плоха. И Зинаидѣ Гиллѣусъ, и Георгію Иванову даюмъ незауряднымъ поэтамъ, никогда, никогда не слѣдовало-бы баловаться прозой.

По поводу этого «свободного сборника» можно было-бы еще кое-что сказать; что мистическое отношение къ многострадальному сентябрю-мѣсяцѣ не дѣлаетъ чести вкусу писателя; что модное обиліе цитатъ чрезвычайно раздражительное явленіе, ибо цитаты — всесезя, по которымъ цитатчикъ не всегда можетъ платить; что называть громкимъ именемъ свободы простую дружбу или единomyслие то же самое, что сына звать Фемистоклосъ. Ограничусь этими замѣчаніями, добавивъ, что общее впечатлѣніе отъ сборника такое, будто руководительница, скинувъ питомцевъ и послувивъ имъ неслыханное раздолье, привела ихъ въ небольшой городской скверъ, гдѣ оставила ихъ на произволъ судьбы среди пыли, добрыхъ скамеекъ, маленькиихъ злыхъ стульевъ и слишкомъ мало употребляемыхъ респектаклей для бапанныхъ кожъ и вчерашнихъ газетъ.

В. Сиринъ.

Puszkini 1837-1937. (Prace Polskiego Towarzystwa dla badan Europy Wschodniej XVI-XVII). Krakow, 1939 2 t.

Двухтомный сборникъ на польскомъ языкѣ, посвященный Пушкину и вышедшій въ свѣтъ подъ редакціей Ледницкаго незадолго до начала войны — цѣнный вкладъ въ науку о Пушкинѣ и краснорѣчивое свидѣтельство о высокомъ уровнѣ, достигнутомъ культурой независимой Польши. Въ польскомъ государствѣ, при всѣхъ его недочетахъ, было мѣсто человѣческому духу, было мѣсто и культурному творчеству. Вацлавъ Александровичъ Ледницкій является однимъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія польскихъ ученыхъ: съ какою искренней любовью, съ какими благоговѣйнымъ усердіемъ посвятилъ онъ свою дѣятельность русской литературѣ и въ частности Пушкину! Надо сказать, что Пушкинъ въ глазахъ поляковъ окруженъ особымъ ореоломъ: другъ Мицкевича, онъ тѣмъ самымъ другъ его народа. Никакія враждебныя высказыванія Пушкина по отношенію къ Польшѣ въ разгаръ возстанія 1831 г — внимательно изученныя Ледницкимъ — не могутъ этому повредить. Пушкинъ, для лучшихъ, до нѣкоторой степени свой.

Пушкинъ и Мицкевичъ, Пушкинъ и Польша — тема большая и важная и понятно, что, начиная съ Третьяка и Спасовича, польскіе пушкинисты обращались именно къ ней. Ея же посвящены главнымъ образомъ и дѣятельность Ледницкаго и данный сборникъ (есть ли не самый объемистый изъ всѣхъ вызванныхъ пушкинскимъ юбилеемъ за предѣлами Россіи). Весь второй томъ его цѣлкомъ посвященъ различнымъ аспектамъ этой проблемы: къ ней относятся и статья Якуба о Пушкинѣ въ Польшѣ и подробнѣйшая библиографія Топоровскаго «Пушкинъ въ польской критикѣ и въ переводахъ» и внимательное изслѣдованіе Тыца о переводахъ Пушкина изъ Мицкевича. Содержаніе перваго тома значительно разнообразнѣе и шире: здѣсь найдемъ статью Двойченко о Пушкинѣ въ Бессарабіи, замѣтку Бема о пути Пушкина къ прозѣ, тонкій и глубокой очеркъ Заводзинскаго

о творчества Баратынского, статью «нижеподписавшагося о «Египетских Ночахъ», изслѣдованіе Вильмагъ-Грабовской «Поэтъ мрака и мятели», смѣлую попытку, по гершензоновски, охватить міросозерцаніе Пушкина. Но я здѣсь въ центрѣ вниманія — проблема Пушкинъ - Мицкевичъ - Россія - Польша, основная тема разносторонняго «Пушкинского Table Talk» Ледницкаго. Трудно въ краткомъ очеркѣ передать все значеніе и всю своеобразную прелесть этой работы. Ледницкій отказался отъ четкихъ, грозящихъ окостенѣніемъ формулировокъ: онъ вводитъ насъ прямо въ свой рабочей кабинетъ и придаетъ своему изслѣдованію характеръ бесѣды. Благодаря этому своеобразному методу ему удается приблизить къ намъ разговоры и споры пушкинской поры и дать намъ почувствовать ту атмосферу, въ которой зародились политическіе взгляды и поэтическіе замыслы Пушкина и Мицкевича. Намъ становится понятнымъ, какъ Мицкевичъ въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ черпалъ изъ устъ своихъ русскихъ друзей основныя мысли «своего обличенія Петербурга, вызвавшія позже въ свою очередь «Мѣднаго Всадника», какъ Пушкинъ въ лицѣ челоѵка «вѣжно возлюбившаго чуждые народы» заклеимля Вяземскаго, какъ въ поэмѣ «Газитъ» («Гасубъ») онъ далъ отвѣтъ на «Конрада Валленрода» Мицкевича. Изслѣдованіе Ледницкаго значительно расширяетъ сферу вліянія Мицкевича на Пушкина и проливаетъ новый свѣтъ на отношенія обоихъ поэтовъ.

Немного рѣже публикации Ледницкаго, въ самый годъ юбилея, появилась «Лютя Пушкина» Тувима, замѣчательный переводъ пушкинской лирики (для рецензій на него находятся во второй части сборника). Хотѣлось здѣсь упомянуть объ этихъ переводахъ, чтобы отмѣтить, насколько жива въ польской культурѣ, въ наукѣ и въ поэзіи память о Пушкинѣ.

М. Горлинъ.

Сергѣй Лифарь. Дягилевъ и съ Дягилевымъ. Изд. «Домъ Книги». Парижъ, 1939. 500 стр.

Книгу эту приятно видѣть и «ощущать». Давно въ эмиграціи не появлялось книгъ столь буржуазной внѣшности, — толстая, отлично изданная, на хорошей бумагѣ, отъ нея вѣетъ сыростью и довольствомъ и вспоминаются давнопрошедшія времена. Прекрасная репродукція фотографій въ текстѣ — можно только пожалѣть, что мало репродукцій съ постановокъ Дягилева, онѣ бы прибавили нѣчто наиболѣе конкретное къ облику Дягилева и его жизненной работы.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, книга эта болѣе — «Съ Дягилевымъ», нежели «Дягилевъ» и даже еще болѣе того: «Съ Лифаремъ». Не будемъ однако придираться, это совершенно неизбѣжно, въ особенности когда авторъ и «вспоминаетель» тѣсно и активно, всей своей дѣятельностью связанъ съ Дягилевымъ — извѣстно, что самъ Лифарь представляетъ собою одно изъ наиболѣе удачныхъ и любимыхъ созданий «главнальнаго импрессаріо».

Книга написана простымъ литературнымъ языкомъ, безъ ницуръ, стиль ее скорѣе академическій, въ особенности въ первой части, гдѣ дѣло идетъ о «до-лифарійномъ» періодѣ жизни Дягилева. Стиль этотъ теплѣе и оживляется ко второй половинѣ, гдѣ авторъ является уже дѣйствующимъ лицомъ.

Безусловно, этимъ Лифарь создалъ цѣнный памятникъ своему покойному другу. Другой вопросъ — не преждевременно ли этотъ памятникъ? Не слишкомъ ли много осталось живыхъ, заинтересованныхъ, не погасившихъ своихъ счетовъ съ покойнымъ Дягилевымъ, чтобы всѣ эти еще животрелущія отношенія дѣлать достояніемъ публичности? Съ другой стороны, можетъ быть и есть основаніе торопиться, ибо время теперь идетъ такъ быстро и свѣдія событія такъ заслоняютъ старья, что ничего не будетъ удивительнаго, если такое явленіе, какъ Дягилевъ, будетъ скорѣе забыто, тѣмъ болѣе что намъ до сихъ поръ неясны его истинные размѣры. Въ книгѣ Лифаря Дягилевъ окруженъ фимиамами, эпитетъ «гениальный» ему всюду и постоянно сопутствуетъ, онъ — Петръ Великій русскаго искусства, прорубившій ему окно въ Европу. Лифарь убѣжденъ, что Дягилевскій вкусъ и воля создали и «Миръ Искусства» съ его художниками, и Стравинскаго, и Прокофьева, и всю плеяду дѣятелей его антрепрізы, до великихъ артистовъ хореографическаго міра включительно.

Это — лейтмотивъ книги. Однако наряду съ этимъ въ самой книгѣ есть достаточно фактическихъ указаній, рисующихъ намъ Дягилева какъ человека деспотическаго, но съ весьма неустойчивыми вкусами, который рабски слѣдилъ за модой, боясь опоздать на ее «последній крикъ». Въ немъ огромная самоувѣренность, несмотря на то, что фактически онъ оставался «любителемъ» и самъ ни въ какомъ искусствѣ себя не проявлялъ. Не будучи по существу типичнымъ меценатомъ, хотя и дѣйствовавшимъ «въ обличьи мецената», Дягилевъ скорѣе являетъ черты современнаго «міроваго импрессарио», не столько диктующаго вкусы, сколько угождающаго вкусу той среды, гдѣ онъ ищетъ или предполагаетъ свою публичку. Такой публичкой для Дягилева все время была такъ наз. «высшій кругъ», міръ «верхнихъ десяти тысячъ», верхушка буржуазно-аристократическаго общества, среда съ психологіей утомленной, пресыщенной и жадной до острыхъ развлеченій. Совершенно неправдоподобно предположеніе, что Дягилевъ «создавалъ» такихъ художниковъ, какъ Бенуа, Судейкинъ, Сѣровъ, Коровикъ, Бакстъ, Стравинскій, Прокофьевъ, что онъ формировалъ ихъ вкусы, самъ не будучи ни художникомъ, ни музыкантомъ — гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что онъ нашелъ ихъ уже готовыми и даже уже признанными въ передовой части общества и присоединился къ нимъ. Велики заслуги Дягилева въ дѣлѣ пропаганды русскаго искусства за границей (въ особенности въ первый періодъ), но въ его дѣятельности есть и черты великаго соблазна. Онъ «вывезъ», правда, русское искусство въ Европу, онъ представилъ его въ блистательномъ видѣ, проявивъ полностью свою гениальность организатора, но онъ же отравилъ русское искусство, дотолѣ

священное и цѣломудренное, молчаливо и гордо замкнутое, ядами лубличной, рыночной славны, припала ему пороки европейскаго художественнаго міра, которыхъ оно было. слава Богу, чуждо. Онъ поставилъ его въ зависимость отъ сомнительнаго вкуса верхнихъ «десяти тысячъ» варижскаго міра. Вспомнимъ, что одной изъ его жертвъ былъ самъ гениальный Стравинскій, подпавшій подъ чары этого засасывающаго міра, гдѣ каждый моментъ художникъ долженъ изобрѣтать новые трюки, чтобы «десять тысячъ» не соскучились и не зазѣвали. Очевидно, что Дягилевъ мало уважалъ художника и его независимость, требовалъ деспотически покорности — его безчисленныя споры со всѣми выдающимися сотрудниками это краснорѣчиво доказываютъ (Бакстъ, Равель, Стравинскій, Нижинскій, Павлова и многіе другіе). Онъ все время самъ выступалъ на первый планъ, заслоня собою своихъ сотрудниковъ художниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что собственные попытки Дягилева «создавать» художниковъ по своему выбору и угадкѣ, несмотря на то, что по мнѣнію Лифаря у него былъ «гениальный нюхъ», нисколько не говорятъ въ пользу существованія такого нюха. Нашелъ онъ только тѣхъ, кто до него былъ найденъ (Стравинскій, Прокофьевъ, Равель, Нижинскій, Павлова, Фокинъ, художники «Міра Искусства»), его же собственные «находки» были — Ида Рубинштейнъ, Пабковъ, Марковичъ, Кохно, Дукельскій и Нижинскій-режиссеръ, всѣ уже скинутые со счетовъ искусства. Не точно и рассмотрѣніе Дягилева исключительно подъ угломъ зрѣнія пропаганды русскаго искусства: все послѣднее время его работа (начиная уже съ 1913 года) носитъ явно интернаціональный характеръ — онъ сотрудничаетъ со всѣми болѣе или менѣе «модными» художниками, только въ балетной труппѣ еще сохраняется преобладаніе русскіхъ артистовъ (не балетовъ). Балетъ Дягилева въ послѣдніе годы обращается въ «одну изъ балетныхъ антрепризъ на французской почвѣ» и, несмотря на послѣдніе крики моды изъ него исходящія, приобретаетъ все болѣе провинціальный характеръ.

Въ своей книгѣ Лифарь очень откровенно подходитъ къ щекотливой темѣ, имѣющей отношеніе исключительно къ личной, интимной жизни Дягилева. Не вопиѣя я увѣренъ, насколько это умѣстно и нужно. Интимный міръ человѣка существуетъ для него самого и тѣмъ менѣе удобно его касаться, когда живы почти всѣ заинтересованныя лица. Многіе великіе люди, и русскіе въ томъ числѣ, были прикосновенны къ древнему пороку, но врядъ ли кому пришло бы въ голову разсматривать біографію, напр., Чайковскаго подъ этимъ угломъ зрѣнія.

Книга изобилуетъ интереснымъ фактическимъ матеріаломъ и необычайно характерна для балетно-артистической среды съ ея вожделѣніями, мечтами и идеалами. Объективность оцѣнокъ отсутствуетъ, но это и не могло быть иначе, ибо авторъ самъ слишкомъ погруженъ въ этотъ описываемый имъ міръ, самъ слишкомъ живетъ реальными балетными интересами. Можетъ быть отмѣчено малое количество по-

лодательныхъ и доброжелательныхъ оцѣнокъ художественной работы его коллегъ, наряду съ приводимыми въ книгѣ восторженными отзывами о самомъ ея авторѣ — свидѣтельства истинныя, ибо извѣстность и слава Лифаря не подлежатъ сомнѣнію. При всемъ томъ можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ не существовало въ мірѣ танцовщика, который могъ бы написать не только такую значительную книгу, но и вообще какую бы то ни было — и это уже указываетъ на исключительную культурность автора по сравнению съ выдвинувшей его средой.

Л. Сабантеевъ.

Д. И. Чижевскій. Гегель въ Россіи (Русская Научная Библиотека, кн. II. Изд. «Современныя Записки» и «Домъ Книги». Парижъ, 1939).

Книга Чижевскаго имѣетъ исключительную цѣнность, не только по богатству использованнаго матеріала, дающаго представление о томъ, сколь широко и сколь длительно было вліяніе Гегеля въ Россіи, но — и это главное — во своему подлинно-историческому, т. е. философскому, какъ это понималъ самъ Гегель, подходу къ проблемѣ. Я хочу сказать, что, изслѣдуя вопросъ о значеніи Гегеля въ исторіи развитія русскаго сознанія, авторъ не упускаетъ изъ виду индивидуальной сущности этого сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ — и тѣмъ самымъ — его общечеловѣческаго, всемірно-историческаго смысла; а это — и опять-таки въ согласіи съ Гегелемъ — приводитъ автора къ попыткамъ возстановить обликъ русской культуры въ полной ея душевно-духовной конкретности, выявляющейся въ ея историческомъ развитіи, начиная съ момента пробужденія русскаго сознанія что, приблизительно, совпадаетъ съ «открытіемъ» для Россіи Петербурга, — и до момента обрыва этого развитія, когда по слову автора цитирующаго здѣсь Щедрина, «радикальный Угрюмъ-Вурчеевъ выхлѣбъ въ городъ на бѣломъ конѣ, слезъ гимназію и увразднилъ науки». Превосходно прослѣженъ ритмъ русскаго развитія, чередование отдельных его моментомъ; въ этомъ отношеніи особо оригинально и поразительно метко сооставленіе «просвѣщенства» 60-ыхъ годовъ съ его сознательнымъ отверженіемъ духовнаго начала, съ «нигилизмомъ», его непреклонной нетерпимостью ко всякому «эпикомиасмію», его безпощадной «общественной» цензурой, — съ офинціализмомъ, казеннымъ нигилизмомъ послѣднихъ годовъ николаевской школы. Въ свѣтъ нынѣшняго безраздѣльнаго торжества бездуховной «личности», и тѣмъ самымъ бездуховности, звѣрнаго, отрицающаго «личность» «статизма», это средство «николаевщины» съ «просвѣщенствомъ» выясняется съ полной очевидностью. Не менѣе удачно изображены первыя попытки воскрешенія духовнаго начала (90-ые годы) — сперва блужданія въ потемкахъ, затѣмъ выхода на забытый привѣтъ пути, которымъ доселѣ шли только одиночки, либо почти никому неизвѣстные (Павелъ Бакуининъ), либо замалчиваемые, а то и полверы (Сидоръ

(Страховъ) — и большой заслугой автора слѣдуетъ признать дѣлаемую имъ переоцѣнку этихъ одинокихъ, забытыхъ людей. Въ полномъ согласіи съ методомъ автора и его характеристики отдѣльныхъ личностей, наиболее яркиѣ представителями русскаго гегельянства и онѣ какъ и отдѣльные моменты общаго процесса русскаго развитія, изображены въ нихъ душевно-духовной цѣлостности. Особенно удачно по глубинѣ и тонкости кажется мнѣ въ этомъ отношеніи характеристика Михаила Бакунина, выясняющая трагическій характеръ его разрыва съ гегельянствомъ. Этому авторъ противопоставляетъ траги-комическій подобный-же разрывъ у Бѣлинскаго, «комическій» постольку, поскольку Бѣлинскій, и въ пору своего увлеченія Гегелемъ, въ сущности не зналъ Гегеля. Бѣлинскаго авторъ вообще, считаетъ заслуживающимъ «разубичанія», и дѣлаетъ это. Здѣсь, думается, онъ заходитъ чересчуръ далеко. Что Бѣлинскій не былъ большимъ мыслителемъ, это неоспоримо. Но авторъ врядъ-ли правъ, отрицая начисто и его значение какъ критика. Пусть у него имѣется немало «несправедливыхъ... а иногда просто дикихъ и фантастическихъ сужденій». Что до «удачныхъ», то эти, констатируетъ авторъ, «очень просто взяты у Станкевича». Проверить это къ сожалѣнію, не могу; все-же мнѣ кажется, что тамъ, напр., гдѣ Бѣлинскій фрно, «удачно» говоритъ о Пушкинѣ, онъ не просто копируетъ Станкевича: иначе были-бы неизбежны срывы; а ихъ-то въ цѣломъ рядѣ его статей о поэзіи Пушкина какъ разъ нѣтъ. Въ доказательство слабости Бѣлинскаго, какъ критика, авторъ приводитъ его сужденіе о «Божеств. Комедіи»: она полна пустой символики, и Данте вообще не поэтъ. Что Бѣлинскій, не читавшій Данте въ подлинникъ, не могъ увидѣть въ немъ поэта, само собою разумѣется. Что-же до «пустой символики», которую онъ смотрѣлъ въ «Комедіи», то тутъ напрашивается одно сопоставленіе, аналогичное тому, какое авторъ дѣлаетъ между Страховымъ и Ницше. Какъ Страховъ, въ нѣкоторыхъ своихъ идеяхъ, по своему превосходитъ Ницше, такъ и Бѣлинскій здѣсь превосходитъ одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ мыслителей и знатоковъ литературы, Бенедетто Кроче, который, кажется, первый въ Италіи осмѣлился признать, что «божественное», чисто-поэтическое у Данте перемѣшано со множествомъ элементовъ — не «символика», а «ученаго», чуждаго поэзіи алтеоризма. То, что Бѣлинскій увидѣлъ это въ дантовой поэмѣ, какъ и во второй части Фауста (на что также ссылается авторъ), свидѣтельствуетъ скорѣе въ пользу наличности у него критическаго чувства, нежели противъ. За недостаткомъ мѣста я лишень возможности отмѣтить еще кое-какія кажущіяся мнѣ спорными утвержденія и формулировки автора, а также и множество тѣхъ его, очень цѣнныхъ, замѣчаній, которыя открываютъ новые перспективы для всякаго интересующагося проблемами русскаго культуры. Я долженъ ограничиться общими выводами: наблюденія автора убѣдительноше показываютъ, сколь глубоко пронизано гегелевскимъ духомъ русское сознаніе, даже въ моменты, казалось бы полнаго отреченія отъ «метафизики» — недаромъ-же «моменты» суть звенья одного и непрерывнаго процесса — и съ этой точ-

ли зрѣнія исключительно показательно одно сдѣланное авторомъ наблюдение: а именно, что нигдѣ, среди марксистовъ, «диалектическому материализму» не придавалось и не придается такого значенія, какъ сейчасъ въ Россіи

П. Бицилли.

Н. Бердяевъ. О рабствѣ и свободѣ чловѣка. (Опытъ персоналистической философіи). УМСА-Press. Парижъ.

Философскія книги бываютъ двухъ родовъ: читая одніѣ, мы путешествуемъ по философской системѣ, какъ по дотолѣ неизвѣстной намъ странѣ; читая другія, мы вступаемъ въ личное общеніе съ самимъ философомъ. Книги Н. А. Бердяева всегда относились ко второму роду, и по всему душевному своему укладу онъ ближе къ такимъ мыслителямъ, какъ Паскаль или Ницше, нежели къ такимъ, какъ Аристотель или Кантъ. Однако никогда еще никакая его книга не заслуживала я въ такой мѣрѣ называться философской исповѣдью, какъ та, которую онъ даетъ намъ теперь и о которой можно сказать, что она во многихъ отношеніяхъ вѣнчаетъ его жизненный и философскій опытъ.

Значенательное, что во введеніи, предисловіи и въ авторъ самъ говоритъ о противорѣчіяхъ своей мысли, раскрывая тѣмъ самымъ и основные импульсы своего философствованія, а также упоминая о томъ какъ складывалось оно подъ влияніемъ другихъ мыслителей, воспринятомъ въ разное время и съ разной силой. Противорѣчивость этихъ импульсовъ и влияній такъ же не вредить у Бердяева единству его мысли, какъ не вредить единству его книги необыкновенное разнообразіе затронутыхъ въ ней проблемъ. Касается она вопросовъ религіозной философіи, этики, политической и социальной философіи, философіи исторіи, философіи искусства, вовсе не выходя при этомъ въ излишнюю востроту, не отступая нигдѣ отъ основной нити размышленія. Нигдѣ эта бьетъ двумя излюбленными темами бердяевскаго мышленія, темой личности и темой свободы, проникающими всѣ его писанія, но никогда еще не звучавшими съ такой полнотой и силой, какъ теперь. Болѣе увлекательнаго введенія въ это мышленіе, чѣмъ то, которое написалъ самъ Н. А. Бердяевъ, никому не написать. Думаю, что изъ всѣхъ его работъ это самая непосредственная, самая страстная, а по нетерпимости и нетерпѣнью, по особому задору, отличающимъ ее, и самая молодая.

Такую книгу не хочется и вѣроятно не нужно «критиковать». Читая ее, чувствуешь несогласіе во многомъ, не дергаясь ощущать однако ея силу, ея цѣльность и понимая, что она продумана до конца, такъ что любое утвержденіе по частному вопросу, которое находишь въ ней и съ которымъ не хочешь соглашаться, связано съ основной интуиціей міра, на которой вся она покоится. О своей же интуиціи этой врядъ ли можно сказать, что она невѣрна; можно ска-

зять только, что она односторонняя, как односторонни всё человѣческія прозрѣнія; можно противопоставить ей другую, столь же одностороннюю, но это не умаляет ея цѣнности и нужности. Мысль Н. А. Бердяева закона, что она гребется мысли себя въ отиѣтъ, — именно требуетъ, потому что обращается къ тому нераздѣльному въ насъ, что одновременно и сознание и соотѣтъ.

В. Вейдле.

Bernard Pares. The Fall of the Russian Monarchy, Jonathan Cape, London. 1939.

Книга Б. Пэrsa, представляющая собой результатъ долготѣлныхъ работъ, наблюдений, собиранія матеріала и свидѣтельскихъ показаній, охватываетъ царствованіе Николая II, съ краткими историческими экскурсами въ прошлое, и заканчивается революціоннымъ переворотомъ и убійствомъ царской семьи. Основная идея книги заключается въ томъ, что русская революція была произведена не низами, а вызвана правящими верхами, т. е., прежде всего, фатальной комбинаціей силъ, сконцентрированныхъ у трона. Изъ-за этой схемы, въ значительной мѣрѣ сводящей исторію паденія монархіи къ разложенію и крушенію династіи, русское общество и народъ остаются въ тѣни, но самый процессъ, захватывающій верхушку государства, представленъ настолько ярко и убѣдительно, что даетъ вѣрное и существенное представление объ эпохѣ. По отношенію къ иностранному читателю, для котораго книга эта и написана такой пріемъ является, можетъ быть, и самымъ правильнымъ: впервые, со времени переворота, это періодъ русскаго прошлаго представленъ ясно и полно. Огромный успѣхъ этой книги въ Англіи является несомнѣннымъ доказательствомъ, что трудъ Б. Пэrsa появился въ нужный моментъ и отвѣчаетъ запросамъ широкихъ культурныхъ круговъ.

Главнымъ достоинствомъ книги являются необычайно яркія и живисныя личныя характеристики, въ которыхъ чувствуется, что Б. Пэрсъ не только ученый и знатокъ Россіи, но видѣлъ живыхъ людей и реальную жизнь тамъ, гдѣ другими были бы представлены только политическіе и историческіе процессы». Николай II, охарактеризованный какъ «жизнос отрицаніе идеи самодержавія», данъ и въ его изящномъ обликѣ, гдѣ нерѣшительность скрыта подъ видомъ мягкости, и въ образѣ полной растерянности, растущей съ нагроможденіемъ трагическихъ событій, и въ его наиболѣе естественномъ состояніи слабого человѣка, когда, послѣ совершившейся катастрофы, онъ и не пытается противиться стухійному ходу событій Александра Федоровна, съ ея превращеніемъ изъ женщины, виновной лишь въ неумѣстной замкнутости и недостаткѣ обязательной любезности, въ фатальную, доминирующую фигуру истерической царицы, очерчена особенно ярко. Съ необычнымъ реализмомъ представленъ Распутинъ — темная, мужичья сила —, уплывающія своей властью надъ барями и надъ самимъ царскимъ домомъ. Но и большинство другихъ фи-

гурь, — министры, общественные дѣятели, полная собственнаго и родового достоинства Марія Павловна-старшая, истерически-растерянный Юсуловъ и болтливый Пуришкевичъ и др., — даютъ своеобразную картину русскихъ «верховъ».

Эпилогъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ потрясающаго по простотѣ и трагичности повѣствованія объ убійствѣ царской семьи, великихъ князей, ихъ близкихъ и слугъ, о личномъ и массовомъ террорѣ, одновременно захватившемъ всю Россію, по своей сжатости и сконцентрированности уже не столько часть книги, сколько вырванный изъ жизни комъ страшныхъ фактовъ. Этотъ синодикъ смертей, отрубая все прошлое Россіи, снимаетъ осужденіе съ проступковъ, совершенныхъ живыми и отводитъ ихъ въ область исторіи. Но людямъ, пережившимъ эту эпоху, немислимо забыть и то, что главой убійства начался новый періодъ русской жизни, отвѣтъ за который тоже кому-то придется дать.

Т. Чернавина.

Еврейскій міръ. Ежегодникъ на 1939 годъ. Изданіе Объединенія русско-еврейской интеллигенціи. Парижъ.

«Мы полагаемъ, что Ежегодникъ, пишутъ его издатели въ предисловіи, содержитъ минимумъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому еврею, чтобы сознательно отнестись къ тѣмъ сложнымъ и трагическимъ явлениямъ, коими полна наша жизнь за послѣдніа десятилѣтія. Нѣтъ также сомнѣній, что онъ найдетъ читателей изъ среды той части русской интеллигенціи, которая, при всемъ отвращеніи къ антисемитизму, часто лишена самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о томъ, какъ живутъ, трудятся, творятъ свою культуру и борются за свои права евреи въ странахъ разсѣянія».

Въ качествѣ читателя, принадлежащаго ко второй изъ указанныхъ выше категорій, я прочелъ эту книгу съ большимъ интересомъ. Въ ней даны обзоры положенія евреевъ въ разныхъ странахъ. Каждой странѣ посвящена очень обстоятельная статья. Есть справочный отдѣлъ, отдѣлъ главнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній. Но, конечно, самымъ интереснымъ является отдѣлъ первый — «очерки и изслѣдованія» — состоящій изъ ряда оригинальныхъ статей, трактующихъ ту или иную сторону проблемы еврейства въ настоящее время или касающихся его исторіи.

Сборникъ Объединенія русско-еврейской интеллигенціи удѣляетъ, естественно, большое вниманіе исторіи и идеологіи этой интеллигенціи, идеологіи, которая въ основномъ обща всѣмъ участникамъ сборника. Этому вопросу посвящены двѣ статьи — С. Дубнова и С. Гинзбурга. С. Гинзбургъ вспоминаетъ, что еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія «Разсвѣтъ» такъ формулировалъ программу, которую пыталась осуществить еврейско-русская интеллигенція. «Жить общей жизнью со всѣми народами, участвовать въ ихъ образованіи и ихъ успѣхахъ, и въ то же время хранить, развивать и совершенствовать

свое особое, национальное достоинство. С. Дубновъ, указывая на значение литературного творчества евреевъ на другихъ (не идши и ивритъ) языкахъ, выражаетъ въ болѣе обобщенномъ видѣ по существу ту же мысль: «Иудаизмъ, какъ совокупность духовныхъ цѣнностей, былъ всегда национальнымъ міросозерцаніемъ съ универсальными потенціями».

Наряду съ историческими изслѣдованіями Ю. Бруцкуса — объ «источкахъ русскаго еврейства»; М. Кроля — о «национализмѣ и ассимиляціи въ еврейской исторіи»; С. Поэнера — о «евреяхъ Литвы и Бѣлоруссіи 125 лѣтъ тому назадъ», и одной философской статьи М. Шварца — о «Германѣ Коленѣ, какъ философѣ иудаизма», есть рядъ статей, посвященныхъ тѣмъ или инымъ сторонамъ теперешняго положенія еврейства: Ст. Ивановича — «Евреи и совѣтская диктатура»; П. Берлина — «Экономическій кризисъ и еврейство»; А. Менеса — «Еврейскій вопросъ въ Восточной Европѣ»; К. Лейтеса — «Основные этапы антисемитской политики Гитлера» и Юзеля — «Германскій расизмъ и мировой антисемитизмъ».

За недостаткомъ мѣста мы не можемъ останавливаться на каждой изъ этихъ обстоятельныхъ и документированныхъ статей. Приведемъ лишь нѣсколько цитатъ изъ статьи Ст. Ивановича, характеризующей положеніе евреевъ въ Совѣтской Россіи: «Въ Совѣтской Россіи перестали угнетать въ человѣкѣ еврея, но зато стали въ еврей такъ угнетать человѣка, какъ этого себѣ не позволяли въ самыя темныя времена національныхъ преслѣдованій. Изобразивъ политику совѣтской власти по отношенію къ евреямъ и еврейскія настроенія въ связи съ нею, Ст. Ивановичъ приходитъ къ такому выводу: «Придши въ еврейскій народъ въ его свободномъ духовномъ творчествѣ, большевизмъ нанесъ великій и страшный ударъ не только русскому еврейству, но еврейству мировому. Поэтому, этотъ режимъ большевизма не только нашъ врагъ — русскіхъ евреевъ, но и врагъ мирового еврейства въ цѣломъ». Поэтому авторъ выражаетъ увѣренность, что «въ содружествѣ всѣхъ остальныхъ народовъ Россіи, русскіе евреи будутъ бороться за русскую свободу, за освобожденіе человѣка, за равенство въ полной мѣрѣ правъ, за истинные идеалы социальной справедливости».

Принято, чтобы въ каждомъ отзывѣ о новой книгѣ были нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу нея. Разумѣется, такія критическія замѣчанія можно было бы сдѣлать и по адресу «Еврейскаго міра». Но всѣ эти замѣчанія касались бы тѣхъ или иныхъ частныхъ промаховъ. Поэтому, хочется закончить эту небольшую замѣтку не ими, а пожеланіемъ инициаторамъ и авторамъ перваго сборника достаточныхъ силъ и возможностей для продолженія столь успѣшно въ общемъ начатаго дѣла

Н. Авксентьевъ.

A. Barmine. Vingt ans au service de l'U.R.S.S. Ed. Albin Michel. Paris. 1939.

В свое время (въ 1937 г.) немало шума наделало сенсационное происшествіе въ совѣтскомъ посольствѣ въ Афинахъ бѣгство и переходъ на эмигрантское положеніе совѣтника посольства А. Бармина, поставленнаго агентами ГПУ передъ угрозой насильственного увоза въ СССР или прямого убійства на мѣстѣ. Теперь, въ появившейся недавно по-французски книгѣ, Б. рассказываетъ о своей службѣ у большевиковъ и о мотивахъ вынужденнаго разрыва съ ними.

Б. — не первый невозвращенецъ среди совѣтскихъ дипломатовъ за границей. Его предшественники, Бесѣдовскій и Дмитріевскій, тоже опубликовали свои мемуары. Книга Бармина отличается отъ писаній этихъ авторовъ бѣльшей своей непосредственностью и, если можно допустить впечатлѣнію, бѣльшей искренностью. Впрочемъ, и случай его совѣтъ ной Бес. и Дм., оба бывшіе лѣвые с—ры, перешли на сторону большевиковъ — послѣ ихъ побѣды — будучи уже политически сложившимися, смѣнивъ для этого «вѣхи». Барминъ же, которому въ моментъ октябрьскаго переворота было всего 16 лѣтъ, принадлежить уже къ поколѣнію по-революціонному. Большевиизмъ, служба партіи и режиму, вѣра въ вождей — для него изначальная стихія, отъ которой ему едва ли удастся когда либо до конца освободиться. Выходяще изъ низшихъ социальныхъ слоевъ, рядовой партизанъ на фронтѣ гражданской войны, поднявшійся до Академіи Ген. Штаба, директоръ крупнаго треста по экспорту и глава торгпредства въ Парижѣ, консулъ въ Персіи и совѣтникъ посольства въ Афинахъ — таковы этапы незаурядной карьеры этого «выдвиженца» Мемуары Б. потому вдвойнѣ интересны: они не только пѣнное показаніе современника о событіяхъ извѣстной исторической эпохи, но и яркая само-характеристика типичнаго, повидимому, представителя молодого большевицкаго поколѣнія, въ значительной мѣрѣ опредѣляющаго сейчасъ духовный обликъ СССР.

Въ книгѣ Бармина не найти излюбленныхъ Бес. и Дм. отвлеченныхъ разсужденій о «термидорѣ», о «національномъ перерожденіи революціи» и пр. Она просто рассказываетъ свою личную біографію и поскольку на протяженіи 20 лѣтъ она тысячами нитей связана съ судьбой совѣтскаго режима въ цѣломъ, безыскусственный разсказъ убѣдительно, чѣмъ надуманныя схемы, рисуетъ природу этого режима. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности богатой по содержанію и поучительной по темамъ книги Б. Она и въ литературномъ отношеніи талантлива, особенно главы, посвященные гражданской войнѣ на Украинѣ, походу Тухачевского на Варшаву, годамъ обученія въ Академіи, авантюрамъ совѣтской власти въ Средней Азіи. Последующія главы, повѣствующія о работѣ въ центральныхъ хозяйственныхъ органахъ СССР, даютъ уничтожающую картину того, что дѣлается за кулисами совѣтскихъ «достиженій». Жуткое впечат-

лѣние производитъ рассказы Б. о встрѣчахъ со многими изъ тѣхъ, кому суждено было въ 1936-1938 г. стать жертвой сталинскихъ расправъ. Факты и событія, которыхъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Б., въ общемъ извѣстны. Но обиліе въ его разсказахъ мелкихъ бытовыхъ и житейскихъ чертъ, личныхъ впечатлѣній, характеристикъ, на основаніи долгаго знакомства, ряда совѣтскихъ сиюминутковъ, необычайно живо передають всю обстановку, особый стиль эпохи, самый воздухъ Совѣтской Россіи. Впечатлѣніе, остающееся отъ книги Бармина: совѣтскій режимъ много хуже, губительнѣе для страны, чѣмъ это представляетъ себѣ даже озлобленное эмигрантское воображеніе. Онъ мертвитъ все вокругъ, растлеваетъ души даже наиболѣе сильныхъ. Неудивительно, что среди самыхъ коммунистовъ растетъ сознание о необходимости сверженія сталинской диктатуры.

Но во имя чего, какого иного, лучшаго порядка вещей могутъ желать сверженія Сталина люди типа Б.? Здѣсь возникаетъ болѣе общая проблема. Въ эмиграціи склонны возлагать превеличныя надежды на оппозиціонныя настроенія среди большевистской молодежи. Въ лицѣ Б. передъ нами, быть можетъ, одинъ изъ лучшихъ представителей этого поколѣнія, — человекъ въ общемъ культурный, съ расширенными, благодаря жизни за границей, кругозоромъ, на опытѣ познавшаго всю мерзость сталинскаго режима. И все же, примѣръ Б. показываетъ, какъ трудно «новому совѣтскому человеку», особенно изъ правшаго слоя, радикально преодолѣть привитую ему большевиками психологию.

Характерно, что, разрывая сейчасъ съ коммунистической партіей, Б. вовсе не отрывается отъ своего прошлаго. О гражданской войнѣ, этомъ первомъ преступленіи большевиковъ передъ Россіей, онъ до сихъ поръ вспоминаетъ съ гордостью, какъ о годахъ героической борьбы за «завоюваніе всего міра для пролетаріата». Сурово осуждая позднѣйшую эпоху большевистскаго владычества, Б. словно не догадывается, что большевизмъ, какъ доктрина и практика, духовно единъ и цѣлостенъ, что Сталинъ лишь послѣдовательно продолжаетъ роковое дѣло Ленина. Потому столько противорѣчій, столько недолуманнаго — или, быть можетъ, недоговореннаго? — въ его попыткахъ какъ то обосновать идеологически свой запоздалый разрывъ съ совѣтской властью. Опредѣляющимъ для его рѣшенія моментомъ явились московскіе процессы. Но человѣчеству, это можно понять — несомнѣнно, самому Б. грозила та же участь, что и большинству его друзей. Но что сказать объ официальномъ мотивѣ его публичныхъ заявленій: онъ, Б., не можетъ долѣе оставаться на службѣ режима, превратившагося (только теперь?) въ «кровавую персональную диктатуру»*), ему, Б., совѣсть больше не позволяетъ «принимать на се-

*) Персональная диктатура Сталина утвердилась по крайней мѣрѣ за 10 лѣтъ до того, на XV-омъ съѣздѣ партіи (1927 г.) и приблизительно тогда же было положено начало кровавымъ расправамъ въ партіи (безсудная казнь члена ЦК Блюмкина въ 1928 г.).

бя ответственность за преступления, ежедневно совершаемые правительством Сталина. Чуть ли не каждое слово в этой мотивировке вызывает недоумение. Много лет занимавший видные посты на советской службе Б. не задумывался в то время думать с властью ответственность за бесчисленные ее преступления против русского народа — массовые расстрелы, концентрационные лагеря, коллективизацию и пр. Почему же только теперь это стало непосредственным делом его совести? Коллективная диктатура всей коммунистической партии было в свое время не менее кровавой, по крайней мере в отношении русского народа. И уж наверняка ему, этому народу, вполне безразлично, кто льет его кровь и держит в рабстве, партия ли в целом, или один Сталин «персонально». Не безразлично это только для партийцев, особенно с тех пор, как Сталин методы террора перенес в партию и привилегированная каста перестала быть неприкосновенной. Принадлежность к этому привилегированному, выигравшему от революции слою мешает, видимо, Б. сохранить объективность в оценке разных сторон режима. Он страстно негодует, когда дело идет о распризах над партиями и самонамиками — и в то же время в своей книге как безучастно проходит мимо гибели миллионов и неслыханных мучений всего русского народа. Он вкряки, что в колхозах крестьяне «богатеют», а в концлагеря и ссылки попадают «кулаки», он считает, что НЭП была опасной ошибкой, и что движение народных масс против советской власти это «контр-революция» и т. д.

Не нам выступать суровыми обличителями советской молодежи, даже коммунистической, зная, в каких невозможных для здоровья развития условиях она растет «Я принадлежал к поколению, — свидетельствует Б., — не знавшему никаких иных идей, иных доктрин и убеждений, кроме большевизма; я ни о чем другом и не слышал, будучи убежден, что мы обладаем самодостаточной и последней истиной». В этом не вина, а беда всего по-революционного поколения, а вместе с ним и России ибо на его долю выпадает и залечивать раны, нанесенные русскому народу советским режимом. Оно сейчас на распутии, его оппозиционность носит еще половичный характер, но жизнь сейчас не учит только слепых и глухих. Лишь решительно порвав с большевизмской традицией в самых ее основах, люди этого поколения смогут вернуть Россию на путь общечеловеческой культуры, равного для всех права и всеобщей свободы.

В. Руднев.

Hermann Rauschnig. La Révolution du Nihilisme. Trad. de Pallemant. Ed. Gallimard. Paris. 1939.

Имя немецкого писателя-эмигранта Г. Раушнинга пользуется сейчас мировой известностью. Его книги «Революция нигилизма» (1938) и «Мои беседы с Гитлером» (1939) переведены на множество язы

ковъ, и ихъ необычайный успѣхъ вполнѣ заслуженъ. Объ онѣ, въ особенности первая, «Революція нигилизма», представляютъ огромный интересъ, — и не только по личности автора, еще недавно виднаго нац.-соц. дѣятеля, принадлежавшаго къ ближайшему окруженію Гитлера, председателя сената въ Данингѣ. Исключительная цѣнность работъ Р въ глубокомъ, безстрашно доводимомъ до послѣднихъ выводовъ изслѣдованіи духовнаго состоянія гитлеровской Германіи.

Какова собственная политическая позиція самого Р? По происхожденію крупный аграрій изъ Восточной Пруссіи, Р. по своимъ убѣжденіямъ принадлежитъ къ консервативному лагерю. Какъ известно, дѣятелямъ именно этого лагеря, врагамъ веймарской республики, Папену, Гугенбергу, Шахту и др., принадлежитъ инициатива передачи всей власти Гитлеру въ 1933 г., въ расчетѣ, что талантливый демократъ и волевой человекъ сумѣетъ справиться съ коммунистической опасностью въ странѣ — а кстати и съ демократическимъ режимомъ, возстановить военную мощь Германіи, но все же останется въ рамкахъ ея исторической традиціи. Р. раньше другихъ своихъ единомышленниковъ понялъ, какой роковой ошибкой, съ точки зрѣнія подлинныхъ интересовъ Германіи, была циническая «комбинація» 1933 г. Гитлеръ оказался вовсе не національнымъ вождемъ нѣмецкаго народа и посланникомъ орудіемъ буржуазныхъ націоналистовъ, а демоническимъ вождемъ плебса, черни, сознательно разнуздывающимъ ея низменные страсти, новымъ Катилиной Третій Рейхъ не этапъ къ возрожденію Германіи, а сталія глубокаго разложенія ея — таковъ основной тезисъ книги «Революція нигилизма». Этотъ тезисъ Р. подкрѣпляетъ яркими характеристиками дѣйствующихъ въ современной Германіи силъ и блестящимъ культурно-философскимъ анализомъ духовной сущности гитлеризма.

Въ центрѣ всего движенія нац.-соц. съ его страшнымъ динамизмомъ, стоитъ, конечно, «вождь». Гитлера никто и ничто замѣнить не можетъ, — онъ одинъ одаренъ магической силой, способной двигать массы. Въ ореолѣ, вокругъ него создано, несомнѣнно много искусственнаго, организованной рекламы, техники свѣтовыхъ эффектовъ, «энтузіазма» по командѣ и пр. И все же, главное не въ этомъ. Гитлеръ лично обладаетъ необычайной силой внушенія онъ — медиумъ революціи, вѣра массъ въ него носитъ почти экстазическій характеръ. Въ натурѣ самого Гитлера странная двойственность: фанатикъ, визионеръ, онъ въ то же время трезвый реалистъ въ политикѣ, гениальный тактикъ. Люди этого типа (къ нимъ несомнѣнно принадлежатъ и Ленинъ), у которыхъ, при полной аморальности, все ихъ богатое воображеніе направлено исключительно на разрушеніе, нерѣдко сочетаютъ маниакальную одержимость съ холоднымъ расчетомъ и даромъ угадыванія слабыхъ мѣстъ враждебнаго имъ порядка вещей.

Каковы же цѣли Гитлера, въ чемъ заключается его идеологія? Р. категорически утверждаетъ, что никакой идеологіи у Гитлера и его окруженія давно уже нѣтъ. «Mein Kampf» устарѣлъ и не отражаетъ

теперешних устремлений вождя. Из двух аспектов нац.-соц. движения момент национальный, и даже расовый, все больше отступает перед моментом революционно-разрушительным, лишенным какого бы то ни было творческого содержания. Официальная националистическая идеология предназначена лишь для масс, — партийная элита не связана никакой программой, никакими принципами, она обязана лишь слепым повиновением вождю и готовностью идти для него на любое преступление. Сохранение власти стало самоцелью для Гитлера и ей подчинена вся проводимая им политика. Методы Гитлера, убивающие живую душу народа, и есть самое страшное в гитлеризме. Холодная, рассчитанная жестокость гитлеровского террора, возведенная в принцип управления, концлагери и подвалы Гестапо, все проникающее шпионство и доносительство, грубая ложь, разложение семьи, еврейские погромы и гонение на христианство — все это имеет целью разрушить самые основы человеческого общежития, превратить народ в аморфную массу, слепое орудие абсолютного деспотизма.

Методы внутренней политики — презрение к духовным ценностям, обман, грубое насилие и террор — переносятся и в международные отношения. «Я готов гарантировать любые границы, заключить договоры о ненападении с кем угодно. Готов со спокойной совестью сегодня подписывать договоры, с тем чтобы завтра кровно нарушать их завтра», говорил Гитлер Р. — у, как бы предсказывая будущия свои предательства в отношении Австрии, Чехословакии, Польши. Главы книги Р., посвященные внешней политике гитлеризма, сейчас, в связи с начатой Гитлером войной, приобретают особый интерес. Не одно только возвращение Германии к границам 1914 г., а установление деспотической ея гегемонии в Европе — ближайшая задача Гитлера. Вокруг мощной Германии должны быть принудительно объединены на положении вассалов государства северной, восточной и центральной Европы, к Германии должны отойти отторгнутая от Франции и Бельгии территории. Это взорвет Европу, географически и духовно, разрушит ее единство историческое, политическое и экономическое. Тогда, после исчезновения Европы, наступит очередь Англии, России. На первых порах это будет договор о новом, в интересах Германии, раздѣлѣ мира. Но Германия, выступающая всегда во имя равенства прав для себя, не допустит его для других. И конечная цель Гитлера — Германия как единственная империя мирового.

Мы не будем здесь излагать в подробностях грандиозные мировые планы Гитлера, где фантастика перемешана с трезвым учетом реально существующих возможностей. Упомянем лишь о замысле Гитлера в отношении России, — он остается в полной силе, несмотря на заключение германо-советского союза, а быть может именно благодаря ему. Огромная пространства России, ее неисчерпаемая природная богатства издавна, еще в эпоху работы над «Mein Kampf», представлялись Гитлеру естественным «жизненным

пространством» для экспансии Германии. Поэтому Россия, в силу многонационального состава ее населения, объявляется государством «искусственнымъ», лишеннымъ собственной имперской идеи. Здѣсь должно быть применено исключительное средство — «прямо изродить на свободное самоопредѣленіе» в первую очередь на Украинѣ, и расчлененная такимъ образомъ Россія должна постепенно по частямъ быть поглощена Германией *).

Сейчасъ, когда Гитлеръ фактически приступилъ къ осуществленію своихъ плановъ и зажечь пожаръ европейской войны, естественно возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ въ этой безумной политикѣ за Гитлеромъ стоитъ весь германскій народъ. Несомненно, это было такъ, пока Гитлеръ велъ борьбу за освобожденіе Германии отъ Версальскаго договора. Но теперь, когда онъ перешелъ къ чисто империалистическимъ захватамъ? Свидѣтельства Р. на этотъ счетъ противорѣчивы. Р. утверждаетъ, и мы охотно этому вѣримъ, что «нѣмекій

*) Болѣе подробно о русскихъ планахъ Гитлера рассказано, съ его словъ, во второй книгѣ Раушнингга, «Бесѣды съ Гитлеромъ». Въ виду знаменательности заявленій Гитлера, приводимъ выдержки изъ нихъ текстуально. Еще весной 1934 г., т. е. въ разгаръ анти-коммунистической кампаніи противъ «сраженныхъ большевизмомъ» западныхъ демократій, Гитлеръ говорилъ Раушнинггу: «Быть можетъ мнѣ не удастся избѣжать союза съ Россіей. Но я храню эту возможность, какъ мой послѣдній козырь. Эта партія въ покеръ будетъ, быть можетъ, рѣшающимъ актомъ въ моей жизни; но не слѣдуетъ пока объ этомъ болтать зря.. Если я когда либо рѣшу поставить ставку на Россію, ничто не побѣждаетъ мнѣ сдѣлать еще разъ поворотъ и навалъ на нее, когда мои цѣли на Западѣ будутъ достигнуты. Навиwo воображать, что мы будемъ продолжать наше восхожденіе къ конечной цѣли идя по прямой линіи. Мы будемъ, по мѣрѣ надобности, мѣнять фронты, и не только фронты военные. Но, пока что, останемся при официальной доктринѣ и будемъ видѣть въ большевизмѣ нашего смертельного врага... Главной цѣлью, какъ и въ прошломъ, попрежнему остается уничтоженіе разъ навсегда угрозы со стороны империализма панславистскихъ массъ. Германия не можетъ расширяться и увеличиваться при давленіи со стороны этихъ массъ... Ничто не можетъ предотвратить рѣшительное столкновение между духомъ германскимъ и духомъ панславизма, между расой и массой. Ихъ раздѣляетъ пропасть, которую никакая общность интересовъ не можетъ заполнить. Необходимо, чтобы іерархія господъ подчинила себѣ безформенную массу рабовъ. Мы единственный народъ, способный создать великую континентальную державу, но дѣйствуя силой, а не заключая союзы съ Москвой. Эту послѣднюю партію мы будемъ играть, и мы ее выиграемъ. Побѣда откроетъ намъ двери къ мировой гегемоніи. Это не значитъ, что я не продѣлаю часть пути вмѣстѣ съ русскими, если это будетъ намъ выгодно: но съ твердымъ рѣшеніемъ при первой же возможности вернуться къ нашей главной цѣли». (*H. Rauschnig, Hitler m'a dit. Ed. Cooperation. Paris, 1939. pp. 149-156.*)

народъ, наследникъ западно-европейской христіанской культуры, самъ жестоко страдающій отъ режима насилія, не можетъ сочувствовать поработенію огнемъ и мечемъ другихъ народовъ. Но слишкомъ упрощено и представлено, что Гитлеръ опирается только на подонки націи Р. самъ указываетъ, что во вліятельныхъ буржуазныхъ кругахъ, военныхъ, промышленныхъ, интеллигентскихъ, — тѣхъ, въ которыхъ еще въ старой Германіи были популярны милитарно-империалистическія идеи Рорбаха, Трейчке и др., — даже крайніе методы проводимой Гитлеромъ внѣшней политики встрѣчаютъ полное сочувствіе.

Это относится прежде всего къ командованію рейхсвера. Ошибочно, утверждаетъ Р., представленіе о рейхсверѣ какъ о силѣ консервативной, сдерживающей Гитлера. Участіе арміи въ «комбинаціи» 1933 г., отдавшей Германію во власть Гитлеру, не случайно. Изъ популярныхъ въ арміи идей Людендорфа о тотальной войнѣ логически вытекаетъ не только внѣшняя, но и внутренняя политика режима. Война, по Людендорфу, — естественное состояніе человечества, высшее выраженіе и полнота жизни націи. Поскольку войну въ настоящее время больше нельзя вести не вовлекая въ нее народныя массы, тотальной войнѣ должна соответствовать и тотальная политика, перевоспитывающая въ надлежащемъ духѣ всю націю. Всякая индивидуальная и социальная дѣятельность оправданы лишь въ той мѣрѣ, въ какой они готовятъ къ войнѣ, — христіанская мораль, независимая мысль, гражданская и политическая свобода этому только мѣшаютъ и должны быть отброшены. Грандіозные расходы на перевооруженіе тоже привели къ необходимости глубокихъ измѣненій и въ народно-хозяйственной системѣ Германіи, въ духѣ потицейскаго «прускаго социализма». Вся программа и методы Третьяго Рейха могутъ быть полностью выведены изъ необходимости тотальной мобилизаціи для войны.

О роли въ финансированіи нац.-соц. движенія крупныхъ промышленниковъ, въ томъ числѣ недавно бѣжавшаго изъ Германіи Тиссена, достаточно извѣстно. Р. цитируетъ имена и ряда ученыхъ (проф. Банзе, Класси, Цереръ и др.), которые возвели въ систему зоологическіе принципы нац.-соц., придавъ имъ наукообразную форму. Но подлиннымъ идеологомъ нац.-соц. движенія является проф. Рацгоферъ, глава такъ наз. геополитической школы въ нѣмецкой наукѣ. «Философія» Рацгофера необычайно характерна для духовнаго уровня ученой среды въ Германіи. Въ мирѣ царитъ лишь біологическій законъ безплодной борьбы за существованіе, все остальное — вылачка и бредни. Сильный естественно подавляетъ слабого или уничтожаетъ его. Границы между государствами создаются въ результатѣ воли къ борьбѣ у народовъ, — движущей силой, способной взорвать миръ, является ростъ населенія. Германія, молодая, растущая и полная энергіи нація, не находящая въ своихъ границахъ достаточно жизненнаго пространства, должна получить его за счетъ другихъ народовъ. Малыя государства осуждены утратить свою независимость, уже и теперь фиктивную, и свои слишкомъ обширныя колоніи. Миръ подлежитъ радикальному

передѣлу, въ интересахъ нашей «пролетарскихъ», за счетъ «плутократій» Англія, съ утратой своего былого динамизма, потеряла право на мировую гегемонию. Франція — умирающая физически и политически страна, второстепенное государство на периферіи Европы. Она неспособна къ борьбѣ и вынуждена будетъ капитулировать. Необъятная Россія подлежитъ расчлененію. Нѣмцы — избранный народъ, раса господъ, съ предопредѣленной ей на вѣка миссіей. Они берутъ на себя управление міромъ.

Надо только поражаться, съ какой цинической откровенностью гѣмцы сами предупреждаютъ человечество объ уговаиваніи ему участи. Опасность, нависшая надъ міромъ, дѣйствительно огромна и вполне реальна — судьба Чехословакіи и Польши тому свидѣтельство. Въ войнѣ, которую сейчасъ демократическія державы вынуждены вести противъ гитлеровской Германіи, болѣе чѣмъ когда либо идетъ вопросъ о судьбѣ всего міра, его христіанской и гуманистической культуры. Надо надѣяться, однако, что нѣмецкіе империалисты и на этотъ разъ просчитаются въ своей вѣрѣ въ непогрѣшимую «научно» разработанныхъ методовъ грубаго властвованія. Ошибочна въ корнѣ сверхъ-материалистическая философія, сводящая всю природу человѣка къ началамъ зоологическимъ, отрицающая значеніе цѣнностей духовныхъ. Пусть несовершенна человѣческая природа, пороченъ во многомъ современный международный порядокъ. Но не насиліемъ и рабствомъ враждуетъ зло міра, а свободнымъ, мирнымъ развитіемъ народовъ къ лучшему будущему. Въ утвержденіи этого — правда Англіи и Франціи въ завязавшей не въ жизнь, а на смерть борьбѣ съ гитлеризмомъ.

В. Рудневъ.

S. Osnsky. La Tchecoslovaquie renait. Ed. « Notre Combat », 1939.

Передъ нами небольшой, но весьма содержательный докладъ о современномъ положеніи въ оккупированной нѣмцами Чехословакіи, авторъ его — видный дѣятель чехословацкаго возрожденія Ст. Осу-скій, посолъ Чехословакіи въ Парижѣ. Докладъ написанъ въ очень сдержанныхъ тонахъ, въ немъ сообщаются, почти безъ комментаріевъ, одни факты, но они говорятъ сами за себя. — Уже сразу послѣ Мюнхена дѣйствія нѣмцевъ въ Чехословакіи неизмѣнно идутъ подъ знакомъ грабежа и террора. Захвачено все снаряженіе чехословацкой арміи, ограбленъ государственный банкъ, присвоены путемъ особыхъ комбинацій крупнѣйшіе частные банки и зависѣвшія отъ нихъ промышленныя предпріятія, расхищены художественныя сокровища изъ національныхъ музеевъ. Производятся многочисленные аресты, около 80.000 чел. отправлены въ конц лагерь. Подъ лозунгомъ «свободы самоопредѣленія народовъ» совершено расчлененіе Чехословакіи. Упразднены или сведены къ фикціи законодательныя и административныя учрежденія. Для нѣмцевъ созданы особыя права и привилегіи. Нѣмецкій языкъ объявленъ господствующимъ. Введены законы противъ евреевъ. Возстановлены права нѣмецкихъ помѣщиковъ на

земли, отошедния къ крестьянамъ въ силу аграрной реформы. Конфискуются земли у чешскихъ крестьянъ въ пользу пришедшихъ изъ Германіи имѣльцевъ. Въ широкихъ размѣрахъ практикуется принудительная отправка чешскихъ рабочихъ въ Германію, уже къ октябрю 1939 г. число ихъ достигало 1.750.000. Съ немалой жестокостью проводится германизация въ области культурной. Уничтожены свободы слова и печати. Тысячи чешскихъ учителей замѣнены лѣтнами, передѣлываются въ угольномъ для «господа» духѣ учебники по исторіи, изъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ изъяты произведенія писателей, воспитывавшихъ національное чувство. Запрещено исполненіе патриотическихъ пьесъ, національнаго гимна и пр.

Такъ ведетъ себя «избранная раса», претендующая на міровое господство, въ странѣ, съ которой она даже не выходитъ въ состояніи войны. Но грубая сила не властна надъ духовно несомлевающимъ народомъ. Борьба, имѣющая уже трехлѣтнюю давность, продолжается, все съ той же крѣпкой вѣрой чешскаго народа въ завѣтъ Гуса, что въ концѣ концовъ «справда побѣдитъ» Чехословакія, принесенная въ жертву иллюзіи сохраненія мира въ Европѣ въ сентябрѣ 1938 года, будетъ, съ побѣдой демократическихъ державъ, восстановлена во всѣхъ своихъ законныхъ правахъ.

В. Р.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Новая Россія. № № 71-79 Парижъ. 1939-1940. — Путь. № 60. Парижъ. 1940. — Русскія Записки. Кн. XX-XXI Парижъ. 1939. — Третья Россія. № 9. Парижъ. 1939. — Соц. Вѣстникъ. № № 17-24. 1939 г. № № 1-5 1940 Парижъ. — П. Бицилли. Пушкинъ и Вяземскій. Къ вопросу объ источникѣ пушкинскаго творчества. Софія 1939. — М. Бородинъ и Р. Блохъ. Завѣты Слнхи. Изданіе Петрополиса. 1939. — Ва. Крымовъ. Въ царствѣ дураковъ. Изданіе Домъ Книги. 1939. — С. Лифаръ. Дягилевъ и съ Дягилевымъ. Изданіе Домъ Книги. Парижъ. 1939. — О. Кугушева. Волчья свора. Рус. Нап. Изд. Берлинъ. 1939. — С. Максимовъ. Чудо Рюмьяна. Романъ. Изд. Петрополись. 1939. — А. Гефтеръ Игорьъ и Марина. Романъ. Изд. Петрополись. 1939. — Л. Гомольскій. Аріонъ. О новой зарубежной поэзии. Парижъ. 1939. — К. Мочульскій. Великіе русскіе писатели XIX в. — В. Унковскій. Андрей Клипскій. Романъ. Парижъ. 1940. — Д. Чикевскій. Гегель въ Россіи. Изд. Совр. Зап. и Домъ Книги Парижъ. 1939.

Puszkin, 1837-1937. Юбилейный сборникъ статей (по-польски) въ двухъ томахъ подъ ред. проф. А. Ледницкаго. Краковъ. 1939. — *Pierre Pascal.* Awakum et les débuts du raskol. Paris. 1938. — *V. Iakovenko.* Dejiny Ruské Filozofie. Praha. 1939. — *A. Russinow.* Auf der Suche nach Russland. Leipzig. 1939. — *Bernard Parf.* The Fall of the Russian Monarchy. London. 1939. — *V. Agafonoff.* Les sols de Tunisie. Paris. 1939. — *E. Gagarin.* Der verwehnte Weg. Novellen. München. 1939. — Prof. V. Totomianz. 40 Jahre im Dienste

Общественно-политический и литературный журнал

21-й годъ
изданія

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

21-й годъ
изданія

основанный Н. Д. Ахсентьевымъ, Н. И. Бунаковымъ, М. В. Вильямомъ,
А. И. Гукскимъ (†), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія. М. Алданова, Л. Андреева, Н. Берберовой, И. Бунина, А. Бѣлаго, Б. Вышеславцева, Г. Газданова, Г. Гребенщикова, Г. Евангулова, Е. Замятина, Л. Зурова, Б. Зайцева, М. Иванникова, Г. Иванова, А. Куприна, Л. Мерзжковского, С. Минцлова, П. Муратова, М. Осоргина, Г. Пескова, А. Ремизова, В. Сирина, Д. Скобцова, Ф. Степуна, И. Сургуцева, Б. Темирязева, гр. А. Толстого, В. Федорова, С. Федорченко, Ю. Фельзена, Е. Чирикова, И. Шмелева, С. Юшкевича, В. Яновскаго и др. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Бунина, М. Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппюсъ, И. Голенищева-Кутузова, А. Головиной, В. Злобина, Вяч. Иванова, Г. Иванова, Д. Кнута, Г. Кузнецовой, А. Ладинскаго, Ю. Мандельштама, Н. Оцула, В. Поллавскаго, С. Прегель, А. Присмановой, В. Смоленскаго, Ф. Сологуба, Ю. Софьева, Ю. Терапиано, Тэффи, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Э. Чегринцевой, Л. Червинской, А. Штейгера и др. — Дневники и воспоминанія: И. Билибина, Е. Брешковской, Н. Ге, А. Герцена, О. Грузенберга, Е. Джанумовой, кн. П. Долгорукова, К. Ельцовой, В. Зензинова, С. Лифара, А. Керескаго, В. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. Полнера, И. Рѣпина, Ал. Толстой, Льва Толстого, кн. О. Трубецкой, О. Фельтгейма, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, А. Циллиги, Ф. Шалашина, кн. С. Шербатова и др. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философіи, политики, экономическимъ и социальнымъ: Н. Ахсентьевъ, Г. Адамовича, М. Алданова, А. Бема, Н. Бердяева, П. Бишлти, М. Брайкевича, Б. Бруцкуса, В. Булгакова, И. Бунакова, В. Вейдле, П. Виноградова, М. Вишняка, В. Воловцова, кн. С. Волконскаго, В. Войтинскаго, Б. Вышеславцева, М. Гершензона, С. Гессена, В. Гефдингга, З. Гиппюсъ, Н. Головина, М. Гофмана, К. Грюнвальда, А. Гуковскаго, К. Гукевича, Р. Гуля, Г. Гурвича, Ю. Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Дюнео, В. Ельяшевича, С. Загорскаго, С. Завадскаго, Л. Зайцева, В. Зѣновскаго, А. Изюмова, Ст. Ивановича, С. Иванова, Л. Каравина, А. Карташева, С. Карцевскаго, К. Качаровскаго, А. Керенскаго, А. Кизеветтера, С. Кобякова, А. Койранскаго, И. Кологривова, В. Короленко, С. Корфа, А. Крайняго, К. Крофты, Н. Кульмана, Е. Кусковой, А. Левинсона, З. Ленскаго, А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. Лосскаго, С. Лурье, А. Мандельштама, С. Маслова, С. Мельгунова, Н. Мельниковой-Папоушекъ, С. Метальникова, П. Милюкова, Н. Минскаго, А. Михельсона, К. Мочульскаго, П. Муратова, В. Мякотина, С. Николаева, Б. Николаевскаго, бар. Б. Нольде, Д. Одянца, М. Осоргина, Я. Папоушекъ, П. Пильскаго, А. Пѣшехонова, Ю. Рапорта, Ф. Родичева, М. Ростовцева, В. Руднева, Л. Сабанѣева, С. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святопольскъ-Мирскаго, П. Сорокина, Ф. Степуна, Н. Тимашева, Н. Ульянова, Г. Федотова, Г. Флоровскаго, И. Хераскова, М. Цвѣтаевой, М. Щетлина, Т. Чернавной, Д. Чижевскаго, А. Чупрова, С. Шермана, Л. Шестова, Б. Шлецера, Е. Юрьевскаго и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 35 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

6, Rue Daviel, Paris (XIIIe).

Téléphone: Gobelins 48-87

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant Chaillet.